

Бернард Корнуэлл

Bernard Cornwell

МЯТЕЖНИК

САГА О НАТАНИЭЛЕ СТАРБАКЕ

перевод с английского - группа „Исторический Роман“

Annotation

Лето 1861 года. В Америке армии Севера и Юга находятся на грани гражданской войны.

Натаниэль Старбак, брошенный своей девушкой и изгнанный из семьи, прибывает в столицу Конфедерации Юга, где вступает в ряды элитного подразделения, которое набирает богатый и эксцентричный Вашингтон Фалконер.

Вступив в легион Фалконера, Старбак становится парнем с севера, сражающимся на стороне юга. Но ничто не может подготовить его к шокирующей жестокости войны, которая разделила Америку на две части.

Переводчики: группа «Исторический роман» (http://vk.com/translators_historicalnovel), 2014 г.

Над переводом работали: gojungle, david_hardy, Scavenger, Elena_Panteleeva, Oigene, Karmishina, Sam1980(Schneider) и Anastasia_N.

Редакция: Sam1980(Schneider), gojungle, Oigene и Elena_Panteleeva.

Бернард Корнуэлл

Мятежник

Часть первая

Глава первая

Молодой человек был пойман в ловушку в верхнем конце Шокоу-Слип, пока толпа собиралась на Гарри-стрит.

Юноша чувствовал волнение, витавшее в воздухе, и попытался избежать его, нырнув в переулок позади табачной лавки Кэрра, но привязанный там сторожевой пес бросился на него, заставив отойти к крутому мощеному проходу, где его обступила толпа.

— Куда-то направляетесь, мистер? — заговорил с ним мужчина.

Юноша кивнул, но ничего не сказал. Он был молод, высок и худощав, с длинными темными волосами и чисто выбритым, с тонкими и резкими чертами красивым лицом, хотя сейчас оно было угрюмо от бессонницы.

Кожа его была болезненно землистого цвета, на ней резко выделялись глаза, такие же серые, как и покрытое туманом море у Нантакета, где жили его предки.

В одной руке он нес кипу книг, перевязанную пеньковой веревкой, а в другой саквояж со сломанной ручкой. Одежда на нем была хорошего качества, но грязной и изношенной, как у человека, сидящего на мели.

Он не выказывал страха перед толпой, казалось, наоборот, смирился с ее враждебностью, как с еще одним крестом, который должен был нести.

— Вы слышали новости, мистер? — обратился к нему представитель толпы, лысый человек в грязном переднике, вонявшем кожаной мастерской.

Юноша опять кивнул. Ему не надо было спрашивать, что это были за новости, только одно событие могло вызвать такое волнение на улицах Ричмонда. Форт Самтер пал, и эти новости, надежды и боязнь гражданской войны витали по американским штатам.

— Так откуда ты? — требовательно спросил человек, схватив юношу за рукав, намереваясь добиться от него ответа.

— Убери от меня свои руки! — разозлился молодой человек.

— Я вежливо тебя спросил, — сказал лысый человек, но все же отпустил рукав юноши.

Юноша попытался увернуться, но толпа быстро собралась вокруг него, и он был вынужден отойти назад через улицу к заброшенному отелю «Колумбия», где к чугунным решеткам, защищавшим нижние окна отеля, был привязан пожилой мужчина в приличной, хотя и потрепанной одежде.

Молодой человек еще не был пленником толпы, но он не был и свободен, пока каким-либо образом не удовлетворил бы их любопытство.

— У тебя есть документы? — прокричал ему в ухо другой человек.

— Потерял дар речи, сынок? — от дыхания вопрошавших несло запахом виски и табака. Юноша сделал еще одну попытку пробиться сквозь ряды преследователей, но их было слишком много, и он был не в силах помешать им прижать его к коновязи на тротуаре у отеля.

Было утро теплого весеннего дня. Небо было безоблачным, хотя темный дым от чугунолитейных заводов Тредегара, мельниц Галего, печного завода Азы Снайдера, табачных фабрик, литейного цеха Талботта и городского газового завода создавал завесу вокруг сияющего солнца.

Темнокожий возница, ведущий пустую повозку с верфей Самсона и литейного завода Пая, безучастно смотрел с козел. Толпа остановила возницу, поворачивающего со стороны Шокоу-Слип, но мужчина был слишком благоразумен, чтобы возражать.

— Откуда ты, парень? — лысый кожевник приблизил к юноше свое лицо. — Как тебя зовут?

— Не твое дело.

Сказано это было вызывающе.

— Тогда мы узнаем!

Лысый схватил связку книг и попытался вырвать их. После нескольких мгновений бесплодной борьбы потерявшая веревка, державшая книги, порвалась, и они рассыпались по мостовой.

Лысый рассмеялся над происшедшим, а юноша ударил его. Это был хороший крепкий удар, который вывел лысого из равновесия, так что он качнулся назад и едва не упал.

Кто-то заплодировал юноше, восхищаясь силой его духа. В толпе было около двухсот человек и еще приблизительно пятьдесят зевак, которые уклонялись от действий, но подбадривали толпу.

Сама толпа скорее была озорной, чем грозной, похожей на детей, неожиданно получивших каникулы. Большинство людей было в рабочей одежде, показывая этим, что они использовали весть о падении Форты Самтера как предлог, чтобы покинуть свои лавки, станки и прессы.

Толпе нужно было что-то возбуждающее, и странствующие северяне, пойманные на городских улицах, вполне могли доставить им сегодня это удовольствие.

Лысый человек потерял свое лицо. Он уронил достоинство перед своими друзьями и жаждал мести.

— Я задал тебе вопрос, парень.

— И я сказал, что это не твое дело, — юноша пытался подобрать свои книги, хотя две или три из них уже были украдены. Пленник, привязанный к оконным решеткам отеля, молча наблюдал.

— Так откуда ты, парень? — спросил его высокий человек, но с примирением в голосе, словно он собирался дать юноше возможность избежать опасности, не уронив достоинства.

— Из Фалконера, — юноша услышал и принял эту ноту примирения. Он догадывался, что толпа приставала и к другим незнакомцам, и что они были допрошены и отпущены, и если он сумеет держать себя в руках, то, возможно, его тоже пощадят, какая судьба ни ожидала бы пожилого человека, привязанного к решеткам.

— Из Фалконера? — переспросил высокий.

— Да.

— Как тебя зовут?

— Баскервиль, — он только что прочел это имя на вывеске магазина на другой стороне улицы —

«Бэйкон и Баскервиль», гласила табличка, и юноша с облегчением ухватился за это название.

— Натаниэль Баскервиль, — он приукрасил эту ложь своим настоящим именем.

— Ты не похож на виргинца, Баскервиль, — сказал высокий.

— Я был усыновлен, — его словарь, как и другие книги, которые он нес, выдавали в нем образованного молодого человека.

— Так что ты делаешь в округе Фалконер, парень? — спросил его другой человек.

— Я работаю на Вашингтона Фалконера, — и опять молодой человек говорил вызывающе, надеясь, что это имя послужит ему защитным талисманом.

— Лучше отпустить его, Дон! — выкрикнул мужчина.

— Оставьте его в покое! — вмешалась женщина. Ее не интересовало то, что парень заявлял о покровительстве одного из самых богатых землевладельцев Виргинии; скорее, она была тронута страданием в его глазах, как и тем несомненным фактом, что пленник толпы был очень привлекателен. Женщины всегда обращали внимание на Натаниэля, хотя сам он был слишком неопытен, чтобы осознавать их интерес.

— Ты янки, парень, не так ли? — вызывающе спросил высокий человек.

— Уже нет.

— Давно ли ты в округе Фалконер? — опять спросил высокий.

— Довольно давно, — ложь становилась бессвязной. Натаниэль никогда не бывал в округе Фалконер, хотя встречался с его богатейшим жителем, Вашингтоном Фалконером, чей сын был его лучшим другом.

— Так какой город находится на полпути отсюда до Фалконера? — требовал от него ответа кожевник, все еще полный желания отомстить.

— Отвечай ему! — повысил голос высокий. Натаниэль молчал, выдавая этим свое незнание.

— Он лазутчик! — выкрикнула женщина.

— Ублюдок! — кожевник быстро перешел к атаке, попытавшись ударить Натаниэля, но юноша заметил его движение и отступил в сторону. Он обрушил кулак на лысого, заехав тому в ухо, затем другой рукой пнул по ребрам.

С таким же успехом можно было бить свиную тушу, всё без толку. Дюжина рук колотила Натаниэля, один кулак попал ему прямо в глаз, другой разбил нос, отбросив его назад к стене отеля.

Его саквояж был украден, книги растащены, и теперь какой-то мужчина распахнул его пальто и вытащил бумажник. Натаниэль пытался остановить кражу, но был беспомощен перед лицом слишком многочисленных противников.

Его нос кровоточил, глаз заплыл. Темнокожий возница безучастно наблюдал и никак не отреагировал, даже когда с дюжину мужчин отобрали его повозку и заставили его спрыгнуть с козел.

Люди взобрались на повозку и крикнули, что направляются на улицу Франклина, где бригада чинила дорогу. Толпа расступилась, чтобы дать повозке место развернуться, в то время как возница, на которого никто не обращал внимания, прокладывал себе путь к краю толпы, чтобы выбраться на свободу.

Натаниэля привязали к решеткам окна. Его руки были просунуты поперек острых концов решетки и привязаны к железной клетке. Он смотрел, как одну из его книг швырнули в канаву, с разорванным корешком и разлетающимися листьями. Толпа разодрала его саквояж, но не нашла ничего ценного, кроме

бритвы и еще двух книг.

— Откуда ты? — пожилой человек, товарищ Натаниэля по заточению, вероятно, был очень достойной персоной, прежде чем глумливая толпа притащила его к ограде. Он был представительным, лысеющим мужчиной в дорогом черном пиджаке из темного сукна.

— Я приехал из Бостона, — Натаниэль пытался не замечать пьяную женщину, которая с издевкой приплясывала перед ним, размахивая бутылкой. — А вы, сэр?

— Из Филадельфии. Я собирался пробыть здесь только пару часов. Оставил свой багаж на железнодорожном вокзале и подумал, что стоит осмотреть город. Я интересуюсь церковной архитектурой, понимаете ли, хотел увидеть епископальную церковь Святого Павла, — мужчина печально покачал головой, затем вздрогнул, снова посмотрев на Натаниэля. — У тебя разбит нос?

— Не думаю.

Кровь, капавшая из ноздрей, была солоновата на вкус.

— У тебя будет редкостный синяк, сынок. Но мне понравилось, как ты дрался. Могу ли я спросить тебя о роде твоих занятий?

— Я студент, сэр. В Йелльском колледже. Или был студентом.

— Меня зовут доктор Морли Бэрроуз. Я дантист.

— Старбак. Натаниэль Старбак. Натаниэль не видел никакой необходимости скрывать свое имя от собрата по заточению.

— Старбак! — дантист повторил имя с оттенком уважения. — Вы родственники?

— Да.

— Тогда молюсь, чтобы они не обнаружили этого, — мрачно проговорил дантист.

— Что они собираются с нами сделать? — Старбак не мог поверить тому, что он в серьезной опасности. Он был в самом центре американского города при свете дня. Рядом были констебли, судьи, церкви, школы! Это Америка, а не Мексика или Китай.

Дантист потянул свои путы, расслабился, затем снова потянул.

— Из того, что они говорили о дорожных ремонтниках, сынок, могу предположить, что это будут деготь и перья, но если они узнают, что ты Старбак?

Его речь была не слишком обнадеживающей, словно враждебность толпы могла полностью обратиться на Старбака, оставив при этом дантиста невредимым.

Бутылка пьяной женщины вдребезги разлетелась по мостовой. Две другие женщины делили между собой грязные сорочки Старбака, пока коротышка в пенсне копался в его бумажнике.

Там было немного денег, всего лишь четыре доллара, но Старбак не боялся потери этих денег. Он боялся, что будет раскрыто его имя, которое упоминалось во множестве писем, хранившихся в бумажнике.

Коротышка нашел одно из писем, которое он открыл, прочитал, повернул, затем перечитал. Там не было ничего личного, оно только подтверждало расписание поездов на Пенн Сентрал Роуд, но имя Старбака было написано печатными буквами на обороте письма, и мужчина заметил его.

Он посмотрел на Старбака, вернулся к письму, затем опять посмотрел на Старбака.

— Твое имя Старбак? — громко спросил он. Старбак ничего не ответил.

Толпа почувствовала волнение и повернулась к своим пленникам. Бородатый мужчина с красной

физиономией, плотный и выше Старбака, продолжил допрос:

— Твое имя Старбак?

Старбак оглянулся вокруг, но помощи ниоткуда не было видно. Констебли оставили толпу в покое, и хотя некоторые прилично выглядящие люди наблюдали из высоких окон домов на дальней стороне Керистрит, никто не сдвинулся с места, чтобы остановить травлю. Несколько женщин сочувственно смотрели на Старбака, но они были бессильны помочь.

Там был священник в сюртуке и беффхене, топтавшийся на месте у края толпы, но улица была чересчур воспламенена виски и политическими страстями, чтобы божий человек смог сделать что-то полезное, и священник удовлетворился лишь негромкими возгласами протеста, которые потонули в шумной толпе празднующих.

— Тебе задали вопрос, парень! — краснолицый человек схватил Старбака за галстук и скручивал его так, что двойная петля страшно затянула горло. — Твое Имя Старбак? Он прокричал вопрос, обдав лицо Старбака смесью слюны, виски и табака.

— Да, — не было смысла это отрицать. Письмо было адресовано ему, и множество других бумаг в его багаже содержали его инициалы, да и на воротниках его рубашек было вышито это роковое имя.

— Ты родственник?

На лице мужчины проступала сетка вен, на глазу было бельмо, а передние зубы отсутствовали. По подбородку и каштановой бороде стекала струйка табака. Он крепче сжал шею Старбака.

— Ты родственник, ублюдок?

И опять это невозможно было отрицать. В бумажнике находилось письмо от отца Старбака, которое вскорости могло быть обнаружено, поэтому Старбак не стал дожидаться разоблачения, а просто утвердительно кивнул:

— Я его сын.

Мужчина отпустил галстук Старбака и завопил как актер, изображающий краснокожего:

— Это сын Старбака! — огласил он толпу победным кличем. — Мы поймали сына Старбака!

— О господи, боже мой, — невнятно пробормотал дантист, — вот теперь ты в опасности.

Старбак и правда был в беде, так как существовало не много имен, способных привести в ярость толпу южан. Имя Авраама Линкольна отлично могло справиться с этой задачей, имен Джона Брауна и Гарриет Бичер-Стоу тоже было достаточно, чтобы воспламенить толпу, но за недостатком этих светил имя преподобного Элияла Джозефа Старбака было следующим в списке наиболее пригодных разжечь огонь южной ярости.

Преподобный Элиял Старбак был известен как противник чаяний южан. Он посвятил свою жизнь уничтожению рабства, и его проповеди, как и статьи, безжалостно изобличали власть работорговцев на Юге, высмеивая их притязания, критикуя их нравственные устои и обливая презрением все их аргументы.

Красноречие преподобного Элияла в деле свободы негров сделало его знаменитым не только в Америке, но везде, где христиане читали свои газеты и молились своему богу, и теперь, в день, когда весть о падении Форта Самтера так воодушевила Юг, толпа в Ричмонде, штат Виргиния, захватила одного из сыновей преподобного Элияла Старбака.

На самом деле Натаниэль Старбак ненавидел своего отца. Он больше не хотел иметь с ним ничего общего, но толпа не могла этого знать, так же как и не поверила бы Старбаку, вздумай он сказать об этом.

Настроение толпы переменилось, она помрачнела, требуя поквитаться с преподобным Элиахом Старбаком. Раздались возгласы, призывающие к мести. Толпа разрасталась, поскольку горожане прослышали про новости о падении Форта Самптера и хотели присоединиться к беспорядкам, отмечающим свободу и триумф южан.

— Вздернуть его! — закричал мужчина. — Он лазутчик!

— Любитель черномазых!

В сторону пленников полетел увесистый кусок конского навоза, в Старбака он не попал, но ударил дантиста по плечу.

— Почему вы не остались в Бостоне? — запричитал дантист.

Толпа рванулась к пленникам, но затем остановилась, не совсем уверенная в том, чего она от них хочет. Из толпы отделилась горстка главарей, и теперь эти вожаки призывали остальных к спокойствию.

Толпу уверили, что реквизируемая повозка направилась к дорожным ремонтникам за дегтем, а тем временем с матрасного завода на соседней Виргинии-стрит принесли мешок с перьями.

— Мы собираемся преподать вам, джентльмены, урок! — к узникам подскочил бородатый здоровяк.

— Вы, янки, думаете что вы лучше нас южан, разве не так? — он схватил пригоршню перьев и осыпал ими лицо дантиста.

— Все из себя могущественные и высокородные, так что ли?

— Я простой дантист, сэр, практикующий в Питерсберге, — Бэрроуз пытался с достоинством отвечать на обвинения.

— Он дантист! — радостно вскричал здоровяк.

— Выдернуть ему зубы!

Другой возглас известил о возвращении заимствованной повозки, на которой везли большой черный и дымящийся бак с дегтем. Повозка с грохотом остановилась возле пленников, и запах дегтя перебил даже запах табака, которым был пропитан весь город.

Кто-то крикнул:

— Сначала щенков Старбака!

Но, похоже, церемонию собирались провести в порядке захвата пленных, или зачинщики хотели оставить самое вкусное на потом, и потому Морли Бэрроуза, дантиста из Филадельфии, первым отвязали от решетки и потащили к повозке.

Он пытался сопротивляться, но не мог тягаться с мускулистыми людьми, втолкнувшими его в повозку, которая теперь служила импровизированной сценой.

— Ты следующий, янки, — рядом с бостонцем встал тот невысокий очкарик, что первым открыл его настоящее имя. — Так что ты здесь делаешь?

Его тон был почти дружелюбным, и Старбак, решив, что, возможно, обрел союзника, сказал ему правду:

— Сопровождал одну леди.

— Теперь еще и леди! Что за леди? — спросил коротышка.

Шлюха, с горечью подумал Старбак, обманщица, лгунья и сука, но боже мой, как же он в нее был влюблен, как боготворил и как позволил обвести себя вокруг маленького пальчика и тем разрушил свою

жизнь, так что теперь он лишился всего и бездомным и с пустыми карманами оказался в Ричмонде.

— Я задал вопрос, — настаивал очкарик.

— Одна леди из Луизианы, — тихо произнес Старбак, — которая попросила сопровождать ее в поездке с Севера.

— Лучше молись, чтобы она пришла и спасла тебя, да побыстрей! — захохотал очкарик. — Пока Сэм Пирс не наложит на тебя свои лапы.

Сэмом Пирсом, очевидно, был бородатый человек с красной рожей, что распоряжался на этой церемонии, а теперь он скомандовал, чтобы с дантиста стянули сюртук, жилет, брюки, ботинки, сорочку и нижнюю рубашку, выставив того на свет лишь в носках и длинных кальсонах, оставленных ему из уважения к скромности присутствующих дам.

Сэм Пирс окунул ковш на длинной ручке в бак и вытащил его, полный стекающего горячего и густого дегтя. Толпа радостно заголосила.

— Задай ему, Сэм!

— Как следует задай!

— Поучи янки уму разуму, Сэм!

Пирс снова опустил ковш в бак и медленно помешал деготь перед тем, как вытащить черпак, доверху наполненный дымящейся густой черной жидкостью. Дантист попытался вырваться, но двое мужчин подтащили его к баку, от которого шел пар, и наклонили над ним, обнажив пухлую белую и голую спину перед ухмыляющимся Пирсом, и тот занёс блестящую горячую массу над жертвой.

Толпа замерла в ожидании. Деготь на мгновение застыл в ковше, но потом полился на лысеющий затылок дантиста. Тот завопил, когда его обварила горячая густая смола. Он дернулся в сторону, но его вернули обратно, и толпа, расслабившись после этого вопля, издала радостный гул.

Старбак наблюдал, вдыхая мерзкую вонь вязкого дегтя, что стекал по ушам дантиста на его пухлые белые плечи. В теплом весеннем воздухе от него поднимался пар. Дантист плакал, но трудно было сказать, от боли или от стыда, хотя толпе было все равно, ей было достаточно и того, что северянин страдал, и это доставляло удовольствие.

Пирс зачерпнул в баке еще одну приличную порцию дегтя. Народ заголосил, призывая его вылить, у дантиста подогнулись колени, а Старбак поежился.

— Ты следующий, сопляк, — кожевенник подошел к Старбаку. — Ты следующий.

Внезапно он замахнулся кулаком и ударил Старбака в живот, так что воздух с шумом вышел из его легких, и молодой человек согнулся, натянув веревки. Кожевенник засмеялся.

— Ты будешь страдать, ублюдок, еще как.

Дантист снова завопил. На повозку вскочил еще один человек, чтобы помочь Пирсу с дегтем. С помощью короткой лопаты он поднял массу густой черной смолы из бака.

— Оставь что-нибудь и для Старбака! — крикнул кожевенник.

— Да тут его полно, ребята!

Новый мучитель вывалил полную лопату дегтя на спину дантиста. Тот дергался и завывал, а потом его подняли с колен, и еще одна порция дегтя полилась по его груди и животу, вымазав чистые белые кальсоны.

Струйки вязкой массы стекали по обеим сторонам его головы, по лицу, спине и бедрам. Его рот был открыт в гримасе, как будто он рыдал, но теперь он не издавал ни звука. Толпа была потрясена его видом. Одна женщина не смогла сдержаться и согнулась пополам от смеха.

— Где перья? — крикнула другая.

— Сделай из него курицу, Сэм!

Деготь лился ручьем по всему телу дантиста, которое покрылось блестящей черной жидкостью. Тюремщики отпустили его, но он был слишком потрясен, чтобы бежать.

И кроме того, его ноги в носках завязли в лужах дегтя, и он мог лишь попытаться отскрести мерзкую субстанцию от глаз и рта, пока мучители заканчивали свою работу.

Одна из женщин наполнила фартук перьями и взобралась на повозку, а там, ко всеобщей радости, обсыпала ими униженного дантиста.

Он стоял весь черный и в перьях, с поднимающимся от него паром и разинув рот, такой жалкий, а вокруг него завывала, глумилась и улюлюкала толпа.

В дальнем переулке покатывались со смеху несколько негров, и даже священник, который поначалу сделал жалкую попытку выразить протест против этой сцены, теперь с трудом удерживался от улыбки при виде такого смешного зрелища.

Сэм Пирс, главный вожак толпы, бросил последнюю горсть перьев, прилипших к вязкой остывающей смоле, а потом сделал шаг назад и гордо взмахнул рукой в сторону дантиста.

Народ снова развеселился.

— Пусть кудахчет, Сэм! Пусть кудахчет, как наседка!

Дантиста стали тыкать лопатой, пока он не издал жалкую имитацию куриного кудахтанья.

— Громче! Громче!

Доктора Бэрроуза снова пнули, и в этот раз ему удалось издать этот несчастный звук достаточно громко, чтобы удовлетворить толпу. Смех отразился эхом от домов, долетев даже до реки, где у причала сгрудились баржи.

— Тащи сюда шпиона, Сэм!

— Задай ему как следует!

— Покажи нам этого выродка Старбака!

Мужчины схватили Старбака, отвязали его и погнали в сторону повозки. Им помогал кожевенник, беспрестанно пиная и толкая беспомощного юношу, выплевывая на него свою ненависть и издеваясь над ним, в предвкушении того, как будет унижен щенок Элияла Старбака.

Пирс натянул шляпу дантиста на его комичную, покрытую дегтем и перьями голову. Дантист дрожал и молча всхлипывал.

Старбака с силой стукнули о колесо повозки. Сверху протянулись руки, схватили его за шиворот и подняли вверх.

Люди напирали на него, он больно ударился коленом о край повозки, а потом его бросили на ее дно, где его ладони вляпались в теплые лужи пролитого дегтя. Сэм Пирс поставил Старбака на ноги и повернул его окровавленное лицо в сторону толпы.

— Вот он! Выродок Старбака!

— Разделай его, Сэм!

— Засунь его туда, Сэм!

Пирс наклонил голову Старбака над баком, держа его лицо лишь в нескольких дюймах от вонючей жидкости. Когда бак украли, то не прихватили горящий под ним уголь, но он был достаточно большим и наполнен доверху, так что почти сохранил температуру.

Старбак попытался дернуться, когда прямо под его кровоточащим носом медленно лопнул пузырь. Смола лениво булькала, а Пирс снова поставил его прямо.

— Снимай-ка одежду, ублюдок.

Чьи-то руки стянули со Старбака скюртук, оторвав рукава и спинку.

— Догола, Сэм! — возбужденно закричала женщина.

— Пусть его папаше будет о чем проповеди читать!

Один из мужчин подпрыгивал у повозки. Рядом с ним стояла маленькая девочка, прижав ладонь ко рту и вытаращив глаза. Дантист, которого теперь все позабыли, сидел на козлах повозки, делая жалкие и бесполезные попытки отскрести горячий деготь от спаленной кожи.

Сэм Пирс помешал смолу. Кожевенник снова оплевывал Старбака, а седовласый мужчина тербил его пояс, расстегивая пуговицы на панталонах.

— Не вздумай обоссать меня, щенок, или оставлю тебя без причиндалов, — он стянул брюки до колен, вызвав в толпе одобрительный визг.

И вместе с ним прозвучал выстрел.

Звук выстрела разорвал неподвижный воздух уличного перекрестка, вспугнув с крыш складов, окаймлявших Шокоу-Слип, стайку птиц.

Толпа обернулась. Пирс принялся срывать со Старбака рубашку, но второй выстрел прозвучал невероятно громко, отразившись эхом от дальних домов и заставив толпу успокоиться.

— Еще раз дотронешься до мальчишки, — произнес уверенный, ленивый голос, — и ты покойник.

— Он шпион! — нагло оправдывался Пирс.

— Он мой гость.

Говорящий сидел на высоком вороном коне и носил шляпу с широкими полями, длинный серый скюртук и высокие сапоги. В руке он держал длинный револьвер, который теперь засунул в кобуру на седле.

Это был удивительно беззаботный жест, предполагающий, что ему нет причин бояться толпы. На лицо мужчины падала тень от полей шляпы, но его явно узнали, и он пришпорил лошадь в сторону толпы, молчаливо раздвинувшейся, чтобы дать ему проехать. За ним следовал второй всадник, ведя на поводу лошадь без седока.

Первый всадник остановился у повозки. Он приподнял шляпу набалдашником хлыста и недоверчиво уставился на Старбака.

— Это Нат Старбак? Правда?

— Да, сэр.

Старбак дрожал.

— Помнишь меня, Нат? Мы встречались в Нью-Хейвене в прошлом году?

— Конечно, я вас помню, сэр, — Старбак дрожал, но скорее от облегчения, чем из страха. Его спасителем был Вашингтон Фалконер, отец лучшего друга Старбака и человек, чье имя он чуть раньше упоминал, чтобы спастись от гнева толпы.

— Похоже, у тебя создалось превратное представление о гостеприимстве жителей Виргинии, — тихо произнес Вашингтон Фалконер. — Стыдитесь! — это слово было обращено к толпе. — В нашем городе мы не воюем с незнакомцами. Вы кто? Дикари?

— Он шпион! — кожевник попытался восстановить верховенство толпы.

Вашингтон Фалконер с презрением обернулся к нему.

— А ты придурок черножопый! Ведешь себя как янки, и вы все тоже! Это северяне хотят, чтобы вместо правительств всем управляла толпа, а не мы! Кто этот человек? — он указал набалдашником хлыста на дантиста.

Дантист не мог вымолвить ни слова, и потому Старбак, высвободившийся из хватки своих врагов и благополучно натянувший брюки обратно на талию, ответил за своего товарища по несчастью.

— Его зовут Бэрроуз, сэр. Он дантист, проезжавший через город.

Вашингтон Фалконер огляделся и нашел двух знакомых ему людей.

— Отвезите мистера Бэрроуза ко мне домой. Мы должны приложить все усилия, чтобы возместить ему ущерб.

Попытавшись таким образом увещевать пристыженную толпу, он вновь посмотрел на Старбака и представил своего спутника, темноволосого мужчину чуть старше Старбака.

— Это Итан Ридли.

Ридли вел за собой лошадь без седока, которую теперь поставил у повозки.

— Садись, Нат! — поторопил Вашингтон Фалконер Старбака.

— Да, сэр, — Старбак нагнулся за сюртуком, но понял, что он порван так, что уже не зашьешь, и поэтому выпрямился с пустыми руками. Он взглянул на Сэма Пирса, который едва пожал плечами, как бы сообщая, что не держит зла, но Старбак был на него зол, а кроме того, никогда не умел сдерживать свои чувства, он быстро шагнул в сторону громилы и ударил его.

Сэм Пирс отклонился, но недостаточно быстро, и удар Старбака пришелся ему по уху. Пирс оступился, попытался ухватиться рукой, чтобы сохранить равновесие, но лишь окунул ее в бак с дегтем.

Он вскрикнул, отпрянул, но потерял равновесие и беспомощно задержался на краю повозки, а в результате свалился на дорогу, приложившись так, что, возможно, сломал череп. Рука Старбака болела после жестокого и неуклюжего удара, но толпа со свойственной ей непредсказуемостью внезапно начала смеяться и подбадривать его.

— Давай, Нат! — Вашингтон Фалконер усмехнулся, увидев падение Пирса.

Старбак прямо из повозки забрался в седло. Он засунул ноги в стремяна, взял в руки поводья и стукнул лошадь своими измазанными в смоле ботинками.

Он понял, что лишился книг и одежды, но вряд ли эта потеря имела значение. Книги представляли собой богословские трактаты, оставшиеся со времен его учебы в Йельской теологической семинарии, и в лучшем случае ему удалось бы их продать за полтора доллара.

Одежда стоила еще меньше, так что он бросил свои пожитки и последовал за спасителями, выехав из толпы на Пёрл-стрит. Старбак все еще дрожал и едва смел поверить, что избежал пыток, уготовленных

толпой.

— Как вы узнали, что я здесь, сэр? — спросил он Вашингтона Фалконера.

— Я не знал, что это ты, Нат, просто услышал, что какой-то юноша заявляет, будто знаком со мной, а его вот-вот вздернут всего лишь за то, что он янки, так что мы решили взглянуть.

Мне сказал возница, тот чернокожий парень. Он услышал, как ты произносишь мое имя, и знал, где мой дом, так что пришел и сказал моему дворецкому. А тот уж мне, разумеется.

— Я перед вами в неоплатном долгу, сэр.

— Вообще-то, ты в долгу перед этим негром. Или нет, потому что я уже отблагодарил его серебряным долларом, — Вашингтон Фалконер обернулся и посмотрел на своего перепачканного спутника. — Нос болит?

— Просто кровь течет, сэр, ерунда.

— Могу я спросить, что ты здесь делаешь, Нат? Виргиния — не самое приятное место для одинокого выходца из Массачусетса.

— Искал вас, сэр. Собирался дойти пешком до Фалконера.

— До него семьдесят миль, Нат! — засмеялся Вашингтон Фалконер. — Разве Адам не сказал тебе, что у нас есть здесь дом? Мой отец был сенатором штата и ему нравилось иметь в Ричмонде место, где можно повесить шляпу.

Но зачем, черт возьми, ты меня искал? Или тебе нужен Адам? Боюсь, он отправился на север. Пытается предотвратить войну, но думаю, для этого уже поздно.

Линкольн не хочет мира, так что боюсь, мы будем вынуждены объявить ему войну, — Фалконер произнес эту смесь вопросов и ответов бодрым тоном.

Он был представительным человеком средних лет и среднего роста, с прямой спиной и широкими квадратными плечами. У него были короткие светлые волосы, густая борода и лицо, которое, казалось, излучает доброту и искренность, а голубые глаза щурились с выражением удовольствия от совершенного доброго дела.

Старбак был для него почти как сын, Адам, с которым Старбак познакомился в Йеле и которого всегда считал достойнейшим человеком из тех, кого когда-либо встречал.

— Но почему ты здесь, Нат? — снова задал этот вопрос Фалконер.

— Это долгая история, сэр.

Старбак редко ездил верхом и плохо это умел. Он сутулился в седле и раскачивался из стороны в сторону, представляя собой внушительный контраст с двумя своими элегантными спутниками, что скакали верхом с беспечным мастерством.

— Я люблю долгие истории, — радостно отозвался Вашингтон Фалконер, — но побереги ее до того, как приведешь себя в порядок. Вот и приехали.

Он показал хлыстом на роскошный четырехэтажный особняк, видимо, то самое место, где его отец вешал шляпу.

— На этой неделе здесь нет дам, так что мы будем чувствовать себя свободно и непринужденно. Итан принесет тебе какую-нибудь одежду. Проведи его в комнату Адама, хорошо, Итан?

Чернокожие слуги выбежали из конюшни во дворе дома, чтобы увести лошадей, и внезапно, после

многих недель неопределенности, тревог и унижений, Старбак почувствовал себя окруженным комфортом и в безопасности. От облегчения он чуть не расплакался. Америка погружалась в хаос, по улицам гуляли беспорядки, но Старбак был в безопасности.

— Выглядишь гораздо больше похожим на человека, Нат! — поприветствовал его Вашингтон Фалконер в своем кабинете, — а эта одежда более или менее подошла. Чувствуешь себя лучше?

— Гораздо лучше. Спасибо, сэр.

— Вода в ванной была достаточно горячей?

— Превосходной, сэр.

— Этот глаз плохо выглядит. Может, сделать припарку перед сном? Нам пришлось вызвать доктора для твоего приятеля из Филадельфии. Бедолагу пытаются оттереть у конюшни. А меня заботит, стоит ли покупать тысячу винтовок по двенадцать баксов за каждую.

— Почему бы нет?

Итан Ридли, устроив Старбака в комнате Адама, приготовив ему ванну и смену одежды, теперь уселся на диване у окна в кабинете Вашингтона Фалконера, играясь с длинным револьвером, который он время от времени нацеливал на пешеходов на улице внизу.

— Потому что не хочу брать первое попавшееся оружие, Итан, — ответил Вашингтон Фалконер. — Через пару месяцев может появиться что-нибудь получше.

— Нет ничего лучше винтовки Миссисипи, — Ридли молча прицелился в кучера алого ландо. — А цены вниз не пойдут, сэр. Со всем уважением, цены не пойдут вниз. Цены никогда не падают.

— Полагаю, так и есть, — Фалконер задумался, но, похоже, все еще сомневался в принятии решения.

В углу комнаты громко тикали часы. На улице проскрипела грузовая повозка. Ридли зажег длинную тонкую сигару и жадно втянул дым. Медный поднос позади него был заполнен пеплом и окурками. Он снова затащил, кончик сигары заалел, затем взглянул на Старбака.

— Север станет сражаться? — требовательно спросил он, видимо, полагая, что похожий на янки Старбак должен держать ответ наготове.

Но Старбак понятия не имел, что собирался делать Север после падения Форта Самтера. Последние несколько недель Натаниэль Старбак был слишком растерян, чтобы думать о политике, и теперь, столкнувшись с возбуждавшим весь Юг вопросом, не знал, что сказать.

— С одной стороны, нет никакой разницы, будут они сражаться или нет, — заговорил Вашингтон Фалконер прежде, чем Старбак смог что-либо ответить. — Если мы не выкажем готовности к войне, Итан, Север, без сомнения, вторгнется. Но если мы будем стоять на своем, они могут, пожалуй, и отступить.

— Тогда покупайте винтовки, сэр, — настаивал Ридли и подкрепил этот призыв, нажав на курок своего незаряженного револьвера. Он был худощав и высок и выглядел элегантно в своих черных сапогах для верховой езды, черных бриджах и черном сюртуке с пятнами от пепла.

Его длинные темные напомаженные волосы были тщательно уложены, а борода пострижена в щегольской манере. Ридли мерял шагами спальню Адама, пока Старбак приводил себя в порядок, и рассказывал, что планирует жениться на дочери Вашингтона Фалконера Анне и что перспектива войны отложила их планы на свадьбу.

Ридли воспринимал возможную войну скорее как досадное недоразумение, чем как бедствие, и его тягучий и приятный южный акцент придавал голосу еще большую убедительность.

— Итого двенадцать тысяч долларов! — произнес Вашингтон Фалконер, одновременно, видимо, ставя подпись на чеке. — Купи для меня оружие, Итан, и дело сделано.

Старбак гадал, зачем Вашингтон Фалконер покупает столько винтовок, но не сомневался, что тот может себе позволить приобрести это оружие, знал, что отец его друга — один из богатейших людей в Виргинии, а, может, и во всех охваченных проблемами Соединенных Штатах.

Фалконер мог похвастаться, что последний обмер земель его семьи в Фалконере был выполнен молодым землемером по имени Джордж Вашингтон и с того дня семья не потеряла ни единого акра, но лишь прилично добавила.

В числе этих недавно приобретенных акров была и земля, на которой стоял дом Фалконера в Ричмонде — один из самых больших особняков на Клэй-стрит, а на широком заднем дворе размещались сарай для экипажей, помещения для дюжины конюхов и стойла для тридцати лошадей.

Дом мог похвастаться бальным залом и музыкальным салоном, а его лестницу обычно называли самой прекрасной в Ричмонде, это была великолепная поворотная лестница, которая поднималась вдоль позолоченной стены, увешанной фамильными портретами, самый старый из которых был привезен из Англии в семнадцатом столетии.

Книги в кабинете Вашингтона Фалконера были помечены золотым семейным гербом на кожаных переплетах, а столы и кресла изготовлены лучшими европейскими мастерами, потому что для такого богатого человека, как Фалконер, годилось всё только самое лучшее.

На каждом столе были расставлены цветы, не просто для украшения, но и в попытке перебить запах городских табачных фабрик.

— А теперь, Нат, — сердечно произнес Вашингтон Фалконер после того, как решил купить оружие по двенадцать долларов, — ты обещал нам историю. Вот кофе, или хочешь чего покрепче? Ты ведь пьешь? Да? Но без благословения отца, уверен. Твой отец едва ли одобряет спиртное, или нет? Преподобный выступает за отмену спиртного, как и за отмену рабства? Наверняка! Должно быть, он безжалостный человек, уж наверняка. Садись.

Вашингтон Фалконер был полон энергии и вполне счастлив, разговаривая сам с собой, он встал, придвинул от стены кресло в сторону Старбака, налил ему кофе, а потом снова сел за стол.

— Так давай же! Расскажи! Разве ты не должен быть в семинарии?

— Да, сэр, должен, — внезапно Старбак почувствовал неловкость, пристыженный своей историей и жалким состоянием. — Но это очень долгая история, — запротестовал он.

— Чем длиннее, тем лучше. Так что давай, рассказывай!

И Старбаку не оставалось другого выбора, кроме как поведать свою жалкую историю страстного увлечения, любви и преступления, постыдный рассказ о том, как мадемуазель Доминик Демарест из Нового Орлеана убедила Натаниэля Старбака из Йеля, что жизнь может предложить гораздо больше, чем лекции по дидактической теологии, богословская литература или искусство проповедовать.

— Дурная женщина! — заявил Вашингтон Фалконер с радостным облегчением, когда Старбак впервые упомянул ее имя. — В каждой истории всегда есть дурная женщина.

Старбак впервые взглянул на мадемуазель Доминик Демарест в зале Лицея в Нью-Хейвене, где труппа майора Фердинанда Трейбелла представляла в своем гастрольном туре «Единственно верную и авторизованную сценическую версию Хижины дяди Тома, полную и с настоящими гончими собаками».

Труппа Трейбелла была уже третьей, гастролирующей с пьесой о дяде Томе, которая посетила Нью-

Хейвен той зимой, и каждая заявляла, что показывает единственно верную и авторизованную театральную версию этого великого произведения, но спектакль майора Трейбелла был первым, на который отважился отправиться Старбак.

В семинарии состоялся горячий спор об уместности посещения театрального представления, даже того, что посвящено моральным наставлениям и освобождению рабов, но Старбак хотел пойти из-за упомянутых в афише собак.

В замечательном произведении мисс Бичер-Стоу не было никаких гончих, но Старбак подозревал, что эти животные могли добавить истории драматизма, и потому отправился в Лицей, где с благоговением узрел настоящего ангела, играющего роль беглой рабыни Элизы, которая легкой походкой бежала по очень натурально выглядящим льдинам, преследуемая парой полусонных слюнявых псов, что, возможно, и были гончими, а, может, и нет.

Но Старбаку не было дела до родословной этих собак, он думал лишь об ангеле с продолговатым лицом, печальными глазами и тенями на скулах, с пухлыми губами, черными, как ночь, волосами и тихим голосом.

Он немедленно влюбился, неистово и, насколько он мог судить, навсегда. На следующий вечер он снова отправился в Лицей, а потом и на следующий, и еще раз, когда состоялось последнее представление этого великого эпоса в Нью-Хейвене, а на другой день он предложил майору Трейбеллу разобрать и разложить по ящикам реквизит, и майор, совсем недавно покинутый единственным сыном и потому нуждавшийся в замене исполнителя ролей Огюстена Сен-Клера и Саймона Легри, оценив приятную и представительную внешность Старбака, предложил ему четыре доллара в неделю и полный пансион, а также самоличное обучение сценическому искусству.

Даже эти соблазны не могли бы убедить Старбака бросить учебу в семинарии, но когда мадемуазель Доминик Демарест прибавила свои мольбы к просьбам директора, следуя ее капризу, обожающий Доминик, Старбак стал странствующим актером.

— Ты поднял ставку и выложил карты на стол? Вот так просто? — спросил Вашингтон Фалконер с явным изумлением, даже с восторгом.

— Да, сэр, — хотя Старбак и не рассказал обо всей цепочке событий его унижительной капитуляции перед Доминик.

Он признался в том, что посещал театр каждую ночь, но он не рассказал, как часами простаивал на улице, желая мельком увидеть своего ангела, или как снова и снова писал ее имя в своих тетрадях, ни о том, как тщетно пытался запечатлеть изысканность ее вытянутого, обманчиво неземного лица в рисунке, ни то, как он страстно желал заживить душевные раны, нанесенные Доминик ее ужасной историей.

Эта история была напечатана нью-хейвенской газетой, отметившей выступление труппы со спектаклем о хижине дяди Тома, и в этой заметке было заявлено, что хотя мадемуазель Демарест выглядела такой же белой, как и любая другая уважаемая леди, на самом деле она была девятнадцатилетней кварталонкой, которая была рабыней жестокого человека из Нового Орлеана, чей характер ни в чем не уступал Саймону Легри.

Деликатность не позволяла газете публиковать подробности его поведения, она лишь упомянула, что владелец Доминик посягнул на целомудрие своей хорошенькой собственности, что заставило девушку предпринять побег на север, к свободе и безопасности своей добродетели, соперничающий по драматичности с вымышленным побегом Элизы.

Старбак пытался представить свою хорошенькую Доминик, в отчаянии бегущую в луизианской ночи,

преследуемую кричащими злодеями, лающими собаками и рабовладельцем.

— Да черта с два я убежала! Я никогда, никогда не была рабыней! — рассказывала Доминик Старбаку на следующий день, когда они ехали в Хартфорд, где в течение шести ночей представление должно было показываться в концертном зале Туро.

— Во мне нет негритянской крови, ни капли. Но упоминание об этом помогает продавать билеты, а билеты — это деньги, и поэтому Трейбелл говорит в газетах, что я частично негритянка.

— Ты имеешь в виду, что это ложь? — ужаснулся Старбак.

— Конечно же, это ложь! — возмутилась Доминик. — Я сказала тебе, это просто помогает продавать билеты, и билеты — это деньги.

Она заявила, что единственной правдой во всей этой басне было то, что ей действительно девятнадцать и что она выросла в Новом Орлеане, но в белой семье, и, как она утверждала, безупречного французского происхождения.

У ее отца были деньги, хотя она очень туманно объясняла, как могло случиться, что дочь богатого луизианского торговца стала исполнительницей роли Элизы в труппе майора Фердинанда Трейбелла, разъезжающей с представлением о дяде Томе.

— И Трейбелл — не настоящий майор, — призналась Доминик Старбаку, — но он делает вид, что сражался в Мексике. Он говорит, что его хромота из-за удара штыком, но я считаю, что, вероятнее всего, его пырнула ножом шлюха в Филадельфии.

Она рассмеялась. Она была на два года моложе Старбака, но казалась неизмеримо старше и гораздо опытней. И ей, похоже, нравился Старбак, который отвечал на ее симпатию слепым обожанием и которого не заботило, что она вовсе не беглая рабыня.

— Сколько он тебе платит? — спросила Доминик у Старбака.

— Четыре доллара в неделю.

Она презрительно рассмеялась.

— Тебя грабят!

Следующие два месяца Старбак с удовольствием обучался актерскому мастерству и поклонялся алтарю добродетели мисс Демарест. Ему нравилось выступать на сцене, и тот факт, что он был сыном преподобного Элияла Старбака, известного аболициониста, увеличивал как публику Трейбелла, так и его доходы.

Это также привлекло к новой профессии Натаниэля внимание его отца, который в ужасно угнетенном состоянии послал старшего брата Старбака, Джеймса, заставить грешника покаяться.

Миссия Джеймса прискорбно провалилась, и две недели спустя Доминик, которая не позволяла Старбаку никаких вольностей, кроме как поддерживать за руку, наконец пообещала тому выполнить желание всего его сердца в награду за помощь в краже недельной выручки майора Трейбелла.

— Он должен мне денег, — сказала Доминик, объяснив, что ее отец написал, что ждет ее в Ричмонде, штате Виргиния, и она знала, что Трейбэлл не заплатит ей ни за один из тех шести месяцев, за которые задолжал, поэтому ей и требовалась помощь Старбака в похищении того, что и так по праву принадлежало ей.

За награду, обещанную Доминик, Старбак помог бы ей украсть и луну, но он довольствовался восьмьюстами шестьдесятю четырьмя долларами, найденными в бумажнике майора Трейбелла, пока в

соседней комнате майор принимал сидячую ванну с юной леди, мечтающей о сценической карьере и потому отдавшей себя на смотр и суд майора.

Старбак и Доминик убежали той же ночью, добравшись до Ричмонда через два дня. Отец Доминик должен был ожидать их в отеле «Спотсвуд Хаус» на Мейн-стрит, но вместо него их встретил высокий молодой человек, едва ли старше Старбака, ждавший в фойе отеля, который радостно засмеялся при виде Доминик.

Юноша оказался сыном майора Трейбелла Джефферсоном, который сбежал от отца, а теперь отделился от Старбака, снисходительно выдав ему десять долларов.

— И делай отсюда ноги, парень, — сказал он, — иначе долго не протянешь. Северяне сейчас здесь не слишком популярны.

Джефферсон Трейбелл носил бриджи из оленьей кожи, высокие сапоги, шелковый жилет и алый сюртук.

У него были темные пронизательные глаза и тонкие бакенбарды, которые, как и длинные черные волосы были напояжены до блеска. Галстук был заколот булавкой с огромной жемчужиной, а из кобуры торчал револьвер с серебряной рукояткой.

Именно этот револьвер, а не щегольский вид высокого юноши убедил Старбака, что мало проку пытаться требовать обещанное вознаграждение у мадемуазель Доминик Демарест.

— То есть она попросту тебя бросила? — с недоверием спросил Вашингтон Фалконер.

— Да, сэр, — постыдные воспоминания причиняли Старбаку страдания.

— Даже не дав себя оседлать? — Итан Ридли отложил незаряженный револьвер, задав этот вопрос, и, хотя он и заслужил этим выражением осуждающий взгляд Вашингтона Фалконера, тот явно хотел узнать ответ. Старбак промолчал, но ему и не нужно было отвечать. Доминик выставила его идиотом, и его глупость была совершенно очевидна.

— Бедняга Нат! — развеселился Вашингтон Фалконер. — И что ты собираешься теперь делать? Поехать домой? Твой отец будет не слишком счастлив! А как насчет майора Трейбелла? Он бы с удовольствием приколотил твою глотку к двери своего амбара, так ведь? И еще захочет получить назад свои деньги! Он южанин?

— Из Пенсильвании, сэр. Но его сын притворяется южанином.

— Так где его сын? Все еще в «Спотсвуде»?

— Нет, сэр.

Старбак провел ночь в пансионе на Канал-стрит, а утром, по-прежнему охваченный негодованием, отправился в отель «Спотсвуд Хаус», чтобы встретиться с Доминик и ее любовником, но вместо этого наткнулся на служащего, который объяснил ему, что мистер и миссис Джефферсон Трейбелл только что выехали в сторону вокзала Ричмонд-Данвилл.

Старбак последовал за ними, но обнаружил лишь, что пташки улетели, а их поезд уже дымит по пути на юг, паровоз выпустил струю пара в весенний воздух, в котором уже оживленно циркулировали новости о капитуляции Форта Самптера.

— О, до чего удивительная история, Нат! Редко такую услышишь! — засмеялся Вашингтон Фалконер. — Но взбодрись. Ты не первый молодой человек, которого обдурила вертихвостка, и не будешь последним, и я не сомневаюсь, что майор Трейбелл доберется до мерзавца, как бы глубоко они не спрятались.

Он зажег сигару, а потом бросил спичку в плевательницу.

— Так что нам с тобой делать? — легкость, с которой он задал этот вопрос, казалось, предполагала, что как бы ни ответил Старбак, любое его желание будет немедленно исполнено. — Хочешь отправиться обратно в Йель?

— Нет, сэр. — сказал Старбак с несчастным видом.

— Нет?

Старбак развел руки в стороны.

— Не уверен, что мое место в семинарии, сэр. Я даже не уверен в том, следовало ли мне поступать туда с самого начала, — он потупил глаза, рассматривая костяшки своих пальцев с содранной кожей, и кусал губы, как будто размышляя над ответом. — Теперь я не смогу стать священником, сэр, только не после того, как стал вором.

И даже хуже вора, подумал Старбак.

Он вспомнил четвертую главу первой из книг Нового завета, где Святой Павел предсказывал, что в грядущие времена некоторые из людей отойдут от своей веры, поддавшись учению дьявола, совратившего их души, и Старбак понимал, что оправдал предсказание, осознание этого наполнило его голос ужасным страданием. — Я просто недостоин стать священником, сэр.

— Недостоин? — воскликнул Вашингтон Фалконер. — Недостоин! Боже мой, Нат, если бы только мог видеть тех бандитов, которые выдают себя за наших проповедников, ты бы не говорил этого!. Боже мой, да у нас парень в церкви Роскилла читает большинство своих воскресных проповедей мертвецки пьяным. Разве не так, Итан?

— Бедный старый дурак свалился в могилу в прошлом году, — весело добавил Ридли. — Он должен был хоронить кого-то, а вместо это чуть сам себя не угробил.

— Так что не беспокойся о том, достоин ли ты, — презрительно заявил Фалконер. — Но полагаю, в Йеле не будут счастливы принять тебя обратно, Нат, если ты их покинул ради какой-то пташки легкого поведения. И полагаю, тебя разыскивают, а? Как минимум за воровство, — Фалконер явно находил эту мысль весьма забавной. — Отправишься на север, и тебя сцапают и посадят в тюрьму, так ведь?

— Боюсь, что так, сэр.

Вашингтон Фалконер весело захохотал.

— Боже ты мой, Нат, но ты же, считай, уже весь в дегте — и ноги, и руки, и задница, и все причиндалы! А что будет делать твой праведный отец, если ты вернешься домой? Выпорет тебя перед тем, как сдать констеблям?

— Да, сэр, быть может.

— Так преподобный Элиял прибегает к порке? Любит отхлестать за провинность?

— Да, сэр.

— Такого я не могу допустить, — Вашингтон Фалконер встал и подошел к окну, выходящему в сторону улицы. В узком палисаднике цвела магнолия, наполняя нишу окна сладким ароматом. — Я никогда не был сторонником телесных наказаний. Мой отец не бил меня, и я никогда не бил своих детей. Это факт, Нат, я ни разу не поднял руку на ребенка или слугу, я бью лишь врагов.

Он говорил менторским тоном, как будто привык выступать в защиту своего необычного поведения, и, по правде говоря, оно таковым и являлось, потому что десятью годами ранее Вашингтон Фалконер

прославился тем, что освободил своих рабов.

На короткое время газеты Севера провозгласили Фалконера предвестником просвещения Юга, что сделало его крайне непопулярным среди уроженцев Виргинии, но враждебность соседей улетучилась, когда Фалконер отказался поощрять других южан следовать его примеру.

Он заявил, что его решение было сугубо личным. А теперь, когда вся эта неожиданная слава осталась в прошлом, Фалконер улыбнулся Старбаку.

— Так что же нам с тобой делать, Нат?

— Вы уже достаточно сделали, сэр, — ответил Старбак, хотя, по правде говоря, надеялся, что может быть сделано гораздо больше. — Мне нужно найти работу, сэр. Я должен вернуть долг майору Трейбеллу.

Фалконер улыбнулся такой горячности Старбака.

— Единственная работа, доступная здесь, Нат, это солдатская служба, и я не думаю, что с помощью этого ремесла можно быстро расплатиться с долгами. Нет, думаю, тебе стоит обратить свой взор немного повыше, — Фалконер явно получал удовольствие, решая проблемы Старбака. Он улыбнулся, а потом махнул рукой в сторону роскошно обставленной комнаты.

— Может, ты подумаешь о том, чтобы остаться здесь, Нат? Со мной? Мне бы пригодился кто-нибудь в качестве личного секретаря и чтобы заниматься кой-какими покупками.

— Сэр! — Итан Ридли выпрямился на диване, и его гневный тон выдал, что предложенная Старбаку работа была той, на которую он сам рассчитывал.

— О, да ладно, Итан! Ты же терпеть не можешь заниматься моими бумагами! Ты даже писать не можешь как следует! — мягко побранил Фалконер своего будущего зятя. — А кроме того, после покупки этого оружия твоя основная задача будет выполнена. По крайней мере, на данный момент.

Он посидел в раздумьях несколько секунд, а потом щелкнул пальцами.

— Знаю, Итан, возвращайся в округ Фалконер и займись набором людей. Будешь бить для меня в барабаны. Если мы не займемся округом, это сделает кто-нибудь другой, а я не хочу, чтобы люди из округа Фалконера сражались в других подразделениях штата Виргиния. И вообще, разве ты не хочешь быть рядом с Анной?

— Конечно, хочу, сэр, — хотя похоже, предложение быть рядом с любимой не вызвало у Ридли особого энтузиазма.

Вашингтон Фалконер обернулся к Старбаку.

— Я набираю полк, Нат, легион. Легион Фалконера. Я надеялся, что в этом не возникнет необходимости, что возобладает здравый смысл, но похоже, Север желает драться, и ей-богу, нам придется ответить, раз они настаивают. Станешь ли ты предателем, если примешь мое предложение?

— Нет, сэр, — это казалось абсолютно неадекватным ответом, и потому Старбак придал своему голосу больше энтузиазма. — Я буду счастлив помочь вам, сэр.

— Начало положено, — скромно произнес Фалконер. — Итан закупает обмундирование, и сейчас мы нашли оружие, как ты слышал, но слишком много бумажной работы. Как думаешь, сможешь составить для меня несколько писем?

Мог ли Старбак составить несколько писем? Натаниэль Старбак мог бы заниматься корреспонденцией Вашингтона Фалконера, пока моря не иссохнут.

Натаниэль Старбак сделал бы всё, что пожелал бы этот чудесный, добрый, порядочный и такой

безрассудно щедрый человек.

— Конечно, я могу помочь, сэр. Почту за честь.

— Но сэр! — в последний раз попытался выразить патриотический протест Итан Ридли. — Вы же не можете доверять военные дела северянину.

— Чепуха, Итан! Нат не принадлежит ни к одному из лагерей! Он изгой! Он не может отправиться домой, иначе попадет в тюрьму, так что ему просто придется остаться здесь. Я сделаю из него почтенного жителя Виргинии, — Фалконер наградил Страбака поклоном в знак признания его повысившегося статуса. — Так что добро пожаловать на Юг, Нат.

Итан Ридли выглядел потрясенным донкихотской добротой своего будущего тестя, но Натаниэлю Старбаку было все равно. Он выкрутился из затруднительного положения, удача снова повернулась к нему лицом, и он был в безопасности на земле врагов своего отца. Старбак стал южанином.

Глава вторая

Первые дни в Ричмонде Старбак провел, сопровождая Ридли по пакгаузам, где хранились аммуниция и припасы, которыми будет снабжен Легион Фалконера.

Ридли занимался закупкой снаряжения и теперь, перед отъездом для набора рекрутов в округе Фалконер, он хотел удостовериться, что Старбак способен исполнять его обязанности.

— Не то чтобы тебе пришлось беспокоиться насчет оплат, преподобный, — сказал Ридли Старбаку, используя полунасмешливое, полудразнящее прозвище, придуманное им для северянина, — я позволю тебе заняться подготовкой транспорта.

Это значило, что Старбаку приходилось проводить время в больших отдающих эхом складах или пыльных счетных конторах, пока Ридли занимался делами в личном внутреннем офисе, время от времени объявляясь, чтобы дать очередное распоряжение Старбаку.

— У мистера Уильямса будет готово для отправки шесть ящиков на следующей неделе. К четвергу, Джонни?

— Будет готово к четвергу, мистер Ридли.

Склад Уильямса продавал тысячу пар ботинок для Легиона Фалконера, другие торговцы продавали полку винтовки, обмундирование, капсюли, пуговицы, штыки, порох, патроны, револьверы, палатки, котелки, ранцы, фляги, жестяные кружки, пеньковые веревки, ремни: полный комплект необходимой солдату аммуниции, и всё это шло с частных складов, потому что Вашингтон Фалконер отказался сотрудничать с виргинским правительством.

— Ты пойми, преподобный, — сказал Ридли Старбаку, — Фалконер не в восторге от нового губернатора, и новый губернатор не очень жалует Фалконера. Фалконер думает, что губернатор позволит ему заплатить за легион, а потом просто прикарманит его себе, поэтому нам не нужно иметь никаких дел с правительством штата. Мы ведь не хотим поощрять их, усек? Потому то мы и не можем закупать товары из арсеналов штата, что немного осложняет нам жизнь.

Тем не менее, Итан Ридли запросто преодолел большую часть препятствий, вследствие чего записная книжка Старбака была выразительно испещрена записями о ящиках, коробках и мешках, которые надо было собрать и доставить в город Фалконер.

— Деньги, — сказал Ридли ему, — вот решение, преподобный. Вокруг тысячи парней, пытающихся купить снаряжение, но везде острая нехватка всего, так что нужно иметь толстую кошелек. Пойдем выпьем.

Итану Ридли доставляло какое-то изощренное удовольствие знакомить Старбака с городскими тавернами, особенно с темными отвратительными питейными домами, которые прятались между мельницами и жилыми домами на северном берегу реки Джеймс.

— Это не похоже на церковь твоего отца, а, преподобный? — спрашивал Ридли про какую-то кишевшую крысами гнилую лачугу, и Старбак вынужден был согласиться, что питейный притон действительно сильно отличался от порядка, в котором его воспитывали в Бостоне, где чистота была знаком божьего благоволения, а воздержанность — залогом спасения души.

Ридли, очевидно, хотел насладиться удовольствием шокировать сына преподобного Элияла Старбака, тем не менее, даже грязнейшие из ричмондских таверн были привлекательны для Старбака, только лишь потому, что они были так далеки от кальвинистской унылости отца.

И дело было не в том, что в Бостоне не было таких же убогих и безнадежных таверн, как в Ричмонде,

просто Старбак никогда не был в бостонских питейных притонах, и поэтому он получал необъяснимое удовольствие от полуденных прогулок Ридли по зловонным ричмондским переулкам.

Приключения служили доказательством того, что Старбак действительно сбежал от холодной и неодобрительной хватки своей семьи, но явное удовольствие, получаемое Старбаком от этих прогулок, только подстегивало Ридли в попытках шокировать его.

— Если бы я оставил тебя в этом месте, преподобный, — пугал Ридли Старбака в матросском кабаке, где воняло от нечистот, сливаемых в реку по ржавой трубе всего в десяти футах от кладовой, — тебе бы перерезали горло всего за пять минут.

— Потому что я северянин?

— Потому что ты носишь ботинки.

— Со мной всё будет в порядке — прихвастнул Старбак. Он не был вооружен, и с дюжину мужчин выглядело вполне способными перерезать целое скопище почтенных глоток без всяких угрызений совести, но Старбак не мог себе позволить выказать страх в присутствии Итана Ридли. — Оставь меня здесь, если хочешь.

— Ты не осмелишься остаться здесь один, — сказал Ридли.

— Давай. Увидишь, что смогу, — Старбак повернулся к стойке и щелкнул пальцами. — Еще один стакан. Только один! — это было чистым бахвальством, Старбак почти не употреблял спиртные напитки.

Он отпивал виски небольшими глотками, а Ридли всегда осушал стакан залпом. Ужас греха вечно преследовал Старбака, более того, этот страх и придавал прогулкам по тавернам остроту, и спиртное было одним из великих грехов, искушениям которых Старбак в равной мере как поддавался, так и противился.

Ридли рассмеялся над вызовом Старбака.

— А ты не из трусливых, Старбак, скажу я тебе.

— Так оставь меня здесь.

— Фалконер не простит мне, если тебя убьют. Ты его новая ручная зверушка, преподобный.

— Ручная зверушка? — ошетинился Старбак.

— Не обижайся, преподобный. — Ридли затоптал носком сапога окурок сигареты и тут же прикурил другую. Он был человеком непомерных appetitov. — Фалконер — одинокий человек, а одиноким людям нравится заводить ручных зверушек. Поэтому он так стремится к выходу из Союза.

— Потому что он одинок? — не понял Старбак.

Ридли покачал головой. Он отклонился от стойки, рассматривая через треснувшее грязное стекло, как двухмачтовое судно поскрипывало у разрушенной стенки речного причала.

— Фалконер поддерживает восстание, потому что думает, это сделает его популярным среди старых друзей его отца. Он проявит себя более ревностным южанином, чем любой из них, потому что в каком-то смысле он вообще не южанин. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Нет.

Ридли поморщился, как будто не желая объясняться, но потом все же попытался.

— Он владеет землей, преподобный, но не пользуется ей. Не обрабатывает ее, не сеет и даже не пасет скот.

Просто владеет и любит ее. У него нет негров, по крайней мере, не рабов. Его деньги идут от

железных дорог и акций, а эти акции — в Нью-Йорке и Лондоне.

Он, наверное, больше чувствует себя дома в Европе, чем в Ричмонде, но это не мешает ему желать быть здесь местным. Он хочет быть южанином, но он не южанин, — Ридли выпустил по комнате струю дыма от сигары, а потом бросил мрачный, сардонический взгляд в сторону Старбака.

— Дам тебе один совет.

— Говори.

— Продолжай с ним соглашаться, — произнес Ридли очень серьезным тоном. — Семья может не соглашаться с Вашингтоном, вот почему он не проводит с ней много времени, но личные секретари вроде нас с тобой не могут позволить себе с ним не соглашаться. Наша работа заключается в том, чтобы восхищаться им. Понимаешь?

— В любом случае, он достоин восхищения, — лояльно сказал Старбак.

— Думаю, все мы достойны восхищения, — весело заявил Ридли, — если найдем себе достаточно высокий пьедестал. Пьедестал Вашингтона — это его деньги, преподобный.

— А также и твой? — воинственно спросил Старбак.

— Не мой, преподобный. Мой отец потерял всё семейное состояние. Мой пьедестал, преподобный, это лошади. Я лучший чертов наездник, которого можно найти по эту сторону Атлантики. Или вообще где-нибудь.

Усмехнувшись собственным нескромным словам, Ридли отставил стакан виски.

— Пойдем, глянем, вдруг негодяи из «Бойл и Гэмбл» все-таки нашли бинокли, которые обещали мне на прошлой неделе.

По вечерам Ридли пропадал в апартаментах своего брата на Грейс-стрит, и Старбак был предоставлен сам себе. Он прогуливался до дома Вашингтона Фалконера по улицам, заполненным странными существами с далеких земель Юга.

Тут были и мужчины из Алабамы, с исхудавшими лицами и тонкими ногами, и длинноволосые морщинистые наездники из Техаса, и бородатые добровольцы из Миссисипи. И все — вооруженные до зубов и готовые напиваться до потери сознания. Шлюхи и продавцы алкоголя не успевали загребать деньги, цены на жилье стремительно взлетали вверх, но по железной дороге в Ричмонд продолжали прибывать все новые и новые добровольцы.

Все они, как один, собирались защищать Конфедерацию от янки, но на первый взгляд казалось, что Конфедерацию придется оберегать от ее же защитников. Позже, однако, весь этот сброд из волонтеров, подчиняясь приказам недавно назначенного военачальника штата, переместился к городской центральной ярмарке, где кадеты Военного училища Виргинии занялись их начальной подготовкой.

Командующий виргинской милицией генерал-майор Роберт Ли настоял на визите вежливости к Вашингтону Фалконеру.

Фалконер подозревал, что сей визит был затеян губернатором с одной целью — заполучить под свой контроль легион. Но, как бы то ни было, Фалконер едва ли мог отказать в приеме человеку из семьи столь же старинной и известной, как его собственная. Итан Ридли оставил Ричмонд накануне визита Ли, и Старбаку приказали присутствовать на встрече.

— Будешь вести записи разговора, — предупредил его хмурый Фалконер. — Летчер едва ли позволит патриоту сформировать собственный полк. Помяни мое слово, Нат, он отберет у меня Легион в пользу Ли.

Старбак сидел в кабинете с открытым блокнотом на коленях. Но ничего, достойного записи, не обсуждалось.

Ли, одетый в гражданскую одежду человек средних лет, прибыл в сопровождении молодого капитана в униформе милиции штата. Они обменялись любезностями с Фалконером, затем генерал почти извиняющимся тоном объяснил, что губернатор Летчер назначил его командующим милицией Виргинии. И, так как его первейшей обязанностью является набор, экипировка и подготовка солдат, правильно ли он понял, что мистер Фалконер формировал свой собственный полк в Фалконере?

— Легион, — поправил его Фалконер.

— А, да, легион, — Ли, казалось, весьма смутил выбор слова.

— И ни одна пушка, ни одно кавалерийское седло, ни один крючок и ни одна фляга — ни один предмет обмундирования, Ли, не будет вычитаться из бюджета штата, — гордо заметил Фалконер. — Я плачу за всё, вплоть до последнего шнурка.

— Недешевое начинание, без сомнений, недешевое, Фалконер, — Ли нахмурился, словно бы сбитый с толку неожиданной щедростью.

Генерал пользовался хорошей репутацией, и жители Ричмонда были чрезвычайно довольны тем, что он вернулся в родной штат, а не принял командование северными армиями Линкольна. Однако для Старбака, наблюдавшего за спокойным, подтянутым седобородым мужчиной, едва ли были очевидны признаки предполагаемой гениальности. Ли казался сдержанным едва ли не до робости, а энергичность и энтузиазм Фалконера словно бы уменьшили его в росте.

— Вы упомянули кавалерию и пушки, — крайне неуверенно сказал Ли. — Значит ли это, что ваш... Легион, скажем так, будет представлять все рода войск?

— Рода войск? — Фалконер не понял незнакомого выражения.

— Легион будет состоять не только из пехоты? — вежливо пояснил генерал.

— О да, да. Я хочу представить Конфедерации вымуштрованное, экипированное, абсолютно боееспособное подразделение, — Фалконер призадумался над следующими словами, но все же решил, что щепотка пафоса не повредит. — Я вижу Легион как ровню элитным войскам Бонапарта. Императорская гвардия Конфедерации.

— Вот как, — сложно было сказать, восхищен или шокирован Ли подобной перспективой. Он помолчал, затем высказал скорейшее желание увидеть подобный Легион в рядах армии штата.

Этого-то и боялся Фалконер пуще всего — неприкрытого грабежа губернатором Джоном Летчером его Легиона и, как следствие, превращения последнего в очередную заурядную единицу милиции штата.

Планы Фалконера простирались гораздо шире вялых амбиций губернатора, и, в защиту этих планов, он встретил слова Ли молчанием. Генерал нахмурился:

— Вы ведь понимаете, мистер Фалконер, что мы должны поддерживать порядок и организованность?

— Дисциплину, вы имеете в виду?

— Ее самую. Мы должны поддерживать дисциплину.

Вашингтон Фалконер милостиво согласился с замечанием Ли, затем поинтересовался, не желает ли в таком случае штат принять на себя расходы по обмундированию и оснащению Легиона Фалконера?

Опасный вопрос повис в воздухе или, точнее, Фалконер его повесил. И улыбнулся:

— Как я уже упоминал, Ли, в моих планах предоставить Конфедерации готовый набор, так сказать,

подготовленный Легион. Но если штат хочет вмешаться..., - он хотел сказать «мешаться», но все же такт одержал верх, — тогда, полагаю, будет только справедливо, что штат возьмет на себя нелегкое дело финансирования и, кстати говоря, возмещения моих прошлых расходов. Мой секретарь, мистер Старбак, без проблем выпишет вам полный счет.

Ли выслушал угрозу, не моргнув и глазом. Он покосился на Старбака и с интересом отметил рассасывающийся синяк, но ничего не сказал.

Он снова повернулся к Фалконеру:

— Но вы планируете предоставить Легион в распоряжение соответствующих властей, не так ли?

— Когда он будет полностью боеспособен, конечно, — Фалконер усмехнулся. — Едва ли мне интересно вести частную войну против Соединенных Штатов.

Ли не улыбнулся шутке, наоборот, он выглядел весьма подавленным. Для Старбака, однако, был кристально ясно, что Вашингтон Фалконер таки переиграл представителя губернатора и что Легион Фалконера не поглотят в пользу полков, которые спешно набирали по всему штату.

— Успешно идет набор? — поинтересовался генерал.

— За это отвечает один из моих лучших офицеров. Мы отбираем рекрутов только в пределах округа, — Фалконер несколько покривил душой, но ему казалось, что штат все же признает его права в округе. В противном случае его могли обвинить в нарушении прав других земель сродни браконьерству.

Ли, похоже, остался доволен.

— А что касается подготовки? — спросил он. — В надежных руках?

— Абсолютно, — с энтузиазмом заверил его Фалконер, не утруждая себя, однако, деталями, которых явно ожидал генерал. В отсутствие Фалконера подготовкой занимался его заместитель, второй по старшинству офицер Легиона, майор Александр Пелэм — сосед Фалконера и ветеран войны 1812 года.

Пелэму было за семьдесят, но Фалконер уверял, что энергией он не уступит и тридцатипятилетнему.

Пелэм был единственным офицером Легиона с боевым опытом за плечами, хотя Итан Ридли в беседе со Старбаком как-то глумливо заметил, что сей опыт ограничивался одним днем боевых действий, который закончился поражением при Бладенсбурге.

Визит Ли завершился непоследовательным обменом мнениями о том, как следует вести войну. Фалконер решительно настаивал на необходимости захватить город Вашингтон, а Ли говорил о том, что первым делом нужно обеспечить оборону Виргинии, а потом, заверяя друг друга во взаимном расположении, мужчины расстались.

Вашингтон Фалконер подождал, пока генерал спустился по знаменитой поворотной лестнице, а потом взорвался, обратившись к Старбаку.

— Какие у нас шансы, когда командует подобное дурачье? Боже ты мой, нам нужны молодые и энергичные люди с твердой волей, а не потрепанные осторожные шуты!

Он энергично расхаживал по комнате, не в состоянии выразить всю меру своего разочарования.

— Я знал, что губернатор попытается украсть у меня легион. Но ему следовало бы послать кого-нибудь с более острыми клыками! — он презрительно махнул в сторону двери, через которую удалился Ли.

— В газетах пишут, что из всех военных Америки он вызывает наибольшее восхищение, — не смог сдержаться от замечания Старбак.

— За что вызывает восхищение? Что не наложил в штаны в Мексике? Если будет война, Нат, это будет не игра с плохо вооруженной кучкой мексиканцев! Ты его слышал, Нат! «Задача первостепенной важности — удержать силы северян от атаки Ричмонда».

Фалконер неплохо симитировал мягкий голос Ли, а потом обрушился на него с критикой.

— Оборона Ричмонда — задача первостепенной важности! Что действительно важно, так это выиграть войну. А значит, нанести им сильный удар и побыстрее. Это значит наступать, наступать и наступать!

Он взглянул на приставной столик, где лежали карты западной части Виргинии, а рядом с ними — расписание железных дорог Балтимора и Огайо. Несмотря на отрицание планов по ведению частной войны с Севером, Вашингтон Фалконер замышлял атаковать железнодорожную линию, по которой припасы и рекруты доставлялись из западных штатов в Вашингтон.

Его планы этого нападения пока еще были в процессе обдумывания, но он представлял себе небольшой и быстрый отряд кавалерии, что сожжет дотла деревянные мосты, устроит крушение локомотивов и взорвет пути.

— Надеюсь, придурок не заметил эти карты, — произнес он с внезапным беспокойством.

— Я прикрыл их картами Европы до прихода генерала Ли, — сказал Старбак.

— Быстро соображаешь, Нат! Молодец! Хвала Господу, у меня есть молодежь вроде тебя, а не эти олухи из Вест-Пойнта, как у Ли. Это потому мы должны им восхищаться? Потому что он был хорошим суперинтендантом Вест-Пойнта? И в кого это его превратило? В школьного учителя! — презрение Фалконера было почти осязаемым.

— Знаю я этих школьных учителей, Нат. Мой шурин — учитель, и из него даже капрал на полевой кухне не получится, но он все равно настаивает, чтобы я произвел его в офицеры легиона. Ни за что! Он же Дятел! Просто идиот! Настоящий кретин! Тупица! Варвар! Напыщенный индюк! Да, Нат, таков мой шурин, напыщенный индюк!

Что-то в энергичной тираде Фалконера вызвало в памяти Старбака смутные воспоминания об Адаме, рассказывающем веселые истории, посвященные своему эксцентричному дяде.

— Он был наставником Адама, сэр, верно?

— И Адама, и Анны. Теперь он — директор окружной школы, а Мириам хочет, чтобы я сделал его майором.

Мириам была женой Вашингтона Фалконера. Она жила в уединении за городом и страдала от неких загадочных недугов.

— Дятла — майором! — Фалконер насмешливо заухал, представив себе эту картину. — Великий Боже, да этому несчастному идиоту курятник-то нельзя доверить, не говоря уже про полк солдат! Он — жалкое существо, Нат. Вот кто он такой. Жалкое существо. Ладно, за работу!

Работы было предостаточно. Дом осаждали визитеры, одни просили денежной помощи в разработке секретного оружия, которое, они клялись и божились, принесет Югу немедленную победу. Другие желали получить офицерскую должность в Легионе.

Большинство последних — профессиональные солдаты из Европы, оказавшиеся на половинном жаловании в войсках своих стран. Всем просителям, однако, отказали, объяснив, что Легион Фалконера формируется только из местных — как ротные офицеры, так и адъютанты.

— Ты — исключение, Нат, — сообщил Вашингтон Фалконер Старбаку. — Если, конечно, ты хочешь мне

служить.

— Почту за честь, сэр, — Старбак почувствовал теплую волну благодарности за всю доброту и доверие, оказанные Фалконером.

— Насколько трудно тебе будет сражаться против своих же, Нат? — заботливо поинтересовался Фалконер.

— Здесь я как дома, сэр.

— И это правильно. Настоящая Америка — здесь, на Юге, Нат, не на Севере.

Не прошло и десяти минут, как Старбаку пришлось отказать покрытому шрамами офицеру австрийской кавалерии, который, по его словам, прошел через полдюжины жестоких битв в северной Италии. Услышав, что только виргинцы допущены к командным должностям в Легионе, офицер саркастически поинтересовался, как ему добраться до Вашингтона.

— Потому что, если никто не примет меня здесь, то, клянусь Богом, я буду сражаться за Север!

В начале мая появились новости о блокаде флотом северян побережья Конфедерации. Джефферсон Дэвис, президент Временного правительства Конфедеративных Штатов Америки, в качестве ответных мер объявил войну Соединенным Штатам. Однако штат Виргиния все еще не определился со своим отношением к войне.

Войска штата отступили из Александрии — городка, расположенного на противоположном Вашингтону берегу реки Потомак. Фалконер едко назвал это типичным проявлением нерешительности Летчера.

— Знаешь, чего хочет губернатор? — спросил он Ната.

— Отобрать у вас Легион, сэр?

— Он хочет, чтобы Север вторгся в Виргинию. Это снимет его с политического крючка, на который он насажен, без необходимости распарывать портки. Он никогда не пылал особой любовью к идее отделения. Надо будет ему прогнуться под чью-либо политику — он прогнется. Вот в чем его проблема, Нат. Он прогибается.

Тем не менее, на следующий же день разлетелась новость о том, что Летчер, не желая бездейственно ждать восстановления Союза, приказал войскам штата занять городок Харперс-Ферри в пятидесяти милях вверх по течению от Вашингтона.

Северяне оставили город без боев, бросив тонны оружейных припасов и снаряжения в федеральном арсенале. Ричмонд ликованием встретил новости о победе, но Вашингтон Фалконер, похоже, страдал.

Он нежно лелеял свою идею атаковать железные дороги Балтимора и Огайо, пересекавшие Потомак у Харперс-Ферри, но теперь, когда город и мост удерживали южане, необходимость в подобном рейде отпала.

Новости об оккупации речного городка к тому же породили шквал рассуждений о том, что Конфедерация собирается предпринять превентивную атаку на противоположный берег Потомака, и Фалконер, боявшийся, что его быстро растущему Легиону не достанется места в победном вторжении, решил, что ему следует быть в Фалконере, где он может ускорить обучение Легиона.

— Я вызову тебя в округ так быстро, насколько смогу, — пообещал Старбаку Фалконер, садясь на лошадь, чтобы совершить семидесятимильную поездку в свое имение. — Напишешь за меня письмо Адаму?

— Конечно, сэр.

— Напиши ему, чтобы ехал домой, — Фалконер поднял на прощание руку в перчатке, затем выехал на дорогу на своей высокой вороной лошади. — Напиши ему, чтобы ехал домой! — прокричал он, отправляясь в путь.

Старбак послушно написал письмо, адресовав его в чикагскую церковь, пересылавшую почту Адама. Как и Старбак, Адам забросил учебу в Йеле, но если Старбак сделал это из-за страстной любви к девушке, то Адам уехал в Чикаго, чтобы вступить в состав Христианской Комиссии по установлению мира, которая с помощью молитв, трактатов и очевидцев пыталась привести две части Америки к миру и согласию.

Из Чикаго не пришло никакого ответа, но с каждой почтой Старбак получал очередной настойчивый запрос от Вашингтона Фалконера:

«Сколько времени потребуется Шафферсу на пошив офицерской формы?»

«Есть ли решение по знакам различия? Это очень важно, Нат! Пошли запрос в „Митчелл и Тайлерс“, «Наведайся к Бойлу и Гэмблсу и спроси образцы сабель», «В третьем ящике снизу моего письменного стола лежит револьвер фирмы „Ле Ма“, отправь его с Нельсоном».

Нельсон был одним из двух чернокожих слуг, доставлявших письма из Ричмонда в город Фалконер.

— Полковнику шибко хочется получить свой мундир, — по секрету сообщил Старбаку Нельсон.

«Полковником» был Вашингтон Фалконер, который стал подписывать свои письма как «Полковник Фалконер», и Старбак не забывал упоминать при обращении к нему этот самоприсвоенный чин.

Полковник заказал писчую бумагу с надписью «Легион Фалконера, Генштаб, Полковник Вашингтон Фалконер, штат Виргиния, командующий», и Старбак воспользовался пробным оттиском, чтобы сообщить Фалконеру радостную весть о том, что новое обмундирование будет готово в пятницу, и пообещал незамедлительно отправить его в город Фалконер.

В пятницу утром Старбак корпел над записями в счетных книгах, когда дверь в музыкальный салон с шумом распахнулась и с порога на него сердито уставился высокий незнакомец.

Это был высокий худощавый мужчина с острыми локтями, длинными ногами и выпирающими коленками. Средних лет, с черной, слегка поседевшей бородой, острым носом, высокими скулами и взъерошенными черными волосами, одетый в поношенный черный костюм, стоптанные коричневые рабочие ботинки; в общем, неожиданное появление этого чучела заставило Старбака подскочить.

— Ага, вы, должно быть, Старбак?

— Да, сэр.

— Я слышал однажды проповедь вашего отца, — любопытный незнакомец мельтешил по комнате, подыскивая, куда бы приткнуть свой чемодан, зонт, трость, пальто, шляпу и портфель, и не найдя подходящего места, прижал их к себе. — Он говорил страстно, да, но без всякой логики. Он всегда такой?

— Не вполне уверен, о чем вы говорите. Ваше имя, сэр?

— Это было в Цинциннати. В старой пресвитерианской церкви, той, что на Четвертой авеню, или то было на Пятой? В пятьдесят шестом году, или, может, в пятьдесят пятом? Потом церковь сгорела, но архитектура того, что осталось от республики, от этого не пострадала.

Не такое уж прекрасное здание. Разумеется, никто из той глупой аудитории не заметил логики вашего отца. Они лишь ликовали при каждом его слове. Долой рабовладельцев! Да здравствует наше черное братство! Аллилуйя! Дьявол посреди нас! Пятно на великой нации! Чушь!

Старбак, хоть и не любивший отца, почувствовал необходимость защитить его.

— Вы познакомили отца со своими возражениями? Или просто решили повздорить с его сыном?

— Ссоры? Возражения? Я полностью поддерживаю взгляды вашего отца! Согласен абсолютно со всем. Рабство, Старбак, это угроза нашему обществу.

С чем я не согласен — так это с логикой вашего отца! Недостаточно просто молить Бога прикрыть эту позорную лавочку. Необходимо предпринимать конкретные, практические шаги по ее закрытию!

Возмещать ли рабовладельцам их убытки? Если да, то каким образом? Из бюджета правительства? Продавать облигации? А что с самими неграми?

Отправить их всех в Африку? Или обустроить в Южной Америке? Или выдавливать эту черноту из них смешанными браками? Кстати говоря, сей процесс весьма успешно практикуется нашими рабовладельцами. Ваш отец решил не упоминать об этом, ведь проще всего ограничиться словесным выражением негодования и молитвами. Можно подумать, молитва что-то решает в нашей жизни!

— Вы не верите в молитвы, сэр?

— Верю в молитвы?! — долговязый мужчина, казалось, был оскорблен до глубины души подобным предположением. — Если бы молитвы приносили хоть какую-то пользу, в мире не было бы скорби, разве нет? Каждая вечно недовольная чем-то женщина улыбалась бы!

Никаких болезней, никакого голода, никаких чертовых детей с их чертовыми соплями в школах, никаких ревущих младенцев, которых суют мне под нос, дабы я ими восхитился.

С какой радости мне восхищаться этими хнычущими, рыгающими, орущими грязными отпрысками? Не люблю я детей! Я пытаюсь вдолбить в голову Вашингтону Фалконеру сей простой факт четырнадцать чертовых лет!

Четырнадцать лет! Но нет! У моего зятя, похоже, проблемы с пониманием простого предложения на английском языке и, как результат, он настаивает, чтобы я заведовал учёбой.

Но мне не нравятся дети. Мне никогда не нравились дети и, надеюсь, никогда не будут нравиться. Неужели сложно это понять? — незнакомец все еще неловко прижимал к себе свои пожитки, ожидая от Старбака ответа.

Тот неожиданно осознал, что этот вспыльчивый и взбалмошный тип — тот самый напыщенный индюк, жалкое существо и, по совместительству, шурин Фалконера.

— Вы мистер Таддеус Бёрд.

— Естественно, я Таддеус Бёрд! — его, похоже, возмутила сама необходимость подтверждать свою личность. Он настороженно и вызывающе посмотрел на Старбака: — Вы хоть слово слышали из того, что я сказал?

— Вы не любите детей.

— Грязные маленькие чудовища. Заметьте, на севере вы воспитываете детей совсем иначе. Вы не боитесь приучать их к дисциплине.

Или, более того, бить их! Но здесь, на юге, мы должны проводить различие между своими детьми и рабами, поэтому мы лупим последних и портим своей добротой первых.

— Полагаю, мистер Фалконер не лупит ни тех, ни других?

Бёрд замер, уставившись на Старбака так, словно тот только что высказал самое невероятное богохульство.

— Я так понимаю, мой зять уже ознакомил вас со своими положительными качествами. Все его хорошие качества, Старбак, заключаются в долларах.

Он покупает расположение, преклонение и восхищение. Без денег он был бы так же одинок, как и амвон во вторник ночью. Кроме того, ему нет нужды лупить своих слуг или детей, потому что моя сестра управится и за двадцатерых.

Старбака оскорбили неприятные нападки на его покровителя.

— Мистер Фалконер освободил своих рабов, разве не так?

— Он освободил двадцать домашних рабов, шесть садовников и конюхов. Он никогда не держал рабов на плантациях, поскольку не нуждался в них.

Фалконер разбогател не на хлопке или табаке, а благодаря наследству, железным дорогам и инвестициям, поэтому он легко пошел на этот безболезненный шаг, Старбак, и сделал его, как я подозреваю, чтобы досадить моей сестре. Это, возможно, единственный хороший поступок, совершенный Фалконером, и я говорю скорее об упражнении в злорадстве, чем об акте освобождения.

Бёрд, так и не нашедший, куда сложить свои пожитки, просто развел руки в стороны, позволив вещам беспорядочно рассыпаться по паркетному полу музыкального салона.

— Фалконер хочет, чтобы вы доставили ему униформу.

Старбак смутился, затем понял, что разговор резко переключился на новый наряд полковника.

— Он хочет, чтобы я отвез форму в Фалконер?

— Ну разумеется хочет! — Бёрд почти сорвался на крик.

— Мне правда нужно объяснять очевидное? Если я говорю, что Фалконер хочет, чтобы вы доставили ему униформу — мне что, объяснить, что такое «униформа»? А потом дать приметы Вашингтона Фалконера? Или, простите, полковника, как нам теперь следует его величать. Иисус наш Христос, Старбак, и вы еще учились в Йеле?

— В семинарии.

— М-мм, ну это-то всё объясняет. Мозг, привыкший только к жалкому бляению профессоров теологии, едва ли способен осилить простой человеческий язык.

Таддеуса Бёрда, очевидно, это оскорбление позабавило, потому что он начал смеяться и одновременно дергать головой взад-вперед, прямо как дятел, и стало сразу понятно, откуда возникло его прозвище.

Но если бы Старбака попросили придумать кличку этому худому, угловатому и неприятному человеку, то это было бы не Дятел, а Паук, потому что в Таддеусе Бёрде было что-то, неудержимо напоминающее Старбаку длинноногого, волосатого, непредсказуемого и злобного паука.

— Полковник поручил мне заняться кое-какими делами в Ричмонде, а вы пока отправляйтесь в Фалконер, — продолжил Дятел издевательски-сюсюкающим голосом, словно обращаясь к маленькому и неотягощенному интеллектом ребенку.

— Итак... не стесняйтесь меня останавливать, если возникнут сложности с пониманием инструкций, с вашим-то йельским образованием. Вы отправитесь в Фалконер, где полковник, — Бёрд глумливо отсалютовал, — скучает по вашему обществу, если, конечно, портные закончили с обмундированием. Будете официальным разносчиком мундиров и нижних юбок его дорогой дочери. Крайне ответственное назначение!

— Юбок? — переспросил Старбак.

— Женское нижнее белье, — ехидно заметил Бёрд и уселся за роскошное пианино Фалконера. Он исполнил стремительное и необыкновенно выразительное арпеджо. Затем последовала очередь «Тела Джона Брауна», которое он, без особого почтения к мелодии или ритму, сопровождал непринужденным пением.

— И для чего Анне столько юбок, раз уж у нее их уже больше, чем нужно, по мнению любого разумного существа? Однако ж разум и женщины никогда особо не дружили. Но для чего ей Ридли? И на это нет ответа.

Нахмурившись, он остановился:

— Хотя художник он на удивление талантливый.

— Итан Ридли? — удивленно спросил Старбак, отчаянно пытаясь не заплутать в извилистых словесных зарослях собеседника.

— На удивление талантливый, — повторил Бёрд с долей тоски, словно завидуя Ридли, — но ленивый, естественно. Такой талант, данный природой, пропадает, Старбак. Впустую! Не будет он работать над своим талантом. Ему больше нравится жениться на деньгах, чем зарабатывать их, — он подчеркнул свои слова мрачной минорной нотой. — Раб природы, — заметил он, выжидательно поглядывая на Старбака.

— И отродье ада? [\[1\]](#) — услужливая память подсказала Старбаку завершение шекспировской цитаты.

— А, все-таки вы не только священные тексты читали, — Бёрд казался разочарованным, но злобедность взяла верх, и он понизил голос до доверительного шепота: — Но помяните мое слово, Старбак, раб природы таки женится на дочке полковника!

К чему эта семья заключает такие странные браки, разве что Господу известно, только он не скажет. Правда, в настоящий момент, точно вам говорю, юный Ридли в опале у полковника. У него ведь не вышло завербовать Траслоу, так-то!

Бёрд извлек из рояля демонический и триумфальный, режущий слух аккорд.

— Не вышло с Траслоу! Ридли придется как следует постараться, чтобы не уронить своего достоинства, это точно. Полковник не обрадуется.

— Кто такой Траслоу? — спросил Старбак с оттенком безысходности.

— Траслоу! — зловеще произнес Бёрд, а потом замолчал, чтобы сыграть навевающий дурные предчувствия куплет из басовых нот. — Траслоу, Старбак, — окружной убийца! Наш изгой! Наш демон с холмов! Наше чудовище, наше порождение тьмы, наш злодей! — Бёрд хихикнул от своего озорства, затем крутанул на скамеечке для фортепиано, чтобы взглянуть на Старбака.

— Томас Траслоу — бунтарь и сорвиголова, и мой зять, который явно обделен здравым смыслом, хочет видеть его в рядах Легиона, потому что, как он говорит, Траслоу служил в Мексике. Он-то служил, конечно, но на самом деле, помяните мое слово, Старбак, он хочет, чтобы репутация Траслоу работала на благо его игрушечного Легиона. Короче говоря, Старбак, великий Вашингтон Фалконер ищет одобрения убийцы... нет, все-таки это странный мир... ну что, купим все-таки эти юбки?

— Траслоу — убийца?!

— Именно. Он выкрал жену у одного человека. Убил его, чтобы заполучить ее. Затем завербовался в армию, когда шла Мексиканская война, чтобы ускользнуть от констеблей. После войны, однако, он принялся за старое. Не тот человек Траслоу, чтобы не применять свои природные таланты, понимаете?

Он убил человека, оскорбившего его жену. Потом перерезал глотку еще одному, когда тот пытался украсть его лошадь. Ирония в том, видите ли, что Траслоу, наверное, украл больше лошадей по эту сторону Миссисипи, чем кто бы то ни было.

Бёрд вытянул из кармана темную тонкую сигару. Он откусил кончик и отправил его в полет через всю комнату, целясь в фарфоровую плевательницу.

— И он ненавидит янки. До дрожи! Если вы пересечетесь в Легионе, Старбак, он, скорее всего, захочет отточить свои смертоносные навыки, — Бёрд зажег сигару, выпустил облако дыма и удовлетворенно ухнул, качая головой вперед и назад.

— Я удовлетворил ваше любопытство, Старбак? Вдоволь ли мы посплетничали? Отлично. Тогда нам следует проверить, в самом ли деле готова полковничья форма, потом купить Анне её нижние юбки. По коням, Старбак, по коням!

Таддеус Бёрд первым делом прошел через весь город к большому складу «Бойл и Гэмблс», где он заказал снаряжение.

— Пули Минье. Формирующийся Легион расстреливает их быстрее, чем могут отливать заводы. Нам нужно всё больше и больше. Вы можете поставить пули Минье?

— Конечно, можем, мистер Бёрд.

— Я не мистер Бёрд! — величественно объявил тот, — а майор Бёрд из Легиона Фалконера, — он щелкнул каблуками и отвесил поклон пожилому торговцу.

Старбак изумленно уставился на Бёрда. Майор Бёрд? Этот потешный человек, который, как заявил Вашингтон Фалконер, никогда не будет назначен офицером. Человек, не способный быть даже капралом полевой кухни, по утверждению Фалконера.

Человек, если Старбак правильно помнил, которого назначат офицером только через труп Фалконера. И Бёрд хочет быть офицером, в то время как профессиональным европейским солдатам, ветеранам настоящих сражений, отказали в простом назначении лейтенантами.

— И нам нужно еще больше капсулей, — Бёрд не обращал внимания на удивление Старбака, — тысячи дьяволят. Отправьте их в лагерь Легиона Фалконера в Фалконере, округ Фалконер.

Он витиевато подписал заказ: «Майор Таддеус Каратак Эвилар Бёрд».

— Предки, — коротко объяснил он значение этих помпезных имен Старбаку, — два валлийца, два француза, все мертвы, пойдемте отсюда. Он первым вышел из склада вниз по склону к Иксчейндж-элли.

Старбак нагнал размашисто шагавшего Бёрда и начал обсуждение проблематичного вопроса.

— Позвольте мне поздравить вас с вашим назначением, майор Бёрд?

— Так вы не глухой, да? Это хорошие новости, Старбак. Молодой человек должен сохранять свои способности до самой старости, спиртное и глупость разрушают их. Да, в самом деле. Моя сестра заставила себя подняться с постели, чтобы уговорить полковника назначить меня майором в его Легион. Я не знаю, на основании каких определенных полномочий полковник-бригадир-капитан-лейтенант-адмирал-Господь Беспощадный Фалконер делает такое назначение, но, возможно, нам и не нужны никакие полномочия в эти мятежные дни. В конце концов, мы все Робинзоны Крузо, высаженные на остров безо всякого правительства, и поэтому должны приспособить все, что сможем там найти, и мой зять нашел в себе силы назначить меня майором, и вот я майор.

— Вы мечтали об этом назначении? — очень вежливо спросил Старбак, поскольку никак не мог представить себе, чтобы этот экстравагантный человек желал стать военным.

— Мечтал? — Дятел Бёрд неожиданно остановился на тротуаре, заставив женщину сделать сложный маневр, чтобы обойти препятствие, которое он неожиданно создал.

— Мечтал? Это весьма уместный вопрос, Старбак, вполне ожидаемый от бостонского юноши. Мечтал ли я? — Бёрд ворошил пальцами бороду, размышляя над ответом.

— Моя сестра желала этого, так как она достаточно глупа, чтобы верить в то, что воинское звание автоматически придает респектабельность, качество, как она считает, мне недостающее, но желал ли я этого назначения? Да, я хотел. Должен признаться, хотел, и почему, спросите вы меня? В первую очередь, потому, Старбак, что войны в основном ведутся дураками, и таким образом мне надлежит предложить свои услуги как противоядие от этой печальной действительности.

Учитель произнес свою вызывающе нескромную речь настолько искренне и таким тоном, что привлек к себе внимание изумленных пешеходов.

— А во-вторых, я окажусь вдали от школьного кабинета. Вы хоть знаете, как я не выношу детей? Как ненавижу их? Как мне хочется негодовать от одних только их голосов! Их проказы жестоки, их присутствие оскорбительно, а их болтовня утомительна. Вот мой главный довод.

Неожиданно и так же резко, как остановилось это стремительное продвижение, майор Таддеус Каратак Эвилар Бёрд снова начал спускаться с холма размашистым и судорожным шагом.

— Были доводы против этого назначения, — продолжил Бёрд, когда Старбак догнал его.

— Во-первых, необходимость тесного общения с моим зятем, но по зрелом размышлении это предпочтительнее возни с детьми, и, во-вторых, пожелание моей милой, которая боится, что я паду на поле битвы. Это было бы трагично, Старбак, трагично!

Бёрд выразил невероятный размах этой трагедии, яростно жестикулируя правой рукой и чуть не сбив шляпу с головы проходившего мимо джентльмена.

Но моя дорогая Присцилла понимает, что в такую минуту мужчина не должен медлить с выполнением своего патриотического долга, и поэтому она согласилась, несмотря на свои сентиментальные опасения, чтобы я стал военным.

— Вы помолвлены, сэр?

— Вы, наверно, считаете это обстоятельство странным? — негодуя поинтересовался Бёрд.

— Я считаю его поводом для поздравлений, сэр.

— Ваша тактичность превосходит вашу честность, — фыркнул Бёрд, затем свернул к швейной мастерской Шаффера, где уже лежали наготове, как и было обещано, три одинаковых мундира для полковника Фалконера, так же как и дешевенькая униформа, которую Фалконер заказал для Старбака.

Дятел Бёрд настоял на том, чтобы проверить униформу полковника, затем заказал себе точно такую же, за той лишь разницей, что на воротнике его мундира, по позволению Бёрда, должна быть только одна майорская звезда, а не три золотые звезды, которые украшали мундир полковника.

— Занесите мундир на счет моего зятя, — величественно произнес Бёрд, когда двое портных снимали мерки с его неуклюжей костлявой фигуры. Он тщательно отобрал для униформы всевозможные украшения, какие только можно было вообразить: кисточки, перья, отделку тесьмой.

— Отправляюсь на войну франтом, — заявил Бёрд, затем обернулся, так как висевший на двери колокольчик возвестил о появлении нового посетителя.

— Дилейни!

Бёрд радостно поприветствовал невысокого дородного человека с большими, как у совы, глазами, который близоручко искал источник столь оживлённого приветствия.

— Бёрд? Неужто это вы? Вас выпустили на волю? Бёрд! Это вы!

Двое мужчин: один долговязый и неопрятный, другой — весь гладкий, круглый и аккуратный, — поприветствовали друг друга с неподдельной радостью.

Хоть они и не виделись несколько месяцев, было вполне очевидно, что они продолжали разговор, состоящий из оскорблений, нацеленных на их общих знакомых. Лучших из них пренебрежительно называли простофилями, а худших — круглыми дураками.

Позабытый Старбак стоял и перебирал пакеты с униформой полковника, пока Таддеус Бёрд, вдруг вспомнивший про него, не подозвал его кивком головы.

— Вы должны познакомиться с Бельведером Дилейни, Старбак. Мистер Дилейни — сводный брат Итана, однако не позволяйте этому досадному обстоятельству повлиять на ваше мнение.

— Старбак, — произнес Дилейни, слегка поклонившись. Он был по меньшей мере на двенадцать дюймов ниже высокорослого Старбака и выглядел гораздо элегантнее.

Черный сюртук, бриджи и цилиндр Дилейни были сшиты из шелка, сапоги с отворотами блестели, рубашка с жабо на груди сияла ослепительной белизной, а на галстук красовалась булавка с оправленной в золото жемчужиной.

У него было круглое близоручное лицо, говорившее о пронырливости и веселом нраве.

— Вы размышляете о том, что я не похож на моего дорогого Итана, — упрекнул он Старбака. — Вы вопрошали себя, как могли вылупиться из одного яйца лебедь и канюк, разве не так?

— Я ни о чем таком и не думал, сэр, — солгал Старбак.

— Называйте меня Дилейни. Мы должны стать друзьями. Итан говорит, вы учились в Йеле?

Старбаку стало интересно, о чем еще рассказал Итан.

— Да, я учился в семинарии.

— Я не стану вменять это вам в вину, при условии, что вы не будете возражать против того, что я адвокат. Спешу сказать, не очень успешный, поскольку я склонен относиться к закону больше как к увлечению, нежели как к профессии, подразумевая, что иногда, когда это попросту неизбежно, я заверяю завещания.

Дилейни сознательно скромничал, поскольку своей преуспевающей практикой он был обязан острому политическому чутью и почти иезуитской осторожности.

Бельведер Дилейни не считал нужным выставлять напоказ компрометирующую информацию о своих клиентах в открытых разбирательствах и потому тихо проводил свою искусную работу в кулуарах законодательного собрания, в городских ресторанах или в элегантных гостиницах на Грейс-стрит и Клэй-стрит.

Он был посвящен в тайны половины виргинских конгрессменов, и его влияние в виргинской столице усиливалось. Он поведал Старбаку, что познакомился с Таддеусом Бёрдом в виргинском университете, и с тех пор они стали лучшими друзьями.

— Вы оба должны отобедать со мной, — настоятельно потребовал Дилейни.

— Наоборот, — заявил Бёрд, — это вы должны отобедать со мной.

— Мой дорогой Бёрд! — изобразил ужас Дилейни.

— Я не могу позволить себе питаться на жалованье деревенского учителя! Ужасы раскола возбудили во мне аппетит, а мой деликатный организм требует исключительно сытную пищу и самые прекрасные вина. Нет, нет! Вы пообедайте со мной, так же как и вы, мистер Старбак, я намерен узнать обо всех тайных грехах вашего отца. Не выпивает ли он? Не якшается ли с распутными женщинами в ризнице? Успокойте меня, прошу вас.

— Вы должны обедать со мной! — настаивал Бёрд, — и вы отведаете лучшие вина из подвалов «Спотсвуда», потому что, мой дорогой..., платить буду не я, а Вашингтон Фалконер.

— Мы отобедаем за счет Фалконера? — радостно спросил Дилейни.

— Безусловно, — довольно ответил Бёрд.

— Тогда моё дельце с Шаффером обождет до завтрашнего дня. Ведите меня к кормушке! Ведите, дорогой Бёрд, ведите! Станем обжорами, зададим новое определение жадности, будем же уничтожать пищу, как никогда ранее, купаться во французских винах и сплетничать. Прежде всего, именно сплетничать.

— А я полагал, мы пойдем покупать нижние юбки, — запротестовал Старбак.

— Подозреваю, вы лучше выглядите в брюках, — строго заявил Дилейни, — и, кроме того, юбки, как и долг, могут обождать до завтра. Удовольствие зовет нас, Старбак, удовольствие зовет нас, так сдадимся же его зову.

Глава третья

Семь Источников, дом Вашингтона Фалконера в округе Фалконер, выглядел именно так, как Старбак представлял его в мечтах, именно так, как описывал Адам, и он был именно таким, каким, по мнению Старбака, и должен быть дом мечты. Просто идеальным, как он решил в тот самый момент, когда впервые его увидел тем воскресным утром в конце мая.

Семь Источников был обширным белым зданием всего двух этажей в высоту, за исключением часовой башни, возвышавшейся у ворот конюшни, где крышу венчал хрупкий купол со шпилем и флюгером.

Старбак ожидал увидеть нечто более претенциозное, с высокими колоннами и элегантными пилястрами, со сводчатыми портиками и вычурными фронтонами, но большой дом был больше похож на роскошный дом фермера, который с годами беспорядочно расширялся, увеличивался и сам себя воспроизводил, пока не превратился в клубок крутых крыш, тенистых входов и заросших плющом стен.

Центр этого дома был сделан из натурального камня, а внешние крылья были деревянными, окна с черными ставнями и железными балконами затеняли высокие деревья, под которыми стояли белые скамейки и широкие столы, а с ветвей свисали качели.

Деревья меньшего размера покрылись красными и белыми цветами, что падали, окрашивая аккуратно постриженную лужайку. Дом и сад обещали теплый домашний уют и непритязательный комфорт.

Старбак, которого в передней поприветствовал чернокожий слуга, сначала избавился от завернутых в бумагу пачек с новыми мундирами Вашингтона Фалконера, а потом второй слуга взял саквояж с собственной униформой Старбака, затем подошла горничная в тюрбане и забрала две тяжелые связки с нижними юбками, неуклюже свисавшие с луки седла.

Он подождал. Напольные часы с маятником и нарисованными на циферблате луной, звездами и кометами громко тикали в углу покрытого плитками коридора. На стенах были обои с цветочным рисунком и висели портреты Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Джеймса Мэдисона и Вашингтона Фалконера.

Портрет Фалконера изображал его верхом на великолепном вороном коне, Саратогге, и указывающим в ту сторону, где, как предположил Старбак, находилось окружающее Семь Источников поместье. В камине остался пепел, и это означало, что ночи на этой возвышенности еще были холодными.

В хрустальной вазе на столе стояли свежие цветы, лежали две сложенные газеты, заголовки радовались официальному присоединению Северной Каролины к Конфедерации.

Дом пах крахмалом, щелочным мылом и яблоками. Промедление угнетало Старбака. Он не знал, что его ожидает.

Полковник Фалконер настоял, чтобы Старбак привез три новеньких мундира прямо в город Фалконер, но будет ли он гостем в доме или ему придется искать постой в лагере Легиона, Старбак до сих пор не знал, и эта неопределенность его нервировала.

Торопливые шаги на лестнице заставили его обернуться. Белокурая девушка в белом возбужденно сбежала по последнему пролету, но на нижней ступеньке остановилась, положив руку на белые перила. Она торжественно изучала Старбака.

— Вы Нат Старбак? — наконец спросила она.

— Да, мэм, — он неловко и быстро поклонился.

— Не называйте меня «мэм», я Анна, — она сделала еще один шаг вниз, в коридор. Она была маленького роста, не больше пяти футов, с бледным лицом беспризорного ребенка, такого болезненного вида, что если бы Старбак не знал, что она является одной из самых богатых наследниц Виргинии, то принял бы ее за сироту.

Лицо Анны было знакомо Старбаку по портрету, что висел в ричмондском доме, но хотя художник довольно точно написал ее узкое лицо и робкую улыбку, он упустил нечто существенное, самую суть этой девушки, и эта суть, решил Старбак с удивлением, вызвала жалость.

Несмотря на свою красоту, Анна выглядела по-детски беспокойной, почти испуганной, будто ожидала, что весь мир будет насмехаться над ней, раздавать оплеухи и игнорировать ее как совершенно бесполезное существо.

Этот чрезвычайно робкий вид не улучшало и легкое косоглазие в ее левом глазу, хотя оно и было едва заметным.

— Я так рада, что вы приехали, — сказала она, — потому что искала предлог не ходить в церковь, а теперь могу поговорить с вами.

— Вы получили нижние юбки? — спросил Старбак.

— Нижние юбки? — Анна замолчала, нахмурившись, как будто ей не было знакомо это слово.

— Я привез нижние юбки, которые вы заказывали, — объяснил Старбак, чувствуя себя так, будто разговаривает с каким-то глупым ребенком.

Анна покачала головой.

— Они для отца, мистер Старбак, а не для меня, хотя зачем они ему, я не знаю. Может, он думает, что во время войны поставки будут затруднены? Мама говорит, что мы должны сделать запасы медикаментов на случай войны. Она заказала сто фунтов камфоры и Бог знает сколько пропитанной селитрой бумаги, а еще нюхательную соль. Солнце сильно палит?

— Нет.

— Видите ли, я не могу выходить на солнце, чтобы не загореть. Но вы говорите, оно не очень жаркое? — спросила она с надеждой.

— Не очень.

— Тогда не пойти ли нам на прогулку? Вы не возражаете? — она пересекла холл, взяла Старбака под руку и потащила в сторону широкой входной двери.

Этот порывистый жест был удивительно интимным для такой робкой девушки, но Старбак подозревал, что это была неловкая попытка обрести друга.

— Я так хотела с вами встретиться, — сказала Анна. — Разве вы не должны были приехать вчера?

— Униформу задержали на день, — солгал Старбак. По правде говоря, он обедал с Таддеусом Бёрдом и соблазнителем Бельведером Дилейни, и этот обед превратился в поздний ужин, так что нижние юбки были куплены лишь ближе к полудню в воскресенье, но едва ли было разумно признаваться в этом праздном времяпрепровождении.

— Что ж, теперь вы здесь, — произнесла Анна, вытащив Старбака на солнечный свет, — и я так этому рада. Адам так много о вас рассказывал.

— Он и о вас часто говорил, — галантно ответил Старбак, хотя это была неправда, на самом деле

Адам редко рассказывал о сестре, и без особой любви.

— Вы меня удивили. Адам обычно тратит много времени на исследование собственного «я» и едва ли замечает существование других людей, — Анна, обнаружив более логический склад ума, чем ожидал Старбак, тем не менее покраснела, как будто извиняясь за свое явно резкое суждение. — Мой брат по сути настоящий Фалконер, — объяснила она. — Он не очень практичен.

— Но ведь ваш отец практичен, уверен в этом.

— Он мечтатель, — заявила Анна, — романтик. Верит, что всё сбудется, если не терять надежды.

— Но, конечно, этот дом был построен не одними надеждами? — Старбак помахал в сторону роскошного фасада Семи Источников.

— Вам нравится дом? — похоже, Анна удивилась. — Мы с мамой пытаемся убедить отца снести его и построить что-нибудь побольше. Может, в итальянском стиле, с колоннами и куполом? Мне бы хотелось, чтобы у нас был храм на холме посреди сада. Что-нибудь, окруженное цветами и очень большое.

— Мне кажется, дом и так прекрасен, — сказал Старбак.

Анна выразила свое несогласие со Старбаком гримасой.

— Его построил наш прапрадедущка Адам, по крайней мере, большую его часть. Он был очень практичен, но потом его сын женился на француженке, разбавив кровь семьи чем-то эфемерным. Так говорит мама. А она не слишком здорова, эта кровь не может ей помочь.

— Адам не кажется эфемерным.

— О, но ведь он именно такой, — заявила Анна, а потом улыбнулась Старбаку. — Мне так нравится речь северян. Она гораздо быстрее нашего сельского говора. Вы позволите мне вас нарисовать? Я не такой хороший художник, как Итан, но усиленно работаю над этим. Вы можете сесть на берегу реки Фалконер и принять меланхоличный вид, как изгнанник у вод Вавилона.

— Вы хотели бы, чтобы я подвесил свою арфу в ивах? [\[2\]](#) — неуклюже пошутил Старбак.

Анна высвободила свою руку и восхищенно захлопала.

— Вы составите превосходную компанию. Все остальные так скучны. Адам изображает праведника на Севере, отец увлечен своими солдатами, а мама проводит весь день, обложившись льдом.

— Льдом?

— Уэнхемским льдом, из вашего родного штата Массачусетс. Полагаю, если начнется война, то больше не будет никакого уэнхемского льда, так что нам придется удовольствоваться продуктом местного производства. Но доктор Дэнсон говорит, лед может излечить мамину невралгию. Способ лечения льдом пришел к нам из Европы, так что должен быть хорош.

Старбак никогда не слышал о невралгии и не хотел расспрашивать, боясь, что она может оказаться одним из тех непонятных женских заболеваний, которые невозможно описать и которыми так часто страдали его мать и сестра, но Анна сама объяснила, что это один из современных недугов и заключается он в том, что она назвала «болями в лицевой части головы».

Старбак пробормотал слова утешения.

— Но отец говорит, она это выдумала ему назло, — продолжала Анна своим робким и слабым голосом.

— Уверен, это неправда, — сказал Старбак.

— А я думаю, вполне может быть правдой, — произнесла Анна очень грустно. — Иногда я гадаю, неужели мужчинам и женщинам вечно суждено друг друга раздражать?

— Не знаю.

— Не очень-то ободряющая беседа, да? — спросила Анна скорее от безысходности и тоном, который предполагал, что все ее разговоры подобным же образом затягивает в трясину меланхолии.

Казалось, она с каждой секундой всё глубже погружается в отчаяние, и Старбак вспоминал злобные рассказы Бельведера Дилейни о том, что его сводный брат терпеть не мог эту девушку, и насколько Ридли нуждался в ее приданом.

Старбак надеялся, что эти истории были лишь злобными сплетнями, иначе до чего же жестоким должен быть мир, чтобы мучать такую робкую и не от мира сего девушку, как Анна Фалконер.

— Отец и правда сказал, что эти нижние юбки для меня? — внезапно спросила она.

— Так сказал ваш дядя.

— А, Дятел, — отозвалась Анна, как будто это всё объясняло.

— Этот заказ выглядел очень странно, — галантно произнес Старбак.

— Теперь так много всего странного, — безнадежно заявила Анна, — и я не смею просить у отца объяснений. Он будет не в духе, вот увидите.

— Да?

— Это все вина бедняги Итана. Понимаете, он не смог найти Траслоу, а отец вбил себе в голову, что ему нужен Траслоу. Вы слышали о Траслоу?

— Ваш дядя говорил мне о нем, да. Как будто это довольно грозный человек.

— Но так и есть, он грозный. Он пугает! — Анна замолчала и подняла глаза на Старбака. — Могу я вам довериться?

Старбак гадал, что за жуткую историю он сейчас услышит об ужасном Траслоу.

— Почту за честь, если вы мне доверитесь, мисс Фалконер.

— Пожалуйста, зовите меня Анна. Я хочу, чтобы мы стали друзьями. А я расскажу вам, по секрету, конечно, что не верю, будто бедняга Итан рыскал у берлоги Траслоу. Думаю, Итан слишком его боится. Все боятся Траслоу, даже папа, хотя и уверяет, что не боится, — тихий голос Анны звучал очень серьезно. — Итан говорит, что ездил туда, но не знаю, правда ли это.

— Уверен, что правда.

— А я нет, — она вновь взяла Старбака под руку и зашагала дальше. — Может, вам стоит поехать поискать Траслоу, мистер Старбак?

— Мне?

Внезапно голос Анны зазвучал оживленно.

— Воспринимайте это как рыцарский обет. Все молодые рыцари моего отца должны поскакать в горы и бросить вызов чудовищу, а тот, кто привезет его с собой, будет признан лучшим, самым благородным и галантным. Что вы об этом думаете, мистер Старбак? Хотите исполнить рыцарский обет?

— Думаю, это звучит пугающе.

— Отец оценит, если вы поедете, я уверена, — сказала Анна, но когда Старбак не ответил, просто

вздохнула и потащила его к крылу дома.

— Хочу показать вам трех моих собак. Вы наверняка скажете, что они самые прелестные создания в мире, а потом мы принесем краски и пойдем к реке, и вы сможете повесить в ивах эту потрепанную шляпу. Правда, у нас нет ив, по крайней мере, не думаю, что они есть. Я не очень хорошо разбираюсь в деревьях.

Но встреча с тремя собаками не состоялась, как и поход за красками, потому что парадная дверь Семи Источников внезапно отворилась, и на солнечный свет выступил полковник Фалконер.

Анна восхищенно затаила дыхание. Ее отец был одет в один из своих новых мундиров и выглядел действительно великолепно. Как будто был рожден, чтобы носить эту форму и вести людей по зеленым холмам к победе.

Серый мундир был густо расшит золотой и желтой тесьмой, переплетенной таким образом, что она образовывала широкую кайму по краям кителя, а рукава были богато украшены причудливо извивающимся галуном, поднимающимся от широких манжет чуть выше локтей.

Из-за сияющего черного ремня торчала пара желтых лайковых перчаток и свисал красный шелковый кушак с кистями. Его высокие сапоги сверкали, ножны сабли были отполированы до зеркального блеска, а желтый плюмаж на треуголке покачивался на слабом теплом ветерке.

Вашингтон Фалконер был явно собой доволен и встал так, чтобы видеть свое отражение в одном из высоких окон.

— Ну как, Анна? — спросил он.

— Чудесно, папа! — отозвалась Анна с максимальным оживлением, на которое была способна, как подозревал Старбак. Из дома вышли двое чернокожих слуг и кивнули в знак согласия.

— Я ждал форму вчера, Нат, — Фалконер не то спрашивал, не то обвинял Старбака этим заявлением.

— В ателье Шаффера опоздали на день, сэр, — с легкостью солгал он, — но они принесли глубочайшие извинения.

— Я их прощаю, учитывая великолепную портняжную работу, — Вашингтон Фалконер не мог оторвать глаз от своего отражения в оконном стекле.

Серый мундир был дополнен золотыми шпорами, а также золотыми цепочками для шпор и ножен. В кобуре из мягкой кожи лежал револьвер, его рукоять была прикреплена к ремню еще одной золотой цепочкой.

Внешние швы его бриджей были украшены белыми и желтыми лампасами, а в желтые эполеты на мундире были вплетены золотые нити.

Он вытащил свою саблю с рукоятью из слоновой кости, и утро внезапно пронзил резкий скрежет вынимаемой из ножен стали. Солнечные лучи отразились от изогнутого и отполированного до блеска клинка.

— Французская, — сказал он Старбаку, — подарок Лафайета моему деду. Теперь она отправится в новый крестовый поход за свободой.

— Вы действительно выглядите впечатляюще, сэр, — заявил Старбак.

— До тех пор, пока людям надо будет надевать мундир, чтобы сражаться, эти тряпки будут столь же хороши, как и любые другие, — отозвался полковник с насмешливой скромностью, а потом разрезал саблей воздух. — Тебя не утомило путешествие, Нат?

— Нет, сэр.

— Тогда отпусти руку моей дочери, и мы найдем тебе кой-какую работу.

Но Анна не хотела позволить Старбаку уйти.

— Работу, папа? Но сегодня воскресенье.

— А тебе следовало пойти в церковь, дорогая.

— Слишком жарко. И кроме того, Нат согласился позировать, а ты ведь не лишишь меня этого маленького удовольствия?

— Именно так я и поступлю, дорогая. Нат опоздал с прибытием на целый день, а работа ждать не будет. А теперь почему бы тебе не отправиться к своей матери почитать ей что-нибудь?

— Она сидит в темноте, принимая курс лечения льдом, предписанный доктором Дэнсоном.

— Дэнсон просто идиот.

— Но он единственный квалифицированный идиот-медик, который есть в нашем распоряжении, — сказала Анна, вновь с той искоркой оживления, которого обычно было лишено ее поведение. — Ты и правда заберешь Ната, отец?

— Правда, дорогая.

Анна отпустила локоть Старбака и наградила его на прощанье робкой улыбкой.

— Ей скучно, — сказал полковник, когда они со Старбаком вернулись в дом. — Она может болтать весь день, главным образом о всякой ерунде.

Он неодобрительно покачал головой и повел Старбака по коридору, увешанному поводьями и уздечками, трензелями и мундштуками, подхвостниками и мартингалами.

— Тебе не сложно было найти вчера ночлег?

— Нет, сэр.

Старбак нашел пристанище в таверне Скоттсвиля, где ни у кого не вызвал интерес его акцент северянина и никто не потребовал предъявить пропуск, которым его снабдил полковник Фалконер.

— Полагаю, никаких новостей от Адама? — с тоской в голосе спросил полковник.

— Боюсь, что нет, сэр. Хотя я ему написал.

— Ну ладно. А почта с севера может и задержаться. Это просто чудо, что она до сих пор приходит. Пойдем, — он распахнул дверь в кабинет. — Нужно найти для тебя оружие.

Кабинет был чудесной просторной комнатой в западном крыле дома. В трех его стенах были обрамленные плющом окна, а у четвертой находился большой камин.

С тяжелых потолочных балок свисали старинные кремниевые ружья, багинеты и мушкеты, стены украшали картины баталий, а стену над камином — пистолеты с медными ручками и сабли с рукоятками из змеиной кожи.

Черный лабрадор завилял хвостом, приветствуя Фалконера, но явно был слишком стар и болен, чтобы встать на ноги. Фалконер наклонился и потрепал пса за ушами.

— Хороший мальчик.

Это Джошуа, Нат. Когда-то был лучшей охотничьей собакой по эту сторону Атлантики. Его воспитал отец Итана. Бедняга, — Старбак не был уверен, к кому относилось это замечание — к собаке или отцу Итана, но дальнейшие слова полковника предполагали, что он жалел не Джошуа.

— Ужасная это вещь — пьянство, — заявил полковник, выдвигая широкий ящик стола, который оказался заполнен оружием. — Отец Итана пропил семейные земли. Его мать умерла при его рождении, отравившись зараженным молоком [3], а сводный брат загрёб все ее деньги. Теперь он адвокат в Ричмонде.

— Я с ним встречался, — заметил Старбак.

Вашингтон Фалконер обернулся к Старбаку и нахмурился.

— Ты встречался с Дилейни?

— Мистер Бёрд представил мне его у Шаффера, — Старбак не имел намерений сообщать, как это знакомство растянулось на десять часов наслаждения прекрасной едой и напитками в отеле «Спотсвуд Хаус», и всё это за счет Фалконера, или как он проснулся в субботу утром с ужасной головной болью, сухостью во рту, бурлением в животе и смутными воспоминаниями о том, как клялся в вечной дружбе забавному и озорному Бельведеру Дилейни.

— Плохой парень, этот Дилейни, — казалось, полковник был разочарован в Старбаке. — Слишком себе на уме.

— Это была очень короткая встреча, сэр.

— Слишком себе на уме. Я знаю адвокатов, которые хотели бы совместить крепкую веревку, высокое дерево и мистера Дилейни. Он получил все деньги матери, а бедняге Итану не досталось ни гроша от их имения. Это несправедливо, Нат, совершенно несправедливо. Если бы у Дилейни была бы хоть толика порядочности, он бы позаботился об Итане.

— Он упоминал о том, что Итан — очень хороший художник, — сказал Старбак, надеясь, что этот комплимент его будущему зятю восстановит хорошее расположение духа полковника.

— Так и есть, но этим состояния не сделаешь, так ведь? Он мог бы и на фортепиано прекрасно играть, как Дятел. Я скажу тебе, кто такой Итан, Нат. Он один из самых превосходных охотников, которых я когда-либо видел, и, наверное, лучший наездник в округе. И прекрасно разбирается в сельском хозяйстве, черт побери. Последние пять лет он управляет тем, что осталось от земель его отца, и сомневаюсь, что кто-нибудь мог бы сделать и половину того, что он.

Наградив Ридли столь щедрым комплиментом, полковник вытащил длинноствольный револьвер и крутанул барабан, после чего решил, что он не подходит.

— У Итана есть ценные достоинства, Нат, и он станет хорошим солдатом, прекрасным солдатом, хотя, признаюсь, для набора рекрутов он не самый лучший, — Фалконер бросил на Старбака пронизательный взгляд. — Ты слышал о Траслоу?

— Анна упоминала о нем, сэр. И мистер Бёрд тоже.

— Я хочу заполучить Траслоу, Нат. Он мне нужен. Он бы привел с собой пятьдесят сильных мужчин с холмов. Крепких мужчин, настоящих бойцов. Конечно, все они подонки, но если Траслоу велит им покориться, они это сделают. А если он к нам не присоединится? Половина людей в округе побоится оставить скот без присмотра. Теперь ты понимаешь, почему он мне нужен.

Старбак понял, что сейчас последует, и его душа ушла в пятки. Траслоу ненавидел янки, он был убийцей, демоном, живущим на труднодоступных холмах.

Полковник покрутил барабан еще одного револьвера.

— Итан говорит, что Траслоу отправился воровать лошадей и его не будет дома еще долго, может, несколько недель, но у меня такое чувство, что Траслоу просто избегает Итана. Увидел, как он

приближается, понял, чего тот хочет, и потому скрылся с глаз долой. Мне нужен кто-то, с кем Траслоу не знаком. Кто-то, кто поговорит с этим парнем и узнает его цену. У каждого есть своя цена, Нат, в особенности у мерзавца вроде Траслоу.

Он положил револьвер обратно и выбрал другой, выглядящий более смертоносным.

— Так что ты думаешь о том, чтобы отправиться туда, Нат? Не буду делать вид, что это легкое задание, потому что Траслоу не самый простой человек, и если ты мне скажешь, что не хочешь этого делать, я больше не буду продолжать. Но если согласишься? — полковник оставил это приглашение висеть в воздухе.

И поставленный перед выбором Старбак внезапно ощутил, что и правда хочет поехать. Он жаждал доказать, что сможет вытащить чудовище из его берлоги.

— Буду рад поехать, сэр.

— Правда? — голос полковника звучал слегка удивленно.

— Правда.

— Тем лучше для тебя, Нат, — Фалконер взвел курок выглядящего смертоносным револьвера и нажал на спусковой крючок, но потом решил, что это оружие все равно не подходит. — Конечно, тебе понадобится оружие.

Большинство этих подонков в горах не любят янки. Ты получишь свой пропуск, конечно, но там редко кто умеет читать. Я бы посоветовал тебе надеть мундир, но люди вроде Траслоу считают униформу принадлежностью сборщиков налогов, так что лучше тебе ехать в обычной одежде. Тебе придется как-то выкручиваться, если станут тебя заирать, а если из этого ничего не выйдет, то просто пристрели одного из них.

Он хихикнул, а Старбак поежился, представив стоящую теперь перед ним задачу. Всего лишь полгода назад он был студентом Йельского теологического колледжа, погруженным в изучение запутанной доктрины апостола Павла об искуплении, а теперь должен был с помощью револьвера проложить себе путь по местности, населенной неграмотными ненавистниками янки, в поисках вызывающего ужас у всей округи конокрада и убийцы.

Фалконер, должно быть, понял охватившие его чувства, но лишь усмехнулся.

— Не беспокойся, он тебя не убьет, если, конечно, ты не попытаешься увезти его дочь или, еще хуже, его лошадь.

— Рад это слышать, сэр, — сухо ответил Старбак.

— Я вручу тебе письмо для этого дикаря, хотя Бог знает, умеет ли он читать. Я объясню, что ты почтенный южанин, и сделаю ему предложение. Скажем, пятьдесят долларов в качестве оплаты за подписание контракта? Не предлагай ему больше, и Бога ради, постарайся, чтобы он не вбил себе в голову, что я хочу сделать его офицером. Траслоу будет хорошим сержантом, но едва ли мне захочется видеть его за нашим столом во время ужина.

Его жена умерла, так что с этой стороны проблем не будет, но у него есть дочь, и она может стать помехой. Скажи ему, что я могу найти ей место в Ричмонде, если он захочет.

Наверное, она уродина, но, без сомнения, может шить или работать в магазине, — Фалконер поставил на стол шкатулку из орехового дерева и перевернул ее так, чтобы она открывалась в сторону Старбака. Не думаю, что этот для тебя, Нат, но посмотри на него. Он очень красив.

Старбак поднял крышку и увидел прекрасный револьвер с рукояткой из слоновой кости, лежащий в

специальном отделении из синего бархата. Другие покрытые бархатом отделения содержали роговую пороховницу, форму для отливки пуль и щипцы.

Под крышкой находился ярлык с золотыми буквами, гласившими: «Р.Адамс, владелец патента на револьвер, улица Короля Уильяма 79, Лондон, Соединенное Королевство».

— Я купил его в Англии два года назад, — полковник поднял револьвер и погладил барабан. — Он прекрасен, правда?

— Да, сэр, — оружие действительно выглядело великолепно в мягком утреннем свете, что просачивался через длинные белые занавески. Его форма идеально соответствовала назначению, это был настолько чудесный союз инженерного мастерства и дизайна, что на несколько секунд Старбак даже позабыл, для чего он предназначен.

— Он прекрасен, — с почтением произнес Вашингтон Фалконер. — Возьму его в Балтимор и Огайо через пару недель.

— Балтимор..., — начал Старбак, но запнулся, осознав, что он не ослышался. Значит, полковник по-прежнему желал устроить нападение на железную дорогу? — Но наши войска в Харперс-Ферри блокировали линию, сэр.

— Да, Нат, но я обнаружил, что экипажи все еще ездят до самого Камберленда, а оттуда они перевозят припасы по дорогам и каналам, — Фалконер отложил прекрасный револьвер Адамса.

— И я по-прежнему считаю, что Конфедерация слишком медлительна и пуглива. Мы должны наступать, Нат, а не сидеть сложа руки, ожидая, пока ударит Север. Нам нужно воодушевить Юг победой! Нужно показать Северу, что мы мужчины, а не трусливые подвальные крысы. Нам нужна быстрая и безусловная победа, о которой напишут все газеты в Америке! Нечто, что впишет наши имена в историю! Победа, которая откроет летопись Легиона.

Он улыбнулся.

— Как это звучит?

— Чудесно, сэр.

— И ты отправишься с нами, Нат, обещаю. Приведи мне Траслоу, и мы с тобой поскачем к железным дорогам и снесем кой-какие головы. Но сначала тебе нужно оружие, так что как насчет этого творения?

Полковник протянул Нату неуклюжий и уродливый длинноствольный револьвер со старомодной изогнутой рукояткой, неудобным курком в форме лебединой шеи и двумя спусковыми крючками.

Полковник объяснил, что нижний вращает барабан и взводит курок, а верхний поджигает порох.

— Он грубоват, — признал Фалконер, — но это только пока ты не привыкнешь нажимать на нижний спусковой крючок, а потом уже на верхний. Но это крепкая вещь.

Он может даже пару раз дать осечку, но потом как ни в чем ни бывало продолжать убивать. Он тяжелый, и потому им трудно целиться, но ты к нему привыкнешь. И он до смерти напугает всякого, на кого ты его наставишь.

Это был револьвер Сэвиджа, весивший три с половиной фунта и длиной больше фута. Прелестный револьвер Адамса с сияющей синевой барабана и мягкой белой рукояткой был меньше и легче, хотя и стрелял пулями того же калибра, но даже близко не выглядел столь же устрашающе, как Сэвидж.

Полковник засунул Адамса обратно в ящик и запер его на ключ, который положил в карман.

— А теперь, гляди-ка, уже полдень. Я найду тебе свежую лошадь, дам письмо и немного провизии, и

ты можешь отправляться. Ехать недалеко. Доберешься туда к шести часам, может, и раньше. Я напишу это письмо, и ты отправишься на охоту за Траслоу. За работу, Нат!

Полковник сопровождал Старбака на первом отрезке его путешествия и даже пытался научить его лучше держаться в седле.

— Пятки вниз, Нат! Пятки вниз! Спина прямая! — полковник явно веселился, наблюдая за манерой езды Старбака, совершенно ужасающей, в то время как сам Фалконер был превосходным наездником.

Он ехал на своем любимом жеребце и, восседая в новом мундире на лоснящейся лошади, выглядел впечатляюще, когда вел Старбака через город Фалконер, мимо водяной мельницы и городской конюшни, постоянного двора, здания суда, баптистской и епископальной церквей, таверны Грили и кузницы, банка и тюрьмы.

Девушка в выцветшем капоре улыбнулась полковнику с крыльца школы. Он помахал ей, но не остановился, чтобы заговорить.

— Присцилла Боуэн, — сказал он Нату, который и понятия не имел, как ему запомнить весь этот поток имен, что свалился ему на голову.

— Она вполне мила, если тебе нравятся пышки, но ей всего девятнадцать, и эта дурочка собралась замуж за Дятла. Боже ты мой, она могла бы найти кого и получше! Я ей так и сказал. Вот так прямо всё и высказал, но это не заставило ее прозреть. Дятел ее в два раза старше, в два раза! В смысле, одно дело — делить с ними постель, Нат, но не жениться же на них! Мои слова тебя оскорбили?

— Нет, сэр.

— Я все время забываю про твои праведные убеждения, — весело засмеялся полковник. Они проехали через город, который произвел на Старбака впечатление удовлетворенного жизнью и комфортно себя чувствующего сообщества и оказался гораздо больше, чем он ожидал.

Легион расположился в западной части города, а дом Фалконера находился на севере.

— Доктор Дэнсон считает, что перемещения военных могут дурно повлиять на состояние Мириам, — объяснил Фалконер. — Ее здоровье очень неустойчиво, как ты понимаешь.

— Так сказала мне Анна, сэр.

— Я подумывал о том, чтобы послать ее в Германию, когда Анна благополучно выйдет замуж. Говорят, там чудесные доктора.

— Я тоже это слышал, сэр.

— Анна могла бы ее сопровождать. Видишь ли, ее здоровье тоже очень хрупкое. Дэнсон говорит, ей нужно железо. Бог знает, о чем это он. Но они обе могли бы поехать, если война к осени закончится. Ну вот и приехали, Нат.

Полковник махнул в сторону луга, где на склоне, спускающемся к реке, расположились четыре ряда палаток. Это был лагерь Легиона, над которым реял флаг Конфедерации с тремя полосами и семью звездами.

На противоположном берегу реки рос густой лес, город остался за спиной, и лагерь производил впечатление веселого бродячего цирка.

На самой плоской части луга находилось вытопанное бейсбольное поле, а офицеры устроили скачки с препятствиями вдоль берега реки.

Городские девушки расселись на крутом берегу, ограничивающем луг с востока, а сгрудившиеся у

дороги экипажи показывали, что местный люд превратил лагерь в объект экскурсий.

Люди бесцельно слонялись, играли или прогуливались по лагерю с праздным видом, что, как прекрасно знал Старбак, являлось результатом военной доктрины полковника Фалконера, которая гласила, что муштра лишает хорошего воина аппетита к битве.

Теперь, оказавшись на виду у своих добрых южан, полковник заметно приободрился.

— Нам просто нужно еще две-три сотни человек, Нат, и Легион станет непобедимым. Приведи мне Тарслоу, и это станет хорошим началом.

— Сделаю всё, что в моих силах, сэр, — сказал Старбак, недоумевая, как это ему пришло в голову согласиться на встречу с демоническим Тарслоу. Его мрачные предчувствия стали еще сильнее, потому что внезапно у главного входа в лагерь появился Итан Ридли верхом на горячем гнедом коне.

Старбак вспомнил уверенное утверждение Анны, что Ридли даже не посмел встретиться с Тарслоу, и это заставило его нервничать еще больше. Ридли был в мундире, хотя его серый китель выглядел тусклым на фоне нового и пышного наряда полковника.

— И что ты думаешь о портняжном мастерстве Шаффера, Итан? — просил полковник своего будущего зятя.

— Вы выглядите превосходно, сэр, — почтительно отозвался Ридли, а потом кивком поприветствовал Старбака, чья кобыла отошла к краю дороги и опустила голову, чтобы пощипать траву, пока Вашингтон Фалконер и Ридли разговаривали.

Полковник теперь говорил о том, что нашел, где можно купить две пушки, и интересовался, не возражает ли Ридли против поездки в Ричмонд, чтобы заняться этой покупкой и поискать еще кой-какое обмундирование.

Визит в Ричмонд означал бы, что Ридли не отправится в рейд против железных дорог Балтимора и Огайо, и полковник извинялся, что лишает своего будущего зятя радостей этой экспедиции, но Ридли, похоже, не возражал. Вообще-то его смуглое лицо с аккуратной бородой выглядело даже довольным при мысли о возвращении в Ричмонд.

— А в это время Нат отправится искать Тарслоу, — полковник вновь привлек к разговору Старбака.

Выражение лица Ридли вдруг стало настороженным.

— Ты просто теряешь время, преподобный. Этот человек уехал воровать лошадей.

— Может, он просто избегает тебя, Ридли? — предположил Фалконер.

— Может, — допустил Ридли, — но все равно готов поспорить, что Старбак просто потеряет время. Тарслоу не выносит янки. Он винит их в смерти своей жены. Он разорвет тебя на кусочки, Старбак.

Фалконер, на которого явно повлиял пессимистичный настрой Ридли, нахмурился.

— Выбор за тобой, Нат.

— Конечно, я поеду, сэр.

Ридли бросил на него сердитый взгляд.

— Теряешь время, преподобный, — повторил он, но немного чересчур напористо.

— Ставлю двадцать баксов, что нет, — услышал свои слова Старбак и немедленно пожалел об этой глупой браваде. Даже не просто глупой, подумал он, а греховной. Старбака учили, что делать ставки — это грех в глазах Господа, но он не знал, как теперь пойти на попятную.

Но он и не был уверен, что хочет взять свои слова обратно, потому что Ридли заколебался, а это колебание, похоже, подтверждало подозрения Анны, что ее жених просто избегал встречаться с ужасным Траслоу.

— По мне так звучит справедливо, — радостно вмешался полковник.

Ридли уставился на Старбака, и тому показалось, что он различил в этом взгляде неясный страх. Испугался ли он того, что Старбак изобличит его ложь? Или просто боялся потерять двадцать долларов?

— Он прикончит тебя, преподобный.

— Двадцать долларов на то, что я привезу его сюда до конца месяца, — сказал Старбак.

— К концу недели, — поправил Ридли, ища способ избежать пари.

— Пятьдесят баксов? — безрассудно поднял ставку Старбак.

Вашингтон Фалконер засмеялся. Для него пятьдесят долларов были ничтожной суммой, но для юноши без гроша за душой вроде Ридли или Старбака это было целое состояние.

Пятьдесят долларов — это месячное жалование достойного человека, стоимость приличной ездовой лошади или прекрасного револьвера. Пятьдесят долларов превратили донкихотский рыцарский обет Анны в суровое испытание.

Итан Ридли колебался, а потом, похоже, почувствовал, что этим колебанием роняет свое достоинство, и потому протянул свою руку в перчатке.

— До субботы, преподобный, и ни минутой позже.

— Идет, — сказал Старбак и пожал руку Ридли.

— Пятьдесят баксов! — воскликнул Фалконер с восхищением, когда Ридли ускакал прочь. — Я и правда надеюсь, что тебе будет сопутствовать удача, Нат.

— Сделаю всё, что в моих силах, сэр.

— Не позволяй Траслоу тебя запугать. Ты можешь постоять за себя, слышишь?

— Так и будет, сэр.

— Удачи, Нат. И опусти пятки вниз! Пятки вниз!

Старбак поехал на запад, в сторону покрытых голубыми тенями гор. Был прекрасный день под почти безоблачным небом. Свежая лошадь Старбака, крепкая кобыла по кличке Покахонтас, без усталости скакала рысью по покрытому травой краю грязной дороги, постепенно отдаляющейся от городка и поднимающейся мимо садов и огороженных лугов в сторону холмистой местности с маленькими фермами, буйными травами и быстрыми ручьями.

Эти виргинские предгорья не годились для выращивания табака, а еще меньше для знаменитой и важнейшей продукции юга — индиго, риса и хлопка, но там росли прекрасные орехи и яблоки, пасся тучный скот и выращивались разные виды зерновых.

Фермы, хотя и маленькие, выглядели ухоженными. Там были большие амбары, пышные луга и тучные стада коров, чьи колокольчики оглашали полуденный теплый воздух томными звуками.

Дорога взбиралась всё выше, и фермы становились меньше, пока не остались лишь клочки полей, вторгшиеся в наступающий лес. У дороги дремали сельские собаки, просыпавшиеся, чтобы тявкнуть на проезжавшую мимо лошадь Старбака.

По мере того, как дорога поднималась к холмам, Старбак становился всё осторожней. Он обладал

беззаботностью и самонадеянностью юности, считая себя способным на любой подвиг, какой только мог вообразить, но когда солнце начало клониться к западу, он стал сознавать, что Томас Траслоу может превратиться в тот барьер, который повлияет на всё его будущее.

Если он пересечет этот барьер, то жизнь снова потечет как по маслу, но если споткнется, то уже никогда не сможет смотреть на себя в зеркало с уважением. Он попытался внутренне подготовиться к тому жесткому приему, который может ему оказать Траслоу, если Траслоу действительно находился на холмах, а потом представил, какой его ждет триумф, если мрачный Траслоу смиренно спустится вниз, чтобы вступить в ряды Легиона.

Он думал о радости Фалконера и о досаде Ридли, а потом гадал, как вообще он сможет расплатиться, если проиграет пари. У Старбака совсем не было денег, и хотя полковник и предложил платить ему двадцать шесть долларов в месяц, Старбак пока не увидел ни цента из этих денег.

Ближе к вечеру грязная дорога превратилась в неровную тропу, что шла по берегу бурлящей и покрытой белой пеной реки, разбивающейся о скалы, извивающейся между валунами и наталкивающейся на упавшие деревья.

Лес на крутых склонах холмов был полон ярко-красных цветов, а вид просто великолепен. Старбак миновал две заброшенные хижины и один раз испугался, услышав топот копыт, и обернулся, нащупывая заряженный револьвер, но увидел лишь белохвостого оленя, проскакавшего между деревьев.

Он наслаждался пейзажем, и это удовольствие заставило его задуматься, не лежит ли его судьба в диких землях на западе, где американцы боролись за то, чтобы вытащить новую страну из лап дикарей-язычников.

Боже мой, думал он, ему не следовало соглашаться учиться на священника! По ночам его всегда охватывало чувство вины за то, что он бросил эту стезю, но здесь, при свете дня, с револьвером на боку и ждущими впереди приключениями, Старбак чувствовал, что может встретиться хоть с самим дьяволом, и внезапно слова «мятеж» и «измена» перестали казаться ему такими уж ужасными.

Он сказал себе, что хочет стать мятежником. Желал вкусить запретного плода, против которого проповедовал его отец. Хотел познакомиться с грехом, хотел прогуляться по долине смертных теней, потому что то был путь к его юношеским мечтам.

Он добрался до развалин лесопилки, откуда тропа поворачивала на юг, став крутой и вынудив Старбака спешиться. Фалконер говорил, что есть и более легкая дорога, но эта крутая тропа была короче и привела бы его прямо к землям Траслоу. День становился жарким, и пот щекотал кожу Старбака. В свежей зеленой листве щебетали птицы.

Ближе к вечеру он достиг вершины гряды, где снова забрался в седло и вглядывался вниз, в покрытую красными цветами долину, где жил Траслоу.

В этом месте, как сказал полковник, беглецы и всякие подонки могли скрываться годами, это было место, куда не добирался закон, где мускулистые мужчины и их стойкие жены боролись за существование на тощей почве, но на почве, свободной от какого-либо правительства.

Это была высокая межгорная долина, знаменитая своими конокрадами, в ее кораллах содержались украденные в богатых землях Виргинии лошади до того, как будут проданы на север и запад.

В этом безымянном месте Старбаку придется встретиться лицом к лицу с демоном этих неплодородных холмов, чье одобрение было так важно получить горделивому Вашингтону Фалконеру.

Он обернулся и посмотрел назад, на ту зеленую местность, что простиралась за его спиной до туманного горизонта, а потом снова взглянул на запад, где несколько струек дыма показывали, что за

деревьями прячутся немногочисленные дома.

Он пришпорил Покахонтас по едва различимой тропе, ведущей между деревьев. Старбак гадал, что это за деревья. Он вырос в городе и не мог отличить церцис от вяза или виргинский дуб от кизила.

Он не мог бы зарезать свинью или убить на охоте оленя, да даже и подоить корову. В этой сельской местности с ее умелыми жителями он чувствовал себя дураком, человеком, лишенным дарований и слишком образованным. Он боялся, что дитя города может не годиться для войны, и думал, что, наверное, сельские жители, знакомые со смертью и умеющие ориентироваться на местности, являются прирожденными солдатами.

А потом, как это часто бывало, после этих романтических идей Старбака внезапно захлестнул ужас в предчувствии надвигающегося столкновения. Как на эту благословенную землю может прийти война?

Это были Соединенные Штаты Америки, вершина стремлений человека к лучшему управлению и праведному обществу, и единственными врагами, которых видела эта счастливая земля, были британцы и индейцы, и те, и другие, хвала Господу и стойкости американцев, были побеждены.

Нет, думал он, эта угроза войны не может быть реальной. Это просто волнения, дурная политика, весенняя лихорадка, которую охладит осень.

Американцы, может, и дерутся против безбожных варваров в дикой местности и были счастливы прирезать наймитов какого-то короля-предателя из далеких земель, но они никогда не обратятся друг против друга! Рассудок возьмет верх, будет достигнут компромисс, Господь наверняка протянет нам руку, чтобы защитить эту избранную страну и ее славных людей.

Хотя, может, как виновато надеялся Старбак, сначала предоставится возможность для одного приключения, одного набега под залитыми солнцем яркими флагами со сверкающими саблями, с топотом копыт, похожим на барабанную дробь, разрушенными поездами и горящими мостами.

— Еще один шаг, парень, и твои чертовы мозги до солнца долетят, — откуда-то внезапно раздался голос.

— Вот хрень Господня! — Старбак был так потрясен, что не смог сдержать богохульного проклятия, но сохранил достаточно здравого смысла, чтобы натянуть поводья, и хорошо вымуштрованная кобыла остановилась.

— Или, может, я все равно вышибу тебе мозги, — голос был низким и грубым, как скрип напильника по ржавому железу, и Старбак, хотя до сих пор и не видел говорящего, подозревал, что нашел своего убийцу. Нашел Траслоу.

Глава четвертая

Преподобный Элиял Старбак наклонился над своей кафедрой и с такой силой сжал аналой, что костяшки его пальцев побелели. Кое-кто из его паствы из числа сидящих поближе к этому великому человеку подумал, что аналой наверняка треснет.

Глаза преподобного были закрыты, а его вытянутое тощее лицо с седой бородой исказила страстная гримаса, пока он подбирал точное слово, которое воодушевит слушателей и наполнит церковь духом мстительной добродетели.

В высоком здании стояла тишина. Все скамьи и стулья были заняты. Церковь была квадратной и без каких-либо украшений, простое и скромное функциональное здание для проповедования библейских истин с выкрашенной белой краской кафедры.

Еще там находился одетый в черное хор и новехонькая фисгармония, а стекла в высоких окнах сверкали чистотой. Освещение давали газовые лампы, зимой помещение согревал большой черный пузатый камин, хотя эти удобства теперь не потребовались бы еще многие месяцы.

В церкви было жарко, не настолько, как в разгар лета с его удушающей атмосферой, но этот весенний воскресный день был достаточно теплым, чтобы паства обмахивалась веерами, но пока длилось драматическое молчание преподобного Элияла, бумажные вееры один за одним застыли в воздухе, пока не стало казаться, что все присутствующие под высокими голыми сводами церкви замерли без движения, как статуи.

Они ждали, не смея вздохнуть. Преподобный Элиял, сухопарый и седой человек со свирепым взглядом, всё молчал, мысленно смакуя нужное слово. Он решил, что нашел его, это правильное слово, слово, подходящее случаю, слово из священной книги, он глубоко вздохнул и медленно поднял руку, и было похоже, что каждое сердце под этим высоким потолком перестало биться.

— Блевотина! — рявкнул преподобный Элиял, и ребенок на верхней галерее громко закричал от страха, когда это слово взорвалось в воздухе. Некоторые женщины вздохнули.

Преподобный Элиял Старбак грохнул правой рукой по краю аналая, ударив с такой силой, что звук эхом отразился от стен церкви, словно выстрел.

К концу проповеди его руки часто были покрывались синяками, а каждый год мощь его слов разламывала корешки по меньшей мере полдюжины библий.

— Сторонники рабства имеют не больше прав называть себя христианами, чем собака называться лошадью! Или обезьяна человеком! Или человек ангелом! Грех и вечные муки! Грех и вечные муки! Сторонники рабства больны грехом и заражены вечными муками!

Проповедь достигла той точки, где больше не нуждалась в смысле, потому что логика этого выступления сменилась серией эмоциональных напоминаний, которые впечатывали это послание глубоко в сердца слушателей, укрепляя их в преддверие еще одной недели жизни в полном искушений мире.

Преподобный Элиял говорил уже час с четвертью и собирался проповедовать еще по меньшей мере полчаса, но в следующие десять минут он хотел наполнить свою паству безумным негодованием.

Сторонники рабства, говорил он им, обречены попасть в самую глубокую яму ада, погрузиться в озеро горящей серы, где будут страдать от неопишуемой и мучительной боли во веки вечные.

Преподобный Элиял Старбак вонзил зубы своей проповеди в описание ада, посвятив изображению его ужасов минут пять и наполнив церковь таким отвращением, что самые слабые представители паствы,

похоже, готовы были упасть в обморок.

В галерее был угол, где сидели освобожденные рабы, всех их каким-либо образом поддерживала церковь, и эти люди как эхо повторили слова преподобного, усиливая и раскрашивая их звучание, так что вся церковь, казалось, была охвачена и наполнена божественным духом.

А преподобный Элиял поднимал накал эмоций всё выше и выше. Он говорил слушателям, как сторонникам рабства была протянута рука дружбы со стороны северян, и взмахнул собственной покрытой синяками рукой, чтобы проиллюстрировать добрую волю этого предложения.

— Протянута свободно! Протянута справедливо! Протянута праведно! Протянута с любовью! — он он вытягивал руку все дальше и дальше в сторону паствы, описывая в деталях щедрость северных штатов.

— И как они поступили с этим предложением? Что они сделали? Что они сделали? — второй раз повторил он этот вопрос, перейдя на крик, который погрузил паству в неподвижность.

Преподобный Элиял окинул глазами церковь, от сидений для богатых впереди до простых скамеек в задних рядах верхней галереи, а потом опустил их на скамью его собственной семьи, где сидел его сын Джеймс в новеньком накрахмаленном синем мундире.

— Что они сделали? — преподобный Элиял разрезал воздух рукой, как будто отвечая на этот вопрос.

— Они вернулись к своим глупым идеям! «Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою», — эти слова преподобный Элиял Старбак взял из одиннадцатого стиха двадцать шестой главы Книги Притч. Он печально покачал головой, убрал руку и повторил ужасное слово с отвращением и озадаченностью. — Блевотина, блевотина, блевотина.

Сторонников рабства, сказал он, затягивает в собственную блевотину. Они барахтаются в ней. Наслаждаются ей. Любой христианин, объявил преподобный Элиял Старбак, в эти печальные дни имеет лишь один выбор.

Христианин должен укрыться за щитом веры, взять в руки оружие добродетели, а потом отправиться на юг, чтобы очистить землю от южных собак, которые пируют на собственной блевотине.

А сторонники рабства и есть собаки, подчеркнул он для слушателей, их нужно стегать, как собак, наказывать, как собак, и заставить их скулить, как собак.

— Аллилуйя! — раздался чей-то голос с галереи, а на скамье Старбаков сразу под кафедрой Джеймс Старбак ощутил пульсацию набожного удовлетворения, что он он отправится исполнять угодную Богу работу в армии своей страны, а потом этот порыв был компенсирован приливом страха, что, возможно, сторонники рабства не примут свою долю скулящих собак с тем же смирением, что и настоящие испуганные псы.

Джеймсу Элиялу-Макфейлу Старбаку было двадцать пять, но из-за редющих черных волос и постоянного выражения болезненного беспокойства на лице выглядел он на десять лет старше.

В качестве утешения за лысеющую голову ему досталась густая кустистая борода, прекрасно соответствующая дородной высокой фигуре.

Похоже, что он пошел больше в мать, чем в отца, хотя усердием в делах он был до мозга костей сыном Элияла, несмотря на то, что он окончил юридическую школу Дейна в Гарварде всего четыре года назад, в адвокатском сообществе штата Массачусетс о Джеймсе уже поговаривали, как о человеке с большим будущим, и своей прекрасной репутацией, подкрепленной просьбой знаменитого отца, он заслужил место в штабе генерала Ирвина Макдауэлла.

Таким образом, эта проповедь была последней, которую услышит Джеймс из уст своего отца в

ближайшие недели, потому что утром он собирался отправиться в Вашингтон, чтобы приступить к своим новым обязанностям.

— Южане должны скулить, как собаки, лакающие собственную блевотину! — преподобный Элиял начал подводить итог, который, в свою очередь, приведет к яростным и экспрессивным выводам, но один из присутствующих не стал дожидаться этого заключительного фейерверка. Под галереей, в самом дальнем углу церкви скрипнуло сиденье, и молодой человек выскользнул в проход.

Он сделал на цыпочках несколько шагов к задней двери, а потом пробрался к вестибюлю. Несколько человек, заметившие, как он уходит, решили, что он нехорошо себя чувствует, хотя, по правде говоря, Адам Фалконер ощутил не физическое недомогание, а сердечную боль. Он помедлил на ступенях у входа в церковь и глубоко вздохнул, а за его спиной то гремел, то понижался голос проповедника, теперь приглушенный гранитными стенами высокой церкви.

Адам выглядел столь же впечатляюще, как и его отец. У него были такие же широкие плечи, крепкое телосложение и решительное лицо, те же белокурые волосы, голубые глаза и квадратная борода. Его внушающее доверие лицо в этот момент выглядело озабоченным.

Адам прибыл в Бостон, получив письмо от своего отца с описанием прибытия Старбака в Ричмонд. Вашингтон Фалконер вкратце обрисовал неприятности Ната, а потом продолжил:

«Ради тебя я предоставил ему кров со всей возможной теплотой и полагаю, он останется здесь, пока будет в этом нуждаться, более того, я предполагаю, что навсегда, но подозреваю, что лишь страх перед родными удерживает его в Виргинии. Возможно, ты мог бы найти время и отвлечься от своих усилий, — в выборе этого слова Адам учуял отцовский гнев, — и сообщить родителям Ната, что их сын раскаивается, унижен и зависит от милости других людей, и не могли бы они послать ему какой-нибудь знак в качестве примирения?»

Адам очень хотел посетить Бостон. Он знал, что этот город был самым влиятельным на Севере, в этом месте знаний и благочестия он уповал найти людей, которым предложит надежду на мир, но также рассчитывал найти немного мира для Ната Старбака, в результате чего отправился в дом преподобного Элияла Старбака, но тот, извещенный о причине визита Адама, отказался его принять.

Теперь Адам прослушал проповедь отца своего друга и начал подозревать, что ни Америке, ни Нату особо не на что надеяться. Пока с кафедры изливался яд, Адам понял, что компромисс невозможен, пока не утихнет эта ненависть.

Христианская Комиссия по установлению мира была совершенно неуместна, раз американские церкви в той же степени могли принести мир, как пламя свечи растопить лед на озере Уэнхем посреди зимы.

Америка, благословенная земля, должна была погрузиться в войну. Для Адама это выглядело бессмысленно, потому что он не понимал, как порядочным людям может прийти в голову, что война может успешнее решить проблемы, чем доводы и добрая воля, но мрачно и неохотно Адам начал осознавать, что добрая воля и доводы не являются главной движущей силой человечества, историю вслепую направляет убогое топливо — страсти, любовь и ненависть.

Адам шел по аккуратным улицам богатых жилых кварталов Бостона, под покрывшимися листвой деревьями и рядом с высокими чистыми домами, радостно украшенными патриотическими флагами и гирляндами. Даже экипажи, ожидавшие прихожан, чтобы развезти их по комфортабельным домам, щеголяли американскими флагами.

Адам любил этот флаг и его взор застилали слезы, когда он смотрел на всё то, что являлось символом

его убеждений, но теперь признался себе в том, что эти яркие звезды и широкие полосы родовой эмблемы выставляли напоказ ненависть, и он знал, что всё, над чем он трудился, вот-вот будет расплавлено в этом горниле. Надвигалась война.

Томас Траслоу оказался темноволосым коротышкой с каменным лицом и пронизывающим взглядом, его кожа потемнела от грязи, а одежда была покрыта пятнами жира.

Длинные волосы были нечёсаны, как и густая борода, вызывающе торчащая на загорелом лице. Он носил грубые сапоги с толстой подметкой, широкополую шляпу, грязные кентуккские джинсы и домотканую рубашку с короткими драными рукавами, обнажающими накачанные бицепсы.

На правом предплечье у него была татуировка в виде сердца со странным словом «эмели» под ним, и Старбаку понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что это, должно быть, неправильно написанное имя Эмили.

— Заблудился, парень? — окликнуло это малопривлекательное создание Старбака. Траслоу держал в руке старинный кремниевый мушкет, чье мрачно чернеющее дуло твердо нацелилось Старбаку в голову.

— Я ищу мистера Томаса Траслоу, — сказал Старбак.

— Я Траслоу, — дуло не сдвинулось с места, как и странные светлые глаза. Старбак решил, что несмотря на всё сказанное и произошедшее, именно эти глаза пугают его больше всего.

Можно отмыть этого дикаря, подстричь его бороду, оттереть лицо и одеть в подходящий для похода в церковь костюм, но эти дикие глаза будут излучать то леденящее кровь послание, что Томасу Траслоу терять нечего.

— Я привез вам письмо от Вашингтона Фалконера.

— От Фалконера? — это имя вызвало веселый приступ смеха. — Хочет забрать меня в солдаты, да?

— Да, мистер Траслоу, хочет, — Старбак сделал попытку говорить нейтральным тоном и не выдать страха, порожденного этим взглядом и угрозой насилия, исходящей от Траслоу так же зримо, как дым от костра из сырых дров.

Казалось, что в любую секунду дрожащий механизм в смертельной темной глубине разума за этими бледными глазами может выплеснуться в сокрушительный приступ. Эта угроза казалось чудовищно похожей на безумие и очень далекой от того здорового мира Йеля и Бостона и щедрого дома Вашингтона Фалконера.

— Не очень-то он торопился, чтобы послать за мной, а? — заявил Траслоу с подозрением.

— Он был в Ричмонде. Но он и правда посылал к вам на прошлой неделе кое-кого по имени Итан Ридли.

Упоминание Ридли заставило Траслоу встать в стойку, как голодная змея. Он вытянул левую руку, схватил Старбака за сюртук и потянул вниз, так что Старбак опасно накренился в седле.

Он почувствовал мерзкий запах табака в дыхании Траслоу и увидел кусочки пищи, прилипшие к черной щетине его бороды. Его безумные глаза пялились Старбаку в лицо.

— Здесь был Ридли?

— Как я понимаю, он посещал вас, да, — Старбак прилагал все усилия, чтобы быть вежливым и даже почтительным, хотя и вспомнил, как однажды его отец попытался проповедовать перед полупьяными портовыми грузчиками-иммигрантами с причалов бостонской гавани и как даже впечатляющему преподобному Элиялу пришлось бороться, чтобы сохранить самообладание перед лицом их чудовищной

грубости. Воспитание и образование, подумал Старбак, не годились для того, чтобы противостоять грубой природе. — Он сказал, что не застал вас.

Траслоу резко выпустил сюртук Старбака и в тот же момент произвел рычащий звук, означающий то ли угрозу, то ли озадаченность.

— Меня здесь не было, — произнес он, но как-то отстраненно, как будто пытаюсь извлечь какой-то смысл из этого новой и важной информации, — но никто не сказал мне, что он здесь побывал. Давай, парень.

Старбак одернул сюртук и незаметно расстегнул кобуру револьвера.

— Как я сказал, мистер Траслоу, у меня для вас письмо от полковника Фалконера.

— Он теперь полковник? — захохотал Траслоу. Он зашагал впереди Старбака, и тот был вынужден последовать за ним на широкую поляну, где, очевидно, находилась ферма Траслоу.

На длинных грядках торчали грязные овощи, рядом был небольшой сад с усыпанными белыми цветами деревьями, а сам дом представлял собой одноэтажную бревенчатую хижину с возвышавшейся над ней прочной каменной трубой камина, над которой поднималась струйка дыма.

Хижина была ветхой и окружена неопрятно сложенными досками, сломанными телегами, козлами для пилки дров и бочками. Собака на привязи, завидев Старбака, яростно метнулась к нему, натянув цепь, испуганные куры, копающиеся в грязи, бросились врассыпную.

— Слезай с коня, парень, — рявкнул Траслоу Старбаку.

— Не хочу вас задерживать, мистер Траслоу. Письмо мистера Фалконера у меня вот тут, — Старбак потянулся ко внутреннему карману сюртука.

— Я сказал, слезай с чертовой лошади! — Траслоу проревел этот приказ с такой яростью, что даже собака, которая казалась еще более необузданной, чем хозяин, внезапно заскулила и затихла, отпрыгнув обратно в тень сломанного крыльца. — У меня для тебя есть кой-какая работенка, — добавил Траслоу.

— Работа? — Старбак выскользнул из седла, гадая, в какого рода передрыгу он попал.

Траслоу схватил лошадь под уздцы и привязал к столбу.

— Я ждал Ропера, — выдал он непонятное объяснение, — но пока он не появится, это придется делать тебе. Сюда, парень.

Он указал на глубокую яму сразу за грудой сломанных телег. Это была яма для распиловки бревен, наверное, около восьми футов глубиной, через которую было перекинута бревно со вставленной в него огромной двуручной пилой.

— Прыгай вниз, парень! Будешь работать внизу, — рявкнул Траслоу.

— Мистер Траслоу! — Старбак попытался воспротивиться этому безумию, прибегнув к доводам рассудка.

— Прыгай, парень! — этот тон привлек бы внимание и дьявола, и Старбак невольно сделал шаг к краю ямы, но потом его природное упрямство взяло верх.

— Я здесь не для работы.

Траслоу осклабился.

— У тебя есть оружие, парень, так что лучше будь готов его использовать.

— Я здесь, чтобы отдать вам письмо, — Старбак вытащил конверт из внутреннего кармана.

— Из этого револьвера ты мог бы и буйвола пристрелить. Хочешь испробовать его на мне? Или хочешь на меня поработать?

— Я хочу, чтобы вы прочитали это письмо...

— Работай или дерись, парень, — Траслоу подошел ближе к Старбаку. — Я бы не поставил и мешка с дерьмом на то, что ты хочешь выбрать, но не собираюсь ждать целый день, пока ты примешь решение.

Старбак подумал, что есть время драться, и время становиться человеком с пилой. Он прыгнул, приземлившись в смесь жидкой грязи, опилок и пыли.

— Снимай сюртук, парень, и этот свинский револьвер вместе с ним.

— Мистер Траслоу! — Старбак сделал последнюю попытку сохранить хоть малейший контроль над происходящим. — Может, вы просто прочтете это письмо?

— Слушай, парень, это письмо — всего лишь слова, а словами сыт не будешь. Твой воображала полковник просит меня об услуге, и тебе придется заработать мой ответ. Усёк? Если Вашингтон Фалконер сам бы приехал, я бы и его засунул в эту яму, так что кончай хныкать, снимай сюртук, берись за ручку и принимайся за работу.

И Старбак прекратил хныкать, снял сюртук, взялся за ручку и принялся за работу.

Старбаку показалось, что он погрузился в трясины, а сверху стоял гогочущий и мстительный демон. Большая пила запела, опускаясь на него, и в глаза Старбака вылился поток опилок и пыли, забивший его рот и ноздри, но каждый раз, когда он снимал руку с пилы, чтобы попытаться обтереть рукавом лицо, Траслоу неодобрительно рычал:

— В чем дело, парень? Втюрился в меня что ли? Работай!

Через яму было переброшен ствол сосны, бывший, судя по размеру, старше республики. Траслоу неохотно сообщил Старбаку, что они пилят бревно на доски, которые он обещал доставить, чтобы сделать из них новый пол в универсальном магазине в Ханки-Форде.

— Этого и еще двух бревен как раз должно хватить, — провозгласил Траслоу еще до того, как они довели первый распил до половины, а к тому времени мышцы Старбака уже горели огнем, а ладони жутко болели.

— Тяни, парень, тяни! — кричал Траслоу. — Я не смогу сделать ровный распил, если ты дурака валяешь! Лезвие пилы было девяти футов в длину и было рассчитано на двух одинаковых по силе человек, хотя большую часть работы делал Томас Траслоу, упершись своими сапогами с гвоздями в подметке в верхнюю часть ствола. Старбак пытался за ним успевать.

Он понял, что его роль заключалась в том, чтобы с силой тянуть пилу на себя, потому что именно этот рывок вниз и делал всю основную работу, а если бы он попытался слишком сильно толкнуть ее вверх, то рисковал бы ее согнуть, так что лучше всего было предоставить Траслоу вытягивать огромное лезвие из ямы, но хотя это движение давало Старбаку пол секунды благословенной передышки, оно немедленно превращалось в решающее и ожесточенное падение сверху вниз. Со Старбака градом лил пот.

Он мог бы остановиться. Мог бы отказаться работать и вместо этого просто отпустить большую деревянную ручку и заорать на этого омерзительного типа, которому полковник Фалконер по непонятным причинам предлагал пятьдесят долларов за подписание воинского контракта, но он чувствовал, что Траслоу испытывает его, и внезапно его возмутило это отношение южан, принимавших его за хилого выходца из Новой Англии, слишком образованного, чтобы быть полезным в каком-либо практическом деле, и слишком слабого, чтобы доверить ему работу для настоящих мужчин.

Его обдурила Доминик, заклеил за благочестие Итан Ридли, а теперь над ним насмехался этот грязный, провонявший табаком бородатый демон, и гнев подстегивал Старбака снова и снова тянуть пилу вниз, так что огромное лезвие звенело, как церковный колокол, проходя сквозь древесину.

— Теперь у тебя начало получаться! — буркнул Траслоу.

— И будь ты проклят, будь ты проклят, — ответил Старбак с одышкой. Его охватило непреодолимое желание чертыхнуться, хотя бы и сбив ради этого дыхание, и несмотря на то, что дьявол наверху не услышал этого ругательства, ангелы на небесах всё слышали, и Старбак знал, что сейчас прибавил лишь еще один грех к тому длинному списку, что уже был на его счету.

А сквернословие было одним из серьезнейших грехов, почти столь же серьезным, как воровство. Старбак был воспитан в ненависти к ругательствам и презирал тех, кто поминал Господа всуе, и даже те мирские недели, что он провел в сквернословящей трупке «Дяди Тома» майора Трейбелла, не поколебала его неприязни относительно грубых выражений, но в этот момент ему просто необходимо было бросить вызов и Богу, и Траслоу, а потому он продолжал выплевывать эти слова, придающие ему сил.

— Стой! — внезапно крикнул Траслоу, и Старбак на мгновение испугался, что его приглушенные проклятия были услышаны, но это остановка означала лишь, что нужно было скорректировать работу. Пила остановилась в нескольких дюймах от края ямы, и бревно нужно было подвинуть. — Держи, парень! — Траслоу бросил вниз крепкую ветвь, заканчивающуюся рогатиной. — Подсунь ее под дальний конец и приподними, когда я скажу.

Старбак приподнимал огромное бревно дюйм за дюймом, преодолевая боль, пока оно не легло в новое положение. Последовала еще одна передышка, пока Траслоу вбивал клинья в пропилил.

— Так что предлагает мне Фалконер? — спросил он.

— Пятьдесят долларов, — ответил Старбак из ямы, недоумевая, как это Траслоу догадался, что ему что-то предлагают. — Хотите, чтобы я прочитал письмо?

— Думаешь, что я не умею читать, что ли, парень?

— Тогда позвольте отдать вам письмо.

— Пятьдесят, да? Он решил, что может меня купить, а? Фалконер думает, что может купить всё, что хочет, будь то лошадь, человек или шлюха. Но под конец ему надоедают все эти покупки, и мы с тобой тоже надоедим.

— Он не покупал меня, — возразил Старбак, и эти слова были встречены молчаливым смешком со стороны Траслоу. — Полковник Фалконер — хороший человек, — настаивал Старбак.

— Ты в курсе, почему он освободил своих рабов? — спросил Траслоу.

Дятел Бёрд сказал Старбаку, что эти вольные грамоты были подписаны назло жене Фалконера, но Старбак не поверил этой истории и не стал бы ее повторять.

— Потому что это было правильно, — заявил он вызывающе.

— Может, так и есть, — допустил Траслоу, — но он это сделал ради другой женщины. Ропер расскажет тебе всю эту историю. Она была одной из тех безголовых набожных куколок из Филадельфии, приехала учить нас, южан, как нам жить, и Фалконер позволил ей окрутить себя. Он посчитал, что должен освободить своих черномазых перед тем, как она прыгнет к нему в постель, и так и поступил, а она все равно ему отказала.

Траслоу захохотал над этим свидетельством того, как дурака обвели вокруг пальца.

— Она выставила его посмешищем на виду у всей Виргинии, и потому-то он и решил сделать этот свой Легион, чтобы вернуть утерянную гордость. Думает, будет военным героем Виргинии. А теперь хватайся за ручку, парень.

Старбак почувствовал, что должен защитить своего героя.

— Он хороший человек!

— Он может позволить себе быть хорошим. Его состояние гораздо больше, чем мозги, а теперь хватайся за ручку, парень. Или ты боишься тяжелой работы, а? Я так тебе скажу, парень, работа и должна быть тяжелой. Хлеб не будет сладок, если не заработан в поте лица. Так что держи ручку. Ропер скоро приедет. Он дал слово, а Ропер словами не бросается. Но пока он не приехал, придется работать тебе.

Старбак взялся за ручку, напрягся и потянул, и этот дьявольский ритм начался сызнова. Он не смел и подумать о мозолях, начинающих вспухать на его ладонях, ни о болях в мышцах спины, рук и ног.

Он просто слепо сконцентрировался на том, чтобы тянуть пилу вниз, затаскивая ее в яму через желтую древесину и закрывая глаза, что бы в них не попадала пыль.

В Бостоне, думал он, есть большие паровые циркулярные пилы, которые могли бы превратить дюжину бревен в доски за то же время, что требовалось всего для одного пропила их инструментом, так почему же, во имя Господа, люди по-прежнему используют ямы для распиловки?

Они снова остановились, пока Траслоу вбивал в ствол еще клинья.

— Так из-за чего вся эта война, парень?

— Из-за прав штатов, — вот всё, что мог сказать Старбак.

— И что, черт возьми, это означает?

— Это означает, мистер Траслоу, что Америка не согласна с тем, как управляется Америка.

— Говоришь прям как по писаному, парень, но смысла в этом не больше, чем в горшке с репой. Я думал, у нас есть конституция, чтобы указывать, как нами править?

— Очевидно, конституции нам недостаточно, мистер Траслоу.

— В смысле, мы будем драться не за то, чтобы сохранить своих ниггеров?

— О боже, — тихо вздохнул Старбак. Однажды он торжественно пообещал своему отцу, что никогда не позволит, чтобы это слово произносили в его присутствии, но с тех пор как встретил Доминик Демарест, он это обещание игнорировал. Старбак почувствовал, что вся его любезность и почтительность перед лицом Господа ускользают, как песок сквозь пальцы.

— Ну так что, парень? Мы будем драться за своих ниггеров или как?

Старбак в бессилии прислонился к грязной стенке ямы. Он заставил себя ответить.

— Фракция Севера страстно желает отменить рабство, да. А другие просто хотят остановить его распространение на запад, но большинство лишь полагает, что южные штаты не должны диктовать свою политику остальной Америке.

— Да какое дело янки до ниггеров? Там и нет ни одного.

— Это вопрос морали, мистер Траслоу, — ответил Старбак, пытаясь стереть с глаз впитавшуюся в пот пыль своим покрытым опилками рукавом.

— А разве в конституции есть хоть одно хреново слово про мораль? — поинтересовался Траслоу с неподдельным любопытством.

— Нет, сэр. Нет сэр, там такого нет.

— Я всегда считал, что когда кто-то говорит о морали, он ничего о ней не знает. Если только он не проповедник. Так что нам делать с ниггерами, как думаешь, парень? — спросил Траслоу.

— Я думаю, сэр, — Старбак до смерти желал оказаться где угодно, только не в этой грязной и полной опилок яме, отвечая на мерзкие вопросы, — я думаю, сэр, — повторил он, отчаянно пытаясь придумать что-либо, имеющее смысл, — думаю, что каждый человек, не важно какого цвета, имеет равные права перед лицом Господа и людьми на одинаковую меру достоинства и счастья.

Старбак решил, что это прозвучало так, как сказал бы его старший брат Джеймс, каждое заявление которого было помпезным и безжизненным. Отец мог вещать о правах негров тоном, что и ангелов бы воодушевил, но Старбак не мог насытить слова энергией до такого рода вызова.

— Ты любишь ниггеров, вот оно в чем дело?

— Я считаю, что они такие же, как мы, мистер Траслоу.

— Свины тоже такие же, как мы, но это не мешает мне их убивать, когда приходит время. Ты одобряешь рабство, парень?

— Нет, мистер Траслоу.

— Почему же, парень? — зазвучал его резкий насмешливый голос с безоблачного неба наверху.

Старбак попытался вспомнить аргументы своего отца, не тот, простой, что никто не имеет права владеть другим человеком, но и более сложные, вроде того, что рабство превращает в раба и самого хозяина, и что оно унижает рабовладельца, и как отрицает достоинство Бога среди людей, которые являются его чернокожей копией, и как оно замедляет экономику рабовладельцев, заставляя белых ремесленников перемещаться на север и запад, но почему-то ему не пришел в голову ни один из этих сложных и убедительных ответов, а вместо этого он выдал просто осуждающую фразу:

— Потому что это неправильно.

— Говоришь, как баба, парень, — захохотал Траслоу. — Значит, Фалконер думает, что я должен драться за его друзей-рабовладельцев, хотя никто в этих холмах не может прокормить ни одного ниггера, так с чего бы это мне драться за тех, что могут содержать ниггеров?

— Не знаю, сэр, правда не знаю, — Старбак слишком устал, чтобы продолжать спор.

— Значит, предполагается, что я буду драться из-за пятидесяти баксов, да?

Голос Траслоу гремел.

— Держи ручку, парень.

— О Боже.

Мозоли на ладонях Старбака лопнули, превратившись в разорванную в клочья кожу, с которой стекали кровь и сукровица, но ему не оставалось выбора, кроме как схватиться за ручку пилы и потянуть ее вниз.

Боль при первом же движении заставила его громко взвыть, но, устыдившись этого звука, он еще крепче схватился за ручку, несмотря на агонию, и стальные зубья яростно впились в древесину.

— Вот так, парень! Ты учишься!

Старбак чувствовал себя так, как будто был при смерти, будто все тело превратилось в сгусток боли, которая сгибала его и тянула, и он к стыду своему позволил своему телу наваливаться всем весом на ручку

во время каждого движения пилы вверх, так что Траслоу мог облегчить его усталость на короткое мгновение, перед тем как вес Старбака потащит пилу вниз.

Ручка пилы была заляпана кровью, воздух со свистом вырывался из его рта, ноги едва его держали и все же зубастая сталь двигалась вверх и вниз, вверх и вниз, вверх и безжалостно вниз.

— Ты ведь еще не устал, парень, а?

— Нет.

— Мы едва начали. Поедешь и посмотришь на церковь пастора Митчелла в Неллисфореде, парень, и увидишь пол из сердцевины сосны, который мы с моим папашей напилили за день. Тяни, парень, тяни!

Старбак никогда не занимался подобной работой. Иногда зимой он ездил к своему дяде Мэттью в Лоуэлл, и там они пилили лед в замерзшем озере, чтобы наполнить ледник в доме, но эти поездки были просто забавой, прерываемой игрой в снежки или катанием на коньках вдоль берегов озера, под увешанными сосульками деревьями.

Распиловка бревна на доски была безжалостной, жестокой и беспощадной, но он не смел бросить работу, потому что чувствовал, что всё его существование, его будущее, его характер, даже его душа лежит на неистовых весах презрения Томаса Траслоу.

— Стой, парень, нужно вбить еще один клин.

Старбак отпустил ручку пилы, покачнулся, споткнулся и почти упал на стену ямы. Его руки слишком болели, чтобы их распрямить. Каждый вздох причинял боль. Он с трудом осознал, что к яме подошел второй человек, болтающий с Траслоу в течение уже нескольких таких болезненных минут, но не хотел посмотреть вверх, чтобы узнать, кто еще является свидетелем его унижения.

— Видел ли ты хоть раз такого достойного напарника, Ропер? — насмехался Траслоу.

Старбак по-прежнему не поднимал глаз.

— Это Ропер, парень, — сказал Траслоу. — Скажи здрасте.

— Добрый день, мистер Ропер, — смог вымолвить Старбак.

— Он зовет тебя мистером! — Траслоу находил это забавным. — Думает, вы, ниггеры, такие же, как и он, Ропер. Говорит, что у вас такие же права перед Господом, как и у него. Как считаешь, Ропер, именно так Господь и думает?

Ропер помедлил, чтобы осмотреть изнуренного Старбака.

— Полагаю, Господь захочет прижать меня к груди задолго до того, как приберет этого, — наконец ответил Ропер, и Старбак неохотно посмотрел вверх, увидев, что Ропер — это высокий чернокожий, которого явно веселит затруднительное положение Старбака.

— Выглядит так, будто ни для чего не сгодится, да? — сказал Ропер.

— Он неплохой работник, — неожиданно выступил Траслоу в защиту Старбака, и тот, услышав эти слова, почувствовал себя так, будто никогда в жизни не получал столь же ценного комплимента.

Траслоу, высказавший этот комплимент, прыгнул в яму.

— А теперь я покажу тебе, как это делается, парень, — он взялся за ручку пилы, кивнул Роперу, и внезапно огромное стальное лезвие потеряло четкие очертания, когда двое мужчин в одно мгновение вошли в привычный ритм.

— Вот как ты должен это делать! — заявил потрясенному Старбаку Траслоу, стараясь перекричать

звон пилы.

— Позволить стали сделать всю работу! Не бороться с ней, а позволить нарезать для тебя дерево. Мы с Ропером могли бы перепилить половину лесов Америки, не сбив дыхания.

Траслоу работал только одной рукой, стоя сбоку, так что поток пыли и опилок сыпался мимо его лица.

— Так что привело себя сюда, парень?

— Я же сказал вам, у меня письмо от...

— Нет, в смысле янки в Виргинию. Ты ведь янки, да?

Старбак, вспомнив утверждение Вашингтона Фалконера о том, как этот человек ненавидит янки, решил повести себя дерзко.

— И горжусь этим, да.

Траслоу выпустил в угол ямы струю табачной жижи изо рта.

— И что же ты делаешь здесь?

Старбак решил, что у него нет времени рассказывать про мадемуазель Демарест или про труппу «Дядя Том», и потому предложил сокращенный и менее болезненный вариант этой истории.

— Я был изгнан из семьи и нашел пристанище у мистера Фалконера.

— Почему у него?

— Я близкий друг Адама Фалконера.

— Вот как? — голос Траслоу звучал с одобрением. — И где Адам?

— Как мы последний раз слышали, в Чикаго.

— Что он там делает?

— Работает в Христианской Комиссии по установлению мира. Они устраивают молебны и раздают воззвания.

Траслоу захохотал.

— Воззвания и молебны делу не помогут, потому что Америка не хочет мира, парень. Твои янки хотят поучить нас жизни, прям как британцы в прошлом веке, но мы и теперь мы не станем их слушать, как и тогда. Это не их ума дело. Кто платит, тот и заказывает музыку, парень. Я скажу тебе, чего хочет Север, парень.

Во время этого разговора Траслоу продолжал дергать пилу вверх-вниз в безостановочном ритме.

— Север хочет нами управлять, вот чего. Это всё эти пруссаки, так я думаю. Они талдычат янки, как сделать правительство лучше, а янки такие дураки, что слушают, но я так тебе скажу — теперь уже слишком поздно.

— Слишком поздно?

— Разбитое яйцо не склеишь, парень. Америка разделилась надвое, а Север продался пруссакам, и мы попадем в эту передрыгу.

Старбак слишком устал, чтобы его заботили необычные теории Траслоу относительно Пруссии.

— А война?

— Нам просто придется ее выиграть. Выгнать этих янки. Я не собираюсь учить их жизни, так пусть и

они от меня отстанут.

— Так вы будете сражаться? — спросил Старбак, почувствовав прилив надежды, что его поручение может увенчаться успехом.

— Конечно, я буду сражаться. Но не за пятьдесят долларов, — Траслоу сделал паузу, пока Ропер вбивал клин в новый пропи́л.

Старбак, начавший понемногу дышать ровнее, нахмурился.

— Не в моей власти предложить больше, мистер Траслоу.

— Я и не прошу больше. Я буду сражаться, потому что хочу этого, и если бы я не хотел сражаться, то меня и за два раза по пятьдесят долларов нельзя было бы купить, хотя Фалконеру за всю жизнь этого не понять.

Траслоу замолчал, сплевывая струю вязкого табака.

— Его отец, тот знал, что накормленных псов на охоту не выгонишь, но Вашингтон? Он просто тряпка, всегда платит за то, что хочет получить, но меня не купишь. Я буду драться, чтобы оставить Америку такой, как есть, парень, чтобы оставить ее лучшей чертовой страной во всем проклятом мире, и если это означает прибить кучку ваших сраных северян, то так тому и быть. Готов, Ропер?

Пила снова скользнула вниз, оставив Старбака в недоумении, почему Вашингтон Фалконер так страстно желал заплатить за вступление Траслоу в армию. Может, просто потому, что этот человек мог привести с собой других крепких мужчин с гор?

В этом случае, подумал Старбак, деньги будут потрачены с пользой, потому что полк этих демонов с неплодородных земель будет непобедим.

— Так на кого ты учился, парень? — спросил Траслоу, продолжая пилить.

Старбак боролся с искушением солгать, но не нашел в себе ни сил, ни желания что-нибудь выдумать.

— На проповедника, — устало ответил он.

Пила внезапно остановилась, что вызвало протест у сбитого с ритма Ропера. Траслоу проигнорировал его протесты.

— Ты проповедник?

— Я учился на священника, — более точно объяснил Старбак.

— Так ты человек Господа?

— Надеюсь на это. Вообще-то, да.

Хотя он знал, что это не так, и это знание делало вероотступничество еще горше.

Траслоу недоверчиво уставился на Старбака, а потом, к его удивлению, провел руками по замаранной одежде, будто пытаясь привести себя в порядок перед гостем.

— У меня есть для тебя работа, — мрачно провозгласил он.

Старбак взглянул на зловещую зубастую пилу.

— Но...

— Работа проповедника, — оборвал его Траслоу. — Ропер! Лестницу.

Ропер спустил в яму самодельную лестницу, и Старбак, вздрагивая от боли в ладонях, поднялся по ее грубым перекладинам.

— У тебя есть с собой твоя книга? — спросил Траслоу, последовав за Старбаком вверх по лестнице.

— Книга?

— У всех проповедников есть книги. Неважно, дома есть одна. Ропер! Хочешь проехаться к дому Декеров? Скажи Салли и Роберту, чтобы быстро ехали сюда. Возьми его лошадь. Как тебя зовут, мистер?

— Старбак, Натаниэль Старбак.

Очевидно, это имя ничего не значило для Траслоу.

— Возьми кобылу мистера Старбака, — приказал он Роперу, — и скажи Салли, я не приму в ответ «нет».

Все эти инструкции Траслоу бросил через плечо, пока шел к своему бревенчатому дому. Собака стремглав отпрыгнула, когда мимо прошагал хозяин, а потом легла, злобно уставившись на Старбака и громко зарычала.

— Ты не возражаешь, если я возьму твою лошадь? — спросил Ропер. — Не волнуйся, я ее знаю. Я раньше работал на мистера Фалконера, Я знаю его кобылу, Покахонтас, это ведь она?

Старбак взмахнул усталой рукой в знак согласия.

— Кто такая Салли?

— Дочь Траслоу, — Ропер хихикнул, отвязывая поводья кобылы и поправляя седло.

— Дикая штучка, но ты знаешь, как о женщинах говорят. Они из гнезда дьявола, а юная Салли завлечет в капкан несколько душ, пока ей не надоест. Она сейчас здесь не живет. Когда ее мать умирала, она сбежала к миссус Декер, которая не выносит Траслоу.

Казалось, Ропера веселит этот людской клубок. Он вскочил в седло Покахонтас.

— Я отбываю, мистер Траслоу! — крикнул он в сторону хижины.

— Давай, Ропер! Поезжай! — Траслоу появился из дома с огромной библией в руках, у нее отсутствовала половина обложки и был надорван корешок. — Держи, мистер, — он сунул ветхую библию Старбаку, а потом склонился над бочкой с водой, вылив на голову горсть воды. Он попытался пригладить грязные спутанные волосы, придав им хоть какое-то подобие порядка, затем натянул лоснящуюся шляпу обратно и сделал жест Старбаку.

— Пошли, мистер.

Старбак последовал за Траслоу по поляне. В теплом вечернем воздухе жужжали мухи. Старбак засунул библию под мышку, чтобы избавить от нее израненные ладони, и попытался разъяснить Траслоу это недоразумение.

— Я не рукоположен, мистер Траслоу.

— Что означает не рукоположен? — Траслоу остановился на краю поляны, расстегивая грязные джинсы. Он уставился на Старбака, очевидно, ожидая ответа, а потом начал мочиться. — Это отгоняет оленей подальше от урожая, — объяснил он. — Так что означает «не рукоположен»?

— Это значит, что меня нельзя назначить пастором.

— Но ты же выучил эту книгу?

— Да, большую ее часть.

— И можешь быть рукоположен?

Старбака в тот же миг охватило чувство вины из-за мадемуазель Доминик Демарест.

— Я вообще не уверен, что я хочу стать священником.

— Но можешь им стать? — настаивал Траслоу.

— Полагаю, что да.

— Тогда ты мне подходишь. Пошли.

Он застегнул штаны и сделал Старбаку знак подойти к деревьям, где на ухоженном клочке травы под покрытым яркими красными цветами деревом находилась одинокая могила.

Могила была отмечена широким куском дерева, воткнутым в землю и содержащим единственное слово: «Эмили». Она выглядела довольно свежей, ее усыпанный опавшими лепестками холмик еще не порос травой.

— Она была моей женой, — сказал Траслоу удивительно слабым, почти робким голосом.

— Сожалею.

— Умерла на Рождество, — Траслоу моргнул, и внезапно Старбак ощутил волну печали, которая исходила от этого низкорослого и упорного человека, такую же горькую, сильную и непомерную, как и более привычные волны насилия, которые он излучал.

Казалось, что Траслоу потерял дар речи, будто в мире больше не было слов, чтобы выразить то, что он чувствует.

— Эмили была хорошей женой, — наконец произнес он, — и я был ей хорошим мужем. Она сделала меня таким. Хорошая женщина может сделать таким и мужчину. Она могла сделать мужчину хорошим.

— Она была больна? — неловко поинтересовался Старбак.

Траслоу кивнул. Он снял свою засаленную шляпу, неуклюже сжимая ее в сильных руках.

— Кровоизлияние в мозг. Это не было легкой смертью.

— Сожалею, — не к месту заявил Старбак.

— Один человек мог ее спасти. Янки, — Траслоу произнес последнее слово с едкой ненавистью, заставив Старбака поежиться. — Модный доктор с севера. Он посещал родственников в долине в день благодарения, — он мотнул головой на запад, показывая на долину Шенандоа, лежащую за горами.

— Доктор Дэнсон рассказал мне о нем, сказал, что он делает чудеса, и я помчался туда и умолял его приехать и осмотреть мою Эмили. Ее нельзя было передвигать, видишь ли. Я умолял его на коленях.

Траслоу замолчал, вспоминая свое унижение, а потом встряхнул головой.

— Этот человек отказался сдвинуться с места. Сказал, что он ничего не может сделать, но правда была в том, что он не хотел пошевелить своей толстой задницей и сесть на лошадь в такой дождь. Они выгнали меня из своего дома.

Старбак никогда не слышал, чтобы кого-нибудь излечили от кровоизлияния в мозг, и подозревал, что доктор-янки прекрасно понимал — что бы он не предпринял, это будет лишь потерей времени, но как кто-либо мог убедить в этом человека вроде Томаса Траслоу?

— Она умерла на Рождество, — тихо продолжал Траслоу. — Тогда здесь всё завалило снегом, как покрывалом. Мы остались лишь вдвоем, девчонка сбежала, будь она проклята.

— Салли?

— Черт, именно, — Траслоу теперь вытянулся по струнке, с руками, неуклюже прижатыми к груди, как если бы изображал положение в гробу своей возлюбленной Эмили.

— Мы с Эмили не были обвенчаны должным образом, — признался он Старбаку. — Она сбежала со мной за год до того, как я стал солдатом. Мне было всего шестнадцать, а ей ни днем больше, но она уже была замужем. Мы поступили неправильно и оба это знали, но вроде как не могли ничего с собой поделать.

В его глазах выступили слезы, и Старбак внезапно почувствовал, что рад узнать, что этот грубый человек когда-то повел себя так же глупо, как и Старбак не так давно.

— Я любил ее, — продолжал Траслоу, — вот в чем правда, хотя пастор Митчелл не повенчал нас, потому что сказал, что мы грешники.

— Уверен, он не имел права вас судить, — серьезно сказал Старбак.

— Думаю, имел. Его работа в том и заключается, чтобы нас судить. Для чего ж еще нужен проповедник, как не учить нас правильно себя вести? Я не жалуюсь, но Господь наказал нас, мистер Старбак. Только один наш ребенок выжил, и она разбила наши сердца, а теперь Эмили умерла, и я остался один. Бог не шутит, мистер Старбак.

Внезапно и совершенно неожиданно Старбак ощутил невероятный прилив сочувствия к этому неуклюжему и твердому человеку с непростым характером, стоящему в неловкой позе возле могилы, которую, должно быть, выкопал своими руками.

Или, может быть, ему помогал Ропер, или один из других беглецов, что жили в этой высокой долине вдали от взоров судей и сборщиков налогов, заразивших своим присутствием низменности. И к тому же в Рождество. Старбак представил, как он, прихрамывая, тащит тело по снегу и бросает его в холодную могилу.

— Мы не были обвенчаны должным образом, и ее не похоронили должным образом, ни один Божий человек не навестил ее, и я хочу, чтобы ты именно это для нее и сделал. Скажешь нужные слова, мистер Старбак. Скажи их для Эмили, потому что если ты произнесешь нужные слова, Господь заберет ее к себе.

— Уверен, так он и сделает, — в этот момент Старбак чувствовал себя на редкость неловко.

— Так скажи их, — теперь в голосе Томаса Траслоу не слышались никакие ноты насилия, лишь ужасная уязвимость.

На маленькой поляне воцарилась тишина. На землю легли длинные вечерние тени. «Боже милостивый, — думал Старбак, — но я же недостойн, совсем недостойн. Господь не услышит меня, грешника, но разве не все мы грешники?»

И правда, конечно, была в том, что Господь уже услышал молитву Томаса Траслоу, так как страдания Траслоу были гораздо красноречивее любой литании, которую могло подсказать Старбаку его образование.

И все же Траслоу нуждался в успокоительном ритуале, в древних, с любовью произнесенных словах, и Старбак крепко сжал книгу, закрыл глаза и поднял лицо к подернутым сумраком цветам, но неожиданно почувствовал себя дураком и самозванцем и никак не мог вспомнить слова. Он открыл рот, но не смог произнести ни слова.

— Правильно, — сказал Траслоу, — не торопись.

Для начала Старбак попытался вспомнить отрывок из Писания. В горле у него пересохло. Он открыл глаза и неожиданно вспомнил стих.

— Человек, рожденный женою, — начал Старбак, но его голос звучал хрипло и неуверенно, поэтому он начал заново. — Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печалью [\[4\]](#).

— Аминь, — произнес Томас Траслоу, — да будет так.

— Как цветок, он выходит...

— Так и есть, так и есть, хвала Господу, так и есть.

— И опадает.

— Господь забрал ее, Господь забрал ее, — Траслоу раскачивался взад и вперед с закрытыми глазами, пытаясь собрать всю свою силу.

— Убегает, как тень, и не останавливается.

— Боже, помоги нам, грешникам, — промолвил Траслоу, — Боже, помоги нам.

Старбак внезапно онемел. Он процитировал два первых стиха из четырнадцатой главы книги Иова и неожиданно вспомнил четвертый стих, в котором спрашивалось: «Кто родится чистым от нечистого?» Ответ дался ему с трудом: «Ни один». Конечно же неосвященное семейство Траслоу было нечистым?

— Молитесь, мистер, молитесь, — умолял Траслоу.

— О, Господь Бог, — Старбак подставил закрытые глаза гаснущему свету, — вспомни об Эмили, служившей тебе, о твоей рабе, которую забрали из этого мира к твоей вящей славе.

— Так и есть, так и есть! — Траслоу чуть ли не стонал в подтверждение.

— Вспомни об Эмили Траслоу, — нескладно продолжал Старбак.

— Мэллори, — вмешался Траслоу, — так ее звали, Эмили Марджори Мэллори. Разве мы не должны преклонить колени?

Он стянул с головы свою шляпу и упал на мягкую глинистую землю.

Старбак тоже опустился на колени.

— О, Боже, — снова начал он, он помолчал какое-то мгновение, затем, словно ниоткуда, на него нахлынули слова. Он почувствовал наполнявшее Траслоу горе и в свою очередь попытался переложить это горе на Господа.

Траслоу стонал, слушая молитву, в то время как Старбак поднял лицо к зеленым листьям, словно его слова могли полететь на мощных крыльях за кроны деревьев, за пределы чернеющего неба, за пределы первых слабо мерцающих звезд туда, где правил Господь в своем ужасно задумчивом величии.

Молитва была хорошей, и Старбак чувствовал ее силу и удивлялся, почему он не может молиться о себе так же, как он молился об этой незнакомой женщине.

— О, Боже, — сказал он напоследок, и на его глазах блеснули слезы, когда молитва подошла к концу, — Боже милостивый, услышь нашу молитву, услышь нас, услышь нас.

И затем снова наступила тишина, слышно было только шум ветра в листве, пение птиц и где-то в долине одинокий лай собаки.

Старбак открыл глаза и увидел следы слез на грязном лице Траслоу, странно, но этот низкорослый человек казался счастливым. Он наклонился вперед, запустив короткие сильные пальцы в грязь могилы, словно мог разговаривать с Эмили, схватившись вот так за землю над ее телом.

— Я отправляюсь на войну, Эмили, — произнес он, несколько не стесняясь того, что обращался к своей умершей жене в присутствии Старбака.

— Фалконер — дурак, и я пойду не ради него, но среди его солдат есть наши родственники, и я пойду ради них. В так называемый легион вступил твой брат, кузен Том тоже там, и ты бы хотела, моя девочка, чтобы я присмотрел за ними, поэтому я пойду. И у Салли все будет превосходно. Теперь у нее есть муж, он позаботится о ней, ты просто подожди меня, дорогая, и я буду с тобой, когда Бог даст. Это мистер Старбак, он помолился о тебе. Он справился, не так ли?

Траслоу рыдал, но теперь вытащил пальцы из земли и вытер их о свои джинсы, прежде чем похлопать себя по щекам.

— Ты хорошо молишься, — сказал он Старбаку.

— Думаю, вашу молитву услышали и без меня, — скромно ответил Старбак.

— Никогда нельзя быть полностью уверенным, правда? А Бог скоро оглохнет от молитв. Из-за войны. Поэтому я рад, что мы сказали свое слово прежде, чем его уши утонут в потоке слов, когда начнутся сражения. Эмили понравится твоя молитва. Ей всегда нравились хорошие молитвы. А теперь я хочу, чтобы ты помолился о Салли.

О, Боже, думал Старбак, это уже слишком!

— Что я должен сделать, мистер Траслоу?

— Помолиться о душе Салли. Она разочаровала нас, — Траслоу поднялся на ноги и натянул на голову свою широкополую шляпу. Он смотрел на могилу, пока продолжал свой рассказ.

— Она не похожа ни на свою мать, ни на меня. Не знаю, каким дурным ветром ее принесло к нам, но она появилась, и я обещал Эмили присмотреть за ней. Ей всего пятнадцать, и у нее уже будет ребенок, видишь ли.

— О... — Старбак не нашелся с ответом. Пятнадцать! Ровесница его младшей сестренки Марты, а ведь он все еще считал ее ребенком. Нат подумал, что в свои пятнадцать даже толком не знал, откуда дети то берутся. Ему казалось, что они появляются по распоряжению властей путем неких суетливых и суматошных обрядов с участием женщин, докторов и церкви.

— Она говорит, что это ребенок молодого Декера. Может и так. А может и нет. Так ты говоришь, Ридли был тут на прошлой неделе? Меня это беспокоит. Он вертелся вокруг моей Салли, словно у нее течка. Откуда мне знать, где она ошивалась, я как раз на прошлой неделе уезжал по делам.

Сперва Старбака подмывало объявить о помолвке Анны Фалконер и Ридли и, следовательно, непричастности последнего к беременности Салли, но что-то ему подсказало — Траслоу отреагирует на подобную наивность лишь горькой усмешкой. Поэтому он благоразумно промолчал.

— Она непохожа на мать..., — произнес Траслоу, адресуясь не столько Старбаку, сколько самому себе. — В ней есть какая-то дикость, что ли? Может, в меня, но точно не в Эмили. Но раз она говорит, что беременна от Роберта Декера — пусть будет так. Он ей верит, обещает жениться — пусть и это будет так, — Траслоу нагнулся и выдернул сорняк, выросший на могиле.

— Салли теперь там, — объяснил он Старбаку, — с Декерами. Она сказала, что не может жить со мной, но на самом деле она не вытерпела боли и смерти матери. Теперь она беременна, так что ей нужно супружество, свой дом, а не прозябание на средства от милостыни. Я пообещал Эмили, что присмотрю за ней. И я присматриваю. Отдам Салли и ее парнишке участок, пусть ребенок растет здесь. Я им не нужен. Салли со мной никогда не уживалась, так что пусть заберут эту землю и будут надлежащей семьей. Вот чего я хочу от тебя, мистер Старбак — чтобы ты обвенчал их надлежащим образом. Они уже едут сюда.

— Я не могу их обвенчать! — запротестовал Старбак.

— Если у тебя получилось отправить душу моей Эмили на небеса — получится и обвенчать мою дочь и Роберта Декера.

Великий Боже, подумалось Старбаку, и каким же образом объяснить Томасу Траслоу его вопиющее заблуждение касательно разницы между церковной и светской властью?

— Для надлежащего бракосочетания, — продолжил настаивать он, — ей следует отправиться к мировому судье и...

— Власть Господа превыше любого судьи, — Траслоу зашагал прочь от могилы. — Салли будет обвенчана слугой Божиим, а не каким-то адвокатом, которому лишь бы денег стясти.

— Я не рукоположен!

— Не надо таких отговорок. Ты меня целиком устраиваешь. Я ведь слышал твои слова, мистер Старбак, и если Господь не прислушается к твоим словам — значит, он вообще ни к чьим не прислушается. И если моей Салли суждено выйти замуж, я хочу, чтобы ее обвенчали по всем законам Божиим. Я не хочу, чтобы она снова беспорядочно гуляла. Когда-то она была взбалмошной, но ей пора осесть. Так что помолись за нее.

Старбак не разделял веры в молитву, способную заставить девчонку «осесть», но почему-то говорить об этом Траслоу не хотелось.

— Почему вы не отвезете ее в долину? Наверняка там найдутся священники, которые должным образом обвенчают их.

— Священники в долине, мистер, — Траслоу, придавая веса своим словам, ткнул Старбака пальцем в грудь, — оказались слишком, мать их, важными птицами, чтобы заняться похоронами моей Эмили и — поверь мне, мистер! — они такие же, мать их, слишком важные, чтобы обручить мою дочь с ее парнем! А ты что же, решил, что тоже слишком хорош для таких как мы? — палец снова совершил атаку на грудь Старбака и остановился.

— Для меня будет честью отслужить для вашей дочери службу, сэр, — поспешно заверил его Старбак.

Салли Траслоу и ее парень прибыли после захода солнца. Салли сидела верхом на лошади, которую вел Ропер. У крыльца отцовского дома, освещаемого свечным фонарем, она спрыгнула.

Не смея встречаться взглядом с отцом, Салли, одетая в голубое платье, смотрела в землю, прикрывшись черным чепцом. Беременность еще не отразилась на ее тонкой талии.

Позади стоял молодой человек с круглым и невинным лицом. Он был чисто выбрит, но казалось, что ему вообще не по силам отпустить бороду даже при желании. Ему вполне могло быть шестнадцать, хотя Старбаку показалось, что и того меньше. Роберт Декер обладал жесткими, песочного цвета волосами и доверчивыми голубыми глазами. Пряча улыбку, он кивнул, приветствуя будущего тестя.

— Мистер Траслоу, — с осторожностью произнес юноша.

— Роберт Декер, — ответил Траслоу. — Познакомься с Натаниэлем Старбаком. Он — слуга Божий и согласился обвенчать тебя и Салли.

Декер, нервно теребя обеими руками шляпу, радостно кивнул Старбаку:

— Очень рад знакомству, мистер!

— Смотри сюда, Салли! — прогремел Траслоу.

— Я не знаю, хочу ли замуж, — жалобно возразила она.

— Будешь делать, как говорят, — прорычал отец.

— Я хочу обвенчаться в церкви! — настаивала девушка. — Как Лора Тейлор, настоящим церковником!

Старбак не услышал и одного слова, да и вообще, ему было плевать, что она говорит. Он просто стоял и пялился на Салли Траслоу, мысленно спрашивая себя, для чего Господь создал подобную загадку.

С чего бы деревенской девушке, плоду прелюбодеяния с грубияном, обладать такой красотой, что затмевала само солнце? А Салли Траслоу была красавицей. Ее глаза были синими, как небо над морем Нантакета, лицо прекрасным, а губы — полными и манящими, о каких только можно мечтать.

В свете фонаря ее шоколадные волосы с золотистыми прядками казались еще ярче.

— Свадьба должна быть настоящей — ныла Салли, — с венчанием вокруг аналая.

Без венчания женились жители глубинки или рабы.

— Ты собираешься воспитывать ребенка сама, Салли, — спросил Траслоу, — без мужа?

— Так нельзя, Салли, — жалко и тревожно добавил Декер, — тебе нужен мужчина, чтобы работать и присматривать за вами.

— Может, и не будет никакого ребенка, — с обидой огрызнулась она.

Рука Траслоу, подобно молнии, взметнулась вверх и в полную силу хлестнула Салли по щеке. Звук от удара был похож на щелчок кнута.

— Убьешь ребенка, — угрожающе прорычал он, — и я твою спину так ремнем оттяну, что кости выступать будут, поняла?

— Ничего я не сделаю, — захныкала она, согнувшись от удара. Лицо покраснело от пощечины, но в глазах все еще горели воинственность и хитрость.

— Знаешь, как я поступаю с коровами, которые бросают детенышей? — заорал Траслоу. — Я режу их. Думаешь, кому-то будет дело, если я похороню в земле еще одну суку, убившую ребенка?

— Да ничего не сделаю я! Правда! Я буду хорошей девочкой.

— Правда, мистер Траслоу, — поддержал ее Роберт Декер. — Ничего такого не случится.

Невозмутимый Ропер стоял позади парочки. Траслоу пристально взгляделся в Декера:

— Почему ты хочешь на ней жениться, Роберт?

— Я ее очень люблю, мистер Траслоу, — смущенно признался он, но тут же ухмыльнулся и покосился на Салли. — И ведь это мой ребенок. Я точно знаю, что мой.

— Свадьба будет настоящей, — оглянулся на свою дочь Траслоу, — мистер Старбак знает, как разговаривать с Богом, а если ты, Салли, нарушишь клятву, Бог сдерет с тебя кожу и порвет на куски. Не гневи Бога, девчонка. Оскорбишь его и закончишь так же, как твоя мать, умрешь раньше времени и станешь кормом для червей.

— Я буду послушной, — проскулила Салли и впервые взглянула на Старбака, у Ната перехватило дыхание, когда он посмотрел на нее.

Однажды, когда Старбак был еще ребенком, дядя Мэтью повел его в Фэнл-Холл посмотреть на электрические опыты, и Нат стоял в кругу, держась за руки с другими зеваками, когда лектор пропустил ток через их соединенные тела.

Тогда он почувствовал то же, что и сейчас: волнующую дрожь, после которой весь остальной мир потерял свое значение.

И тут же, едва познав восторг, он почувствовал отчаяние. Это чувство было грехом, проделкой

дьявола. Неужели он и правда слаб духом?

Разве должен простой, благопристойный мужчина приходить в такой восторг от любого смазливого личика? Затем, в приступе ревности, Нат задумался над тем, прав ли Траслоу в своих подозрениях и был ли Итан Ридли возлюбленным Салли, и Старбак ощутил укол губительной ревности, острой как лезвие, затем лютую ярость, что Ридли обманывал Вашингтона и Анну Фалконеров.

— Вы настоящий церковник? — спросила Старбака Салли, вздернув нос.

— Иначе бы я не просил его обвенчать вас, — твердил ее отец.

— Я сама его спросила, — с вызовом ответила Салли, продолжая смотреть на Старбака, и он знал, что она видит его насквозь.

Она видела его похоть и слабость, его греховность и страх. Отец часто предостерегал Ната против женских чар, и Старбаку казалось, что он уже повстречал самые дьявольские из них в лице мадмуазель Доминик Демарест, но сила Доминик была ничем по сравнению с напором этой девушки.

— О чем еще может девушка спросить церковника, который венчает ее, как не о его сане, — упрямо продолжала Салли.

Голос Салли был таким же низким, как и у ее отца, но если его голос пугал, то ее — вызывал более опасное ощущение.

— Так вы настоящий церковник, мистер? — снова требовательно спросила она.

— Да, — Старбак солгал ради Томаса Траслоу и потому, что не посмел сказать правду, которая приковала бы его к этой девушке.

— Полагаю, теперь мы полностью готовы, — с вызовом произнесла Салли. Ей не хотелось замуж, но и угрозы ей тоже были не по сердцу. — А кольцо у тебя есть, па?

Вопрос был обычным, но Старбак сразу понял, что он вызвал бурю эмоций. Траслоу демонстративно уставился на дочь, на ее щеке все еще виднелся отпечаток его руки, но Салли не уступала ему в дерзости. Роберт Декер перевел взгляд на отца, потом снова на дочь, но у него хватило ума промолчать.

— Это кольцо особенное, — промолвил Траслоу.

— Ты приберегаешь его для другой женщины, — ухмыльнулась Салли, и Нат решил, что Траслоу снова ударит ее, но тот лишь запустил руку в карман сюртука и вытащил маленький кожаный мешочек. Он развязал шнурок и развернул лоскут синей материи, чтобы показать кольцо, блеснувшее в темноте. Это было серебряное колечко с какой-то гравировкой, которую Старбак не мог различить.

— Это кольцо принадлежало твоей матери, — сказал Траслоу.

— И мама всегда говорила, что оно должно достаться мне, — упрямо твердила Салли.

— Надо было похоронить его вместе с ней, — Траслоу пристально смотрел на кольцо, было ясно, что эта реликвия имела для него большую ценность, затем порывисто, словно боясь, что будет сожалеть о своем решении, бросил кольцо Старбаку.

— Говори свою речь, — рявкнул Траслоу.

Ропер стянул с головы шляпу, а юный Декер придал лицу серьезное выражение. Салли облизнула губы и улыбнулась Старбаку, который глядел на серебряное кольцо, лежавшее на потрепанной Библии. Он увидел, что на кольце были выгравированы какие-то слова, но не смог разобрать их в тусклом свете фонаря. Боже, думал Нат, какие слова он должен подобрать для этой пародии на брак? Это испытание было еще хуже ямы для распиловки.

— Начинай, мистер, — прорычал Траслоу.

— Господь освятил брак, — услышал Старбак свои слова, пока отчаянно пытался вспомнить венчания, на которых бывал в Бостоне, — как акт своей любви, как таинство, в котором мы можем рождать детей, чтобы они служили Богу. Заповеди брака просты: любите друг друга.

Произнося эти слова, Нат посмотрел на Роберта Декера, и юноша одобрительно кивнул головой, словно Старбак нуждался в поддержке. Нату было ужасно жаль этого честного простака, порабощенного соблазнительницей, затем он взглянул на Салли.

— И храните верность друг другу, пока смерть не разлучит вас.

Салли улыбнулась Старбаку, и слова, которые он только что собирался произнести, растаяли как туман на полуденном солнце. Нат открыл было рот и тут же закрыл, не зная, что сказать.

— Ты слышала его слова, Салли Траслоу? — требовательно спросил ее отец.

— Конечно, я же не глухая.

— Возьми кольцо, Роберт, — велел Старбак и поразился своему безрассудству. В семинарии его учили, что таинства — священные ритуалы, которые могут служить только избранные, самые праведные из людей, и вот он, грешник, проводил в мигающем свете облюбованного мотыльками фонаря этот аморальный ритуал под зарождающейся виргинской луной.

— Положи правую руку на Библию, — сказал он Роберту, и тот положил свою грязную от работы руку на семейную Библию с надорванным корешком, которую Старбак все еще держал в руках.

— Повторяйте за мной, — произнес Старбак и придумал брачную клятву, с которой обратился к каждому по очереди, затем Нат приказал Роберту надеть кольцо на палец Салли, объявил их мужем и женой, закрыл глаза и поднял голову к звездному небу.

— Да пребудет с каждым из вас благословение Господа нашего, — произнес Старбак, — и его любовь, и его защита, и уберет вас от зла отныне и во веки веков. Мы просим об этом во имя того, кто любил нас настолько сильно, что пожертвовал единственным сыном ради искупления наших грехов. Аминь.

— Да будет так, — сказал Томас Траслоу, — аминь.

— Слава Господу, аминь, — произнес из-за спины молодоженов Ропер.

— Аминь, — лицо Роберта Декера светилось от счастья.

— На этом все? — спросила Салли Декер.

— И так будет до конца твоих дней, — рявкнул ее отец, — ты поклялась в верности, храни это обещание, девочка, или будешь страдать.

Траслоу схватил ее за левую руку, и хоть Салли попыталась отшатнуться, притянул ее к себе. Он посмотрел на серебряное кольцо на ее пальце.

— И храни это кольцо, девочка.

Салли не ответила, и Старбак подумал, что, выудив у отца кольцо, она одержала победу над ним, а победа для нее была гораздо важнее свадьбы.

Траслоу отпустил ее руку.

— Ты запишешь их имена в библии? — спросил он Старбака. — Для порядка?

— Конечно, — ответил Старбак.

— В доме есть стол, а в кувшине на каминной полке лежит карандаш. Если собака кинется, пни ее

ногой, — сказал Траслоу.

Нат внес фонарь и библию в дом, где была всего одна комната, обставленная простой мебелью.

В комнате находилась кровать, стол, стул, два сундука, камин с крюком над очагом, скамья, прялка, решето для крупы, стойка с ружьями, коса и висел портрет Эндрю Джексона в раме.

Старбак сел за стол, открыл библию и нашел семейный реестр. Он пожалел, что у него не было чернил, чтобы сделать запись, но ему пришлось довольствоваться карандашом Томаса Траслоу.

Он посмотрел на список имен в реестре, начинавшийся с первых Траслоу, приехавших в Новый Свет еще в 1710 году, и увидел, что на последней заполненной строке кто-то криво сделал запись о смерти Эмили Траслоу печатными буквами, а в квадратных скобках добавил фамилию «Мэллори» на тот случай, если Бог не знает, кто такая Эмили Траслоу.

Строкой выше была простая запись о рождении Салли Эмили Траслоу в мае 1846 года, и Нат понял, что девушке исполнилось пятнадцать всего два дня назад.

«Воскресенье, 26 мая, 1861 год», — с трудом написал Нат, болели покрытые волдырями руки.

«Салли Траслоу и Роберт Декер соединены узами священного брака». В соседней колонке должно было значиться имя совершившего обряд священника. Старбак помедлил, затем вписал туда свое имя: Натаниэль Джозеф Старбак.

— Вы не настоящий священник, так? — Салли вошла в дом и с вызовом посмотрела на Старбака.

— Господь делает нас теми, кто мы есть, а кто я, не тебе о том спрашивать, — сурово, насколько смог, ответил Нат и почувствовал себя ужасно важным, но он боялся оказаться во власти девушки и нашел спасение в напыщенности.

Салли засмеялась, зная, что он лжет.

— Должна сказать, у вас очень приятный голос, — она подошла к столу и посмотрела на открытую Библию. — Я не умею читать. Один человек обещал научить меня, но так и не нашел время.

Старбак испугался, что знает этого человека, и хотя одна часть его не хотела это признавать, другая его часть хотела убедиться в подозрениях.

— Это Итан Ридли побещал тебе? — спросил ее Нат.

— Вы знаете Итана? — удивленно спросила Салли, затем кивнула. — Итан обещал научить меня читать. Он много чего обещал, но ничего не сделал. Пока не сделал, но еще ведь есть время?

— Разве есть? — спросил Нат. Он уверял себя, что его шокировало предательство Ридли по отношению к мягкой Анне Фалконер, но также понимал, что страшно завидует Итану Ридли.

— Мне нравится Итан, — Салли теперь дразнила Ната. — Он нарисовал мой портрет. Очень красивый.

— Он хорошо рисует, — попытался ответить Старбак равнодушным тоном.

Салли стояла перед ним.

— Итан говорит, что однажды заберет меня. Сделает из меня настоящую леди, подарит мне жемчуг и кольцо на палец. Золотое. Настоящее, не такое, как это.

Она протянула палец с только что надетым кольцом и коснулась руки Старбака, послав импульс ему прямо в сердце, словно молния. Салли понизила голос почти до заговорщического шепота.

— Вы сделаете это для меня, священник?

— Был бы рад научить вас читать, миссис Декер, — Старбак почувствовал легкое головокружение. Он

знал, что должен отдернуть руку от этого поглаживания, но не хотел, да и не мог.

Он был очарован ею и уставился на кольцо. Буквы, вырезанные в серебре, были полустертыми, но все же разборчивыми. «Я люблю тебя», — гласили они по-французски. Это было дешевое французское кольцо для влюбленных, представлявшее ценность только для человека, чья любовь его носила.

— Вы знаете, что написано на кольце, священник? — спросила Салли.

— Да.

— Скажите мне.

Он посмотрел ей в глаза и сразу же опустил их вниз. Похоть внутри причиняла боль.

— Что там написано, мистер?

— Это французский.

— Но что там написано? — её палец все еще слегка касался его руки.

— Там написано «Я люблю тебя», — Старбак не смел взглянуть на неё.

Она очень тихо рассмеялась и скользнула пальцем по руке в сторону его среднего пальца.

— Вы дадите мне жемчуг? Как обещал Итан? — насмешливо спросила Салли.

— Я попробую. — Ему не следовало это говорить, он даже не был уверен, что хотел сказать это, он просто услышал, что произносит это, и в его голосе прозвучала грусть.

— Вы что-то знаете, священник?

— Что? — Старбак поднял на неё взгляд.

— У вас взгляд, как у моего отца.

— Неужели?

Ее палец все еще оставался у него на руке.

— Я же не по-настоящему замужем, да? — она больше не дразнила, но вдруг стала задумчивой. Старбак ничего не ответил, и она опечалилась.

— Вы действительно мне поможете? — спросила она, и в ее голосе прозвучала нота неподдельного отчаяния. Она больше не флиртвала и говорила как несчастный ребенок.

— Да, — ответил Старбак, хотя точно знал, что ему не следовало обещать такую помощь.

— Я не могу здесь оставаться, — сказала Салли, — я просто хочу оказаться отсюда подальше.

— Я помогу вам, если смогу, — сказал Старбак, и знал, что обещал больше, чем может дать, и что обещание происходило от глупости, но даже в этом случае он хотел, чтобы она ему доверяла.

— Обещаю, что помогу, — сказал он, и сделал движение, чтобы взять ее руку в свою, но она резко отдернула пальцы, когда открылась дверь.

— Раз уж ты здесь, девочка, — произнес Траслоу, — то приготовь нам ужин. Там курица в горшке.

— Я больше не твоя кухарка, — сварливо сказала Салли, потом отскочила, уклоняясь, когда отец поднял руку. Старбак закрыл Библию и задумался, было ли его предательство очевидным для Траслоу. Девушка готовила, а Старбак смотрел в огонь, мечтая.

На следующее утро Томас Траслоу отдал свой дом, землю и лучший кожаный ремень Роберту Декеру. Он лишь наказал мальчишке ухаживать за могилой Эмили.

— Ропер поможет вам с землей. Он знает, что лучше растет и как, и знает животных, которых я оставляю вам. Он теперь ваш арендатор, но он хороший сосед и поможет тебе, парень, но и ты помогай ему. Хорошие соседи делают жизнь проще.

— Да, сэр.

— И Ропер будет пользоваться распилочной ямой в ближайшие дни. Позволь ему.

— Да, сэр.

— А ремень для Салли. Не позволяйте ей командовать тобой. Один удар, и она будет знать свое место.

— Да, сэр, — снова подтвердил Роберт Декер, но без особой уверенности.

— Я отправляюсь на войну, парень, — сказал Траслоу, — только Господь знает, когда я вернусь. И вернусь ли.

— Я должен сражаться, сэр. Неправильно, что я не могу воевать.

— Нельзя тебе, — резко оборвал его Траслоу. — У тебя на плечах женщина и ребенок. У меня нет никого. Свою жизнь я уже прожил, так что вполне могу закончить ее парочкой уроков для янки, чтобы учились свои загребушие лапы держать при себе.

Он покатал во рту табак и, сплюнув комок, снова посмотрел на Декера:

— Проследи, чтобы она берегла кольцо, парень. Оно принадлежало моей Эмили, и я вообще не уверен, что надо было его отдавать, но Эмили сама этого хотела.

Старбаку хотелось, чтобы Салли вышла, но она оставалась в хижине. Он желал побыть с ней хоть несколько секунд. Желал поговорить с ней, сказать, что понимает и разделяет ее несчастье, но она все не показывалась, а Траслоу не позвал ее.

Как понял Старбак, отец даже не попрощался с дочерью. Вместо этого он взял с собой длинный охотничий нож, длинноствольную винтовку и пистолет, остальное же оставил зятю.

Оседлав коня злобного вида, он побыл наедине с Эмили у ее могилы, а затем повел Старбака к горному хребту.

Сияющее солнце, казалось, заставляло листья лучиться светом изнутри. Траслоу приостановился у гребня — не за тем, чтобы оглянуться на родную землю, которую покидал, но для того, чтобы устремить взгляд вдаль, на восток — туда, где миля за милей простиралась и тянулась к морю Америка. Америка, которой еще предстояло быть расчлененной надвигающейся мясорубкой.

Часть вторая

Глава пятая

Над центральной ярмарочной площадью Ричмонда клубилась пыль. Ее поднимали одиннадцать полков, марширующие туда и обратно по большому полю, вытопанному до последней былинки и превращенному в пыль бесконечной строевой подготовкой, которой по настоянию генерал-майора Роберта Ли в принудительном порядке занимались все рекруты, прибывшие защищать Конфедерацию.

Красно-коричневая пыль, разносимая ветром, оседала на каждой стене, крыше и изгороди в полутора милях от ярмарочной площади, так что даже цветы распустившихся магнолий по краям площадки, казалось, потускнели и приобрели странноватый светло-кирпичный цвет. Форма Итана Ридли пропиталась пылью, придавшей серой одежде красноватый оттенок.

Ридли пришел на ярмарочную площадь, чтобы найти своего тучного и близорукого сводного брата Бельведера Дилейни, который, восседая на пегой лошади с провислой спиной с изыщством лопнувшего мешка, наблюдал за энергично марширующими перед ним полками. Дилейни, хоть и в гражданской одежде, отдавал честь проходящим мимо войскам с генеральским апломбом.

— Я готовлюсь ко вступлению в армию, — поприветствовал он сводного брата, нисколько не удивляясь неожиданному появлению в городе Ридли.

— Ты же не вступишь в армию, Бев, ты слишком мягкотел.

— Напротив, Итан, я военный юрист. Я сам выдумал эту должность и предложил ее губернатору, который был достаточно любезен, назначив меня. В данный момент я капитан, но повышу себя в должности, если сочту это звание слишком заурядным для человека моих склонностей и выдающихся качеств. Отлично, ребята! Отлично! Очень толково!

Дилейни выкрикивал эти поощрения ошеломленной роте алабамской пехоты, маршировавшей мимо рукоплещущих наблюдателей.

Для жителей Ричмонда, обнаруживших, что они живут в новой столице Конфедеративных Штатов Америки, излюбленной прогулкой стало посещение ярмарочной площади — обстоятельство, доставлявшее особенное удовольствие Бельведеру Дилейни.

— Чем больше политиков будет в Ричмонде, тем больше будет коррупции, — пояснил он Ридли, — а чем больше коррупции, тем крупнее доходы. Я сомневаюсь, что мы когда-нибудь сможем сравняться в этом деле с Вашингтоном, но должны сделать все от нас зависящее в этот дарованный богом короткий промежуток времени.

Дилейни наградил улыбкой своего нахмурившегося брата.

— И как долго ты будешь в Ричмонде? Я полагаю, ты остановишься на Грейс-стрит. Джордж сказал тебе, что я здесь?

Джордж был слугой Дилейни, рабом, но с манерами и поведением аристократа. Ридли не очень жаловал надменного Джорджа, но ему пришлось бы мириться с рабом, если он собирался остановиться в квартире брата на Грейс-стрит.

— Так что привело тебя в наш добропорядочный город? — спросил Дилейни. — Конечно, кроме прелестей моего общества.

— Пушки. Два шестифунтовика, которые обнаружил Фалконер на заводе Бауэрс. Пушки собирались переплавить, но Фалконер купил их.

— Что ж, никакой выгоды для нас, — сказал Дилейни.

— Он нуждается в боеприпасах, — Ридли сделал паузу, чтобы прикурить сигару, — и в передках. И в зарядных ящиках.

— Ах! Я слышу нежное позвякивание долларов, переходящих из рук в руки, — с восхищением произнес Бельведер Дилейни и повернулся, чтобы посмотреть на полк виргинской милиции, маршировавший мимо них с великолепной четкостью челнока на ткацком станке.

— Если бы все войска были так хороши, как эти, — сказал он сводному брату, — то война была бы почти выиграна, но мы должны избавиться от кой-какого сброда, желающего воевать. Вчера я видел сборище, называвшее себя Линкольнскими конными убийцами Макгаррити, Макгаррити — их самозванный полковник, как ты, наверное, понял, и четырнадцать слизняков делили десять лошадей, два палаша, четыре дробовика и веревку для повешения. Веревка была длиной в двадцать футов, с петлей на конце, что, как они мне сказали, более чем достаточно для Эйба.

Итан Ридли был заинтересован не в редких видах южных солдат, а в выгоде, которую мог извлечь при помощи своего сводного брата.

— У тебя есть боеприпасы для шестифунтовика?

— Боюсь, просто в неограниченных количествах, — признался Дилейни. — Практически все круглые ядра мы отдали, но, конечно, можем сделать нескромную прибыль на картечи и снарядах.

Он остановился, коснувшись шляпы, чтобы поприветствовать губернатора штата, который страстно желал войны до того, как выстрелили первые орудия, но после этого обнаружил хромоту ноги, искривление спины и проблемы с печенью.

Политик-инвалид, обложенный пышными подушками, в ответ на приветствие Дилейни вяло поднял свою трость с золотым набалдашником.

— И я, конечно, смогу найти несколько передков и зарядных ящиков с отличной прибылью, — весело продолжил Дилейни.

Его радость была вызвана прибылью, проистекавшей из настойчивого требования Фалконера, чтобы ни один ботинок или пуговица не были приобретены для его Легиона у штата — упрямство, которое Дилейни рассматривал как свой шанс.

Дилейни использовал свои обширные связи в правительстве штата для закупки из его арсеналов товаров на свое имя, которые он перепродавал своему сводному брату, работавшему агентом по закупкам для Фалконера.

Цена товаров неизменно удваивалась или даже учетверялась во время сделок, и братья делили прибыль поровну. Это была удачная схема, помимо всего прочего, принесшая Фалконеру винтовки Миссисипи стоимостью двенадцать тысяч долларов, которые стоили Бельведеру Дилейни всего лишь шесть тысяч, сорокадолларовые палатки стоимостью шестнадцать долларов и тысячу двухдолларовых ботинок, купленных братьями по восемьдесят центов за пару.

— Полагаю, оружейный передок должен стоить не меньше четырехсот долларов, — вслух рассуждал Дилейни. — Скажем, восемьсот долларов для Фалконера?

— По меньшей мере, — Ридли нуждался в прибыли намного больше своего старшего брата, поэтому и был так рад вернуться в Ричмонд, где мог не только делать деньги, но и освободиться от надоедливой

привязанности Анны.

Он сказал себе, что женитьба непременно облегчит отношения между ним и дочкой Фалконера, и как только он будет обеспечен богатством этой семьи, то не будет так противиться капризам Анны. В богатстве, как верил Ридли, лежало разрешение всех горестей жизни.

Бельведеру Дилейни тоже нравилось богатство, но только если оно впоследствии приносило власть. Он придержал лошадь, чтобы посмотреть на марширующую мимо роту уроженцев Миссисипи, отлично выглядящих бородатых мужчин, загорелых и поджарых, но вооруженных устаревшими кремневыми ружьями, такими же, с которыми выступали их деды против красномундирников.

Предстоящая война, надеялся Дилейни, должна быть недолгой, потому что Север, без сомнения, сметет этих полных энтузиазма дилетантов с их простецким вооружением и нескладной поступью, и когда это случится, Дилейни планировал получить еще большую прибыль, чем те жалкие доллары, которые он сейчас зарабатывал, снаряжая Легион Вашингтона Фалконера.

Потому что Бельведер Дилейни, хотя и южанин по рождению и воспитанию, был северянином по расчету, и хотя он еще не стал шпионом, он спокойно дал понять своим друзьям из северных штатов, что намеревался служить их интересам в столице Виргинии.

Дилейни надеялся, что когда северяне одержат победу, сторонников законного федерального правительства на Юге могло ожидать щедрое вознаграждение.

Дилейни знал, это было дальней перспективой, но обладание такими видами на будущее, пока глупцы вокруг него рисковали своими жизнями и имуществом, доставляло Бельведеру Дилейни безмерное удовольствие.

— Расскажи мне о Старбаке, — неожиданно попросил он своего брата, пока они медленно ехали по периметру ярмарочной площади.

— Зачем? — Ридли был удивлен неожиданным вопросом.

— Потому что меня интересует сын Элияла Старбака, — на самом деле это мысли о южанах, поддерживающих север, и северянах, воюющих за юг, натолкнули Дилейни на мысль о Старбаке. — Я встречался с ним, ты не знал?

— Он ничего не говорил. — голос Ридли звучал обиженно.

— Он мне очень понравился. Быстро соображает. Слишком непостоянен, чтобы стать успешным, но неглупый молодой человек.

Итан Ридли презрительно ухмыльнулся в ответ на эту великодушную оценку.

— Он чертов сын священника. Набожный бостонский сукин сын.

Дилейни, считавший, что лучше своего сводного брата знает жизнь, подозревал, что любой молодой человек, готовый рискнуть всем своим будущим ради шлюхи со сцены, скорее всего, был намного менее добродетелен и более занятен, чем предполагал Ридли, и во время продолжительной попойки со Старбаком ощутил нечто более сложное и интересное в этом молодом человеке. Старбак, как отметил Дилейни, вовлек себя в мрачный лабиринт, где создания, подобные Доминик Демарест, боролись против добродетелей, привитых кальвинистским воспитанием, и эта борьба будет редкостным и злостным дельцем.

Дилейни инстинктивно надеялся, что кальвинизм будет побежден, но также понимал, что добродетельная сторона характера Старбака каким-то образом злит его сводного брата.

— Почему мы находим добродетель такой раздражающей? — вслух удивился Дилейни.

— Потому что это наивысшее стремление глупцов, — едко сказал Ридли.

— Или потому что восторгаемся добродетелью других, зная, что сами не сможем достичь ее? — все еще допытывался Дилейни.

— Тебе, возможно, и хочется достичь ее, но не мне.

— Не будь смешон, Итан. И скажи мне, почему ты так не любишь Старбака.

— Потому что ублюдок отнял у меня пятьдесят баксов.

— Ах! Тогда он задел тебя за живое, — Дилейни, который знал, насколько жаден его сводный брат, рассмеялся. — И как же сыну священника удалось их присвоить?

— Я заключил с ним пари, что ему не удастся выманить человека по имени Траслоу с холмов, но, черт побери, ему это удалось.

— Дятел говорил мне о Траслоу, — сказал Дилейни. — Но почему ты не завербовал его?

— Потому что если Траслоу увидит меня рядом со своей дочерью, он убьет меня.

— А! — улыбнулся Дилейни и отметил, что каждый создает собственный запутанный узел. Старбак запутался между грехом и удовольствием, сам он находился в западне между Севером и Югом, а его сводный брат был в силках у похоти.

— У убийцы есть причина прикончить тебя? — спросил Дилейни, а затем извлек сигарету из портсигара и прикурил от сигары сводного брата. Сигарета была в желтой бумаге, начиненной табаком с ароматом лимона. — Ну так что же? — напомнил Итану Дилейни.

— У него есть причина, — признался Ридли, а затем не смог удержаться от хвастливого смеха. — У него скоро будет внучок-ублюдок.

— Твой?

Ридли кивнул головой.

— Траслоу не знает, что ребенок мой, и девчонка все равно замужем, так что я вышел сухим из воды из всего этого. За исключением того, что мне пришлось заплатить сучке за молчание.

— И много?

— Достаточно, — Ридли вдохнул горький дым своей сигары и укоризненно покачал головой. — Она жадная сука, но Боже мой, Бев, тебе стоит увидеть девчонку.

— Дочь убийцы — красавица? — эта мысль Дилейни позабавила.

— Необыкновенная, — Ридли произнес это с искренним трепетом в голосе. — Вот, взгляни, — он вытащил кожаный бумажник из верхнего кармана мундира и вручил его Дилейни.

Раскрыв бумажник, Дилейни обнаружил рисунок, пять дюймов на четыре, который изображал обнаженную девушку, сидевшую на опушке леса рядом с ручьем. Дилейни не переставал удивляться таланту своего брата, хотя и неразвитому и с ленцой применявшемуся, но все равно потрясавшему. Господь, подумал он, разливает свои таланты в самые странные сосуды.

— Ты не приукрасил ее внешность?

— Нет. Правда нет.

— Тогда она и в самом деле хорошенькая. Нимфа.

— Но нимфа с языком, как у черномазого возницы и с характером не слаще.

— И ты порвал с ней отношения, не так ли? — спросил Дилейни.

— Все кончено. Конец.

Взяв обратно портрет, Ридли понадеялся, что это было правдой. Он заплатил Салли сотню серебряных долларов и все равно продолжал бояться, что она не выполнит свою часть сделки.

Салли была непредсказуемой девчонкой с характерными чертами дикости своего отца, и Итана Ридли ужасало то, что она может объявиться в Фалконере и выставить напоказ свою беременность перед Анной.

Не сказать, чтобы Вашингтон Фалконер имел что-то против человека, производившего на свет ублюдков, но плодить их от рабынь было одним делом, тогда как иметь дело со столь необузданной девушкой, как дочка Траслоу, выплескивающей свой гнев на всех главных улицах Фалконера, было чем-то совершенно другим.

Но теперь, слава Господу, Ридли узнал, что Салли вышла замуж за своего молокососа с соломенными волосами. Ридли не слышал о подробностях свадьбы, ничего о том где, как или когда, только то, что Траслоу всучил свою дочь Декеру и отдал паре свой участок каменистой земли, свой скот и свое благословение, таким образом позволив Ридли чувствовать себя намного спокойнее.

— Все обернулось хорошо, — проворчал он Дилейни, но все же не без некоторой доли сожаления, так как Итан Ридли подозревал, что ему в жизни больше не доведется знать такую же прекрасную девушку, как Салли Траслоу. Тем не менее, спать с ней означало играть с огнем, и ему повезло, что он вышел из всего этого неопаленным.

Бельведер Дилейни наблюдал за группой рекрутов, пытавшихся маршировать шагом. Кадет из Виргинского военного училища выглядел вдвое младше мужчин, которых муштровал, крича на них с требованием выпрямить спины, задрать головы вверх и не пялиться по сторонам, как фабричные девки на прогулке.

— Фалконер таким же образом муштрует людей? — спросил Дилейни.

— Он полагает, что муштра снизит их энтузиазм.

— Как интересно! Возможно, твой Фалконер даже умнее, чем я думал. Эти бедные дьяволы начинают муштру в шесть утра и не останавливаются до восхода луны.

Дилейни отсалютовал шляпой судье, которого он постоянно встречал в борделе на Маршалл-стрит, известном как дом миссис Ричардсон, хотя на самом деле главным совладельцем заведения был Бельведер Дилейни.

Дилейни полагал, что во время войны мужчины могли делать вещи и похлеще вкладывания денег в шлюх и оружие, но пока все его вложения отлично окупались.

— Фалконер полагает, что от войны можно получать удовольствие, — язвительно сказал Ридли, — поэтому он отправляется в кавалерийский набег.

— Кавалерийский набег? — удивленно переспросил Дилейни. — Расскажи мне об этом.

— Тут нечего рассказывать.

— Вот и опиши мне это «ничто», — притворяясь обиженным, произнес Дилейни.

— Зачем?

— Ради бога, Итан, у меня в друзьях половина законодателей штата, и если граждане Виргинии ведут собственную войну с Севером, правительство должно знать об этом. Или Роберт Ли. Вообще-то предполагается, что Ли будет утверждать все передвижения войск, даже твоего будущего тестя.

— Фалконер отправляется в набег или, может, уже отправился, я точно не уверен. Какое это имеет значение?

— Куда? Как?

— Он расстроен, потому что мы позволили янки занять Александрию. Он думает, Ричмонд не заботит война. Говорит, Летчер всегда был равнодушен к Северу и, возможно, он тайный агент Союза. Он думает, что Ли слишком осторожен, как и все другие, и если кто-то не ударит янки по больному месту, Конфедерация развалится.

— Ты имеешь ввиду, что идиот собирается атаковать Александрию? — удивленно спросил Дилейни. Александрия была виргинским городом, отделенным от Вашингтона рекой Потомак и сильно укрепленным после того, как его оставили войска южан.

— Он знает, что не сможет атаковать Александрию, — сказал Ридли, — поэтому собирается ударить по железной дороге Балтимор-Огайо.

— Где?

— Он не говорил мне, — угрюмо произнес Ридли, — но, может быть, к востоку от Камберленда, потому что между Камберлендом и Харперс-Ферри нет железнодорожного сообщения, — Ридли неожиданно встревожился. — Ради бога, Бев, ты же не собираешься остановить его, не так ли? Он убьет меня, если ты это сделаешь.

— Нет, — успокоил его Дилейни, — нет, я оставляю ему его удовольствия. Так сколько человек он взял с собой? Весь Легион?

— Всего лишь тридцать человек. Но обещаешь, что ничего не скажешь? — Ридли ужаснулся тому, что проболтался.

Дилейни заметил Роберта Ли, инспектирующего новобранцев на противоположной стороне ярмарочной площади. Дилейни умышленно устроил так, что стал полезен штабу Ли, и неожиданно обнаружил, что впечатлен сочетанием ума и честности генерала Ли.

Дилейни пытался представить себе ярость Ли, если он узнает, что Фалконер на свой страх и риск отправился в набег на железную дорогу Балтимор-Огайо, но как бы заманчиво это ни было, Дилейни решил ничего не говорить своим друзьям из виргинского правительства. Вместо этого он позволит Северу остановить их.

Еще оставалось время, чтобы отправить последнее письмо другу в Вашингтон, который, насколько было известно Дилейни, был близок к военному министру правительства Севера. Дилейни считал, что если северяне сочтут его полезным источником военной информации, то за этим, безусловно, последует их полное доверие.

— Конечно же, я ничего не скажу губернатору, — заверил он своего перепуганного младшего брата, затем натянул поводья и остановил лошадь. — Ты не возражаешь, если мы вернемся назад? Он пыли у меня горло саднит.

— Но я надеялся..., — начал было Ридли.

— Ты надеялся посетить дом миссис Ричардсон, — это соблазнительное место, насколько знал Дилейни, было главной ричмондской достопримечательностью для его сводного брата. — И посетишь, мой дорогой Итан, посетишь.

Дилейни поспешил назад в город, завершив дела этого удачного дня.

Диверсионная группа добралась до железной дороги Балтимор-Огайо за два часа до рассвета на

шестой день путешествия, которое, как самонадеянно рассчитал Вашингтон Фалконер, должно было длиться не более трех дней. Поездка заняла бы всю неделю, если бы Фалконер решительно не настоял на том, чтобы скакать всю последнюю ночь.

Старбак, шатавшийся от усталости и ноющей боли от натертых седлом волдырей, вначале и не осознал, что путешествие почти закончилось. Он сидел, сгорбившись в седле, в полудреме боясь свалиться оттуда, когда неожиданно вздрогнул от яркой вспышки света, возникшей далеко внизу в глубокой долине, куда не падал лунный свет.

В какой-то момент он подумал, что грезит, но затем испугался, что вовсе не грезит, а достиг наводящей страх границы Геенны, библейского ада, и что в любое мгновение будет низвергнут в огненную пучину, где черти, посмеиваясь, истязали грешников. Он даже в ужасе вскричал.

Затем, полностью проснувшись, он осознал, что группа перепачканных налетчиков Фалконера остановилась на гребне горной гряды и смотрела на темную долину, где поезд уходил на запад.

Дверца топки локомотива была открыта, и это яркое сияние отражалось внизу клубящегося столба дыма, который, подумал Старбак, выглядел как огненное дыхание большого дракона. Дым уходил на восток, опережаемый слабым отсветом масляного фонаря локомотива.

Никаких других огней не было видно, что наводило на мысль о том, что локомотив тащил товарные вагоны. Шум поезда перешел на глухой рокот, когда он проехал мост, пересекавший реку, находившуюся слева от Старбака, и когда он внезапно понял, как близко они подошли к своей цели, его неожиданно охватило волнение.

Большие клубы огненного дыма, пронзившие ночь, осветили железную дорогу Балтимор-Огайо, проходящую по берегу северного рукава реки Потомак.

До тех пор, пока Томас Джексон не занял Харперс-Ферри, отрезав таким образом железнодорожное сообщение на Вашингтон и Балтимор, линия была главным связующим звеном между западными штатами и столицей Америки, и даже после оккупации Джексонем дорога оставалась оживленной, поскольку по ней перевозили припасы, новобранцев, оружие и продовольствие из Миссури, Иллинойса, Индианы и Огайо; все это свозилось в Камберленд, где перегружалось на баржи или в повозки, отправлявшие припасы на хагерстоунскую станцию Камберлендской железной дороги.

Полковник Фалконер утверждал, что если линия Балтимор-Огайо будут перетрезана в горах Аллегани к западу от Камберленда, то восстановление этой оживленной ветки займет несколько месяцев.

Это, во всяком случае, было военным оправданием рейда, хотя Старбак знал, что полковник ожидает извлечь из своего набега намного больше. Фалконер верил, что успешное нападение повысит боевой дух южан и нанесет удар по гордости северян.

И, что еще лучше, летопись Легиона Фалконера откроется победой, вот истинная причина, побудившая его возглавить отряд из тридцати избранных всадников, ведущих в поводу четырех вьючных лошадей, нагруженных четырьмя бочонками черного пороха, шестью топорами, четырьмя ломками, двумя кувалдами и двумя мотками быстровоспламеняющегося запала — материалами, необходимыми для уничтожения высоких опор мостов, которые переносили железную дорогу Балтимор-Огайо через быстрые реки и ручьи, пересекавшие Аллегани.

В набеге полковника сопровождали три офицера Легиона. Капитан Пол Хинтон был добродушным человеком, обрабатывавшим восемьсот акров земли в восточной части округа Фалконер, и товарищем Фалконера по охоте.

Еще одним был капитан Энтони Мерфи, высокий темноволосый ирландец. Эмигрировав в Америку

более десяти лет тому назад, он засеял одну плантацию хлопка в Луизиане, продал ее до начала сбора урожая и сел на пакетбот на север, три дня и ночи играл там в двадцатикарточный покер и сошел с пакетбота вместе с хорошенькой итальянкой и суммой денег, достаточной до конца жизни.

Он привез свою невесту-итальянку в Виргинию, вложил деньги в окружной банк Фалконера и прикупил четыре фермы к северу от Семи Источников. Он держал трех рабов на большей из плантаций, а остальные сдавал в аренду; напивался со своими арендаторами в конце квартала и редко мог найти кого-то достаточно безрассудного, чтобы сыграть с ним партию в блеф. Последним офицером был младший лейтенант Старбак, который никогда в жизни не играл в покер.

Среди двадцати шести человек, сопровождавших четырех офицеров, был сержант Томас Траслоу и с полдюжины негодяев, последовавших за ним с холмов.

Группа Траслоу вместе ехала, вместе ела и общалась с тремя старшими офицерами с терпеливым презрением, хотя, к удивлению многих, кто знал, насколько Траслоу ненавидел янки, суровому сержанту явно нравился Старбак, и это одобрение сделало Старбака желанным членом группы Траслоу.

Никто не понимал этой необъяснимой связи, но с другой стороны, никто, даже полковник Фалконер, ничего не слышал ни о молитве, прочитанной Старбаком над могилой Эмили, ни о свадебной церемонии, совершенной виргинской ночью.

Фалконер был не в том настроении, чтобы слушать подобные истории, участники рейда ехали на северо-запад, к Аллеганам, и мечты полковника о быстрой, стремительной победе потонули в дожде и тумане.

Начало поездки было удачным. Они пересекли Голубой хребет и въехали в широкую и плодородную долину Шенандоа, затем взобрались на Аллеганы, и тут начались дожди, не те спокойные дожди, от которых наливается зерно в долинах, а череда сотрясающих небо гроз, разрывающих небеса, пока отряд пробирался через враждебные горы.

Фалконер требовал избегать поселений, так как области к западу от Шенандоа относились к Конфедерации враждебно, даже ходили разговоры об отделении этой части Виргинии и создании нового штата. Поэтому legionеры Фалконера рыскали как воры по пропитанным дождями горам и даже не надели униформу. По словам полковника, не было смысла идти на неоправданный риск на вероломных склонах Аллеганских гор.

Однако погода оказалась враждебнее местных жителей. Фалконер заблудился среди высоких, окутанных облаками гор, потратив целый день, забредя в закрытую долину на западе, и только опыт и чутье Томаса Траслоу вернули отряд на верный путь. С той поры большей части отряда стало казаться, что настоящим предводителем экспедиции являлся Томас Траслоу.

Он не отдавал приказов, но всадники прислушивались скорее к нему, чем к полковнику. Воспротивившись узурпации власти, Вашингтон Фалконер настоял на том, чтобы отряд продолжал двигаться и пятой ночью. Приказ не нашел поддержки, но заставив себе подчиниться, полковник, во всяком случае, показал, кто у власти.

Оказавшись, наконец, над железной дорогой, всадники ожидали рассвет. За последние дни облака немного разошлись и вокруг покрытой дымкой луны показалось несколько звезд. Далеко на севере на холмах вспыхнул огонек, и Старбак понял, что, должно быть, это в Пенсильвании.

С высокого хребта открывался вид на скрытую туманом реку, на клочок Мэриленда и далекий враждебный север. Нату не верилось, что он находится на границе двух враждующих государств; ему не верилось даже в то, что Америка воюет, это опровергало всю его детскую уверенность.

В войнах участвовали страны поменьше, а люди перебрались в Америку, чтобы избежать войны, и все же сейчас Старбак дрожал от холода на вершине горы с револьвером Сэвиджа на боку и в окружении вооруженных людей. Поезда больше не проходили. Большая часть отряд спала, но некоторые, например, Траслоу, присели у края хребта и смотрели на север.

Свет медленно просачивался с востока, показывая, что всадники случайно наткнулись на почти идеальное место, чтобы перерезать железную дорогу. Слева от них быстрая река бежала через скалы, чтобы влиться в северный приток Потомака, и поток пересекал высокий эстакадный мост, опираясь на решетку свай высотой шестьдесят футов.

Мост не охранялся, не было и блокгауза. В поле зрения не было ни ферм, ни поселений; в самом деле, если бы не темноватый блеск железных рельсов и веретенообразная решетка моста, местность выглядела бы диковатой.

Фалконер отдал свои последние распоряжения, как только начало светать. Нападавшие должны были разбиться на три партии. Капитан Мерфи принял под свое командование дюжину людей, чтобы заблокировать дорогу с восточной стороны, капитан Хилтон отправился с другой дюжиной на запад, оставшиеся шесть человек, ведомые полковником, должны были спуститься к горловине реки и там уничтожить высокую конструкцию из свай и рельс.

— Теперь ничто не может пойти наперекосяк, — сказал Фалконер, пытаясь приободрить своё подавленное и в некоторой степени павшее духом войско.

— Мы всё как следует спланировали.

Даже самые оптимистично настроенные участники рейда, должно быть, осознали, что в плане полковника имелись огрехи. Фалконер не предусмотрел вероятность проливного дождя, бочки с порохом и быстровоспламеняющиеся запалы не были укрыты брезентом.

Не было точных карт, и даже Траслоу, который пересекал эти холмы множество раз, не был полностью уверен, какому мосту они теперь угрожали. Но несмотря на все сомнения и трудности, они успешно достигли железной дороги, оказавшейся неохраняемой, и с первым слабым лучом нового дня соскользнули вниз по крутому склону к северному рукаву реки.

Они привязали лошадей возле железной дороги рядом с мостом. Старбак, дрожа в сером свете зари, подошел к краю ущелья и заметил, что сваи, выглядевшие такими незначительными с вершины холма, на самом деле оказались массивными бревнами, очищенными от коры и просмоленными, которые были вбиты в землю или упирались в огромные валуны, выступавшие по всему склону холма.

Сваи были скреплены друг с другом железными ригелями, таким образом соединяясь в массивную решетчатую конструкцию, которая находилась на высоте шестидесяти футов над рекой и простиралась на двести футов поперек ущелья. Бревна, несмотря на то, что были просмолены, оказались холодными и мокрыми на ощупь, влагой был напоитан и ветер, несший холод от реки. Опять собирались тучи, обещая дождь.

Люди капитана Хинтона перешли мост, люди Мерфи ушли на восток, в то время как группа полковника, включая Старбака, с трудом спускалась на дно ущелья.

Склон был скользким, а кустарник все еще мокрым от вчерашнего дождя, так что к тому времени, когда шестеро мужчин добрались до берега стремительного потока, их и без этого влажная одежда насквозь промокла.

Старбак помогал сержанту Дэниэлу Меддикотту, замкнутому и необщительному человеку, мельнику по профессии, спустить вниз по крутому склону бочонок с черным порохом.

Вашингтон Фалконер, наблюдая за тем, как они бьются с бочонком, предупредил Ната, чтобы тот поостерегся зарослей ядовитого плюща, что, казалось, обескуражило Медликотта.

Три других бочонка уже находились на дне ущелья. Полковник подумывал приберечь два бочонка с порохом, но потом решил, что лучше наверняка уничтожить этот массивный мост, чем потом искать другой.

Медликотт поставил четвертый бочонок рядом с остальными, затем вытащил затычку, чтобы всунуть запал.

— Порох кажется мне чертовски сырым, полковник.

— Сэр, — отрезал Фалконер. Он пытался убедить своих бывших соседей использовать армейские обращения.

— Все равно сыроват, — стоял на своем Медликотт, упрямо отказываясь потакать Фалконеру.

— Мы попробуем запал, а также разведем огонь, — сказал Фалконер, — и если не сработает одно, то сработает другое. Принимайтесь за дело! — он немного прошелся вверх по течению вместе со Старбаком. — Они славные парни, — сказал он угрюмо, — но совершенно не имеют понятия о воинской дисциплине.

— Сложно вот так сразу перестроиться, сэр, — тактично произнес Старбак. Ему отчасти было жаль Фалконера, чьи надежды на лихой и дерзкий набег превратились в этот дождливый кошмар с задержками и трудностями.

— Твой друг Траслоу хуже всех, — проворчал полковник.

— Никакого уважения, — с разочарованием добавил он. Ему так хотелось заполучить Траслоу в Легион, потому что он считал, что благодаря личности последнего полк приобретет репутацию грозного подразделения. Но полковник понял, что его только раздражает и возмущает независимая и агрессивная натура Траслоу. Заманив тигра в клетку, Вашингтон Фалконер не знал, как с ним обращаться.

— А ты мне не помогаешь, Нат, — неожиданно добавил полковник.

— Я, сэр? — Старбак, сочувствовавший Фалконеру, был ошеломлен подобным обвинением.

Полковник не ответил. Он стоял у реки и наблюдал, как Медликотт и его люди заготавливали древесину на дрова для бочек с порохом.

— Тебе не следует фамиллярничать с этим человеком, — наконец сказал полковник. — Однажды ты будешь ими командовать в бою, а они не станут уважать тебя, если ты не держишь дистанцию.

Вашингтон Фалконер смотрел не на Старбака, а через решетку моста глядел на серую речную гладь, по которой плыла почерневшая коряга.

Фалконер выглядел весьма жалко. Растрепанная борода, вымокшая грязная одежда. От обычной его живости осталось немного.

Старбак с удивлением осознал, что перспектива воевать в плохую погоду не сильно радует полковника.

— Офицер должен держаться других офицеров, — с раздражением продолжал распекать его полковник. — Если вы с Траслоу — друзья навеки, как ты собираешься отдавать ему приказы?

Это нечестно, подумалось Старбаку. Он провел с Вашингтоном Фалконером гораздо больше времени, чем с Траслоу, и тем не менее Нат в глубине души понимал, что тот просто завидовал Старбаку, который заслужил определенное отношение со стороны Траслоу.

Траслоу принадлежал к породе людей, одобрения которых ищут. Полковник наверняка полагал, что уж он-то заслужил это одобрение больше, чем какой-то приبلудный студент из Массачусетса. Старбак ничего не ответил, и полковник, удовлетворившись тем, что выразил свое недовольство, обернулся к Меддикотту:

— Сколько еще, сержант?

Меддикотт отступил на шаг от сооруженной им конструкции: сложенных у высокой подпорки моста пороховых бочек, окруженных грудой дров.

— Влага повсюду, — мрачно произнес он.

— Вы приготовили растопку?

— Этого добра хватает, полковник.

— Бумага? Пороховые заряды?

— Для подрыва хватит, — заверил Меддикотт.

— Так когда мы будем готовы?

— Да хоть сейчас, как по мне, — Меддикотт почесал затылок, обдумывая ответ, затем кивнул: — Должно сработать, полковник.

— Отправляйся к Хинтону, — повернулся к Старбаку Фалконер. — Пусть отходит по мосту. Предупреди капитана Мерфи, чтобы готовил лошадей! И пусть пошевеливаются там, Нат!

И почему же, подумалось Старбаку, никто не догадался заранее приготовить сигнал к отступлению.

Сообщение было бы гораздо быстрее доставить с помощью нескольких выстрелов, чем карабкаясь по влажному склону ущелья, но он знал, что нет времени задавать полковнику вопрос, который, без сомнения, будет выглядеть как критика, и потому просто взобрался по восточной стороне ущелья, пересек мост и обнаружил, что сержант Траслоу соорудил огромную баррикаду из поваленных сосен, чтобы заблокировать путь с запада. Капитан Хинтон, низкорослый и приветливый человек, с удовольствием предоставил все заботы Траслоу.

— Подозреваю, он раньше уже останавливал поезда, — объяснил он Старбаку, а потом гордо показал, что позади баррикады пути в сторону северной ветки были разворочены и скручены.

— Значит, полковник готов?

— Да, сэр.

— Какая жалость. Я бы предпочел ограбить поезд. Это была бы непростая работенка, но нечто новенькое.

Хинтон объяснил, что метод ограбления поезда Траслоу состоял в том, что воры ожидали на некотором расстоянии от баррикады, а потом забирались в проезжающий локомотив и вагоны.

— Если подождать, пока поезд остановится, а потом уже залезать в него, то наверняка найдутся надоедливые пассажиры, выпрыгивающие из него с оружием, и тогда всё пойдет уже не так гладко. Еще нужно, чтобы твои люди были в каждом вагоне, чтобы дернуть стоп-кран и затормозить поезд. Для подобных вещей это почти искусство. Что ж, ты не сходишь за этим мерзавцем, Нат?

Траслоу с остальным отрядом Хинтона находился в четверти мили вниз по путям, очевидно, готовясь к сложному мероприятию по остановке поезда.

— Отправляйся, Нат, — сказал Хинтон, пытаясь приободрить Старбака.

Но Старбак не сдвинулся с места. Вместо этого он уставился на пути, где из-за холма внезапно появился белый дым.

— Поезд, — без выражения произнес он, будто не веря собственным глазам.

Хинтон развернулся.

— Боже ты мой, так и есть, — произнес он, сложив ладони у рта. — Траслоу! Возвращайся!

Но Траслоу либо не слышал, либо решил проигнорировать этот призыв, потому что побежал на запад, в противоположную от баррикады сторону, к поезду.

— Полковнику придется подождать, — усмехнулся Хинтон.

Теперь Старбак слышал поезд. Он ехал очень медленно, его колокольчик звенел, а поршни пыхтели, пока он преодолевал небольшой подъем в сторону поворота и ожидавшей за ним засады. Позади Старбака из ущелья раздался голос, велевший ему поспешить с отходом, но было уже поздно, спешка ничего бы не решила. Томас Траслоу ждал нужный момент, чтобы ограбить поезд.

Таддеус Бёрд и Присцилла Боуэн поженились в одиннадцать часов утра в епископальной церкви напротив окружного банка, на главной улице Фалконера. Начиная с рассвета собирался дождь, но так и не пролился, и Присцилла смела надеяться, что дождь и не начнется, но за полчаса до начала церемонии небеса разверзлись.

Дождь колотил по крыше церкви, выливался на кладбище, запрудил главную улицу и вымочил учеников школы, которых в знак уважения к свадьбе учителя освободили от утренних занятий, чтобы они могли посетить церемонию.

Присциллу Боуэн, девятнадцатилетнюю сироту, вел к алтарю дядя, служивший почтальоном в соседнем городке Роскилле. У Присциллы было круглое улыбчивое лицо и терпеливый нрав.

Никто не назвал бы ее красивой, но спустя несколько минут в ее компании никто бы уже не смог просто так выбросить ее из головы. У нее были светло-каштановые волосы, которые она собирала в тугий узел, карие глаза, наполовину скрытые очками в стальной оправе, и огрубевшие от работы руки.

На свадьбу она собрала букет из цветов церциса и надела свое лучшее воскресное платье из голубого батиста, к которому в честь этого праздничного дня приколола воротничок, сделанный из белых носовых платков.

Таддеус Бёрд был на двадцать лет старше невесты и одет в свой лучший черный костюм, тщательно починенный собственными руками, а на лице у него сияла глубокомысленная улыбка.

На церемонии присутствовала его племянница Анна Фалконер, но сестра осталась в постели в Семи Источниках. Мириам Фалконер намеревалась посетить свадьбу, но надвигающийся дождь и порывы холодного ветра привели к внезапному приступу невралгии, осложненной астмой, и она осталась в большом доме, где слуги развели огонь в камине и жгли пропитанную селитрой бумагу, чтобы облегчить ее затрудненное дыхание.

Ее муж находился где-то за пределами долины Шенандоа, вел в рейд кавалерию, и, по правде говоря, именно его отсутствие стало причиной, по которой Дятел Бёрд выбрал этот день для свадьбы.

Преподобный Эрнст Мосс, проводивший церемонию, провозгласил Таддеуса и Присциллу мужем и женой как раз в тот момент, когда раскат грома прокатился над кровлей церкви, и несколько детей вскричали от страха.

После свадьбы гости растеклись по Мейн-стрит в сторону школы, где поставили два стола с кукурузными кексами, яблочным маслом, кувшинами с медом, копченой говядиной, яблочными пирогами,

ветчиной, маринованными огурцами и устрицами, а также гречишным хлебом. Мириам Фалконер послала на свадьбу брата шесть бутылок вина, и еще там были две бочки лимонада, кувшин пива и чан с водой.

Бланш Спарроу, чей муж владел магазином бакалеи, сварила большую кастрюлю кофе на плите в церкви и приказала двум солдатам Легиона отнести ее в школу, где майор Пелэм, одетый в старый мундир Соединенных Штатов, произнес прекрасную речь.

Потом доктор Дэнсон произнес забавную речь, во время которой Таддеус Бёрд милостиво улыбался всем гостям, он даже заставил себя улыбнуться, когда шестеро школьников, подготовленные руководителем хора епископальной церкви Калемом Теннантом, спели «Праздник Флоры» тонкими убедительными голосами.

После полудня посещение школы было не столь обязательным, но каким-то образом Таддеусу и Присцилле Бёрдам удалось убедить возбужденных гостей и даже самих себя, что была проделана приличная работа.

Присциллу назначили помощницей Бёрда, чтобы освободить Дятла Бёрда для его работы в Легионе Фалконера, но на самом деле Бёрд по-прежнему вел дела школы, потому что его воинские обязанности оказались на редкость легкими. Майор Таддеус Бёрд вел бухгалтерские книги полка.

Он заполнял ведомости на выплату жалованья, отмечал наказания, хранил списки часовых и складские накладные.

С этой работой, по его заявлению, вполне мог справиться и шестилетний ребенок, но Бёрд был рад ей заняться, потому что она включала в себя и жалованье майора, выплачиваемое с банковского счета его зятя.

Большинство офицеров не получали оплаты, поскольку были состоятельными людьми, но солдатам платили одиннадцать долларов в месяц новенькими банкнотами, отпечатанными в окружном банке Фалконера, с изображением городского здания суда с одной стороны и портретом Джорджа Вашингтона и тюком хлопка с другой.

Надпись поверх тюка хлопка гласила: «Права штатов и свобода Юга. Банк обязуется выплатить один доллар по требованию». Банкноты были не очень качественно отпечатаны, и Бёрд подозревал, что их можно было легко подделать, и потому позаботился о том, чтобы его собственное жалование в тридцать восемь долларов в месяц выплачивалось в добрых старых серебряных монетах.

В вечер своей свадьбы, когда школу подмели, накачали воду для следующего утра и сложили дрова около новенького, но уже почерневшего очага, Бёрд наконец-то смог закрыть дверь, пройти мимо сложенных в кипы книг в коридоре и робко улыбнулся своей жене.

На кухонном столе осталась бутылка вина со свадебного торжества.

— Думаю, нам стоит это выпить! — Бёрд потер руки в радостном предвкушении. По правде говоря, он ощущал невероятную робость, настолько, что намеренно откладывал то, чем предстоит заняться вечером.

— Я думаю, возможно, мы могли бы поесть оставшееся со свадьбы? — предложила столь же робкая Присцилла.

— Великолепная идея! Великолепная! — Таддеус Бёрд поискал штопор. Ему нечасто доводилось пить вино в собственном доме, вообще-то, он с трудом мог припомнить, когда в последний раз наслаждался подобной роскошью, но был уверен, что где-то есть штопор.

— И еще я думаю, что могла бы прибраться на полках, — Присцилла наблюдала за яростными попытками мужа найти штопор в груде сковородок без ручек, дырявых кастрюль и тарелок с отколотыми

краями, которые Бёрд унаследовал от прежнего учителя. — Если ты не возражаешь, — добавила она.

— Ты можешь заняться, чем пожелаешь! Это твой дом, моя дорогая.

Присцилла уже попыталась немного оживить неопрятную кухню. Она поставила свой свадебный букет из цветов церциса в вазу и приколотла полоски материи по обе стороны окна вместо занавесок, но эти действия не слишком смягчили мрачную темноту покрытого пятнами сажи помещения с низко нависающими балками, где находилась плита, стол, открытый очаг с железной подставкой для выпекания хлеба, два кресла и два старых буфета, заставленные выщербленными тарелками, кружками, мисками, кувшинами, неизбежными книгами и сломанными музыкальными инструментами, которые собирал Таддеус Бёрд.

Кухня, как и весь маленький дом, освещалась свечами, и Присцилла, которая всегда помнила о стоимости хороших восковых свечей, при наступлении темноты зажгла лишь две. По-прежнему шел сильный дождь.

Штопор наконец-то был найден и вино открыто, но Бёрд немедленно объявил, что недоволен стаканами.

— Где-то есть пара достойных бокалов. Тех, что на ножке. Какими пользуются в Ричмонде.

Присцилла никогда не бывала в Ричмонде и готова была уже выразить сомнение в том, что бокалы из Ричмонда сделают вино вкуснее, но до того, как она открыла рот, чтобы произнести эти слова, в дверь постучали.

— О нет! Этого только не хватало! Я совершенно ясно объяснил, чтобы меня сегодня не беспокоили! — Бёрд неловко выбрался из недр буфета, где искал бокалы.

— Дейвис не может найти список рекрутов. Или потерял книги по выплатам! Или не может умножить двадцать центов на восемь! Мне не стоит обращать на это внимания.

Дейвис был молодым лейтенантом, помощником Бёрда по бумажной работе в Легионе.

— Такой сильный дождь, — Присцилла замолвила слово за неизвестного посетителя.

— Мне плевать, даже если бы вся планета тонула. Мне плевать, даже если звери собираются по парам, чтобы подняться на борт. Если человека не могут оставить в покое в день свадьбы, то когда еще он может надеяться на отдых? Я настолько бесценен, что меня нужно лишить твоего общества в любой момент, когда лейтенант Дейвис решит, что его образование совершенно не отвечает требованиям современной жизни? Он закончил Центральный колледж в Кентукки. Ты когда-нибудь слышала о подобном месте? Разве вообще возможно, чтобы в Кентукки нашелся кто-нибудь, способный обучить чему-либо полезному? Но Дейвис хвастается, что получил там образование! Хвастается этим! Даже не знаю, как я доверяю ему бухгалтерские книги полка. С таким же успехом я мог бы вручить их бабуну. Пусть идиот промокнет. Может, его кентуккские мозги станут лучше работать, когда вымокнут.

В дверь забарабанили с новой силой.

— Я и правда так думаю, дорогой, — пробормотала Присцилла самое мягкое неодобрение из возможных.

— Если ты настаиваешь. Ты слишком добра, Присцилла, слишком добра.

Это обычный женский недостаток, и потому я не буду об этом распространяться, но так оно и есть. Слишком добра, — Таддеус Бёрд взял свечу в коридор и не прекращая ворчать пошел к двери.

— Дейвис! — рявкнул он, распахнув дверь, но потом запнулся, потому что посетитель не был лейтенантом Дейвисом.

Вместо него на пороге дома Таддеуса Бёрда стояла молодая пара. Бёрд сначала обратил внимание на девушку, потому что даже в этой мокрой и ветряной тьме, которая грозила потушить свечу, ее лицо выглядело поразительно.

Она была не просто поразительной, осознал Бёрд, но настоящей красавицей. Позади нее стоял крепкий юноша, держащий поводья усталой лошади. Молодой человек, почти мальчишка с выражением детской непосредственности на лице, выглядел знакомо.

— Вы помните меня, мистер Бёрд? — спросил он с надеждой, а потом все равно представился сам.

— Я Роберт Декер.

— Так вот ты кто, так вот ты кто, — Бёрд прикрыл пламя свечи правой рукой, уставившись на посетителей.

— Мы хотели бы поговорить с вами, мистер Бёрд, — вежливо произнес Роберт.

— А, — сказал Бёрд, давая себе время изобрести причину, чтобы отделаться от них, но ничего не пришло ему в голову, так что он неохотно сделал шаг в сторону. — Лучше войдите.

— А лошадь, мистер Бёрд? — спросил Роберт Декер.

— Ты же не можешь ввести ее внутрь! Не будь идиотом. А, понимаю. Привяжи к коновязи. Она где-то там, у крыльца.

В конце концов молодых людей провели в гостиную. В доме было две комнаты внизу — кухня и гостиная, а наверху одна спальня, до которой можно было добраться по лестнице, ведущей из расположенного рядом класса.

В гостиной находился камин, сломанное кресло, деревянная скамья, выброшенная из церкви, и стол, заваленный учебниками и нотными листами.

— Давненько мы не виделись, — обратился Бёрд к Роберту Декеру.

— Шесть лет, мистер Бёрд.

— Так долго? — Бёрд вспомнил, что семья Декера сбежала из Фалконера после того, как ее глава поучаствовал в неудачном грабеже на дороге в Роскилл. Они укрылись на холмах, где, судя по одежде Роберта Декера, не слишком процветали.

— Как поживает твой отец? — спросил Бёрд Роберта.

Декер сообщил, что его отец разбился, упав с лошади.

— А я теперь женат, — стоящий у камина Декер, с которого капала вода, указал на Салли, устало усевшуюся на жалкое кресло Бёрда с торчащими из него клочками конского волоса. — Это Салли, — гордо объявил Декер, — моя жена.

— В самом деле, в самом деле, — Бёрд чувствовал странную неловкость, возможно, потому что Салли Декер выглядела так потрясающе.

Одета в лохмотья, лицо и волосы грязные, ботинки держались с помощью бечевки, но все равно она была столь же ослепительной красавицей, как и любая из девиц, что красовались в своих экипажах на главной площади Ричмонда.

— На самом деле я ему не жена, — язвительно заметила Салли, пытаясь скрыть обручальное кольцо на пальце.

— Нет, жена, — настаивал Декер. — Нас обвенчал священник, мистер Бёрд.

— Ладно, ладно. Всё равно, — Бёрд, помня про свою собственную жену на кухне, с которой его только что обвенчал священник, гадал, какого дьявола эти двое от него хотят. Образования? Иногда подростки возвращались к Бёрду и просили учителя заполнить пробелы многих лет прогулов и невнимательности.

— Я приехал повидаться с вами, мистер Бёрд, потому что говорят, что вы можете записать меня в Легион, — объяснил Декер.

— А! — Бёрд с облегчением от этого простого объяснения перевел взгляд с искреннего лица мальчишки на угрюмую красавицу. Он решил, что они плохо подходят друг другу, а потом поразмыслил о том, не думают ли люди подобным образом и о нем с Присциллой. — Хочешь записаться в Легион Фалконера, вот в чем дело?

— Полагаю, что да, — ответил Декер, взглянув на Салли, и это значило, что, видимо, именно она породила это желание.

— Дело в нижних юбках? — спросил Бёрд, которому внезапно пришла в голову неприятная мысль.

Декер выглядел озадаченным.

— Нижние юбки, мистер Бёрд?

— Ты не получал нижние юбки? — настойчиво спросил Бёрд, запустив левую руку в клочковатую бороду. — Их не оставляли у тебя на пороге?

— Нет, мистер Бёрд, — Декер явно решил, что его бывший учитель как минимум эксцентричен, а, может, и тронулся умом.

— Ладно, ладно, — не стал ничего объяснять Бёрд. За последние две недели многие мужчины обнаружили на крыльце своих домов или у повозок нижние юбки. Все они были людьми, отказавшимися записаться в Легион.

Некоторые из них были нездоровы, а некоторые являлись единственными кормильцами большой семьи, другие же были юношами с блестящими перспективами поступления в колледж, и лишь некоторых, очень немногих, можно было считать трусливыми, но все равно этот издевательский подарок в виде нижних юбок записал их всем скопом в категорию трусов.

Этот инцидент привел к бурлению в рядах горожан, разделив их на тех, кто с энтузиазмом встречал угрозу войны и тех, кто верил, что военная лихорадка скоро пройдет. Бёрд, прекрасно осведомленный, откуда происходят эти нижние юбки, дипломатично хранил молчание.

— Салли говорит, я должен записаться, — объяснил Декер.

— Если он хочет стать настоящим мужем, — добавила Салли, — то должен показать себя. Все мужчины ушли на войну. Вернее, все настоящие мужчины.

— Я в любом случае хочу пойти, — продолжал Роберт Декер, — как отец Салли. Только вот он очень рассердится, если узнает, что я здесь побывал, и потому я хочу записаться должным образом до того, как отправлюсь в лагерь. Тогда он не сможет выгнать меня, так ведь? Не сможет, если я всё подпишу как положено. И я хочу устроить так, чтобы Салли получала мое жалованье. Мне сказали, что так можно сделать, это правда, мистер Бёрд?

— Да, многие жены получают жалованье своих мужей, — Бёрд бросил взгляд на девушку и снова был потрясен, как такая красавица могла вырасти на этих грубых холмах. — Твой отец в Легионе? — спросил он.

— Томас Траслоу, — с горечью произнесла она это имя.

— Боже правый, — Бёрд не мог скрыть своего изумления, узнав, что эту девушку вырастил Траслоу. — А твоя мать, — осторожно поинтересовался он, — не уверен, что был знаком с твоей матерью, а?

— Она умерла, — ответила Салли дерзким тоном, предполагавшим, что это Бёрда не касается.

Не касается, признал Бёрд и стал объяснять Декеру, что он должен отправиться в лагерь Легиона и там поискать лейтенанта Дейвиса.

Он хотел было добавить, что вряд ли что-то можно будет сделать до утра, но сдержался на случай, если такое замечание будет означать, что ему придется предложить паре ночлег.

— Дейвис, вот кто тебе нужен, — сказал он, а потом встал, дав понять, что разговор окончен.

Декер колебался.

— Но если отец Салли меня заметит, мистер Бёрд, до того, как я подпишу контракт, он убьет меня!

— Его там нет. Он уехал вместе с полковником, — Бёрд махнул рукой в сторону двери. — Ты в полной безопасности, Декер.

Салли встала.

— Сходи пригляди за лошадью, Роберт.

— Но...

— Я сказала, сходи пригляди за лошадью! — рявкнула Салли, послав несчастного Декера снова мокнуть под дождем. Как только он уже не мог их услышать, Салли закрыла дверь в гостиную и снова обернулась к Таддеусу Бёрду. — Итан Ридли здесь? — спросила она.

Рука Таддеуса Бёрда нервно впилась в спутанную бороду.

— Нет.

— И где же он? — в ее тоне не было вежливости, лишь прямое требование и намек на то, что она может дать волю своей необузданной натуре, если это требование не будет выполнено.

Бёрд ощутил, что сдается под натиском этой девушки. Она обладала силой характера подстать отцу, но если внешность Траслоу предполагала, что угроза насилия подкрепляется крепкой физической силой, дочь, похоже, обладала более замысловатой силой, позволявшей ей гнуть, ломать и манипулировать людьми по своему желанию.

— Итан в Ричмонде, — в конце концов ответил Бёрд.

— Но где именно? — настаивала она.

Бёрд был захвачен врасплох настойчивостью этих расспросов и приведен в смятение тем, что они означали. Он не сомневался в том, какого рода отношения связывали эту девушку и Итана и весьма их не одобрял, хотя и чувствовал себя бессильным сопротивляться ее требованиям.

— Он остановился у своего брата. Сводного брата, это на Грейс-стрит. Мне написать адрес? Ты ведь умеешь читать?

— Нет, но смогут другие, если я их попрошу.

Бёрд, ощущая, что делает нечто неправильное или по меньшей мере нечто ужасно бестактное, записал адрес своего друга Бельведера Дилейни на клочке бумаги и попытался успокоить совесть строгим вопросом:

— Могу я спросить, какого рода дело у тебя к Итану?

— Вы можете спросить, но не получите ответа, — заявила Салли почти отцовским тоном, хотя, возможно, и не сознавая этого, а потом выдернула листок бумаги из рук Бёрда и спрятала его где-то глубоко под промокшей одеждой.

На ней были два поношенных домотканых платья, окрашенных краской из ореха в коричневый цвет, два потертых передника, выцветшая шаль, изъеденный молью черный чепец и кусок промасленной ткани в качестве странной замены плаща.

В руках она держала тяжелую парусиновую сумку, и Бёрд понял, что она стояла в его гостиной со всеми своими пожитками. Единственным ее украшением являлось серебряное кольцо на левой руке, показавшееся Бёрду старым и довольно неплохим.

Салли тоже оценивала Бёрда своими полными презрения голубыми глазами, явно посчитав учителя абсолютным ничтожеством. Она развернулась, чтобы последовать за Декером на улицу, но потом помедлила и оглянулась.

— Мистер Старбак здесь?

— Нат? Да. Ну, вообще-то не совсем. Он уехал вместе с полковником. И твоим отцом.

— Далеко?

— Весьма, — Бёрд пытался удовлетворить ее любопытство со всей возможной тактичностью. — Так ты встречалась с мистером Старбаком?

— Да, черт побери, — она хихикнула, хотя и не объяснив причину.

— Он довольно мил, — добавила она неубедительно, и Таддеус Бёрд, лишь недавно женившийся, почувствовал внезапный укол ревности в отношении Старбака.

Он немедленно побранил себя за эту недостойную зависть, а потом поразился тому, как это дочери Траслоу удалось стать ее причиной.

— Мистер Старбак — настоящий священник? — нахмурилась Салли, задав этот странный вопрос.

— Священник? — воскликнул Бёрд. — Он имеет отношение к теологии, несомненно. Я не слышал, чтобы он проповедовал, но он не рукоположен, если ты об этом.

— Что значит не рукоположен?

— Это суеверная церемония, позволяющая человеку отправлять христианские таинства, — Бёрд помедлил, гадая, не смутил ли ее своим неверием. — А это важно?

— Для меня — да. Так он не священник? Вы ведь это хотите сказать?

— Не священник.

Салли улыбнулась, не Бёрду, а из-за какой-то своей внутренней радости, а потом вышла в коридор и на мокрую улицу. Бёрд смотрел, как девушка забирается в седло и ощутил себя так, будто его внезапно обожгло яростное пламя.

— Кто это был? — позвала с кухни Присцилла, услышав, как хлопнула входная дверь.

— Неприятности, — Таддеус Бёрд запер дверь на щеколду.

— Двойная работа и неприятности, но не для нас, не для нас, — он отнес свечу обратно в маленькую кухню, где Присцилла выкладывала то, что осталось от свадебного торжества, на тарелку.

Таддеус Бёрд отвлек ее от работы, обняв своими худыми руками и прижав к себе, недоумевая, как это ему могло прийти в голову покинуть этот скромный дом и прекрасную женщину.

— Не знаю, стоит ли мне идти на войну, — тихо произнес он.

— Ты должен делать то, что хочешь, — ответила Присцилла, ощутив, как заколотилось ее сердце при мысли о том, что ее муж может и не уйти вместе с вояками. Она любила и восхищалась этим неуклюжим и умным человеком с непростым характером, но не могла представить его солдатом.

Она могла представить военным привлекательного Вашингтона Фалконера или даже лишенного воображения майора Пелэма, или почти любого из тех крепких юнцов, что обращались с винтовкой так же уверенно, как в свое время с лопатой или вилами, но не могла вообразить на поле боя своего вспыльчивого Таддеуса.

— Мне вообще не понятно, как это тебе захотелось стать военным, — сказала она, но очень мягко, чтобы он не принял ее слова за критику.

— Знаешь, почему? — спросил Таддеус, а потом сам ответил на вопрос. — Потому что я воображал, что смогу стать мастером в военном деле.

Присцилла готова была рассмеяться, но потом заметила, что ее муж серьезен.

— Правда?

— Военное дело — это просто применение силы с помощью ума, а я, среди прочих своих недостатков, умен. И также полагаю, что каждый мужчина должен найти занятие, в котором он достигнет совершенства, и не перестаю сожалеть, что я такого не нашел. Я могу писать простую прозу, это верно, и я неплохой флейтист, но это довольно распространенные таланты. Нет, мне нужно найти стезю, на которой я смогу продемонстрировать мастерство. До сих пор я был слишком осторожен.

— Лелею надежду, что ты продолжишь быть осторожным, — сухо сказала Присцилла.

— У меня нет желания делать тебя вдовой, — улыбнулся Бёрд. Он видел, что его жена несчастна, усадил ее и налил немного вина в неподходящий стакан без ножки.

— Но тебе не следует волноваться, — объяснил он ей, — потому что всё это, смею сказать, лишь бессмысленная суета. Не могу представить, что начнется серьезная драка. Будет просто много позерства и хвастовства и много шума практически из ничего, и к концу лета мы все вернемся домой и будем бахвалиться своей храбростью, а всё останется почти так же, как теперь, но, дорогая, тех, кто не присоединится к этому фарсу, ожидает унылое будущее.

— Почему это?

— Потому что если мы не присоединимся, соседи сочтут нас трусами. Мы как люди, которые участвуют в танцах, хотя терпеть их не могут и даже не особо любят музыку, но вынуждены резво отплясывать, если хотят потом поужинать.

— Ты боишься, что Вашингтон пошлет тебе нижнюю юбку? — Присцилла задала этот уместный вопрос очень смиренно.

— Я боюсь, — честно признался Бёрд, — что окажусь для тебя недостаточно хорош.

— Мне не нужна война, чтобы убедиться в том, что ты хорош.

— Но, кажется, она всё равно будет, и твой древний муженек еще поразит тебя своими способностями. Я докажу, что могу быть Галлахадом, Роландом, Джорджем Вашингтоном! Нет, зачем так скромничать? Я стану Александром!

Своей бравадой Бёрд вызвал смех новобрачной, и тогда он поцеловал ее, дал ей в руки стакан с вином и заставил глотнуть.

— Я буду твоим героем, — заявил он.

— Мне страшно, — сказала Присцилла Бёрд, и ее муж не понял, говорит ли она о том, что готовит эта ночь, или о том, чего ожидать от всего лета, поэтому он просто взял ее руку и поцеловал, обещая, что всё будет в порядке. А в темноте всё стучал дождь.

Глава шестая

Когда поезд с лязгом и свистом остановился и предохранительная решетка локомотива замерла всего в двадцати шагах от проделанного Траслоу разрыва в пути, начался дождь. Ветер, наполненный дождем, относил дым из высокой выпуклой трубы в сторону реки. Паровоз издал короткий свисток, а потом люди Траслоу выволокли двух машинистов из кабины.

Старбак уже вернулся к мосту, чтобы прокричать об этих новостях полковнику, который, стоя около реки в шестидесяти футах ниже, требовал объяснений, с какой стати появление поезда задерживает разрушение моста.

У Старбака не нашлось достойного ответа.

— Скажи Хинтону, чтобы немедленно вернулся обратно через мост! — Фалконер сложил ладони у рта, чтобы прокричать этот приказ Старбаку. Его голос звучал рассерженно. — Слышишь меня, Нат? Я хочу, чтобы все немедленно вернулись!

Старбак обогнул баррикаду и увидел машинистов, прислонившихся спинами к огромным колесам паровоза. Капитан Хинтон разговаривал с ними, но при приближении Старбака он обернулся.

— Почему бы тебе не отправиться на помощь Траслоу, Нат? Он пробивается со стороны служебного вагона.

— Полковник велел всем перейти обратно через мост, сэр. И побыстрее.

— Вот пойдешь и скажи это Траслоу, — предложил Хинтон. — А я подожду тебя здесь.

От пытящего паровоза пахло дымом, копотью и маслом. Над передним колесом у него была прикручена табличка с выгравированным на металле названием «Молниеносный».

Позади паровоза находился тендер, нагруженный дровами, а за ним — четыре пассажирских вагона, товарный и служебный.

Люди Траслоу находились в каждом вагоне, чтобы приструнить пассажиров, он сам занимался охранниками в служебном вагоне. Они заперлись внутри, и пока Старбак двигался вдоль остановившегося поезда, Траслоу выпустил в стенку вагона первые пули.

Некоторые пассажирки завизжали при звуке выстрелов.

— Если кто-нибудь доставляет тебе неприятности, воспользуйся оружием! — крикнул Хинтон Старбаку.

Старбак почти забыл про огромный револьвер Сэвиджа с двумя спусковыми крючками, который носил с того дня, как отправился за Траслоу на холмы. Теперь он вытащил свое длинное оружие.

Над ним нависали вагоны, их маленькие печки выпускали клубы дыма на холодном и влажном ветру. Некоторые осевые буксы были так горячи, что падающий на металлические ящики дождь вскипал, превращаясь в пар.

Пассажиры наблюдали за Старбаком через оконное стекло, забрызганное дождем и грязью, и под их взглядами тот каким-то странным образом ощутил себя героем.

Он был в грязи, небрит, с длинными нечесаными волосами и в неопрятной одежде, но под боязливыми и любопытными взглядами пассажиров превратился в лихого мерзавца, вроде тех налетчиков, что скакали галопом по приграничным английским пустошам в романах Вальтера Скотта.

За грязным оконным стеклом поезда находился респектабельный обычный мир, к которому не далее как шесть месяцев назад принадлежал и Старбак, а по эту сторону был дискомфорт и опасность, риск и прочая чертовщина, и со всей горделивостью юности он вышагивал перед испуганными пассажирами.

Какая-то женщина закрыла ладонью рот, будто ее шокировало его лицо, а ребенок вытер запотевшее стекло, чтобы лучше рассмотреть Старбака. Тот помахал ребенку, немедленно отпрянувшему от страха.

— Вас за это повесят! — прокричал из открытого окна крепкий мужчина с широкими бакенбардами, и благодаря этой злобной угрозе Старбак понял, что пассажиры приняли налетчиков Фалконера за обычных грабителей.

Он посчитал эту мысль на удивление лестной и громко рассмеялся.

— Вас повесят! — крикнул мужчина, а потом один из участников налета в вагоне велел ему сесть и заткнуться к чертовой матери.

Старбак добрался до служебного вагона как раз когда один из людей внутри прокричал Траслоу, чтобы тот перестал стрелять. Траслоу, вооруженный револьвером, планомерно простреливал стенку вагона, посылая пулю за пулей в каждую третью доску и таким образом загоняя его обитателей к задней стенке, но теперь, осознав, что следующая пуля наверняка попадет в одного из них, люди внутри закричали, что сдаются.

Задняя дверь с большой осторожностью отворилась, и на площадке служебного вагона появились два человека среднего возраста, худой и толстый.

— Я даже не должен был здесь находиться, — запричитал толстяк в сторону Траслоу, — я просто решил составить компанию Джиму. Не стреляйте, мистер. У меня жена и дети!

— Ключи от товарного вагона? — поинтересовался Траслоу у тощего человека с усталым лицом.

— Вот, мистер, — тощий, одетый в форму охранника, протянул тяжелую связку ключей, а потом, когда Траслоу кивнул, бросил ее вниз. Как и Траслоу, охранник производил впечатление человека, который уже через всё это проходил.

— Что в нем? — спросил Траслоу.

— Ничего особенного. Главным образом всякая машинерия. И немного свинцовых белил, — пожал плечами охранник.

— Я всё равно взгляну, — заявил Траслоу, — так что вы оба спускайтесь, ребята, — он говорил очень спокойно и даже засунул свой опустошенный револьвер за пояс, когда те двое спустились на камни железнодорожного полотна. — Поднимите руки. Выше, — приказал Траслоу, а потом кивнул Старбаку. — Обыщи их. Ищи оружие.

— Я оставил свое внутри, — произнес охранник.

— Обыщи их, парень, — настаивал Траслоу.

Старбака смущала необходимость стоять так близко, что он мог вдохнуть страх толстяка. Тот носил дешевые позолоченные часы на цепочке с кучей побрякушек, тянувшейся через живот.

— Возьмите часы, сэр, — сказал он, когда рука Старбака провела по цепочке, — давайте, сэр, возьмите их, сэр, пожалуйста.

Старбак оставил в покое часы. На шее охранника дико бился пульс, пока Старбак опустошал его карманы. Там была фляжка, портсигар, два носовых платка, коробка с трютом, горсть монет и книга.

— Никакого оружия, — объявил Старбак, когда закончил с обоими охранниками.

Траслоу кивнул.

— Там, откуда вы приехали, ребята, есть солдаты?

Мужчины помедлили, будто собираясь соврать, но потом охранник кивнул.

— Целая прорва миль в десяти отсюда. Может, сотня солдат верхом из Огайо. Говорят, они поджидают мятежников, — он сделал паузу и нахмурился. — Вы мятежники?

— Просто обычные грабители поездов, — сказал Траслоу и замолчал, чтобы выпустить на свои ботинки струю табака. — А теперь отправляйтесь обратно к этим солдатам, ребята.

— Пешком? — в ужасе спросил толстяк.

— Пешком, — подтвердил Траслоу, — и не оглядывайтесь, или мы начнем стрелять. Идите между рельсами, и медленно, просто продолжайте идти. Я буду пристально за вами наблюдать. Отправляйтесь!

Те двое отправились в путь. Траслоу подождал, пока они окажутся за пределами слышимости и снова сплюнул.

— Звучит так, будто кто-то знал, что мы придем.

— Я никому не рассказывал, — выступил Старбак в свою защиту.

— Я и не говорил, что это ты проболтался, даже и не думал. Черт, полковник трепался про этот рейд целые дни напролет! Просто удивительно, что нас не поджидает половина армии Соединенных Штатов.

Траслоу взобрался в служебный вагон и исчез внутри.

— Кстати, — продолжал он, — ты в курсе, что есть люди, которые считают тебя шпионом. Просто потому, что ты янки.

— Кто так говорит?

— Да всякие люди. Ничего такого, что должно тебя беспокоить. Им просто больше не о чем трепаться, вот они и гадают, какого чёрта янки делает в виргинском полку. Хочешь кофе, здесь есть на плите? Теплый. Не горячий, но теплый.

— Нет, — Старбака оскорбило, что его верность была поставлена под сомнение.

Траслоу снова появился на задней площадке вагона с брошенным охранником пистолетом и жестяной кружкой с кофе. Он убедился, что оружие заряжено, и осушил кружку, перед тем как спрыгнуть на пути.

— Хорошо. Теперь пойдем обыщем пассажирские вагоны.

— Не лучше ли нам уйти? — предложил Старбак.

— Уйти? — нахмурился Траслоу. — С какого это дьявола нам вдруг уходить? Мы только что остановили этот чертов поезд.

— Полковник хочет, чтобы мы ушли. Он готов взорвать мост.

— Полковник может подождать, — заявил Траслоу, махнув в сторону пассажирских вагонов. — Начнем с последнего. Если какой-нибудь ублюдок решит создать нам проблемы, пристрели его. Если какая-нибудь женщина или ребенок начнут кричать, врежь им по-быстрому.

Пассажиры — как насадки. Если позволишь им суетиться, они поднимут дьявольский шум, но напугай их как следует, и они будут вести себя тихо и мирно. И не бери ничего крупного, нам придется ехать быстро. Деньги, украшения, часы, вот что нам нужно.

Старбак застыл.

— Вы не будете грабить пассажиров! — он и самом деле был шокирован при мысли об этом. Одно дело — остановить поезд как грабитель, с точки зрения охваченных ужасом пассажиров, но совсем другое — нарушить шестую заповедь.

Самую сильную трепку Старбак всегда получал в качестве наказания за воровство. Когда ему было четыре, он набрал миндаля из банки на кухне, а двумя годами спустя взял игрушечный деревянный кораблик из сундука с игрушками старшего брата, и оба раза преподобный Элиял высек его до крови в качестве возмездия.

С того дня и до того, как Доминик убедила его украсть деньги майора Трейбелла, воровство вызывало ужас у Старбака, и последствия его помощи Доминик лишь подкрепили выученный в детстве урок, что воровство — это чудовищное преступление, за которое Господь наверняка покарает.

— Вы не должны воровать, — сказал он Траслоу. — Не должны.

— Ты что, ожидаешь, что я куплю у них их пожитки? — насмешливо поинтересовался Траслоу. — А теперь пошли, не отставай.

— Я не буду помогать в воровстве! — настаивал Старбак. Он и так слишком часто грешил в последние недели. Впал в грех похоти, пил спиртное, заключал пари, не чтил отца и мать и не соблюдал день отдыха Господа, но вором он не станет.

Он помог Доминик в краже лишь потому, что она убедила его, что эти деньги принадлежат ей, но не станет помогать Траслоу грабить невинных пассажиров. Многие грехи выглядели неявными и их трудно было избежать, но воровство было абсолютным грехом, который невозможно было отрицать, и Старбак не будет рисковать ступить на скользкую дорожку в ад, добавив этот проступок к своему и без того прискорбно длинному списку несправедливых деяний.

Траслоу внезапно рассмеялся.

— Всё время забываю, что ты священник. Или наполовину священник, — он бросил Старбаку связку ключей. — Один из них от товарного вагона. Залезь внутрь и обыщи его. Тебе не придется ничего красть, — произнес он с сарказмом, — но можешь поискать военное снаряжение, и если заметишь что-нибудь, что стоит украсть, можешь сообщить об этом мне. И возьми вот это, — Траслоу вытащил свой огромный обоюдоострый нож из ножен и бросил его Старбаку.

Старбак не смог его поймать, но вытащил неуклюжий клинок из железнодорожного полотна.

— Зачем это?

— Чтобы перерезать глотки, парень, но ты можешь открывать им ящики. Или ты планируешь воспользоваться для этого зубами?

Тяжелый медный висячий замок на двери товарного вагона висел на добрых десять футов выше путей, но ржавая ступенька показывала, каким образом Старбак мог до него добраться. Он подтянулся и неловко вцепился в замок, подбирая ключи. В конце концов он нашел нужный, отпер вагон и сдвинул тяжелую дверь, а потом забрался внутрь.

Вагон был наполнен коробками и мешками. Мешки было проще открыть, в них находилось зерно, хотя Старбак понятия не имел, какое именно.

Он пропустил горсть сквозь пальцы, а потом прыгнул к уложенным штабелями ящикам, недоумевая, каким образом сможет обыскать их все.

Проще всего было бы сбросить их на землю, но ящики наверняка были частной собственностью, а он

не хотел что-нибудь разбить.

На большей части ящиков стояли отметки, что они направляются в Балтимор или Вашингтон, доказательство того, что оккупация Харперс-Ферри не полностью прервала сообщение через горы.

На одном из ящиков, окрашенном в темный цвет и помеченном для Вашингтона, была надпись с орфографическими ошибками:

Это уж точно военное снаряжение, а значит, законный трофей. Он использовал неуклюжий нож, чтобы разрезать веревки, удерживавшие штабель ящиков, и стал передвигать мешающие ему коробки на мешки с зерном.

Ему понадобилось минут пять, чтобы добраться до темного ящика, и еще больше времени, чтобы снять с него крепко приколоченную крышку, обнаружив, что под ней и правда находятся упакованные в бумагу патроны, каждый состоял из пули и меры пороха.

Старбак постарался приладить крышку обратно, а потом стащил ящик на землю. По-прежнему шел дождь, и он стукнул по крышке каблуком правой ноги, пытаясь покрепче ее прижать и предохранить содержимое от дождя.

Во втором штабеле находился еще один темный ящик, так что он забрался обратно в товарный вагон и передвинул несколько коробок, пока не добрался до второго ящика, на котором также красовалась надпись, объявляющая о том, что его содержимым являлись патроны. Он добавил этот ящик к первому, взобрался обратно в вагон, чтобы продолжить тщательный обыск.

— Чёрт возьми, что ты делаешь, парень? — у двери вагона появился Траслоу. В правой руке он держал тяжелую кожаную сумку, а в левой — пистолет охранника.

— Это патроны, — Старбак махнул рукой в сторону двух ящиков позади Траслоу, — и думаю, что там могут быть и другие.

Траслоу пнул по крышке ближайшего ящика, опустил глаза, а потом сплюнул на патроны струю табака.

— Не больше проку, чем от сисек быка.

— Что?

— Шестьдесят девятый Калибр, у меня был такой в Мексике. А у тех винтовок, что полковник купил в Ричмонде — пятьдесят восьмой.

— Ох, — Старбак почувствовал, как заливается краской от смущения.

— Например, ты мог бы разжечь ими костер? — предложил Траслоу.

— Так от них нет проку?

— Только не для нас, парень, — Траслоу засунул револьвер за пояс, взял один из патронов и вытащил пулю. — Вот же большая сучка, правда? — он показал ее Старбаку. — Есть еще что-нибудь ценное?

— Я пока нашел лишь пули.

— Охренеть, парень, — Траслоу бросил тяжелую сумку, зловеще звякнувшую при падении, взобрался в вагон и выхватил нож из рук Старбака.

— Я забрал наших ребят из вагонов, пока пассажирам не пришло в голову что-нибудь эдакое. Забрал столько оружия, сколько смог, но некоторые из этих сучьих детей хорошо его прячут. Всегда находится какой-нибудь ублюдок, желающий стать героем. Помню одного юнца на железной дороге Ориндж-Александрия пару лет назад. Думал, что сможет меня схватить, — он сплюнул, усмехаясь.

— И что произошло?

— Он закончил свое путешествие в служебном вагоне, парень. Лежа на спине под брезентом, — говоря это, Траслоу сдирал крышки с ящиков, бегло осматривал их содержимое и выбрасывал под дождь.

Коробка с фарфоровыми тарелками с изображением лилий разбилась о пути. За ней последовала куча одежды, ящик с соусниками и партия хрупких газовых светильников. Дождь усилился, его капли громко стучали по деревянной крыше товарного вагона.

— Может, нам лучше уйти? — нервно спросил Старбак.

— С чего бы это?

— Я сказал вам. Полковник Фалконер готов взорвать мост.

— Кому какое дело до моста? Сколько времени, по-твоему, понадобится, чтобы его восстановить?

— Полковник говорит, что несколько месяцев.

— Несколько месяцев! — Траслоу рылся в ящике с одеждой в поисках того, что может ему приглянуться. Не найдя ничего стоящего, он бросил ящик под дождь.

— Я бы смог восстановить этот мост за неделю. Дай мне десять человек, и он заработает через пару дней. Фалконер не отличит гусиного дерьма от золотых самородков, парень.

Он выкинул бочку с содой и еще одну, с крахмалом для стирки.

— Тут ничего нет, — фыркнул он и снова прыгнул на землю. Он взглянул на запад, но местность была пустынна. — Отправляйся к служебному вагону, парень, — приказал он Старбаку, — и принеси горячих углей.

— Что вы собираетесь сделать?

— Поразмыслить о том, не пристрелить ли тебя, если ты задашь еще один чертов вопрос. А теперь иди и принеси мне чертова угля.

Траслоу опрокинул оба ящика с патронами калибра.69 на пол, пока Старбак забирался в служебный вагон, где еще горела небольшая пузатая печка. Рядом с ней стояло цинковое ведро с углем. Он высыпал оттуда уголь, открыл кочергой дверцу печки и сгреб в пустое ведро кучку тлеющих головешек.

— Молодец, — сказал Траслоу, когда Старбак вернулся. — Теперь брось уголь на патроны.

— Вы собираетесь поджечь вагон?

Дождь шипел, падая в ведро.

— Да Бога ради! — Траслоу схватил ведро и швырнул уголь на рассыпанные патроны. Секунду уголь просто мерцал между бумажными обертками, а потом с тихим хлопком взорвался первый патрон, и внезапно вся куча аммуниции запылала, взрываясь и изрыгая огонь.

Траслоу подобрал кожаную сумку, лежащую у его ног и сделал Старбаку знак уходить.

— Пошли! — крикнул Траслоу двум своим людям, оставшимся в последнем пассажирском вагоне.

Когда охранники покидали вагоны, они предупредили пассажиров, что всякий, кто последует за налетчиками, будет застрелен. Большинство участников налета несли тяжелые сумки или тюки и все выглядели довольными проделанной работой. Некоторые шли назад с пистолетами в руках, чтобы быть уверенными в том, что никто из пассажиров не попытается стать героем.

— Проблемы начнутся, когда мы пройдем мимо баррикады, — предупредил Траслоу. — Том? Микки? Оставайтесь со мной. Капитан Хинтон! Пусть машинисты поднимутся в паровоз.

Хинтон втащил двух машинистов обратно в кабину паровоза, а потом последовал за остальными с револьвером наготове. Секундой позже огромная машина выпустила гигантскую струю шипящего пара и громко лязгнула, и внезапно весь поезд дернулся вперед.

В пассажирском вагоне вскрикнула женщина. Теперь товарный вагон вовсю пылал, испуская черный дым под струями дождя.

— Пошли! — поторопил Траслоу капитана Хинтона.

Паровоз с лязгом двинулся вперед, над его трубой за клубился серо-белый дым. На щеку Старбака приземлился кусочек черной сажи.

Хинтон ухмылялся и кричал на машиниста, который, по-видимому, внезапно открыл заслонку, потому что поезд рванулся вперед, туда, где рельсы заканчивались, и глубоко зарылся носом в насыпь. Камни и дерево разлетелись по сторонам.

Четыре ведущих колеса, каждое почти шесть футов в диаметре, начали с визгом вращаться, почти потеряв контакт с рельсами, и в агонии, дюйм за дюймом, чудовищная машина с дрожанием продвигалась вперед, пока ее маленькие передние колеса разрывали сломанные крепления. Защитная решетка со скрежетом превратилась в груды искореженного металла.

Хинтон взмахнул револьвером, машинист открыл заслонку на полную, и тридцатитонный паровоз, пошатываясь, как огромное раненое животное, дернулся вперед и накренился на бок.

Старбак испугался, что он вот-вот свалится на берег реки, утащив за собой все вагоны, но потом, к счастью, огромная машина заглохла. Пар начал выходить с противоположной стороны.

Одно из маленьких передних колес свободно вращалось над истоптанной поверхностью, а ведущие колеса с задней стороны паровоза вырыли в железнодорожном полотне колею глубиной в фут, до того, как машинист сумел отсоединить поршни, выпустив новые клубы пара в дождливый воздух.

— Подожгите тендер! — крикнул Траслоу, и Хинтон приказал одному из машинистов набрать полную лопату горячей древесины из топки и бросить ее на дрова в тендере.

— Еще! — поторопил Траслоу, — еще! — Траслоу нашел вентиль от бака с водой, находящегося в тендере, и открыл его. Вода хлынула с задней стороны тендера, а оставшаяся часть уже горела столь же жаростно, как и товарный вагон.

— Пошли! — прокричал Траслоу. — Пошли!

Налетчики быстро миновали баррикаду и побежали к мосту. Траслоу с двумя людьми остался на страже, чтобы никто за ними не погнался, пока капитан Хинтон вел остальных по узким доскам, уложенным рядом с рельсами на мосту.

Полковник Фалконер ждал на противоположном берегу, крича, чтобы люди Хинтона поторапливались.

— Поджигайте костры! Медликотт! — выкрикнул Фалконер вниз, в сторону ущелья. — Быстрее! — обратился он к Хинтону. — Бога ради! Что вас задержало?

— Нужно было убедиться, что поезд не уедет обратно за помощью, — объяснил капитан Хинтон.

— Никто здесь не подчиняется приказам! — полковник скомандовал отступить по меньшей мере четверть часа назад, и каждая секунда промедления наносила оскорбление его и без того хрупкой власти. — Старбак! — заорал он. — Разве я не велел тебе привести людей назад?

— Да, сэр.

— Так почему же ты этого не сделал?

— Это моя вина, Фалконер, — вмешался Хинтон.

— Я отдал тебе приказ, Нат! — крикнул полковник. Остальные его люди уже сидели в седле, все, кроме Медликотта, который поджигал сложенную у опоры моста кучу дров. — А теперь запал! — скомандовал полковник.

— Траслоу! — прорычал капитан Хинтон тем трем, что остались на противоположной стороне ущелья.

Траслоу с кожаной сумкой в руках покинул баррикаду последним. Переходя через мост, он отбрасывал доски в сторону, чтобы затруднить путь для преследователей.

С далекой баррикады прозвучал выстрел, и дымок от него немедленно унесло ветром. Пуля попала в рельсы на мосту и срикошетила в реку. Два густых облака дыма от горящего товарного вагона и тендера стелились низко у земли, улетая в сторону северной ветки железной дороги.

— Запал подожжен! — крикнул Медликотт и начал карабкаться вверх по склону. Позади него плевался закручивающимися струйками дыма горящий запал, змеившийся вниз по склону, в сторону огромной кучи древесины, уложенной вокруг порохового заряда.

— Быстрее! — рявкнул полковник. Заржала и встала на дыбы лошадь. Из-за баррикады снова раздались выстрелы, но Траслоу уже перешел через мост и находился вне зоны поражения.

— Ну же, давай! — закричал полковник. Траслоу по-прежнему нес кожаную сумку, и у всех людей Хинтона имелись похожие. Благодаря этим тяжелым сумкам Фалконер наверняка понял, почему его приказ отступить был проигнорирован, но предпочел промолчать.

Мокрый и грязный сержант Медликотт выбрался из ущелья и поставил ногу в стремя, когда дымок на запале достиг кучи хвороста. Сержант Траслоу забрался в седло, и Фалконер развернулся.

— Поехали!

И он повел своих людей прочь от железнодорожной насыпи.

Огонь в ущелье, должно быть, уже разгорелся, потому что густой дым покрывал решетку моста, хотя пороховой заряд еще не взорвался.

— Поехали! — торопил их Фалконер, а позади него лошади поскальзывались, с трудом пробираясь по глинистому склону, пока, наконец, поезд не скрыла листва, и когда сквозь листья и ветки просвистело несколько случайных пуль, они не задели ни одного солдата Легиона.

Фалконер остановился на перекрестке и обернулся, чтобы посмотреть на атакованный поезд. Огонь распространился из товарного вагона и тендера на остальные вагоны, и бывшие пассажиры поезда, мокрые и несчастные, теперь карабкались по влажному склону, чтобы избежать опасности.

Длинные пассажирские вагоны выполняли роль дымовой трубы, по которой яростно гудело пламя, пока с треском не лопнули оконные стекла, и через них в дождь вырвался огненный поток.

Поезд представлял собой горящие обломки — паровоз сошел с рельсов, а вагоны разрушились, но мост, который был целью налета, по-прежнему стоял.

Пороховой заряд не сдетонировал от запала, возможно, потому, что порох намок, а пламя, которое, как предполагалось, высушит порох и взорвет его, если не сработает запал, теперь, похоже, потухло из-за намокших дров и под принесенным ветром дождем.

— Если бы ты выполнил мои приказы, — резко выбранил Старбака полковник, — осталось бы время, чтобы установить заряды заново.

— Я, сэр? — Старбак был поражен несправедливостью этих обвинений.

Капитан Хинтон был в той же степени удивлен словами полковника.

— Я же сказал вам, Фалконер, это моя вина.

— Я отдал приказ не вам, Хинтон. Я отдал его Старбаку, и он не был выполнен, — Фалконер говорил резко и с холодной яростью, потом развернул коня и вонзил в него шпоры. Лошадь заржала и резко скакнула вперед.

— Проклятый янки, — тихо произнес сержант Меддикотт и последовал за Фалконером.

— Забудь их, Нат, — сказал Хинтон. — Это была не твоя вина. Я замолвлю о тебе словечко полковнику.

Старбак до сих пор не мог поверить, что его обвинили в неудаче атаки. Он просто онемел, потрясенный несправедливостью полковника.

Внизу, на путях, не сознавая, что группа налетчиков до сих пор находится где-то над ними, некоторые из пассажиров поезда стояли на краю неповрежденного моста, а другие начали растаскивать баррикаду с искореженных рельсов. Огонь в ущелье, похоже, полностью погас.

— Он привык, что все ему подчиняются, — Траслоу подвел лошадь к Старбаку. — Думает, что может купить всё, что пожелает, и самое лучшее, прямо сразу.

— Но я ничего плохого не сделал!

— Тебе и не нужно было. Он хочет кого-нибудь обвинить. И посчитал, что если свалит всё на тебя, то ты ничего ему не сделаешь. Вот почему он выбрал тебя. Он ведь не мог свалить всё на меня, правда?

Траслоу пришпорил коня.

Старбак обернулся и посмотрел на ущелье. Мост не был поврежден, и кавалерийский налет, который должен был стать славной победой, которая положит начало триумфальному крестовому походу Легиона, превратился в мутный и вымокший под дождем фарс. И обвинили в этом Старбака.

— Черт побери, — выругался он вслух, бросая вызов своему Богу, а потом развернулся и последовал за Траслоу на юг.

— Тут действительно об этом? — Бельведер Дилейни держал в руках выпуск «Вестника Уилинга» четырехдневной давности, привезенный в Ричмонд из Харперс-Ферри. Хотя «Вестник» и был виргинской газетой, он поддерживал северян.

— Что? — Итан Ридли был расстроен и мало интересовался тем, что могли написать газеты.

— В прошлую среду грабители остановили пассажирский поезд, направляющийся на восток, один человек ранен, паровоз сошел с рельсов, — Дилейни кратко пересказывал заметку по мере того, как бегло ее просматривал.

— Четыре вагона сильно обгорели, товарный вагон и пассажиры ограблены, рельсы повреждены, их заменили на следующий день, — он уставился на Ридли через свои полукруглые очки для чтения в золотой оправе. — Ты же не думаешь, что это может быть тем самым великим триумфом Легиона Фалконера, а?

— Не похоже, что это Фалконер. А теперь послушай, Бев.

— Нет, это ты послушай, — сводные братья находились в квартире Дилейни на Грейс-стрит. Окна гостиной с бархатными шторами выходили на грациозный шпиль собора Святого Павла, а позади него виднелось элегантное белое здание Капитолия, где теперь заседало временное правительство Конфедерации.

— Это ты послушай, потому что я собираюсь прочесть тебе лучшую часть, — произнес Дилейни, преувеличивая удовольствие.

— «По их омерзительному поведению можно было бы решить, что бандиты, остановившие в среду поезд, были просто странствующими ворами, но воры не пытаются разрушить железнодорожные мосты, и эта жалкая попытка убедила власти, что злодеи являлись агентами южан, а не просто преступниками, хотя мы не беремся сказать, как их можно отличить». Ну разве не прелесть, Итан? «Всему миру теперь отлично известны манеры южан, потому что вся храбрость мятежников заключается в грабеже женщин, напуганных детях и в презренном провале попытки разрушить мост Анакансетт, который хотя и был слегка подпален, но смог пропускать грузы уже на следующий день». Слегка подпален! Ну разве это не весело, Итан?

— Нет, черт возьми, нет!

— А я считаю, что чрезвычайно весело. Давай-ка поглядим, смелое преследование кавалерией Огайо, задержанное дождями и вышедшими из берегов ручьями. Мерзавцы благополучно ушли, так что очевидно, преследование не было уж настолько смелым. Считают, что налетчики отступили на восток, в долину Шенандоа. «Наши братья на востоке Виргинии, которые так любят хвастаться своей великой цивилизацией, похоже, послали этих людей в качестве эмиссаров этого преувеличенного превосходства. Если это было лучшее, на что они способны, то мы надеемся увидеть их воинское мастерство, будучи полностью уверенными, что национальный кризис долго не продлится и что славный Союз воссоединится в течение каких-нибудь нескольких недель». О, великолепно!

Дилейни снял очки для чтения и улыбнулся Ридли.

— Не очень-то впечатляющее описание, если это был твой будущий тесть. Один подпаленный мост? Ему стоило бы сделать что-нибудь получше!

— Бога ради, Бев! — взмолился Ридли.

Дилейни торжественно сложил газету, а потом положил ее на полку из розового дерева рядом с своим креслом, где лежали другие газеты и журналы.

Уют его гостиной придавали кожаные кресла, большой круглый полированный стол, книжные полки у каждой стены, гипсовые бюсты великих уроженцев Виргинии и большое зеркало над камином в позолоченной раме с держащимися за руки херувимами и летящими ангелами.

Некоторые предметы из драгоценной коллекции фарфора Дилейни стояли на каминной полке, другие — среди книг в кожаных обложках. Дилейни снова заставил брата ждать, пока полировал полукруглые очки и тщательно укладывал их в футляр с бархатной подкладкой.

— Что, черт возьми, — наконец спросил он, — ты собираешься делать с проклятой девчонкой?

— Хочу, чтобы ты мне помог, — жалко промямлил Ридли.

— С какой это стати? Девчонка — одна из твоих шлюх, а не моих. Она искала тебя, а не меня. Она носит твоего ребенка, а не моего, и месть ее отца угрожает твоей жизни, а уж точно не моей, мне и правда нужно продолжать?

Дилейни встал, подошел к камину и взял одну из сигарет, обернутых в желтую бумагу, которые ему привозили из Франции, и которые сейчас, как он полагал, станут на вес золота.

Он прикурил от горящего уголька из камина. Поразительно, что в это время года понадобилось зажигать камин, но дожди с грозами, пришедшие с востока, принесли с собой не по сезону холодные ветра.

— И вообще, что я могу сделать? — продолжал он беззаботно. — Ты уже пытался от нее откупиться, и

ничего не вышло. Очевидно, тебе следует заплатить ей больше.

— Она просто вернется, — сказал Ридли. — И будет возвращаться снова и снова.

— Так чего конкретно она хочет? — Дилейни знал, что ему придется помочь сводному брату, по крайней мере, если он хочет продолжать наживаться на поставках Легиону Фалконера, но ему хотелось еще немного помучить Итана, перед тем, как согласиться найти решение проблемы, возникшей из-за неожиданного появления в городе Салли Траслоу.

— Она хочет, чтобы я нашел ей где-нибудь место, чтобы поселиться. И ожидает, что я за это заплачу, а потом буду давать ей денег каждый месяц. И конечно, я должен содержать ее бастарда. Хрень Господня! — злобно ругнулся Ридли, вспоминая все эти непомерные требования Салли.

— Бастарда не только ее, но и твоего, — безжалостно заметил Дилейни. — Кстати, моего племянника! Или племянницу. Думаю, я предпочел бы племянницу, Итан. Это будет сводная племянница, как думаешь? Может, я могу стать ее сводным крестным отцом?

— Не будь таким бесполезным, черт побери, — сказал Ридли, бросив сердитый взгляд через окно на залитый дождем город. Грейс-стрит была почти пуста. Лишь один экипаж громыхал в сторону площади Капитолия и два негра укрылись на крыльце методистской церкви. — У миссис Ричардсон есть кто-нибудь, кто умеет избавляться от детей? — обернулся Ридли. Миссис Ричардсон возглавляла бордель, куда его сводный брат вложил значительную сумму денег.

Дилейни деликатно пожал плечами, что могло означать практически что угодно.

— Кстати, — продолжал Ридли, — Салли хочет сохранить бастарда и говорит, что если я не помогу, она расскажет обо мне Вашингтону Фалконеру. И своему отцу расскажет. Ты знаешь, что он со мной сделает?

— Не думаю, что устроит совместную молитву, — хихикнул Дилейни. — Почему бы тебе не отправить эту неудобную девчонку на предприятие Тредегара и там оставить на отвалах?

Металлургический завод Тредегара у реки Джеймс был самым мерзким, темным и мрачным местом в Ричмонде, и происходившие в его дьявольских уголках трагедии не слишком тщательно расследовались. Мужчины гибли в драках, шлюх в переулках резали ножами, а мертвых или умирающих детей бросали в грязные канавы. Это был кусочек ада в центре Ричмонда.

— Я не убийца, — угрюмо заметил Ридли, хотя, по правде говоря, подумывал о подобном чрезвычайном, но спасительно жестоком действии, но слишком боялся Салли Траслоу, которая, как он подозревал, прятала где-то среди своих пожитков оружие. Она пришла к нему три дня назад, появившись в квартире Бельведера Дилейни вечером.

Дилейни находился в Уильямсберге, заверяя завещание, и Ридли был в квартире один, когда Салли позвонила в дверь. Он услышал какую-то суету у парадной двери и спустился вниз, обнаружив Джорджа, домашнего раба своего брата, спорящим с мокрой, грязной и злой Салли.

Она протолкнулась мимо Джорджа, который со свойственной ему почтительной вежливостью пытался не пустить ее в дом.

— Скажи этому ниггеру, чтобы убрал от меня лапы, — крикнула она Ридли.

— Всё в порядке, Джордж. Это моя кузина, — произнес Ридли, а потом отдал распоряжения, чтобы грязную лошадь Салли отвели на конюшню, а саму Салли проводили наверх, в гостиную его брата. — Какого дьявола ты здесь делаешь? — спросил он в ужасе.

— Приехала к тебе, — провозгласила она, — ты ведь сам приглашал.

С ее оборванной одежды на лежащий перед мраморным камином прекрасный персидский ковер Дилейни капала вода.

За окнами завывали ветер с дождем, но в этой теплой и комфортабельной комнате, защищенной плотными бархатными шторами с оборками и кисточками, спокойно горел огонь, а пламя свечей почти не дрожало.

Салли оглядывалась, стоя на ковре, восхищаясь книгами, мебелью и кожаными креслами. Ее поразило, как пламя свечей отражается в графинах, золоченых рамах и драгоценных европейских фарфоровых фигурках на каминной полке.

— Как мило, Итан. Не знала, что у тебя есть брат.

Ридли подошел к шкафчику, открыл серебряный портсигар и вытащил оттуда одну из тех сигар, что его сводный брат держал для посетителей. Ему нужно было закурить, чтобы прийти в себя.

— Я думал, ты вышла замуж?

— Я возьму одну из этих сигар, — заявила Салли.

Он зажег сигару и протянул ее ей, а потом взял вторую для себя.

— Ты носишь обручальное кольцо, — сказал он, — значит, ты замужем. Почему бы тебе не вернуться к мужу?

Она сознательно проигнорировала этот вопрос и поднесла палец с кольцом к свету.

— Это кольцо принадлежало моей маме, а ей досталось от ее мамы. Папа хотел оставить его себе, но я заставила его отдать кольцо мне. Мама всегда хотело, чтобы оно было у меня.

— Дай-ка посмотреть, — Ридли взял ее за палец и ощутил дрожь, как и всегда, когда дотрагивался до Салли. Он гадал, по какой случайности кости, кожа, губы и глаза сложились в такую потрясающую красоту в этом сквернословящем ребенке холмов с дурным характером.

— Прелестное, — он повернул кольцо на ее пальце, почувствовав ее легкое и сухое прикосновение. — И старинное, — он подозревал, что кольцо весьма старое, может, даже какое-то особенное, и попытался снять его с пальца, но Салли отдернула руку.

— Папа хотел оставить его себе, — она посмотрела на кольцо, — и я его у него забрала, — она засмеялась и затагнулась сигарой. — И вообще, я, типа, не по-настоящему замужем. Не больше, чем если бы через метлу перепрыгнула [\[5\]](#).

Именно этого и боялся Ридли, но попытался не выдать свои опасения.

— Твой муж ведь скоро начнет тебя искать, правда?

— Роберт? — засмеялась она. — Ничего он не сделает. У кастрированного борова яйца и то крепче, чем у Роберта. А как насчет твоей подружки-леди? Что сделает Анна, когда узнает, что я здесь?

— А она узнает?

— Конечно, милый, потому что я ей скажу. Если только ты не дашь мне слово. То есть будешь заботиться обо мне как положено. Я хочу жить в местечке вроде этого, — она обернулась, осматривая комнату, восхищаясь ее комфортом, а потом снова взглянула на Ридли. — Ты знаешь человека по имени Старбак?

— Знаю одного мальчишку по имени Старбак, — ответил Ридли.

— Довольно симпатичный мальчишка, — кокетливо произнесла Салли. Пепел с ее сигары упал на

ковер. — Он обвенчал меня с Робертом. Папа заставил его. Он сделал так, чтобы всё звучало будто по-настоящему, с книгой и всё такое, и даже сделал запись, прям как по закону, но я знаю, что это было не по-настоящему.

— Старбак вас обвенчал? — развеселился Ридли.

— Он был довольно мил. И правда мил, — она вздернула голову в сторону Ридли, желая вызвать у него ревность. — А потом я велела Роберту записаться в солдаты и приехала сюда. Чтобы быть с тобой.

— Но я здесь не останусь, — сказал Ридли. Салли наблюдала за ним своими кошачьими глазами. — Я отправляюсь в Легион, — объяснил он. — Я закончу свои дела здесь, а потом вернусь.

— Тогда я скажу тебе, милый, какие еще дела тебе нужно закончить, — Салли приблизилась к нему, с невольным изяществом пройдя по богатым коврам и натертому паркету.

— Тебе нужно найти местечко, где я буду жить, Итан. Хорошенькое местечко, с коврами вроде этого, с настоящими креслами и кроватью. Ты сможешь приходить ко мне, как и говорил. Ведь так ты говорил? Что найдешь, где я буду жить? Где ты сможешь быть со мной? И любить меня? — она прошептала последние слова очень мягко, подойдя так близко, что Ридли почувствовал запах сигары в ее дыхании.

— Да, так я говорил, — он знал, что не может противиться ей, как всегда знал и то, что как только они переспят, он возненавидит Салли за ее вульгарность и приземленность.

Она была ребенком едва ли пятнадцати лет от роду, но уже знала, как и Ридли, о своих сильных сторонах. Он знал, что она будет отчаянно драться за то, чтобы поступить по-своему, наплевав на разрушения, которые может при этом причинить. Так что уже на следующий день Ридли переселил ее из квартиры своего брата на Грейс-стрит.

Если бы Дилейни обнаружил свой драгоценный фарфор разбитым, он бы ни за что не согласился помочь Ридли, так что Итан снял ближайшую ко входу комнату в меблированных апартаментах на Монро-стрит, указав при регистрации себя и Салли как женатую пару.

Он умолял брата помочь:

— Да Бога ради, Бев! Она же ведьма, она все разрушит!

— Суккуб, значит, а [6]? Хотел бы я с ней повстречаться. Она правда так красива, как на твоём рисунке?

— Она необыкновенна, так что, Христа ради, заberi ее у меня! Хочешь ее? Она твоя! — Ридли уже пытался избавиться от нее, представляя своим собутыльникам в салуне отеля «Спотсвуд». Но Салли, одетая в недавно приобретенный наряд, пусть и сводила с ума каждого офицера в отеле, отказывалась покидать Ридли. Она не собиралась извлекать глубоко засевшие в нем коготки ради неизвестности.

— Пожалуйста, Бев! — умолял Ридли.

«Как же я ненавижу», — подумал Бельведер Дилейни, греясь у камина, — «когда меня зовут Бев».

— Убивать ее ты не хочешь? — спросил он грозно.

Ридли, помешкав, затряс головой:

— Нет.

— И не дашь ей того, чего она хочет?

— Да не могу я.

— А просто отпустить ее?

— Да нет же, черт возьми.

— Сама она не уйдет?

— Ни за что.

Дилейни затянулся сигаретой и задумчиво выпустил колечко дыма в потолок.

— Подпаленный мост. Как по мне, так это забавно.

— Пожалуйста, Бев, пожалуйста!

— Я показал газетную заметку Ли, — произнес Дилейни. — Но он опроверг ее. Заверил меня, что это дело рук не наших людей. Думает, какие-нибудь разбойники подпалили мост. Наверное, тебе стоит сказать об этом Фалконеру. Разбойники! Он будет просто в восторге от этого словечка.

— Пожалуйста, Бев, Бога ради!

— Э нет, Итан, Господу точно не понравится то, что я собираюсь сделать с Салли. Ни на йоту не понравится. Но да, я могу помочь тебе.

Облегчение, которое испытал Ридли, глядя на брата, было почти осязаемым:

— Что ты собираешься сделать?

— Приведи ее ко мне завтра. Допустим, к углу Кэри и Двадцать четвертой, подальше от любопытных глаз. В четыре часа там будет стоять экипаж. Я могу быть там, а могу и не быть, в любом случае — заставь ее забраться в этот экипаж. А потом забудь о ней. Навсегда.

Ридли уставился на брата, разинув рот:

— Ты... ее убьешь?

Дилейни поморщился:

— Помилуй, не настолько я груб. Я... заставлю ее исчезнуть из твоей жизни. А ты будешь мне благодарен по гроб жизни.

— Буду, честное слово! — жалко поблагодарил его Ридли.

— Значит, завтра в четыре, на углу Кэри и Двадцать четвертой. А теперь иди к ней. Будь с ней поласковой, чтобы она ничего не заподозрила.

Полковник Вашингтон Фалконер игнорировал Старбака почти всё время, пока они ехали домой. Фалконер скакал рядом с капитаном Хинтоном, иногда с Мерфи, а иногда один, но всегда устанавливал высокий темп езды, будто хотел побыстрее отдалиться от места, где так неудачно закончился его набег.

Когда он наконец заговорил со Старбаком, то был резок и недружелюбен, хотя едва ли вел себя более обходительно с остальными. Но всё равно Старбак чувствовал обиду, в то время как Траслоу просто веселило дурное расположение духа полковника.

— Ты должен научиться избегать глупостей, — сказал Траслоу.

— Именно этим вы занимаетесь?

— Нет, но кто сказал, что с меня нужно брать пример? — засмеялся он. — Тебе следовало бы прислушаться к моему совету и взять деньги.

Траслоу получил в результате налета кругленькую сумму, как и те люди, что отправились с ним к поезду.

— Я предпочту быть глупцом, чем вором, — нравоучительно заявил Старбак.

— Неа, не предпочтешь. Ни один разумный человек так не поступит. И вообще, надвигается война, и единственный путь пройти через нее — это воровать. Все солдаты воруют. Ты крадешь всё, что тебе нужно, не у друзей, а у всех остальных. Армия не будет за тобой присматривать. Армия кричит на тебя, срёт на тебя и делает всё возможное, чтобы ты сдох с голоду, так что ты должен добыть всё, что сможешь заполучить, а лучшие добытки — это те, кто лучше умеет воровать, — несколько шагов Траслоу проскакал молча.

— Думаю, тебе нужно радоваться, что ты приехал и помолился над моей Эмили, потому что благодаря этому я теперь за тобой присматриваю.

Старбак промолчал. Он стыдился той молитвы, что пробормотал над могилой. Ему не следовало ее произносить, потому что он был для этого неподобающим человеком.

— И я так и не поблагодарил тебя за то, что никому не рассказал о моей Салли. В смысле, как она вышла замуж и почему.

Траслоу отрезал ломоть табака от куска, который хранил в поясной сумке, и засунул за щеку.

Они со Старбаком ехали отдельно от остальных, находящихся в нескольких шагах впереди и сзади.

— Всегда надеешься, что будешь гордиться детьми, — тихо продолжал Траслоу, — но думаю, Салли — неудачный ребенок. Но теперь она замужем, так что всё закончилось.

«Так ли это?», — гадал Старбак, но не был настолько глуп, чтобы задать этот вопрос вслух. Замужество не стало концом для матери Салли, которая впоследствии убежала с жестоким коротышкой Траслоу. Старбак попытался мысленно нарисовать портрет Салли, но не смог сложить вместе все детали.

Он лишь вспомнил, что она была очень красива, и что обещал ей помочь, если бы она только попросила. Что бы он сделал, если бы она приехала? Убежал бы с ней, как с Доминик?

Осмелился бы он бросить вызов ее отцу? Ночью Старбак лежал без сна, охваченный фантазиями о Салли Траслоу. Он знал, что эти мечты были столь же глупы, как и непрактичны, но он был молод и потому хотел влюбиться, и ему приходили в голову эти глупые и непрактичные мечты.

— Я и правда благодарен, что ты не проболтался про Салли, — похоже, Траслоу ожидал ответа, возможно, подтверждения того, что Старбак и правда держал ту ночную свадьбу в секрете, а не сделал эту семейную проблему предметом насмешек.

— Я и не думал никому рассказывать, — заявил Старбак. — Это никого не касается, — приятно было снова ощутить себя таким добродетельным, хотя Старбак подозревал, что его молчание относительно свадьбы было вызвано скорее инстинктивным страхом вызвать неприязнь Траслоу, чем принципиальной сдержанностью.

— И что ты думаешь о Салли? — серьезным тоном спросил Траслоу.

— Она очень привлекательная девушка, — так же серьезно ответил Старбак, как будто и не воображал, как сбегает с ней в западные земли или, иногда, как они отплывают в Европу, где, в его грезах, он производит на нее впечатление своей изысканностью в роскошных отелях и блестящих бальных залах.

Траслоу кивнул в знак одобрения комплимента Старбака.

— Она похожа на мать. Юный Декер — просто счастливчик, надо думать, хотя, может, и нет. Симпатичное личико — это не всегда хорошее качество в женщине, особенно если у нее есть зеркало.

Эмили никогда особо об этом не задумывалась, но только не Салли, — он произнес ее имя с печалью, а потом долгое время ехал молча, очевидно, вспоминая о семье.

Старбак, разделивший с этой семьей очень личное событие, вопреки собственной воле стал наперсником Траслоу, который после паузы покачал головой, сплюнул струю табака и объявил свой вердикт:

— Некоторые мужчины созданы для того, чтобы стать главой семьи, но только не юный Декер. Он бы хотел присоединиться к своему кузену в Легионе, но он и не боец. Не то что ты.

— Я? — удивился Старбак.

— Ты боец, парень. Точно говорю. Ты не обмочишь штаны, увидев слона.

— Увидев слона? — спросил Старбак весело.

Траслоу состроил мину, предполагавшую, что он уже устал в одиночку заполнять пробелы в образовании Старбака, но потом всё равно снизошел до ответа:

— Если ты вырос в сельской местности, тебе всегда рассказывают про цирк. И про всякие чудеса в нем. Про шоу уродов и представления с животными, и о слоне, и все дети спрашивают и спрашивают о том, что это за слон такой, а ты не можешь объяснить, так что однажды берешь детишек, чтобы они увидели всё собственными глазами. Вот на что похоже для мужчины первое сражение. Как увидеть слона. Некоторые накладывают в штаны, некоторые бегут, как из ада, а некоторые заставляют сбежать врага. С тобой всё будет в порядке, но не с Фалконером.

Траслоу презрительно мотнул головой в сторону полковника, ехавшего в одиночестве во главе маленькой колонны.

— Попомни мои слова, парень, точно говорю, Фалконер и одно сражение не продержится.

Мысль о сражении заставила Старбака вздрогнуть. Иногда это предвкушение было таким волнующим, а иногда нагоняло ужас, в этот же раз мысль о том, что он увидит слона, испугала его, может, потому что неудача этого рейда показала, как многое может пойти наперекосяк. Он не хотел размышлять о последствиях того, если что-то пойдет не так во время битвы, и потому сменил тему, выпалив первый пришедший на ум вопрос:

— Вы и правда убили трех человек?

Траслоу бросил на него странный взгляд, будто не понял, зачем вообще задавать подобные вопросы.

— Как минимум, — презрительно ответил он. — А что?

— И что чувствуешь, когда убиваешь человека? — спросил Старбак. На самом деле он хотел спросить, почему и как Траслоу совершил эти убийства, и пытался ли кто-нибудь призвать его к ответу, но вместо этого задал дурацкий вопрос про чувства.

Траслоу посмеялся над этим интересом.

— Что чувствуешь? Иисусе, парень, временами от тебя больше шума, чем от разбитого горшка. Что чувствуешь? Сам узнаешь, парень. Иди и убей кого-нибудь, тогда сам ответишь мне на этот вопрос, — Траслоу пришпорил лошадь, у него вызвал отвращение тот нездоровый интерес, с которым Старбак задал этот вопрос.

Той ночью они встали лагерем на мокром холме над небольшим поселением, чьи горящие плавильные печи мерцали, как врата преисподней, и им пришлось вдыхать вонючий дым от сжигаемого угля, доходивший до вершины холма. Старбак не мог заснуть.

Он сел рядом с часовыми, дрожа от холода и мечтая, чтобы дождь наконец-то прекратился. Он поужинал своей порцией вяленого мяса и намокшего хлеба с тремя другими офицерами. Фалконер был в

чуть лучшем расположении духа, чем в предыдущие ночи, даже найдя в неудаче рейда кой-какие утешительные стороны.

— Может, нас и подвел порох, — сказал он, — но мы показали, что можем быть опасны.

— Это верно, полковник, — преданно ответил Хинтон.

— Им придется приставить охрану к каждому мосту, — объявил полковник, — а человек, охраняющий мост, не сможет вторгнуться на Юг.

— И это верно, — бодро согласился Хинтон. — И им может понадобится много дней, чтобы убрать тот паровоз с путей. Он ужасно глубоко увяз.

— Так что это не было провалом, — добавил полковник.

— Отнюдь нет! — капитан Хинтон был решительно оптимистичным.

— И послужило отличной тренировкой для наших разведчиков-кавалеристов, — посчитал полковник.

— Именно так, — Хинтон улыбнулся Старбаку, пытаясь вовлечь и его в эту более дружелюбную атмосферу беседы, но полковник лишь нахмурился.

Теперь, по мере наступления ночи, Старбак всё глубже погружался в отчаяние, свойственное юности. Дело было не только в отчужденности Вашингтона Фалконера, которая его угнетала, но и в осознании того, что его жизнь пошла совершенно не в том направлении.

Тому были оправдания, возможно, и вполне достойные, но в глубине души он понимал, что сбился с пути. Он покинул свою семью и церковь, даже собственную страну, чтобы жить среди незнакомых людей, а привязанность к ним не проникла настолько глубоко и не была настолько сильной, чтобы дать ему какую-нибудь надежду.

Вашингтон Фалконер был человеком, чье яростное неодобрение было таким же сильным, как вонь из плавильных печей. Траслоу был союзником, но сколько это еще продлится? И что у Старбака общего с Траслоу?

Траслоу со своими людьми мог воровать и убивать, но Старбак не мог представить, что и он станет этим заниматься, а что до остальных, таких как Медликотт, то они ненавидели Старбака, за то что он выскочка-янки, незнакомец, пришлый, любимчик полковника, превратившийся теперь в козла отпущения.

Старбак дрожал под дождем, притянув колени к груди. Он чувствовал чудовищное одиночество. Так что же ему делать? Дождь монотонно лил, а за его спиной топтались привязанные лошади. Дул холодный ветер, поднимающийся от поселка с его мрачными плавильными печами и рядами однообразных домов.

Огонь от печей освещал здания зловещим мерцанием, а на склоне между ним и поселком сквозь дым выступали замысловатые силуэты деревьев, образуя непроходимый клубок перекрученных черных ветвей и срубленных стволов. Это настоящая дикость, подумал Старбак, а за ней находилось лишь пламя ада, и мрачный ужас этого склона показался ему прообразом собственного будущего.

Отправляйся домой, говорил он себе. Настало время признать, что ты был неправ. Приключение окончено, и пора вернуться домой. Из него сделали дурака, сначала Доминик, а теперь эти виргинцы, не любившие его за то, что он был северянином. Он должен ехать домой. Он все равно может стать солдатом, даже должен им стать, но будет драться за Север.

Будет сражаться за «Доблесть прошлого» — флаг США, за продолжение славного столетия американского прогресса и благопристойности. Он отбросит лицемерные аргументы тех, кто притворялся, что дело не в рабстве, а вместо этого присоединится к крестовому походу за правое дело. И внезапно он вообразил себя крестоносцем с красным крестом на белом плаще, галлопирующим по залитым солнцем

равнинам истории, чтобы победить самое большое в мире зло.

Он отправится домой. Он должен уехать туда ради собственного блага, потому что иначе запутается в клубке мрачной дикости.

Он пока не представлял, как ему удастся добраться до дома, и несколько яростных мгновений раздумывал над идеей схватить лошадь и просто убраться с этого холма, правда, лошади были привязаны, и полковник Фалконер, опасаясь преследования кавалерией северян, настоял на том, чтобы выставить часовых, которые наверняка бы остановили Старбака.

Нет, решил он, он подождет, пока они не доедут до Фалконера, а там поговорит с Вашингтоном Фалконером начистоту и признается в своем разочаровании и неудачах, а потом попросит, чтобы тот помог ему добраться до дома. Ему казалось, что во время перемирия корабли плавают вверх по реке Джеймс, а Фалконер наверняка поможет ему найти место на борту одного из них.

Он посчитал, что принял решение и был доволен правильным выбором. Он даже немного поспал, проснувшись с посвежевшим взглядом и радостью на сердце, чувствуя себя Христианином из «Путешествия пилигрима в Небесную Страну», будто разом избежал и Ярмарки Суеты, и Топи Уныния и направляется напрямик в Небесный Град [7].

Спустя день группа, участвовавшая в рейде, достигла долины Шенандоа и пересекла ее, а на следующее утро они спустились с Голубого хребта под ясным небом и теплым ветерком. Остатки белых облаков сдуло на север, по зелени тучных полей мелькали их тени.

Разочарование от рейда, казалось, было забыто, когда лошади почуяли запах дома и перешли на быструю рысь. Перед ними расстился город Фалконер, покрытый медью купол здания суда блестел на солнце, а над цветущими деревьями вздымались шпили церквей.

Завтра, подумал Старбак, у него состоится долгая беседа с Вашингтоном Фалконером. Завтра он признается в своей ошибке и всё исправит. Завтра он встанет на праведный путь перед Богом и людьми.

Завтра он вновь родится, и эта мысль приободрила его и даже заставила улыбнуться, а потом он полностью о ней позабыл, и даже весь план о возвращении на Север вылетел у него из головы, потому что из лагеря Легиона верхом на светлом коне выехал коренастый юноша с бородой в форме каре и приветливой улыбкой, и Старбак, чувствующий себя таким одиноким и так несправедливо наказанным, пустил лошадь в бешеный галоп, чтобы поприветствовать своего друга.

Потому что Адам вернулся домой.

Глава седьмая

Друзья встретились, натянули поводья, оба заговорили одновременно, замолчали, засмеялись, снова заговорили, но каждый был слишком полон новостями и удовольствием от встречи, чтобы понять другого.

— Выглядишь усталым, — наконец сумел произнести что-то вразумительное Адам.

— Я и правда устал.

— Я должен встретиться с отцом. А потом поговорим, — Адам пришпорил лошадь в сторону Вашингтона Фалконера, который, явно позабыв провал рейда, светился счастьем от возвращения сына.

— Как тебе удалось вернуться? — окликнул сына Фалконер, когда тот направился в его сторону.

— Мне не позволили пересечь Длинный мост в Вашингтоне, так что я поднялся вверх по реке и заплатил паромщику у Лисберга.

— Когда ты приехал?

— Только вчера, — Адам придержал лошадь, чтобы поздороваться с отцом. Всем было очевидно, что доброе расположение духа Вашингтона Фалконера полностью восстановлено. Его сын вернулся, и таким образом разрешилась вся неопределенность относительно того, сохранил ли он верность южанам.

Радость полковника распространилась даже на то, чтобы попросить прощения у Старбака.

— Я был расстроен, Нат. Ты должен меня простить, — незаметно сообщил он Старбаку, пока Адам отъехал, чтобы поприветствовать Мерфи, Хинтона и Траслоу.

Старбак, слишком смущенный извинениями человека гораздо старше его, ничего не ответил.

— Ты ведь присоединишься к нам за ужином в Семи Источниках, Нат? — Фалконер принял молчание Старбака за враждебность. — Мне трудно будет перенести твой отказ.

— Конечно, сэр, — Старбак помедлил, а потом решил принять на себя эту ношу.

— И сожалею, что подвел вас, сэр.

— Ты не подвел, не подвел, — поспешно отмёл извинения Старбака Фалконер.

— Я был расстроен, Нат, и только. Я вложил слишком много надежд в этот рейд и не предвидел погоду. Вот в чем было дело, Нат, в погоде. Адам, пойдем!

Адам провел большую часть утра, встречаясь в Легионе со старыми друзьями, но теперь его отец настаивал на том, чтобы провести сына по всему лагерю еще разок, и Адам добродушно выразил восхищение рядами палаток и лошадей, полевой кухней, местом для повозок и шатром для собраний.

В лагере теперь находилось шестьсот семьдесят восемь добровольцев, почти все жили в половине дня езды от Фалконера. Их разделили на десять рот, каждая из которых выбрала своих офицеров, хотя, как весело признался Фалконер, понадобилось несколько взяток, чтобы удостовериться в том, что победят лучшие.

— Думаю, я использовал четыре бочки лучшего в этих горах виски, — объявил Фалконер сыну, — чтобы наверняка были избраны Миллер и Паттерсон.

Каждая рота выбрала капитана и двух лейтенантов, а некоторые — и третьего лейтенанта. Вашингтон Фалконер назначил собственных офицеров штаба — пожилого майора Пелэма в качестве своего заместителя и жуткого майора Бёрда, которого явно продвинули на слишком высокую позицию, чтобы заниматься бумажной работой.

— Я пытался избавиться от Дятла, но твоя мать настаивала, — признался полковник Адаму. — Ты виделся с ней?

— Да, этим утром, сэр.

— Она хорошо себя чувствует?

— Говорит, что нет.

— Обычно ей становится лучше, когда меня нет рядом, — иронично заметил полковник. — Вот это — штабные палатки.

В отличие от конусообразных палаток, которыми довольствовались пехотные роты, четыре штабные палатки представляли собой большие шатры с прямыми стенками, непромокаемой подстилкой, походными кроватями, складными табуретами, тазиком для умывания, кувшином и раскладным столиком, который можно было превратить в брезентовую сумку.

— Я займу эту, — сказал Фалконер, указывая на самую чистую из палаток.

— Майор Пелэм расположится в следующей, Итан и Дятел займут вон ту, а вы с Натом разделите между собой четвертую. Думаю, устроит?

Адам и Ридли получили звания капитанов, тогда как Старбак оказался на самой нижней иерархической ступени, будучи младшим лейтенантом. Вся троица сформировала, таким образом, отряд адъютантов, как назвал их Фалконер. Их работа, объяснил он Адаму — служить его посыльными, а также глазами и ушами на поле битвы. Из его уст все это звучало довольно зловеще.

Легион состоял не только из штаба и десяти пехотных рот. В его состав входили: оркестр, подразделение медиков, знаменосцы, полсотни кавалеристов под командованием капитана, которым предстояло служить разведчиками Легиона, и батарея из двух бронзовых шестифунтовых пушек, прослуживших уже двадцать лет. Обе были гладкоствольными, приобретенными Фалконером в литейном цехе Боуэrsa в Ричмонде. Туда пушки отправлялись для переплавки в новые виды вооружения.

Полковник гордо продемонстрировал артиллерию сыну:

— Ну разве они не великолепны?

Пушки выглядели впечатляюще. Бронзовые стволы надраены до слепящего глаза блеска, колеса покрыты лаком, а дополнительные материалы — цепи, ведра, банники, резьбовые винты — отполированы и покрашены.

И все же было что-то беспокойное в этом оружии. Оно выглядело слишком мрачным для летнего утра, угрожающим и несущим смерть.

— Конечно, это не последнее слово техники, — Фалконер расценил молчание сына, как невысказанную критику. — Едва ли они сравнятся с орудиями Паррота [\[8\]](#), да и нарезов у них нет, но, думаю мне, парочку янки эти красавицы все же сумеют размазать. Разве не так, Пелэм?

— Если найдем боеприпасы, полковник, — с нескрываемым сомнением ответил майор, сопровождавший полковника во время проверки.

— Найдем! — с возвращением сына с Севера брызжущий энергией оптимизм полковника полностью к нему вернулся. — Итан найдет для нас боеприпасы.

— Пока что он не прислал нам ничего, — хмуро ответил майор. Александр Пелэм, долговязый седой мужчина, с которым Старбак перед рейдом скакал на северо-запад, отличался почти не покидавшей его угрюмостью.

Пелэм, дождавшись, пока полковник с сыном отъедут подальше, покосился слезящимися глазами на Старбака:

— Самое лучшее, что может произойти, лейтенант Старбак — это то, что мы никогда не найдем боеприпасов для пушек. А если найдем, то стволы, скорее всего, развалятся на части. Артиллерийское дело не для любителей, — фыркнул он. — Так значит, не удался налет?

— Все вышло печально, сэр.

— Угу, Мерфи рассказал, — майор Пелэм покачал головой с видом человека, всегда знавшего, что подобные безрассудства обречены на неудачу.

Майор был одет в старую униформу Соединенных Штатов, которую в последний раз носил во время войны 1812-го года — выцветший синий мундир с полинявшим галуном, утратившими былую позолоту пуговицами и кожаной перевязью, растрескавшейся как высохшая на солнце грязь.

Его сабля представляла собой огромный искривленный клинок в черных ножнах. Майор поморщился, когда оркестр, репетировавший в тени штабной палатки Легиона, заиграл «Моя Мэри-Энн».

— Они всю неделю ее исполняют, — проворчал он. — Мэри-Энн, Мэн-Энн, Мэри-Энн. Янки, наверное, от одной только музыки сделают ноги.

— А мне нравится.

— Прослушаешь с полсотни раз — разонравится. Лучше бы они исполняли марши. Хороший, уверенный марш — вот что нам нужно. Сколько мы занимаемся подготовкой? Четыре часа в день? А должны — двенадцать, но полковник не позволит. Будь спокоен — янки точно не в бейсбол играют, не то что мы, — Пелэм замолчал и сплюнул табак.

Он свято верил в необходимость бесконечных тренировок, в чем его поддерживали все опытные солдаты Легиона, но Фалконер противился этому, боясь угасания энтузиазма, которое могут повлечь слишком частые упражнения.

— Вот увидишь слона, — изрек Пелэм, — и тогда поймешь, зачем нужны тренировки.

Старбак почувствовал знакомый отклик на слова о встрече со слоном. Чувство страха, осязаемое, как холод крови, пульсирующей в сердце. Волна возбуждения, накатывающая больше от разума, чем от сердца, словно бы преодолевшая ужас и хлынувшая потоком иступленного восторга от ощущения битвы.

А потом пришло то будоражащее нервы понимание, что ничто из этого невозможно познать — ни ужас, ни экстаз, не испытав на своей шкуре загадку битвы. Стремление Старбака как можно быстрее разгадать эту загадку смешивалось в желанием отложить столкновение, а его пыл — с яростной жадью, чтобы сражение никогда не произошло. Всё это было очень запутанно.

Адам, освободившись от разговора с отцом, развернул лошадь обратно к Старбаку.

— Поедем к реке, искупаемся.

— Искупаемся? — Старбак боялся, что это занятие могло стать новым увлечением Адама.

— Тебе полезно искупаться! — пылкость Адама подтвердила опасения Старбака. — Я разговаривал с доктором, который утверждает, что купание продлевает жизнь!

— Чепуха!

— Наперегонки! — Адам пришпорил лошадь и поскакал прочь во весь опор.

Старбак чуть медленнее последовал за Адамом на своей уже уставшей кобыле, когда тот повел его вокруг города по тропам, которые он знал с детства, приведя к небольшой лужайке, являвшейся, как

решил Старбак, частью поместья Семь Источников. К тому времени, как Старбак достиг реки, Адам уже разделся. Вода была прозрачной, а растущие по берегам деревья усыпаны весенними цветами.

— Какой доктор? — окликнул своего друга Старбак.

— Его зовут Вессельхефт. Я ездил навестить его в Вермонт, по поручению матери, конечно же. Он рекомендует диету из черного хлеба и молока и часто принимать то, что он называет sitz-bad.

— Сидячую ванну?

— Называй это sitz-bad, мой дорогой Нат. Лучше всего называть это по-немецки, как и все способы лечения. Я рассказал маме о докторе Вессельхефте, и она обещала, что попробует всё, что он рекомендовал. Ты идешь? — Адам не стал ждать ответа, а голым нырнул в реку. Он всплыл с криками, явно отреагировав на температуру воды. — До июля не прогреется, — объяснил он.

— Может, я просто посмотрю на тебя.

— Не глупи, Нат. Я думал, что уроженцы Новой Англии — люди смелые.

— Но не безрассудно смелые, — сострил Старбак, подумав о том, как же хорошо снова быть рядом с Адамом. Они не виделись несколько месяцев, хотя в первые мгновения встречи казалось, будто прошло совсем немного времени.

— Давай же, трусишка, — позвал Адам.

— О Боже, — Старбак прыгнул в прозрачную прохладу и вынырнул с криками, как только что Адам. — Она ледяная!

— Но это полезно для тебя! Вессельхефт рекомендует принимать холодную ванну каждое утро.

— Разве в Вермонте не находятся больницы для душевнобольных?

— Возможно, — засмеялся Адам, — но Вессельхефт абсолютно разумен и весьма успешен.

— Я предпочту умереть молодым, чем терпеть холодную воду каждый день, — Старбак выбрался на берег и лег на траву под теплым солнцем.

Адам присоединился к нему.

— Итак, что случилось во время налета?

Старбак рассказал ему, хотя и опустив детали об угрюмости Фалконера на обратном пути. Вместо этого он превратил этот набег в нечто комичное, цепь ошибок, в результате которых никто не пострадал и никто не был обижен. Закончил свой рассказ он словами о том, что не считает, что война будет более серьезной, чем этот рейд.

— Никто не хочет настоящей войны, Адам. Это же Америка!

Адам пожал плечами.

— Север не собирается нас отпускать, Нат. Союз слишком для него важен, — он помедлил. — И для меня.

Старбак не ответил. На противоположном берегу реки паслись коровы, и в наступившей тишине он неожиданно четко услышал, как они выдирают зубами траву. Колокольчики монотонно позвякивали, и этот звук соответствовал зловещему настрою Адама.

— Линкольн призвал семьдесят пять тысяч добровольцев, — сказал он.

— Я слышал.

— И газеты северян пишут, что еще в три раза больше человек будут готовы к июню.

— Тебя пугают эти цифры? — несправедливо обвинил его Старбак.

— Нет. Меня пугает то, что эти цифры означают, Нат. Я боюсь, что Америка скатится в варварство. Боюсь, что увижу глупцов, с воплями въезжающих в битву только ради того, чтобы получить от нее удовольствие. Боюсь, что наши друзья по школе станут гадаринскими свиньями [9] девятнадцатого столетия, — Адам искоса бросил взгляд на противоположный берег реки, на покрытые яркими цветами и свежей листвой деревья на далеких холмах.

— Жизнь так хороша! — произнес он через некоторое время энергично, но печально.

— Люди сражаются, чтобы сделать ее лучше, — ответил Старбак.

Адам рассмеялся.

— Не глупи, Нат.

— А по какой еще причине им сражаться? — напирал Старбак.

Адам развел руками, будто предполагая, что на этот вопрос может найтись тысяча ответов, и ни один из них не имеет значения.

— Люди сражаются, потому что слишком горды и слишком глупы, чтобы признать, что не правы, — наконец объявил он.

— Мне всё равно, что для этого понадобится сделать, но мы должны сесть все вместе, созвать собрание и всё обсудить! И не имеет значения, займет ли это год, два или даже пять! Переговоры лучше, чем война. И что подумает о нас Европа? Многие годы мы говорили, что Америка — самый благородный и лучший эксперимент в истории, а теперь собираемся разорвать ее на части! Ради чего? Ради прав штатов? Чтобы сохранить рабство?

— Твой отец смотрит на это по-другому, — заметил Старбак.

— Ты знаешь отца, — с нежностью произнес Адам. — Он всегда воспринимал жизнь как игру. Мама говорит, что он так и не повзрослел по-настоящему.

— А ты повзрослел преждевременно? — предположил Старбак.

Адам пожал плечами.

— Я не могу воспринимать жизнь с легкостью. Хотел бы, но не могу. И трагедию не могу воспринимать легко, только не эту, — он махнул рукой в сторону коров, будто призывая этих невинных и неподвижных животных выступить свидетелями спектакля, во время которого Америка безудержно ринется в войну. — Но как насчет тебя? — повернулся он к Старбаку. — Я слышал, у тебя были неприятности.

— Кто тебе рассказал? — Старбак на мгновение смутился. Он устремил взор в облака, боясь встретиться глазами со своим другом.

— Отец написал мне, конечно же. Он хотел, чтобы я отправился в Бостон и замолвил о тебе словечко перед твоим отцом.

— Рад, что ты этого не сделал.

— Но я сделал. Правда, твой отец отказался меня принять. Хотя я прослушал его проповедь. Он был ужасно грозен.

— Он всегда такой, — сказал Старбак, хотя в глубине души гадал, почему Вашингтону Фалконеру

могло прийти в голову попросить Адама поговорить с преподобным Элиялом. Хотел ли он от него избавиться?

Адам выдернул травинку и мял ее своими ловкими пальцами.

— Почему ты так поступил?

Лежащего на спине Старбака внезапно охватил стыд от своей наготы и он перекатился на живот, уставившись на клевер и траву.

— С Доминик? Из-за похоти, я думаю.

Адам нахмурился, будто это понятие не было ему знакомо.

— Из-за похоти?

— Хотел бы я это описать. Но могу сказать лишь, что это переполняет тебя. То всё идет как обычно, будто корабль плывет по спокойному морю, и вдруг незнамо откуда налетает жуткий ветер, сильнейший, возбуждающий и завывающий ветер, с которым ты ничего не можешь поделать, лишь безумно подставить под него паруса, — он остановился, не удовлетворенный своим воображением.

— Это как песни сирен, Адам. Я знаю, что это неправильно, но с этим невозможно ничего поделать, — Старбак внезапно подумал о Салли Траслоу, и воспоминание о ее красоте причинило ему такую боль, что он зажмурился.

Адам принял это за проявление угрызений совести.

— Ты ведь должен всё вернуть этому Трейбеллу, правда?

— О, да. Конечно, должен, — необходимость этой выплаты тяжелым грузом висела на совести Старбака, по меньшей мере тогда, когда он позволял себе вспомнить о краже денег майора Трейбелла.

Еще несколько часов назад он планировал отправиться обратно на север, убедив себя, что хочет только одного — расплатиться с Трейбеллом, но теперь, когда Адам был дома, Старбак желал лишь остаться в Виргинии.

— Хотел бы я знать, как это сделать, — туманно произнес он.

— Думаю, тебе следует поехать домой, — твердо предложил Адам, — и во всём признаться семье.

Старбак провел последние два дня, размышляя именно об этом, но сейчас засомневался в разумности этого плана.

— Ты не знаешь моего отца.

— Как можно бояться собственного отца, но при этом намереваться бесстрашно отправиться на войну?

Старбак коротко улыбнулся, признав правоту этого утверждения, а потом покачал головой.

— Я не хочу ехать домой.

— Должны ли мы всегда делать то, что хотим? Есть долг и обязательства.

— Может, всё пошло наперекосяк, не когда я встретил Доминик, — сказал Старбак, защищаясь от суровых слов своего друга.

— Может, всё пошло не так, когда я поступил в Йель. Или когда согласился покреститься. Я никогда не чувствовал себя христианином, Адам. Мне не следовало разрешать отцу меня крестить. И не следовало позволять ему отправить меня в семинарию. Я жил во лжи, — он вспомнил о своих молитвах над могилой мертвой женщины и вспыхнул. — Не думаю, что я обращен. Я не настоящий христианин.

— Конечно, настоящий! — Адама шокировало вероотступничество друга.

— Нет, — настаивал Старбак. — Хотел бы я им быть. Я видел других обращенных. Видел их радость и силу Святого Духа внутри них, но никогда не испытывал подобного. Я всегда хотел это испытать, — он помолчал, подумав о том, что ни одному другому человеку кроме Адама не смог бы в этом признаться. Добрый честный Адам был как Верный, спутник Христианина в книге Джона Буньяна[\[10\]](#).

— Боже мой, Адам, — продолжал Старбак, — я молился, чтобы обратиться к Богу, умолял об этом! Но так и не познал его. Я думаю, если бы я был спасен и родился снова, то имел бы силы сопротивляться похоти, но теперь у меня их нет, и я не знаю, как обрести эти силы, — это было честное, но жалкое признание.

Он был воспитан в убеждении, что ничто во всей его жизни, даже сама жизнь, не является столь же важным, как обращение к Богу.

Обращение, как учили Старбака, было моментом нового рождения во Христе, то чудесное мгновение, когда человек впускает Иисуса Христа в свое сердце как Господа и Спасителя, и когда в жизни человека происходит этот чудесный момент, то ничто уже не будет прежним, потому что вся его жизнь и последующая за ней вечность превратятся в сияющее золотом существование.

Без спасения жизнь станет ничем иным, как грехом, адом, и будет полна разочарований, а с ним превратится в радость, любовь и вечный рай.

Но Старбак так никогда и не ощутил этот момент мистического обретения Бога. Ни разу не почувствовал радость. Он делал вид, потому что подобное притворство было единственным способом удовлетворить настойчивые требования его отца, но вся его жизнь с того момента, как он начал притворяться, была наполнена ложью.

— И даже кое-что похуже, — признался он Адаму. — Я начинаю подозревать, что настоящее спасение, настоящее счастье заключается отнюдь не в обращении к Богу, а совсем наоборот. Может, я смогу стать счастливым только лишь если всё это отвергну?

— Боже мой, — произнес Адам, в ужасе от самой идеи такого безбожия. Несколько секунд он размышлял. — Не думаю, — продолжал он медленно, — что обращение зависит от внешнего влияния. Ты не можешь ожидать магического превращения, Нат. Подлинное обращение исходит от внутренней потребности.

— В смысле, Христос ничего не может с нами поделаться?

— Конечно, может, но он бессилен, если ты не пригласишь его войти. Ты должен высвободить его силу.

— Я не могу! — почти взвыл он в протесте, это был крик юноши, отчаянно пытавшегося выпутаться из тяжелой религиозной борьбы, той борьбы, что умаляла ценность Христа и спасения на фоне искушений в виде Салли Траслоу и Доминик и всех тех запретных и восхитительных удовольствий, которые, казалось, разрывали душу Старбака надвое.

— Тебе следует начать с возвращения домой, — заявил Адам. — Это твой долг.

— Я не поеду домой, — сказал Старбак, полностью проигнорировав свое же недавнее решение. — Я не найду Господа дома, Адам. Мне нужно побыть одному.

Это была неправда.

Теперь, когда его друг вернулся в Фалконер, Старбак хотел остаться в Виргинии, потому что лето, выглядевшее столь угрожающе под неодобрительными взглядами Вашингтона Фалконера, внезапно

обещало вновь стать золотым.

— А ты почему здесь? — задал Старбак встречный вопрос. — Ради долга?

— Думаю, да, — этот вопрос заставил Адама ощутить дискомфорт. — Полагаю, все мы пытаемся вернуться домой, когда дела принимают дурной оборот. А так оно и есть, Нат. Север собирается вторгнуться.

Старбак усмехнулся.

— Значит, мы будем драться и прогоним их, Адам, тем всё и кончится. Одно сражение! Короткое, доброе сражение. Одна победа, а потом мир. Потом ты обратишься к Богу и, вероятно, получишь всё, чего желаешь, но сначала тебе придется драться в одной битве.

Адам улыбнулся. Ему казалось, что его друг Нат живет одними лишь чувствами. А не ради того, чтобы мыслить, такова была, по мнению Адама, его собственная стезя. Адам верил в том, что во всём можно добиться правды, прибегнув к доводам рассудка, будь то рабство или спасение, в то время как Старбак, как он осознал, был полностью захвачен эмоциями. Некоторым образом, с удивлением решил Адам, Старбак напоминает его собственного отца, полковника.

— Я не собираюсь драться, — после длительного молчания объявил Адам. — И не буду.

Теперь настал черед Старбака удивиться.

— И твой отец об этом знает?

Адам покачал головой, но промолчал. Похоже, он слишком устал от неодобрения отца.

— Тогда почему ты приехал домой? — спросил Старбак.

Адам долго не отвечал.

— Думаю, — произнес он в конце концов, — потому что знал — что бы я ни сказал, это уже делу не поможет. Никто не прислушивается к доводам рассудка, всеми правят страсти. Я думал, что люди хотят мира, а они больше жаждут победы. Видишь ли, их изменил Форт Самптер. И не важно, что там никто не погиб, бомбардировка доказала им, что рабовладельческие штаты невозможно урезонить, и они попросили, чтобы я присоединил свой голос к их требованиям, а эти требования заключались уже совсем не в мирном урегулировании, а в разрушении всего этого, — он махнул рукой в сторону владений Фалконера, прекрасных полей и густых лесов. — Они хотели, чтобы я атаковал отца и его друзей, а я отказался это сделать. И вместо этого вернулся домой.

— Но ты не будешь сражаться?

— Не думаю.

Старбак нахмурился.

— Ты храбрее меня, Адам, Боже мой, так оно и есть.

— Разве? Я бы не осмелился сбежать с..., — Адам помедлил, будучи не в состоянии подобрать достаточно деликатное слово для описания весьма неделикатной Доминик, — я бы не осмелился рисковать всей своей жизнью ради прихоти! — его слова прозвучали скорее с восхищением, чем осуждающе.

— Это была лишь глупость, — признался Старбак.

— И ты бы никогда не поступил так снова? — спросил его Адам с улыбкой, а Старбак подумал о Салли Траслоу и промолчал. Адам сорвал травинку и смял ее пальцами. — Так как ты посоветуешь мне поступить?

Значит, Адам еще не принял окончательное решение? Старбак улыбнулся.

— Я скажу тебе, что делать. Просто будь рядом с отцом. Играй в солдататики, наслаждайся походной жизнью и проведи прекрасное лето. Мир придет, Адам, может, после одного сражения, но придет, и скоро. Зачем рушить счастье твоего отца? Чего ты этим добьешься?

— Честно? — спросил Адам. — Я должен жить в мире с собой, Нат.

Адам находил это трудным, как прекрасно было известно Нату. Он был строгим и требовательным юношей, особенно по отношению к себе. Другим он мог простить слабости, но только не себе.

— Так почему же ты вернулся? — снова перешел в наступление Старбак. — Только лишь чтобы возродить надежды твоего отца перед тем, как его разочаровать? Боже мой, Адам, ты говоришь о моем долге перед отцом, но в чем заключается твой? Выступать перед ним с проповедями? Разбить ему сердце? Почему ты здесь? Потому что ожидаешь, что твои арендаторы и соседи будут сражаться, но думаешь, что сможешь отсидеться в тылу, потому что тебя мучают сомнения? Боже мой, Адам, тебе гораздо лучше было бы остаться на Севере.

Адам долгое время не отвечал.

— Я здесь, потому что слаб.

— Слаб! — это качество Старбак уж точно не смог бы отнести на счет своего друга.

— Потому что ты прав, я не могу разочаровать отца. Потому что я знаю, чего он хочет, и мне нетрудно это ему дать, — Адам покачал головой. — Он так щедр и так часто разочаровывается в людях. Я и правда хочу сделать его счастливым.

— Тогда Бога ради, надень форму, поиграй в солдататики и молись о мире. И вообще, — сказал Старбак намеренно беспечно, — я не могу вынести мысли о лете, проведенном без твоей компании. Разве ты можешь вообразить, что адъютантами твоего отца будем только мы с Итаном?

— Тебе не нравится Итан? — Адам заметил неприязнь в голосе Старбака и, казалось, был этим удивлен.

— Похоже, это он меня не любит. Я выиграл у него в споре пятьдесят баксов, и он мне этого не простил.

— Деньги — его слабое место, — согласился Адам. — Вообще-то я иногда гадаю, не по этой ли причине он решил жениться на Анне, но это недостойное подозрение, не правда ли?

— Недостойное?

— Конечно.

Старбак вспомнил, как Бельведер Дилейни озвучил те же самые подозрения, но не упомянул об этом.

— А почему Анна хочет замуж за Итана? — спросил он вместо этого.

— Она просто хочет сбежать, — ответил Адам. — Ты можешь себе представить жизнь в Семи Источниках? Она считает, что замужество — ее билет на свободу, — Адам вскочил на ноги, натягивая штаны, это быстрое движение было вызвано приближением двуколки, которой правила Анна собственной персоной.

— Она здесь! — предупредил Адам Старбака, который последовал примеру своего друга и поспешно схватил штаны и сорочку и уже надевал носки, когда Анна натянула поводья. Экипаж сопровождала пара лающих спаниелей, которые теперь возбужденно бросились к Адаму и Старбаку.

Анна, укрывшись от солнца за широким зонтом с кружевной оборкой, с неодобрением посмотрела на

брата.

— Ты опоздал к ужину, Адам.

— Боже мой, уже пора? — Адам нащупал часы среди мятой одежды. Один из спаниелей прыгал вокруг него, а второй шумно тявкал в сторону реки.

— Хотя это и не имеет значения, — сказала Анна, — потому что в лагере возникли кой-какие проблемы.

— Что за проблемы?

— Траслоу обнаружил, что его зять вступил в Легион во время его отсутствия. И избил его! — казалось, Анна была шокирована этой жестокостью.

— Избил Декера?

— Так его зовут? — спросила Анна.

— А что произошло с женой Декера? — поинтересовался Старбак с излишней поспешностью.

— Расскажу за ужином, — ответила Анна. — А теперь почему бы вам не закончить одеваться, мистер Старбак, а потом привяжите свою усталую лошадь позади экипажа и отправляйтесь домой вместе со мной. Вы можете поддержать зонтик и рассказать о налете. Я хочу знать всё.

Итан отвел Салли Траслоу в магазин шляпок и тканей Маггенриджа на Иксчендж-элли, где купил ей зонтик из набивного ситца в пару к бледно-зеленому платью из тонкого льна. На ней также была шаль с замысловатым узором и бахромой, вязаные чулки, широкополая шляпка, украшенная шелковыми лилиями, белые ботинки до лодыжек и белые кружевные перчатки. В руках она держала вышитую бисером дамскую сумочку и резко контрастирующую с ней большую полотняную сумку.

— Давай я подержу твою сумку, — предложил Ридли. Салли хотела примерить льняную шляпку с жесткими полями и муслиновой вуалью.

— Присмотри за ней, — неохотно вручила ему сумку Салли.

— Конечно, — полотняная сумка оказалась тяжелой, и Ридли гадал, лежит ли там оружие. У самого Ридли револьвер являлся частью униформы и висел у бедра. Он был в сером красочном мундире Легиона Фалконера, с саблей на левом боку и револьвером на правом.

Салли повернулась к двойному зеркалу, восхищаясь шляпкой.

— Она и правда мила, — сказала она.

— Ты прекрасно выглядишь, — произнес Ридли, хотя, по правде говоря, в последние дни находил ее компанию все менее приятной. Она была необразована и не обладала ни утонченностью, ни остроумием. У нее было лишь ангельское личико, тело шлюхи и бастард в утробе. И она отчаянно хотела сбежать из узкого мирка своего отца с его тесной фермой, но Ридли был слишком озабочен собственным будущим, чтобы отдавать себе отчет в положении Салли.

Он не понимал, что она пытается сбежать от невыносимого прошлого, а видел в ней лишь вымогательницу, пытающуюся обманным путем устроить свое паразитическое будущее. Он не видел ее страха, лишь настойчивость в получении того, что она хочет. По ночам, охваченный страстью, он желал лишь быть с ней, но днем, встречаясь с ее грубыми мыслями и трескучим голосом, он хотел только избавиться от нее. И сегодня он от нее избавится, но сначала нужно было усыпить ее бдительность.

Он отвел ее в ювелирный магазин Ласкелля на Восьмой улице, где выслушал сварливые жалобы владельца относительно предложения проложить железную дорогу прямо перед его магазином.

Железнодорожная линия должна была пройти по центру крутой улочки и соединить линию Ричмонд-Фредериксберг с линией Ричмонд-Питерсберг, чтобы военное снаряжение можно было перевозить прямо через город без необходимости перегружать его из вагонов в запряженные лошадьми повозки.

— Но разве они подумали о том, как это скажется на торговле, капитан Ридли? Подумали? Нет! И кто будет покупать дорогие ювелирные украшения, когда снаружи дымят паровозы? Это просто нелепо!

Ридли купил для Салли ожерелье с филигранью, которое было достаточно кричащим, чтобы ей понравиться, и достаточно дешевым, чтобы не оскорбить его скаредность. Он также приобрел узкое золотое кольцо, чуть шире тесьмы для штор, и положил его в карман мундира.

Эти покупки, вместе с зонтиком и льняной шляпкой, обошлись ему в четырнадцать долларов, а говяжья грудинка на обед в «Спотсвуд Хаусе» стоила еще доллар тридцать.

Он убаюкивал опасения Салли, и это стоило запрошенной цены, если она быстро отправится навстречу своей судьбе, какой бы она ни была. Он предложил ей выпить за обедом вина, а потом бренди.

Она захотела закурить, и он дал ей сигару, совершенно не беспокоясь о том, что другие дамы в столовой предпочитали не курить.

— Мне всегда нравились сигары. Мама обычно курила трубку, а я предпочитаю сигары, — она дымила с довольным видом, явно отдавая себе отчет в насмешливых взглядах остальных присутствующих. — Это и правда мило, — она воспринимала роскошь, как голодная кошка сметану.

— Тебе стоит привыкнуть к такого рода местам, — сказал Ридли. Он развалился в кресле, поставив ногу в элегантном сапоге на холодную батарею под окном и выглянул во двор отеля. Его сабля в ножнах брякнула по клапану батареи.

— Я собираюсь сделать из тебя леди, — солгал он. — Научу говорить как леди, вести себя как леди, сплетничать как леди, танцевать как леди, читать как леди и одеваться как леди. Я превращу тебя в настоящую леди.

Она улыбнулась. Салли мечтала о том, чтобы стать настоящей леди. Она воображала себя в шелках и кружеве, царящей в гостиной вроде той, что находилась в доме Бельведера Дилейни, нет, даже в большей гостиной, в огромной гостиной, с утесами в роли стен и небесным сводом вместо потолка, с золоченой мебелью и горячей водой в любое время дня.

— Мы готовы сегодня днем присмотреть дом? — спросила она с надеждой. — Я и правда устала от миссис Коббольд.

Миссис Коббольд владела пансионом на Монро-стрит и начинала подозревать, какие отношения связывают Ридли и Салли.

— Мы ищем не дом, — поправил ее Ридли, — а квартиру. Мой брат знает кой-какие, сдающиеся в аренду.

— Квартиру, — повторила она с подозрением.

— Большую квартиру. Высокий потолок, ковры, — Ридли взмахнул руками, изображая изобилие. — Место, где ты могла бы держать собственных ниггеров.

— Я могу завести ниггера? — с восторгом спросила она.

— Двух, — раскрасил Ридли свое обещание. — Горничную и повара. Потом, конечно, когда появится ребенок, сможешь завести няню.

— И еще я хочу экипаж. Вроде вон того, — она показала через окно на элегантный четырехколесный экипаж на кожаных рессорах и с черным полотняным верхом, откинутым назад, обнажив обивку из стеганой алой кожи.

В экипаж былипряжены четыре одинаковые гнедые лошади. На козлах сидел чернокожий кучер, а второй негр, раб или слуга, помогал подняться в экипаж даме.

— Это ландо, — сказал ей Ридли.

— Ландо.

Салли произнесла это слово, как бы пробуя его на вкус, и оно ей понравилось.

Высокий, бледный как мертвец мужчина сопровождал даму в коляску.

— А это, — сообщил Салли Ридли, — наш президент.

— Вот тощий то! — она наклонилась, чтобы рассмотреть Джефферсона Дэвиса, стоящего у экипажа с цилиндром в руке, он прощался с двумя мужчинами на крыльце отеля. Закончив с делами, президент Дэвис сел напротив жены и водрузил блестящий цилиндр на голову. — Это и правда Джефф Дэвис? — спросила Салли.

— Он самый. Он с женой остановился в отеле, пока ему не подыщут дом.

— Никогда не думала, что увижу президента, — произнесла Салли, во все глаза таращась на ландо, когда то свернуло со двора и прогрохотало под аркой на Мейн-стрит. Салли улыбнулась Ридли.

— Ты и правда всю стараешься быть милым, да? — сказала она, будто Ридли лично организовал так, чтобы президент временного правительства Конфедеративных Штатов Америки продефилировал под окном ради Салли.

— Я и правда всю стараюсь, — подтвердил он, потянувшись через стол, чтобы взять ее левую руку. Он поднес ее к губам и поцеловал пальцы. — И буду продолжать всю стараться, чтобы ты всегда была счастлива.

— И малыш, — Салли вдруг начала чувствовать себя матерью.

— И наш малыш, — сказал Ридли, хотя эти слова почти застряли у него в глотке, но он выдавил из себя улыбку, а потом достал новое золотое кольцо из кармана, вытащил его из замшевого мешочка и надел на ее палец.

— У тебя должно быть обручальное кольцо, — объяснил он. Салли стала носить свое старинное серебряное кольцо на правой руке, а левая оставалась пустой.

Салли некоторое время рассматривала эффект от маленького золотого кольца на пальце, а потом засмеялась.

— Это значит, что мы женаты?

— Это значит, что ты должна выглядеть респектабельно в глазах владельца жилья, — ответил он, взял ее правую руку в свою и стащил с пальца серебряное кольцо.

— Осторожно! — Салли попыталась выдернуть руку, но Ридли крепко ее держал.

— Хочу его почистить, — объяснил он, кладя кольцо в замшевый мешочек. — Я буду хорошо о нем заботиться, — обещал он, хотя, по правде говоря, решил, что это старинное кольцо станет отличным сувениром на память о Салли. — А теперь идем! — сказал он, взглянув на большие часы над столиком с резьбой.

— Мы должны встретиться с моим братом.

Они шли по залитым весенним солнцем улицам, и люди думали, какую прекрасную пару они составляют — привлекательный офицер-южанин и его прекрасная грациозная девушка, покрасневшая от вина и смеющаяся.

Салли даже сделала несколько танцевальных па, воображая, какое счастье принесут грядущие месяцы. Она станет респектабельной леди с собственными рабами и живущей в роскоши.

Когда Салли была маленькой, ее мать иногда рассказывала о прекрасных домах богачей со свечами в каждой комнате и перьевыми матрасами на каждой постели, и что там едят с золотых тарелок и не знают, что такое холод.

Их вода не вытекала из замерзающего зимой ручья, в постелях не было вшей, а руки не были покрыты мозолями и ссадинами, как у Салли. Теперь она тоже станет такой же.

— Роберт сказал, что я буду счастлива, если просто перестану мечтать, — призналась она любовнику, — если б только он сейчас меня видел!

— Ты сказала ему, что отправилась сюда? — поинтересовался Ридли.

— Конечно же нет! Я больше не желаю его видеть. Пока не стану настоящей леди и тогда смогу позволить ему открыть дверцу моего экипажа, а он даже знать не будет, кто я такая, — она засмеялась в предвкушении этой сладкой мести своей прежней нищете. — Это экипаж твоего брата?

Они подошли к углу Кэри-стрит и Двадцать четвертой. Это был мрачный уголок города, расположенный близко к железной дороге Йорк-Ривер, которая шла между мощеной улицей и скалистым берегом реки.

Ридли объяснил Салли, что у его брата дела в этой части города, и потому им пришлось пройти пешком по улицам. Теперь, находясь уже в шаге от того, чтобы избавиться от девчонки, он почувствовал угрызения совести.

Сегодня вечером она составила приятную и легкую компанию, ее смех не был натужным, а взгляды других мужчин на улице льстили своей ревностью. Потом Ридли вспомнил о ее столь не реалистичных амбициях, об угрозе, которую она собой представляла, и укрепился в намерении совершить неизбежное.

— Вот экипаж, — сказал он, гадая, была ли эта большая, безобразная коляска с задернутыми занавесками и правда экипажем Дилейни, хотя самого его не было видно, лишь огромный негр сидел на козлах позади двух костлявых лошадей в обветшалой упряжи и с продавленными спинами.

Негр опустил глаза на Ридли.

— Вы мистер Ридли, масса?

— Да, — Ридли почувствовал, как Салли в страхе сжала его руку.

Негр дважды стукнул по крыше коляски и занавешенная дверь отворилась, а за ней оказался худой человек среднего возраста, его улыбка обнажала отсутствующие зубы, на глазу было бельмо, а волосы давно не мыты.

— Мистер Ридли. А вы, должно быть, мисс Траслоу?

— Да.

Салли занервничала.

— Приветствую вас, мэм. Приветствую, — отвратительное существо спрыгнуло с подножки и низко поклонилось Салли. — Меня зовут Тиллотсон, мэм, Джозеф Тиллотсон, и я ваш слуга, мэм, ваш самый

покорный слуга, — он поднял на нее глаза из своего склоненного положения, моргнул в изумлении от ее красоты, и глаза его заблестели от предвкушения, когда он махнул рукой, замысловатым жестом приглашая ее внутрь коляски.

— Будьте так добры, дорогая леди, сесть в коляску, и я взмахну своей волшебной палочкой и превращу ее в золоченую карету, подходящую для такой прекрасной принцессы, как вы, — он зашмыгал носом, рассмеявшись своей собственной остроте.

— Это не твой брат, Итан, — Салли стала подозрительной и встревожилась.

— Мы встретимся с ним, мэм, и правда встретимся, — произнес Тиллотсон, снова гротескно поклонившись.

— Ты едешь, Итан? — Салли по прежнему прижималась к руке любовника.

— Конечно, еду, — заверил тот Салли и убедил ее подойти к экипажу, из которого Тиллотсон спустил складную лестницу, покрытую обветшалым ковром.

— Дайте мне свой зонтик, мэм, и следуйте за мной, — Тиллотсон взял зонтик Салли и провел ее внутрь темного и затхлого экипажа. Окна коляски были закрыты кожаными шторками, опущенными и приколочеными снизу.

Ридли сделал шаг в сторону коляски, неуверенный, что делать дальше, но Тиллотсон бесцеремонно отпихнул его, сложил ступеньки, проворно запрыгнул внутрь и крикнул кучеру:

— Трогай, Томми! Пошел! — он выбросил новый зонтик в канаву и захлопнул дверь.

— Итан, — выкрикнула Салли в жалобном протесте, когда большой экипаж рванулся вперед. Потом она снова крикнула, уже громче: — Итан!

Раздался звук пощечины, вопль, а потом всё затихло. Чернокожий кучер взмахнул хлыстом, колеса экипажа с железными ободами заскрипели по мостовой, и тяжелая коляска повернула за угол, избавив Ридли от его суккуба.

Он чувствовал угрызения совести, потому что ее голос был таким трогательным, когда она издала этот последний отчаянный крик, но знал, что другого выбора не было. И действительно, говорил он себе, во всем этом мерзком деле виновата сама Салли, превратившаяся в надоеду, годящуюся только для постели, но теперь она исчезла, и он повторял себе, что навсегда от нее избавился.

В его руках все еще была тяжелая сумка Салли. Он открыл ее и обнаружил, что внутри нет оружия, лишь сотня серебряных долларов, которые были первым его взносом за ее молчание.

Каждая монета была отдельно завернута в оторванный кусок бумаги из-под сахара, как будто каждый доллар был каким-то особенным, и на мгновение Ридли растрогался от этой детской непосредственности, но потом понял, что, возможно, Салли завернула монеты, чтобы они не звенели, привлекая предательское внимание.

Как бы то ни было, деньги снова оказались у него, и это показалось справедливым. Итан взял сумку под мышку, натянул перчатки, надвинул форменную кепи на глаза, поправил саблю и медленно зашагал домой.

— Кажется, — Анна потянулась через стол, чтобы взять булку, которую разломила пополам, а потом окунула одну половину в подливку, чтобы угостить своих шумных спаниелей, — у Траслоу есть дочь, и она забеременела, так что он выдал ее замуж за какого-то беднягу, а теперь она сбежала, мальчишка в Легионе, а Траслоу в ярости.

— В бешеной ярости, — крайне весело произнес ее отец. — Избил мальчишку.

— Бедный Траслоу, — сказал Адам.

— Бедный мальчик, — Анна бросила еще один кусок хлеба скулящим и скребущим пол псам. — Траслоу сломал ему скулу, так ведь, папа?

— Еще как сломал, — подтвердил Фалконер. Полковник сумел полностью оправиться от неприятных последствий неудачного кавалерийского налета. Он искупался, подстриг бороду и надел мундир, так что снова выглядел бравым солдатом. — Мальчишку зовут Роберт Декер, — продолжал полковник, он сын Тома Декера, ты помнишь его, Адам? Ужасный человек. Теперь он мертв. Кажется, наконец-то настало избавление.

— Я помню Салли Траслоу, — неохотно произнес Адам. — Угрюмая, но очень хорошенькая.

— Ты встречался с ней, когда был у Траслоу, Нат? — спросил Фалконер. Полковник прилагал все усилия, чтобы быть любезным со Старбаком и показать, что неприязненное пренебрежение последних дней закончено и забыто.

— Не помню, чтобы заметил ее, сэр.

— Ты бы ее заметил, — сказал Адам. — Ее невозможно не заметить.

— Что ж, она сбежала, — сообщил Фалконер, — а Декер не знает, куда, и Траслоу на него разозлился. Похоже, он отдал молодоженам свой клочок земли, и она оставили его на попечении Ропера. Помнишь Ропера, Адам? Теперь он живет там. Он мерзавец, но знает, как управляться с лошадьми.

— Не думаю, что они были обвенчаны должным образом, — Анна находила положение этой несчастной пары более интересным предметом, чем судьбу освобожденного раба.

— Я тоже в этом сильно сомневаюсь, — согласился с ней отец. — Наверняка прыгнули через метлу побыстрому, а, может, даже без этой формальности обошлись.

Старбак уставился в свою тарелку. Ужин состоял из вареной ветчины, кукурузного пирога и жареной картошки. За столом присутствовали лишь Вашингтон Фалконер, двое его детей и Старбак, а нападение Траслоу на Роберта Декера было единственной темой их беседы.

— Куда могла сбежать эта бедняжка? — недоумевал Адам.

— В Ричмонд, — немедленно отозвался его отец. — Все испорченные девицы отправляются в Ричмонд. Там она найдет работу, — произнес он, бросив взгляд на Анну и приняв удрученный вид, — определенного рода.

Анна вспыхнула, а Старбак подумал, что Итан Ридли тоже в Ричмонде.

— Что будет с Траслоу? — спросил он.

— Ничего. Он уже обо всем сожалеет. Я направил его под арест и угрожал десятью кругами ада.

На самом деле это майор Пелэм арестовал Траслоу и сделал ему выговор, но Фалконер не думал, что есть какая-то существенная разница.

Полковник прикурил сигару.

— Теперь Траслоу настаивает, чтобы Декера направили в его роту, и думаю, лучше с ним согласиться. Кажется, у мальчишки есть и другие родственники в той роте. Ты можешь успокоить этих псов, Анна?

— Нет, отец, — она бросила еще один кусок пропитанного подливкой хлеба в шумную кучу малу. — И раз уж мы заговорили о прыжках через метлу, — добавила она, — ты забыл про свадьбу Дятла.

— Это ведь была вполне официальная свадьба? — сурово произнес ее брат.

— Конечно. Мосс провел весьма унылую церемонию, а Присцилла выглядела почти красивой, — улынулась Анна. — Дядя Дятел бросал на нас злобные взгляды, лило как из ведра, а мама послала в подарок шесть бутылок вина.

— Нашего лучшего вина, — с каменным лицом заявил Вашингтон Фалконер.

— Откуда мама могла знать? — невинно спросила Анна.

— Она знала, — заверил Фалконер.

— И ученики школы спели невнятную песенку, — продолжала Анна. — Когда я буду выходить замуж, отец, я не хочу, чтобы для меня пели близнецы Томпкина. Это будет крайней неблагодарностью?

— Ты будешь венчаться в соборе Святого Павла в Ричмонде, — заявил ее отец, — а церемонию будет проводить преподобный Питеркин.

— В сентябре, — настаивала Анна. — Я поговорила с мамой, и она согласна. Но только если мы получим твое благословение, папа, конечно же.

— В сентябре? — Вашингтон Фалконер пожал плечами, будто ему не было особого дела до того, когда состоится свадьба. — Почему бы нет?

— Почему в сентябре? — поинтересовался Адам.

— Потому что война к тому времени закончится, — заявила Анна, — а если отложить на более поздний срок, то погода станет неподходящей для плавания через Атлантику, а мама говорит, мы должны быть в Париже самое позднее в октябре. Проведем зиму в Париже, а весной отправимся в Германию на воды. Мама говорит, ты тоже можешь захотеть поехать, Адам?

— Я? — это приглашение, похоже, удивило Адама.

— Чтобы составлять компанию Итану, пока мы с мамой будем на водах. И чтобы сопровождать маму, конечно.

— Можешь поехать в мундире, Адам, — Вашингтон Фалконер явно не возражал против того, что его не пригласили в эту семейную поездку. — Твоей матери это бы понравилось. Полная форма с саблей, кушаком и медалями, а? Показал бы европейцам, как выглядят солдаты-южане?

— Я? — повторил Адам, теперь в сторону отца.

— Да, Адам, ты, — Фалконер бросил свою салфетку на стол. — И если речь зашла о мундире, то ты найдешь его у себя в комнате. Надень его и приходи в кабинет, подберем тебе саблю. Ты тоже, Нат. У каждого офицера должен быть клинок.

Адам на пару секунд замолчал, так что Старбак испугался, что сейчас его друг сделает свое пацифистское заявление. Старбак напрягся в предвкушении ссоры, но потом, с решительным кивком, который предполагал, что он сделал этот выбор лишь большим усилием воли, Адам отодвинул стул и тихо произнес, как будто для себя:

— За работу. За работу.

Работа заключалась в том, чтобы славное начало этого лета посвятить строевой подготовке под грохот барабанов, тренировкам на лугу или проводить время с товарищами в палаточном лагере.

То были жаркие дни смеха, усталости, боли в мышцах, загорелой кожи, высоких чаяний и покрытых порохом лиц.

Легион проводил тренировки по стрельбе, пока плечи солдат не покрылись синяками от оружейной отдачи, лица не почернели от дыма от взрывающихся капсюлей, а губы не покрылись пятнами пороха из

многочисленных разорванных зубами бумажных патронов. Они научились крепить штыки, вставать в линию для ведения огня и строиться в каре, чтобы отразить атаку кавалерии. Они начали чувствовать себя солдатами.

Они научились спать в любых условиях и нашли тот ритм быстрого марша, с которым могли бы прошагать все эти бесконечные выжженные солнцем дни по иссушенным дорогам. По воскресеньям они строились в каре для молитвы и пения гимнов.

Их любимым был «Славная битва», а по вечерам, когда мужчины тосковали по семьям, им нравилось петь «О благодать» в очень медленном темпе, чтобы нежная мелодия как можно дольше не покидала вечерний ветерок.

В другие дни недели группы солдат по вечерам посещали классы по изучению библии или молитвенные собрания, а некоторые играли в карты или пили спиртное, которое нелегально продавали торговцы из Шарлотсвилла и Ричмонда. Однажды майор Пелэм схватил одного из этих продавцов и разбил весь его запас горного виски, хотя полковник не был настроен столь категорично.

— Пусть повеселятся, — любил он говорить.

Адам опасался, что его отец пытается заработать популярность, хотя на самом деле эта снисходительность была частью военной доктрины Вашингтона Фалконера.

— Эти люди — не европейские крестьяне, — объяснял полковник, — и уж точно не тупые заводские рабочие с севера. Это славные американцы! Добрые южане! В их нутре горит пламя, а в сердцах свобода, и если мы принудим их часами заниматься строевой подготовкой, то просто превратим в усталых безмозглых идиотов. Я хочу, чтобы они были полны энтузиазма! Чтобы отправились на битву, как свежие лошади с весенних пастбищ, а не как клячи, питающиеся зимним сеном. Я хочу, чтобы они были бодры духом и еlan — стремительны, как говорят французы, вот так мы выиграем эту войну.

— Но без строевой подготовки не обойтись, это невозможно, — мрачно отвечал майор Пелэм. Ему позволили заниматься муштрой четыре часа в день и ни минутой больше. — Гарантирую, что Роберт Ли постоянно муштрует своих людей в Ричмонде, — настаивал Пелэм, — как и Макдауэлл в Вашингтоне.

— Я тоже в этом уверен, и им приходится этим заниматься, чтобы держать своих мерзавцев в узде. Но наши мерзавцы лучшего качества. Они станут лучшими солдатами в Америке! Во всем мире! — когда полковник был охвачен этими высокими порывами, ни Пелэм, ни все военные эксперты христианского мира не смогли бы его переубедить.

Так что сержант Траслоу просто проигнорировал мнение полковника и всё равно заставил свою роту заниматься подготовкой дополнительно.

Поначалу, когда Траслоу прибыл из своего дома на высоких холмах, полковник хотел сделать его одним из пятидесяти кавалеристов — разведчиков Легиона, тех, кто стал бы участником быстрых рейдов, но после того налета полковник почему-то всё меньше желал видеть Траслоу поблизости от своего штаба, и потому позволил ему стать сержантом одиннадцатой роты легкой пехоты, одной из двух наименее важных рот Легиона, но даже с этого поста, с дальних флангов Легиона, Траслоу оказывал пагубное влияние. Военное дело, по его мнению, заключалось в том, чтобы выигрывать сражения, а не в том, чтобы молиться или распевать гимны, и он немедленно настоял на том, чтобы одиннадцатая рота в три раза увеличила отведенное на муштру время.

Он поднимал роту за два часа до зари и к тому времени, как остальные только начинали разжигать костры для завтрака, одиннадцатая рота уже была утомлена. Капитан Розуэлл Дженнингс, командующий ротой офицер, выигравший выборы благодаря неумеренным количествам виски местного изготовления,

был доволен и тем, что Траслоу не требовал его присутствия на этих дополнительных занятиях.

Другие роты, заметив появившуюся у одиннадцатой роты дополнительную энергию и гордость, тоже начали удлинять время, проведенное на плацу.

Майор Пелэм был рад этому, полковник молчал, а старшина Проктор, управляющий имением Вашингтона Фалконера, прошерстил его книги по строевой подготовке в поисках новых и более сложных маневров, чтобы Легион быстро улучшил навыки.

Вскоре даже старик Бенджамен Ридли, отец Итана, в юности служивший офицером в милиции, а теперь ставший таким толстым и больным, что едва мог ходить, с неохотой признал, что вояки Легиона начинают становиться похожи на настоящих солдат.

Итан Ридли вернулся из Ричмонда с боеприпасами, передками и снаряжением для двух артиллерийских орудий. Теперь Легион был полностью экипирован. Каждый солдат был одет в двубортный серый мундир с двумя рядами медных пуговиц, ботинки до щиколоток и круглую кепку с тульей и козырьком, укрепленными картоном.

На спине солдат нес ранец с запасной одеждой и личными вещами, заплечный мешок с сухим пайком, флягу с водой, а на ремне — сумку с капсюлями для винтовок и патронташ.

Все были вооружены винтовками с ореховым прикладом 1841 года выпуска и штыковым ножом с крестообразной рукояткой, а также личным оружием по собственному выбору.

Почти у всех был длинный охотничий нож, который, как они с уверенностью ожидали, окажется смертоносным в рукопашном бою. У некоторых были револьверы, и по мере того, как июньские дни становились длиннее, а слухи о неизбежном сражении всё настойчивее, всё больше родителей снабжали своих сыновей в полку револьверами в надежде, что это оружие спасет им жизнь.

— Что вам действительно нужно, — сказал своим людям Траслоу, — так это одна винтовка, одна кружка, один мешок с провизией, и к черту всё остальное, — у него был охотничий нож, но лишь чтобы рубить подлесок. Всё остальное, по его мнению, было лишь лишним весом.

Солдаты проигнорировали Траслоу, предпочитая щедрость полковника. У каждого был кусок промасленной ткани с завернутыми в нее двумя серыми одеялами. Вашингтон Фалконер сэкономил только на покупке для своего Легиона теплых шинелей.

Война, объявил он, скорее всего, не продлится до зимних холодов, а он тратил деньги не на то, чтобы снабдить мужчин округа Фалконер одеждой для похода в церковь, а лишь чтобы они завоевали славу в истории независимого Юга.

Он также обеспечил каждого солдата набором для шитья, полотенцами и щетками для одежды, а доктор Билли Дэнсон настоял, чтобы каждый легионер взял с собой еще и хлопчатобумажные полоски ткани для перевязок.

Майор Таддеус Бёрд, всегда любивший долгие прогулки, был единственным офицером Фалконера, решительно отказавшимся ехать верхом, и заявил, что Траслоу прав и что солдаты несут на себе слишком много аммуниции.

— Солдат не может маршировать, нагруженный, словно мул, — выступил он.

Школьный учитель всегда был готов высказать свою точку зрения на военное дело, а полковник с такой же готовностью ее игнорировал, хотя пока тянулись летние дни, группу молодых людей всё больше и больше привлекала компания Бёрда. Они встречались в его дворе по вечерам, сидя на сломанной церковной скамье или на принесенных из школы стульях. Старбак и Адам часто там бывали, как и

заместитель Бёрда лейтенант Дейвис и еще полдюжины офицеров и сержантов.

Они приносили с собой еду и напитки. Присцилла иногда готовила салат или тарелку бисквитов, но главным образом во время этих вечеров они занимались музыкой или совершали набег на сваленные в кучу книги Бёрда и читали вслух.

Потом до темноты они спорили о мировых проблемах, как часто делали Адам и Старбак, когда учились в Йеле, хотя в эти новые споры по вечерам были вплетены новости и слухи о войне. В западной Виргинии, где так разочаровывающе закончился налет полковника, Конфедерация терпела новые поражения.

Худшее случилось у города Филиппи, где войска северян одержали унизительно легкую победу, которую их газеты окрестили «Скачки в Филиппи». Томас Джексон, испугавшись, что будет отрезан от Харперс-Ферри, отступил из этого речного города, и это событие сделало северян непобедимыми в глазах молодых офицеров Фалконера, но неделю спустя пришли донесения о стычках на побережье Виргинии, где войска северян вторглись вглубь штата со стороны прибрежной крепости, но эта атака была жестоко отражена на полях рядом с церковью Бетеля.

Не все новости оказывались правдивыми. Ходили слухи о победах, которых на самом деле не было, и о мирных переговорах, которые никогда не велись.

Однажды было объявлено о том, что правительства Европы признали Конфедерацию, после чего Север запросил мира, но оказалось, что это фальшивка, несмотря на то, что преподобный Мосс клялся на библии, что это святая правда. Бёрда веселили тревоги этого лета.

— Это просто игра, — сказал он, — просто игра.

— Едва ли войну можно назвать игрой, — возразил ему Адам.

— Конечно, это игра, а Легион — игрушка твоего отца, и притом очень дорогая. Которую, как я надеюсь, никогда не придется использовать в бою, потому что тогда игрушка сломается, и твой отец будет безутешен.

— Ты и правда так думаешь, Таддеус? — спросила его жена. Она любила засиживаться в саду до темноты, но потом шла спать, оставляя мужчин спорить при свечах, потому что приняла на себя ответственность за проведение занятий в школе.

— Конечно, я надеюсь на это, — заявил Бёрд. — Никто в здравом уме не хочет сражаться.

— А Нат хочет, — поддразнил Адам.

— Я сказал «в здравом уме», — выпустил когти Бёрд. — Я очень тщательно подбираю выражения, возможно, потому что никогда не посещал Йель. Вы и правда хотите увидеть сражение, Старбак?

Старбак криво улыбнулся.

— Я хочу увидеть слона.

— Он огромный, серый, с забавными складками на теле и испускает просто огромные кучи навоза, — заметил Бёрд.

— Таддеус! — засмеялась Присцилла.

— Надеюсь, что настанет мир, — Старбак поменял свое желание, — но все-таки мне немного любопытно увидеть сражение.

— Вот! — Бёрд бросил Старбаку книгу. — Там есть описание Ватерлоо, думаю, начинается с шестьдесят восьмой страницы. Почитайте это, Старбак, и излечитесь от своего желания увидеть слона.

— А тебе не любопытно, Таддеус? — набросилась на него жена. Она сшивала флаг, один из многих знамен для украшения города Четвертого июля, до которого теперь оставалось всего два дня, и в Семи Источниках по этому поводу намечались большие торжества. Будет праздничный ужин, парад, фейерверки и танцы, и ожидалось, что каждый горожанин внесет свой вклад в это празднование.

— Немного любопытно, конечно же, — Бёрд замолчал, чтобы зажечь одну из тех тонких и дурно пахнущих сигар, которые он предпочитал. — Мне любопытны самые предельные события в человеческом существовании, потому что я склоняюсь к мысли, что в такие моменты лучше всего выходит наружу правда, будь то крайности в религии, насилии или жадности. Сражение — это лишь симптом одной из таких крайностей.

— Я бы скорее предпочла, чтобы ты занялся изучением крайностей любви, — нежно произнесла Присцилла, и молодые люди засмеялись. Они все были в восторге от Присциллы и тех явных нежных чувств, которые Бёрды испытывали друг к другу.

Разговор продолжался. Двор, где, как предполагалось, школьный учитель будет выращивать овощи, зарос рудбекия и маргаритками, хотя Присцилла выделила место для кое-каких трав, наполнявших теплый вечерний воздух пряными ароматами.

В дальней части двора росли две яблони и находилась сломанная изгородь, а за ней до самого подножия холмов Голубого Хребта простирался луг. Это было прелестное и спокойное место.

— Вы собираетесь взять слугу, Старбак? — спросил лейтенант Дейвис. — Потому что в таком случае я должен вписать его имя в список слуг.

Мысли Старбака витали где-то далеко.

— Слугу?

— Полковник со всей присущей ему мудростью, — объяснил Бёрд, — заявил, что офицеры могут взять себе слугу, но только, он специально это отметил, черного. Никаких белых слуг!

— Я не могу позволить себе слугу, — сказал Старбак. — Ни белого, ни черного.

— Я надеялся сделать своим слугой Джо Спарроу, — с тоской в голосе произнес Бёрд, — но теперь не смогу, если только он не выкрасит лицо в черный цвет.

— Почему Спарроу? — поинтересовался Адам. — Чтобы вы могли щебетать друг с другом [\[11\]](#)?

— Очень смешно, — произнес Бёрд без какого-либо веселья. — Я обещал Бланш, что позабочусь о его безопасности, вот почему, но Бог знает, с чего я должен это делать.

— Бедняга Мелкий, — сказал Адам. Джо Спарроу, худого шестнадцатилетнего парня, выглядящего как школьник, все называли Мелким. Он выиграл стипендию университета Виргинии и должен был начать учебу осенью, но разбил сердце своей матери, вступив в ряды Легиона. Он был одним из тех рекрутов, которые стали добровольцами, устыдившись полученных нижних юбок.

Его мать Бланш умоляла Вашингтона Фалконера отпустить ее мальчика, но тот был непоколебимо убежден, что долг каждого молодого человека — вступить в ряды армии. Джо, как и многие другие, стал добровольцем на три месяца, и полковник заверил Бланш Спарроу, что ее сын отслужит свой срок к началу первого семестра.

— Полковнику и правда следовало бы его отпустить, — заявил Бёрд. — В эту войну должны сражаться не книжные мальчики, а люди вроде Траслоу.

— Потому что он — расходный материал? — спросил один из сержантов.

— Потому что он понимает, что такое насилие, — ответил Бёрд, — а нам всем еще предстоит научиться это понимать, если мы хотим стать хорошими солдатами.

Присцилла разглядывала свое шитье в наступающих сумерках.

— Интересно, что случилось с дочерью Траслоу?

— Она когда-нибудь разговаривала с вами, Старбак? — спросил Бёрд.

— Со мной? — голос Старбака звучал удивленно.

— Дело в том, что она спрашивала о вас, — объяснил Бёрд. — Той ночью, когда приходила сюда.

— Я думал, ты с ней не знаком, — произнес Адам без особого выражения.

— Так и есть. Я встречался с ней в хижине Траслоу, но не обратил на нее внимания.

Старбак был рад, что темнота скрыла его румянец.

— Нет, она со мной не разговаривала.

— Она спрашивала про вас и Ридли, но, конечно, вас обоих здесь не оказалось, — Бёрд внезапно запнулся, будто пожалев о своей опрометчивости. — Не то чтобы это имело значение. Вы принесли свою флейту, сержант Хоус? Я подумывал, не сыграть ли нам Моцарта?

Старбак слушал музыку, но не находил в ней удовольствия. В последние недели он чувствовал, что начал понимать самого себя, или, по крайней мере, нашел равновесие, поскольку его настроение перестало колебаться между полным отчаянием и призрачной надеждой. Теперь он получал удовольствие, проводя долгие дни в работе и упражнениях, но сейчас напоминание о Салли Траслоу полностью разрушило это спокойствие.

А она спрашивала о нем! И это случайно сделанное открытие вновь разожгло огонь мечтаний Старбака. Ей нужна была его помощь, а его здесь не было, значит, она отправилась к Ридли? К этому проклятому, высокомерному сукиному сыну Ридли?

На следующее утро Старбак столкнулся с Ридли. Они почти не разговаривали последние недели, не из-за неприязни, а просто потому что у них были разные друзья. Ридли стал лидером маленькой группы молодых офицеров, которые часто скакали верхом и много пили, считая себя бесшабашными смельчаками и презирая группу, собиравшуюся в саду Дятла Бёрда, чтобы проводить долгие вечера за разговорами.

Когда Старбак нашел Ридли, тот растянулся в своей палатке, отдыхая, по его словам, от ночи, проведенной в таверне Грили. Один из его закадычных друзей, лейтенант Мокси, сидел на другой кровати, обхватив голову руками, и стонал. Ридли тоже застонал, увидел Старбака.

— Это же преподобный! Ты пришел меня обратиться? Я не подвластен обращению.

— Я хочу с тобой переговорить.

— Валяй, — под залитой солнцем парусиной лицо Ридли выглядело болезненно желтым.

— Наедине.

Ридли обернулся и посмотрел на Мокси.

— Выйди, Мокс.

— Не обращай на меня внимания, Старбак, я забывчивый, — заявил Мокси.

— Он попросил тебя выйти, — настаивал Старбак.

Мокси взглянул на Старбака, произнес в сторону высокого северянина что-то враждебное и пожал

плечами.

— Ухожу. Исчезаю. Прощайте. О Боже! — этими словами он поприветствовал яркое утреннее солнце.

Ридли сел и развернулся, опустив босые ноги на пол.

— Боже мой! — простонал он и пошарил внутри ботинка, где, очевидно, хранил по ночам сигары и спички.

— Выглядишь чертовски мрачным, преподобный. Проклятый Пелэм хочет, чтобы мы промаршировали до Росскилла и обратно? — он прикурил сигару, глубоко затянулся, а потом взглянул на Старбака покрасневшими глазами. — Выкладывай, Старбак. Говори свои гадости.

— Где Салли? — выпалил Старбак. Он собирался быть более осмотрительным, но когда встретился с Ридли лицом к лицу, не смог найти других слов, кроме этого простого и смелого вопроса.

— Салли? — спросил Ридли и сделал вид, что не понял, в чем дело. — Салли! Кто такая Салли, Бога ради?

— Салли Траслоу, — Старбак уже чувствовал себя идиотом, гадая, как эта непонятная, но неопровержимая страсть заставила его заняться этими унижительными расспросами.

Ридли устало покачал головой и затянулся сигарой.

— И почему, во имя Господа, преподобный, ты считаешь, что я могу знать хоть что-нибудь об этой Салли Траслоу?

— Потому что она сбежала в Ричмонд. К тебе. Я это знаю, — Старбак ничего подобного не знал, но Дятел Бёрд под его напором признался, что дал Салли адрес брата Ридли в Ричмонде.

— Она не приходила ко мне, преподобный, — заявил Ридли. — А если бы и пришла? Какая разница?

Старбак не имел ответа на этот вопрос. Он просто стоял с глупым и неуверенным видом между отогнутыми краями палатки Ридли. Тот выпустил огромный плевок под ноги Старбаку.

— Интересно, преподобный, скажи-ка мне. А кто для тебя Салли?

— Никто.

— Так какого чёрта ты беспокоишь меня в это чертово раннее утро?

— Потому что хочу знать.

— Или ее папочка хочет знать? — спросил Ридли, впервые выказывая признаки обеспокоенности. Старбак покачал головой, и Ридли рассмеялся. — А ты чуешь течную суку, преподобный?

— Нет!

— Но так и есть, преподобный, так и есть. Я знаю и даже скажу тебе, что с этим делать. Иди в таверну Грили на Мейн-стрит и заплати высокой девке у стойки десять баксов. Она, конечно, уродливая корова, но вылечит твой недуг. У тебя осталось десять баксов из тех пятидесяти, что ты у меня забрал?

Старбак ничего не ответил, и Ридли покачал головой, будто сомневаясь в наличии у северянина здравого смысла.

— Я не видел Салли много недель. Много недель. Она вышла замуж, как я слышал, и это положило конец нашим отношениям. Это не значит, что я хорошо ее знал, понятно тебе? — он подчеркнул этот вопрос, ткнув концом сигары в сторону Старбака.

Старбак недоумевал, чего он хотел добиться этой ссорой. Признания от Ридли? Адрес, по которому можно было найти Салли? Он выставил себя дураком и выдал Ридли свое слабое место. Теперь он

попытался выпутаться из такого неуклюжего начала этого столкновения.

— Надеюсь, ты мне не солгал, Ридли.

— Ох, преподобный, да ты ничего не понял. Возьмем, для начала, хорошие манеры. Хочешь обвинить меня во лжи? Тогда делай это со шпагой в руке или с пистолетом. Не возражаю встретиться с тобой на дуэли, преподобный, но будь я проклят, если буду сидеть здесь и слушать твоё чертовое нытье и брюзжание, не выпив и кружки кофе. Сделай одолжение, попроси моего сукиного сына слугу принести кофе, когда будешь выходить. Эй, Мокси! Можешь войти. Мы с преподобным завершили наши утренние молитвы, — Ридли взглянул на Старбака и мотнул головой в коротком прощании. — А теперь иди, парень.

Старбак ушел. Когда он шагнул обратно мимо рядов палаток, то услышал издевательский взрыв смеха со стороны Ридли и Мокси и зажмурился от этих звуков. Боже мой, подумал он, но он же только что выставил себя на посмеище. Просто полным идиотом. И ради чего? Ради дочери убийцы, которой просто посчастливилось родиться красивой. Он пошел прочь, потерпев поражение и безутешный.

Глава восьмая

Небо на заре в День независимости было ясным. День обещал быть жарким, но с холмов дул благословенный ветерок, а немногочисленные легкие облака парили высоко и вскоре рассеялись.

Утром солдаты Легиона чистили форму с помощью щеток, полосок для пуговиц [\[12\]](#), ваксы и мыла, пока их шерстяные сюртуки и панталоны, кожаные ботинки и вязанные ремни не стали настолько безупречными, насколько этого можно было добиться, честно приложив усилия.

Они натерли ваксой свои кожаные патронташи, начистили фляги, отстирали заплечные мешки и попытались разгладить укрепленные картоном тульи и козырьки своих кепок.

Они отполировали пряжки ремней и кокарды, а потом натерли маслом ореховые приклады винтовок, пока дерево не засияло. В одиннадцать, в предвкушении появления девушек, которые в это время собирались рядом с Семью Источниками, роты встали в строй в полном обмундировании.

Пятьдесят кавалеристов составляли еще одну роту, выстроившуюся впереди остальных, а две пушки, которые вытащили из колеи, проделанной их колесами в высокой траве, и прикрепили к передкам, участвовали в параде вместе со знаменами полка позади Легиона.

Полковник ждал в Семи Источниках, предоставив на время командование майору Пелэму. В пять минут двенадцатого Пелэм отдал Легиону команды «смирно», «к ноге», «примкнуть штыки», «на плечо».

В параде участвовали восемьсот семьдесят два человека. Это был не весь Легион — рекрутов-новичков, которые не успели усвоить строевое мастерство, послали в Семь Источников раньше, одни занимались приколачиванием красного сукна к церковным скамьям, а другие помогали готовить общий ужин.

На лужайке с южной стороны воздвигли два огромных шатра, где посетители могли укрыться от солнца, а кухня расположилась неподалеку от конюшни, там истекающие потом повара, которых временно откомандировали из Легиона, жарили целиком туши пары бычков и шести свиней.

Городские дамы пожертвовали несколько баков с бобами, миски с салатом, подносы с кукурузными кексами и бочонки с сушеными персиками. Еще там был кукурузный хлеб, сладкая ветчина, копченая индейка и оленина, копченая говядина с яблочным соусом, маринованные огурцы, а для детей — подносы с посыпанными сахаром пончиками.

Для трезвенников приготовили лимонад и воду из лучшего колодца Семи Источников, а для остальных стояли бочонки с элем и крепким сидром из погреба таверны Грили.

В доме предлагалось вино, но судя по предыдущему опыту подобных мероприятий, лишь горстка местных жителей заинтересуется подобными утонченными напитками.

Обильное угощение и изысканное убранство были привычны для Семи Источников в День независимости, но в этом году Вашингтон Фалконер, дабы продемонстрировать всем, что именно Конфедерация является истинным наследником революционного духа Америки, превзошел самого себя.

В восемь минут двенадцатого старшина Проктор приказал Легиону выдвигаться, оркестр под предводительством капельмейстера Августа Литтла заиграл «Дикси», и полсотни кавалеристов вывели Легион с поля.

Они ехали с саблями наголо, а роты шагали с примкнутыми штыками. Городок опустел — весь люд собрался у Семи Источников, но солдаты с развернутыми знаменами промаршировали мимо здания администрации с вывешенным флагом, мимо галантерейного магазинчика Спарроу, в чьем окне из восьми

огромных листов стекла, привезенных лишь год назад из Ричмонда, отразились марширующие роты, позволив пехотинцам вдоволь налюбоваться своими слегка размытыми фигурами.

Шум на марше вышел преизрядный — не столько из-за разговоров, сколько из-за непривычки солдат к переноске полного обмундирования. Фляги бренчали, сталкиваясь со штыками, жестяные кружки, подвешенные к ранцам, стучали, ударяясь о патронташи.

Первыми наблюдателями, которые поджидали колонну у белых ворот поместья, были в основном дети. Вооружившись бумажными флажками Конфедерации, они бегали вдоль колонны, маршировавшей под дубовой аллеей, ведущей от Роскилл-роуд прямо к главным воротам Семи Источников.

Легион не стал маршировать до самого дома, а вместо этого свернул с дороги в проем, сделанный в изгороди против змей за леском, обогнул дом и подошел к окаймленной флагами южной лужайке между двумя рядами наблюдателей, которых становилось всё больше, они аплодировали прекрасно выглядящим войскам, Кавалерия, придерживающая возбужденных лошадей, чтобы они высоко поднимали ноги, выглядела особенно благородно, когда прогарцевала мимо трибуны, на которой председательствовал Вашингтон Фалконер вместе с политиком, до отделения заседавшем в Конгрессе США.

Рядом с Фалконером и бывшим конгрессменом находились преподобный Мосс, судья Балстроуд и девяностосемилетний полковник Роланд Пеникрейк, служивший лейтенантом в армии Джорджа Вашингтона при Йорктауне.

— Я не возражаю, если он начнет вспоминать про Йорктаун, — сказал Вашингтон Фалконер капитану Итану Ридли, выполнявшему в День независимости роль сопровождающего полковника адъютанта, — но надеюсь, он не станет вспоминать о нем слишком детально.

Но было бы неучтиво именно в этот день лишать старика своей минуты славы.

Адам в своем прекрасном мундире вел кавалерию. Майор Пелэм сидел на откормленной послушной кобыле во главе остальных десяти рот, а майор Дятел Бёрд, чья великолепная форма только что прибыла из Ричмонда ко всеобщей радости легионеров и за счет его зятя, маршировал перед оркестром.

Младший лейтенант Старбак, у которого в этот день не было никаких существенных обязанностей, скакал на кобыле Покахонтас позади майора Бёрда, не прилагавшего никаких усилий, чтобы идти в ногу с ритмом барабанов, а просто вышагивавшего, словно на дневной прогулке.

Добравшись до южной лужайки, кавалерия, чья функция в этот день была чисто декоративной, галопом промчалась по импровизированному плацу, а потом исчезла, чтобы поставить лошадей в загон. Две пушки сняли с передков и разместили по обеим сторонам трибуны, перед которой под восхищенными взглядами почти трех тысяч зрителей устраивал маневры Легион.

Солдаты маршировали ротами, каждая из которых сформировала четыре шеренги и затем развернулась в двухшереножный линейный боевой порядок.

Для полноценного ряда не хватало места на флангах, но Траслоу, сержанту одиннадцатой роты легкой пехоты, хватило ума придержать своих людей, несколько подпортив, таким образом, следующее выступление полка (составлявшее гордость Пелэма): Легион должен был продемонстрировать формирование каре для отражения атаки кавалерии. Подпорченное или нет, все же каре выглядело вполне правдоподобно, и лишь истинный профессионал мог отметить некоторую неровность у одного из углов строя.

Все офицеры, за единственным исключением майора Бёрда сидевшие верхом, собрались в центре каре, когда оркестр заиграл «Масса в холодной, холодной земле».

Легион, разбив каре, сформировал две колонны, мелодия сменилась на «Да здравствует Колумбия»,

толпа разразилась радостными возгласами, полковник излучал довольство и счастье. Затем капитан Мерфи, сам себя назначивший старшим артиллеристом Легиона, выкатил вперед две пушки.

Заряд орудий состоял из нескольких пачек пороха безо всяких ядер. Артиллеристы Легиона не получили новомодных терочных запалов для воспламенения пороха, так что Мерфи обошелся парой запалов, изготовленных вручную из соломенных трубочек, наполненных первоклассным порохом для винтовок.

Трубки, проходя через запальные отверстия, коснулись пороховых мешочков, после чего, по кивку полковника и после окончания «Да здравствует Колумбия», артиллеристы поднесли фитили к запалам.

Два великолепных, оглушительных выстрела, два языка огня, два клуба дыма — и горстка испуганных птиц разлетелась из деревьев, росших за трибунами. Разнесся вздох удовлетворенной толпы.

За выстрелами последовали выступления ораторов. Речь полковника Пеникрейка была, слава Богу, короткой в силу старческой одышки, затем наступила очередь конгрессмена, чьи разглагольствования, казалось, никогда не закончатся, после чего Вашингтон Фалконер обратился к толпе с воодушевленным воззванием, выразив сначала сожаление о необходимости войны, а затем рассказав о гнезде гадюк с севера, об их шипящих пастях, о трепещущих языках, о ядовитом дыхании и о том, как они разносят отвратительную заразу по земле.

— Но мы, южане, знаем, как обращаться со змеями!

Толпа разразилась радостными криками.

Даже чернокожие рабы, сопровождавшие своих хозяев на торжественный обед и согнанные в кучу в огороженном веревками пространстве, приветствовали слова полковника.

Фалконер, чей зычный голос позволял ему быть услышанным всеми собравшимися, повествовал о двух народах, выросших в Америке. Народах с общими предками, которые, тем не менее, были разделены климатом, моральными ценностями и религией. Которые росли отдельно друг от друга до сего момента, пока разница в представлениях о чести, правде и мужественности более не позволяла им существовать под властью одного правительства.

— Народ с севера должен идти своим путем, — провозгласил полковник. — А мы, южане, всегда первыми встававшие в сражении Америки за Свободу, Правду, Порядочность и Честь — мы отстоим мечту отцов-основателей! Их меч теперь наш меч!

Он извлек сверкающий клинок, подаренным его деду Лафайетом. Толпа приветствовала его слова о том, что именно они, а не вырождающийся род потеющих на заводах, испорченных так называемым образованием, зараженных римско-католическими идеями северян — истинные наследники великих виргинских революционеров, Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона и Джеймса Мэдисона.

Полковник завершил свою речь уверением, что борьба не должна продлиться долго. Север заблокировал южные порты, а Юг ответил запретом экспорта хлопка, что означало простаивание фабрик Англии, которая, напомнил он толпе, непременно погибнет без хлопка.

Если блокаду не снимут, то в течение нескольких недель величайший флот мира появится у берегов Конфедерации, заставив янки разбежаться по своим гаваням, словно змеи по норам.

И все же Югу не стоит оглядываться на Европу, поспешил добавить Фалконер, да и нет в том нужды, ибо воины с Юга прогонят янки со своих земель без помощи европейцев. Скоро, заверил полковник, янки пожалеют о своем безрассудстве — когда в панике, с криками и воплями убегут. Толпе подобная перспектива пришлась по душе.

Война будет выиграна за несколько недель, пообещал полковник, и каждого, кто вложил свой вклад в победу, будут уважать и чтить в новой Конфедерации, чей флаг в скором времени будет развеваться среди знамен всех народов.

Его слова послужили сигналом Легиону вынести и развернуть знамена полка. И, что самое поразительное, для этой цели из своей комнаты вышла сама жена полковника.

Мириам Фалконер оказалась худощавой женщиной с черными волосами и крайне бледным лицом, на фоне которого ее глаза выглядели неестественно огромными. Одета она была в платье из пурпурного шелка настолько темного оттенка, что он казался почти черным. Темная полупрозрачная вуаль спадала с ее шляпы.

Она двигалась настолько медленно, что, казалось, вот-вот споткнется, не дойдя до трибуны. Ее сопровождали дочь и шесть дам, отвечавшие за пошив тяжелых полотнищ из великолепного шелка, которым предстояло стать боевыми знаменами Легиона Фалконера.

Первое знамя являлось новым флагом Конфедерации. Оно состояло из трех широких горизонтальных полос, верхняя и нижняя — красного цвета, а средняя — белого. Один из верхних углов занимало синее поле с семью нашитыми белыми звездами, обозначавшими семь отделившихся штатов.

Второе же знамя представляло собой вариацию на тему герба Фалконера с изображением трех красных полумесяцев на белом поле, сопровождаемых семейным девизом: «Вечно пылающий».

Оркестр молчал, за неимением официального гимна, лишь барабанщики отбивали торжественный ритм, когда вынесли знамена. Адам, назначенный главным знаменосцем, выступил вперед, чтобы принять флаги вместе с двумя другими знаменосцами.

Одним из них был Роберт Декер, чье лицо выглядело уже чуть лучше и наполнилось благоговением, когда он сделал шаг вперед вместе с Адамом, а вторым — Джо Мелкий Спарроу, взявший флаг Фалконера, который Анна поначалу передала своему брату. Анна расправила складки на шелке, а потом отдала его Джо Спарроу, тот, похоже, с трудом удерживал тяжелое знамя.

Затем Мириам Фалконер с помощью двух других дам отдала флаг Конфедерации с желтой бахромой. На мгновение показалось, что Анна не хочет забирать его из рук матери, а потом она сделала шаг назад и передала его Роберту Декеру, гордо поднявшему его вверх.

Зрители приветствовали их криками, которые довольно быстро стихли, когда толпа поняла, что преподобный Мосс, терпеливо ожидавший целый день, теперь готов вознести молитвы с благословением. Молитва тянулась так долго, что некоторые из присутствующих подумали, что Джо Спарроу рухнет до того, как будет закончены эти мольбы.

Хуже того, запах жареного мяса стал еще более соблазнительным, но Мосс по-прежнему настойчиво призывал Господа обратить внимание на Легион, два его флага, офицеров, а также на его врагов, которые, молился Мосс, будут сокрушены мощным ударом Легиона.

Он бы продолжал и дальше, если бы только не остановился, чтобы перевести дыхание, что дало полковнику Пеникрейку шанс вмешаться с на удивлении громким «аминь», которое было так звучно повторено толпой, что Мосс был вынужден оставить последнюю часть своей молитвы недосказанной.

Полковник, который не мог позволить, чтобы такой момент остался без его заключительного слова, прокричал, что Легион принесет свои знамена домой, как только полностью разделается с янки.

— И это будет очень скоро! Боже мой, это ведь будет скоро?

И толпа разразилась одобрительными возгласами, даже чернокожие слуги полковника бодро

закричали, когда оркестр заиграл «Дикси».

Затем полковник прошел вместе со знаменами перед Легионом, чтобы все могли рассмотреть оба флага вблизи, а потом, когда время уже подбиралось к двум часам, а один из бычков начал пахнуть горелым, судья Балстроуд принял присягу на верность Конфедерации, которую солдаты произносили громко и уверенно, а присягнув своей только что созданной стране, они поприветствовали полковника и его жену троекратным «ура», после чего получили команду «вольно», сняли ранцы и принялись за еду.

Адам повел Старбака в сторону открытого шатра, в котором сидели почетные гости.

— Ты должен встретиться с мамой.

— Действительно должен?

Бледная Мириам Фалконер в темном платье выглядела довольно грозно.

— Конечно, — Адам остановился, чтобы поприветствовать старшую сестру майора Пелэма, высокую и величавую старую деву, чье выцветшее платье говорило о том, с каким трудом ей удавалось сохранять приличный вид, а потом Адам со Старбаком прикоснулись к шляпам при виде жены бывшего конгрессмена, пожаловавшейся, как она сожалеет о том, что пришлось покинуть изысканное общество Вашингтона ради более непритязательного окружения в Ричмонде, а потом, в конце концов, Адам смог довести Старбака до шатра, где в центре внимания окружающих ее дам находилась его мать.

Мириам Фалконер восседала в принесенном из дома мягком кресле с высокой спинкой, а бледная и робкая Анна сидела рядом с ней в кресле меньшего размера, обмахивая лицо матери веером из слоновой кости с филигранью.

— Мама, — гордо произнес Адам, — это мой друг Нат Старбак.

Большие глаза, так странно блестящие из-под отбрасываемой темно-пурпурной шляпкой тени, взглянули на Старбака.

Он посчитал, что матери Адама должно быть по меньшей мере сорок, но к его изумлению, она не выглядела старше двадцати. Ее кожа была гладкой, белой и чистой, как у ребенка, губы широкими и пухлыми, глаза удивительно печальными, а рука в перчатке легкой, как косточки певчей птички.

— Мистер Старбак, — сказала она очень тихим голосом с хрипотцой. — Добро пожаловать.

— Спасибо, мэм. Это честь для меня.

— Познакомиться со мной? Мне так не кажется. Я очень незначительный человек. Разве не так, Анна?

— Конечно нет, мама. Ты здесь самый важный человек.

— Я не слышу тебя, Анна. Говори громче.

— Я сказала, что ты важная персона, мама.

— Не кричи! — Мириам Фалконер зажмурилась от едва слышного голоса дочери, а потом снова взглянула на Старбака. — Я страдаю от слабого здоровья, мистер Старбак.

— Печально это слышать, мэм.

— Не так близко, Анна, — Миссис Фалконер отвела веер от своей щеки, а потом опустила вуаль с края шляпки. Старбак с чувством вины подумал, что она выглядит прекрасной и такой уязвимой.

Неудивительно, что юный Вашингтон Фалконер влюбился в эту деревенскую девушку, дочь почтальона из Роскилла, и женился на ней вопреки возражениям своих родителей.

Она была удивительным созданием, хрупким и прелестным, и показалась еще более удивительной,

когда Старбак представил ее в роли Мириам Бёрд, сестры угловатого Таддеуса.

— Вам нравится Виргиния, мистер Старбак? — спросила Мириам Фалконер своим тихим и пришепётывающим голосом.

— Да, мэм, очень. Ваш супруг был очень добр ко мне.

— Я и забыла, как может быть добр Вашингтон, — тихо произнесла Мириам Фалконер, так тихо, что Старбак был вынужден наклониться, чтобы ее расслышать.

Неподвижный воздух в шатре был наполнен запахом свежескошенной травы, одеколона и камфоры, чей запах, как предположил Старбак, исходил от крахмаленных складок пурпурного платья Мириам Фалконер, которое, должно быть, вымочили в этой жидкости, чтобы отпугивать моль.

Старбак почувствовал себя неловко, находясь так близко к миссис Фалконер, и поразился тому, как чья-то кожа может быть такой белой и гладкой. Как у мертвеца, подумал он.

— Адам говорит, что вы его близкий друг, — тихо заговорил мертвец.

— Я горд тем, что он так считает, мэм.

— А дружба важнее сыновнего долга? — выпустила она коготки в этом неприятном вопросе.

— Не в моей власти судить об этом, — вежливо отразил его Старбак.

— Ближе, Анна, ближе. Хочешь, чтобы я скончалась от этой жары? — Мириам Фалконер облизала бледные губы, не сводя больших глаз со Старбака. — Вы когда-нибудь думали о материнских страданиях, мистер Старбак?

— Моя мать любит мне постоянно о них напоминать, мэм, — Старбак тоже выпустил когти. Мириам Фалконер глядела на него, не мигая, пытаясь вынести о Старбаке свое суждение, но, похоже, безрезультатно.

— Не так близко, Анна, ты меня поцарапаешь, — Мириам Фалконер оттолкнула веер дочери на полдюйма в сторону. На одном из тонких пальцев поверх черных кружевных перчаток она носила кольцо с интригующе потертым черным камнем.

Помимо этого на ней было черное жемчужное ожерелье и брошь из резного черного гагата, приколотая к тяжелым складкам темно-пурпурного шелка.

— Думаю, — сообщила Мириам Фалконер Старбаку с нескрываемой нотой неодобрения в голосе, — что вы — искатель приключений.

— Это так дурно, мэм?

— Обычно это очень эгоистично.

— Мама..., - вмешался Адам.

— Тише, Адам, я не спрашивала твоего мнения. Ближе, Анна, держи веер ближе. На искателей приключений нельзя положиться, мистер Старбак.

— Уверен, мэм, что многим великим людям, на которых можно положиться, не были чужды приключения. Нашим отцам-основателям, к примеру?

Мириам Фалконер проигнорировала слова Старбака.

— Вы будете держать передо мной ответ за безопасность моего сына, мистер Старбак.

— Мама, пожалуйста..., - снова попытался вмешаться Адам.

— Если мне понадобится твое мнение, Адам, будь уверен, я тебя спрошу, а до тех пор будь так любезен, помолчи, — когти были выпущены, острые и блестящие.

— Я не хочу, мистер Старбак, чтобы вы втянули моего сына в какие-нибудь приключения. Я была бы рада, если бы он продолжал заниматься своим делом мира на Севере, но, похоже, партия войны завоевала его душу. Эта партия, полагаю, включает и вас, и я не могу вас за это поблагодарить. Так что будьте уверены, мистер Старбак, я возлагаю на вас вместе с моим мужем ответственность за безопасность сына.

— Польщен таким доверием, мэм, — поначалу Старбак принял эту женщину за хрупкую и вызывающую жалость красавицу, а теперь считал злобной ведьмой.

— Рада, что познакомилась с вами, — произнесла миссис Фалконер тем же тоном, которым, должно быть, выразила бы удовольствие от того, что увидела какое-то диковинное создание в странствующем зверинце, а потом отвела взгляд, и ее лицо озарила улыбка, когда она протянула обе руки в сторону Итана Ридли.

— Дорогой Итан! Так я и знала, что Вашингтон будет держать тебя подальше от меня, но наконец-то ты здесь! Я разговаривала с мистером Старбаком, после чего мне нужно как-то развеяться. Иди, присядь сюда, возьми кресло Анны.

Адам оттащил Старбака прочь.

— Боже мой, мне так жаль, — сказал он. — Я знал, что это будет непросто, но не понимаю, почему она выбрала именно сегодняшний день.

— Я к этому привык, — ответил Старбак. — У меня тоже есть мать.

Хотя мать Старбака ничем не походила на хрупкую Мириам Фалконер с тихим голосом. Джейн Абигейл Макфейл Старбак была высокой дородной женщиной с громогласным голосом, в ней всего было в достатке, кроме душевной щедрости.

— Мама часто испытывает боль, — Адам пытался найти для своей матери оправдание. — Она страдает от заболевания под названием невралгия.

— Анна говорила мне.

Адам некоторое время шел молча, опустив глаза, и наконец покачал головой:

— Почему с женщинами всегда так сложно? — он задал этот вопрос с такой грустью, что Старбак не смог удержаться от смеха.

Мрачное расположение духа Адама долго не продлилось, поскольку он воссоединился со старыми друзьями из всей округи, и вскоре повел группу молодежи навстречу развлечениям, коих было в избытке в парке Вашингтона Фалконера.

Там были мишени для стрельбы в виде соломенных чучел, одетых в полосатые костюмы и цилиндры и, очевидно, изображающих янки, и любой подписавший контракт рекрут мог выстрелить из винтовки модели 1841 года в одну из кукол-янки.

Если этот рекрут послал бы пулю точно в мишень, прикрепленную к груди соломенного чучела, он получил бы серебряный доллар. Еще там были наполненные водой лохани, куда детям приходилось нырять с головой, чтобы достать яблоко, скачки с препятствиями для офицеров и других смельчаков, соревнование по перетягиванию каната между десятью ротами пехоты и растягивание гуся.

— Растягивание гуся? — удивился Старбак.

— В Бостоне не растягивают гусей? — спросил Адам.

— Нет, у нас цивилизация. Нечто под названием библиотеки и церкви, школы и колледжи.

Адам стукнул своего друга, а потом отскочил на безопасное расстояние.

— Тебе понравится растягивание гуся. Подвешиваешь гуся, намазываешь ему шею маслом, а потом первый, кто сумеет оторвать ему голову, получает тушку гуся на ужин.

— Живого гуся? — ужаснулся Старбак.

— Если бы он был мертв, было бы слишком просто, — ответил Адам. — Конечно, живого!

Но до того, как испробовать какое-либо из этих развлечений, друзьям пришлось отправиться в летний домик, где пара фотографов установила свои кресла, штативы, рамы и вагончики для обработки. Эти двое приехали из Ричмонда за счет Вашингтона Фалконера, чтобы сделать фотографии любого желающего из Легиона.

Эти фотографии в нарядных рамках стали бы памятным подарком для оставшихся в городе семей, а также сувениром и для самих солдат на протяжении всех долгих лет их жизни.

Офицеры могли отпечатать свои портреты на визитных карточках, эта тщеславная мода очень привлекала Вашингтона Фалконера, который первым уселся в кресло. За ним последовал Адам.

Процесс был долгим и сложным. Адам сидел на кресле с высокой спинкой и металлической рамой на ней, к которой нужно было прислонить голову.

Рама, скрытая волосами и головным убором, позволяла держать голову абсолютно неподвижно. Он вытащил саблю и положил ее в правую руку, а пистолет в левую.

— Я действительно должен выглядеть так воинственно? — спросил он отца.

— Так модно, Адам. И кроме того, когда-нибудь ты будешь гордиться этой фотографией.

За спиной у Адама поставили два флага Легиона, а он застыл, неловко уставившись на фотографический аппарат, пока потный помощник фотографа устремился из вагончика в летний домик с мокрой стеклянной пластиной. Пластину вставили в камеру, Адаму велели сделать глубокий вдох и задержать дыхание, а потом крышка с аппарата была снята.

Все присутствующие затаили дыхание. У лица Адама жужжала муха, но второй помощник помахал полотенцем, чтобы ее отогнать.

— Если не можете сдержаться, то дышите, только очень медленно, — объяснил фотограф Адаму. — И ни в коем случае не шевелите правой рукой.

Казалось, что прошла вечность, но наконец Адам смог расслабиться, а стеклянную пластину снова вставили в деревянный короб и унесли в вагончик для обработки. Теперь около рамы устроился Старбак, ее металлические челюсти довольно болезненно сжали череп, он тоже выставил напоказ саблю и пистолет и был проинструктирован задержать дыхание, пока мокрое стекло проявлялось внутри большой деревянной камеры.

Адам немедленно начал корчить рожи из-за плеча фотографа. Он гримасничал, закатывал глаза, надувал щеки и изображал ладонями уши, пока, к его радости, Старбак не засмеялся.

— Нет, нет, нет! — расстроенный фотограф захлопнул пластину крышкой.

— Возможно, экспозиция получилась слишком короткой, — пожаловался он, — вы будете выглядеть как привидение.

Но Старбаку даже понравилась эта мысль — выглядеть призраком, а визитная карточка ему была не нужна, не говоря уже о подарке на память, поэтому он пробрался сквозь толпу, жуя ломоть хлеба со

свининой, пока Адам отправился готовить лошадь к скачкам. Итан Ридли был настроен их выиграть, приз составлял щедрые пятьдесят долларов.

Сержант Томас Траслоу играл в блеф с группой своих приятелей, но отвлекся, чтобы посмотреть, как лошади проходят первый круг скачек с препятствиями.

— Я поставил на парня, — признался он Старбаку.

— На Билли Эркрайта на вороном, — он показал на тощего мальчишку на маленькой вороной лошади. Тот выглядел едва ли старше двенадцати и гнался за офицерами и фермерами, чьи лошади, казалось, парят над высокими изгородами, пока они не вернулись к зрителями, чтобы пойти на второй круг.

Ридли с легкостью шел впереди, его гнедая лошадь прыгала уверенно и после первого круга даже не сбивала дыхания, а лошадь Билли Эркрайта, похоже, была слишком хрупкой, чтобы поспевать за остальными, не говоря уже о том, чтобы выдержать второй круг.

— Похоже, что вы потеряете свои деньги, — радостно произнес Старбак.

— Всё, что ты знаешь о лошадях, парень, я смог бы изобразить на земле с помощью одной слабой струйки из своего мочевого пузыря, — развеселился Траслоу. — А ты бы на кого поставил?

— На Ридли?

— Он хороший наездник, но Билли его победит, — Траслоу наблюдал, как всадники скрылись из вида, а потом окинул Старбака подозрительным взглядом. — Я слышал, ты спрашивал Ридли про Салли.

— Кто вам об этом рассказал?

— Да весь чертов Легион в курсе, потому что Ридли всем растрепал. Думаешь, он знает, где она?

— Он утверждает, что нет.

— Тогда сделай одолжение, не тронь говно, пока не завоняло, — мрачно заявил Траслоу. — Девчонка сбежала, вот и всё. Я от нее избавился. Я дал ей шанс. Дал землю, крышу над головой, животных, работника, но ничто из того, что принадлежало мне, не было достаточно хорошо для Салли. Теперь она в Ричмонде, сама зарабатывает на жизнь, и смею сказать, это будет неплохая жизнь, пока она не приползет обратно с сифилисом.

— Мне жаль, — произнес Старбак, потому что не мог придумать, что еще сказать. Он просто был рад, что Траслоу не спросил, почему он набросился на Ридли.

— Не было причинено никакого ущерба, — объяснил Траслоу, — разве что чертова девчонка прихватила кольцо моей Эмили. Я должен был его сохранить. Если когда я умру этого кольца не будет в моем кармане, Старбак, я не найду свою Эмили.

— Уверен, это не так.

— А я уверен, что именно так, — Траслоу упорно придерживался своих суеверий. Потом он мотнул головой влево. — Ну, что я тебе говорил?

Билли Эрксайт шел на три корпуса впереди Итана Ридли, чья кобыла теперь была вся в пене.

Ридли хлестал кнутом по натруженным бокам лошади, но вороной Эрксайта с тонкой костью легко держался впереди, всё увеличивая дистанцию. Траслоу засмеялся.

— Ридли может хоть до смерти запинать эту лошадь, но быстрее она не пойдет. Она больше и шагу не сделает. Давай, Билли! Давай, парень! — Траслоу уже получил свой выигрыш и отвернулся от скачки еще до ее окончания.

Эркрайт выиграл пять корпусов и уже отъехал в сторону, когда за ним ворвался поток покрытых грязью всадников. Билли Эркрайт получил свой кошелек с пятьюдесятью долларами, хотя чего он действительно хотел, так это вступить в Легион.

— Я умею ездить верхом и стрелять. Чего вам еще надо, полковник?

— Тебе придется подождать до следующей войны, Билли, мне жаль.

После скачек растянули четырех гусей. Птиц подвесили на высоком шесте с намазанными жиром шеями, и один за одним юноши подбегали к ним и подпрыгивали.

Некоторые полностью промазывали, другие хватали гуся за шею, но были побеждены маслом, из-за которого шея птицы стала скользкой, а некоторые пострадали от острого гусиного клюва и отбежали в крови, но в конце концов птицы умерли, а их головы были оторваны. Толпа приветствовала забрызганных кровью победителей радостными возгласами, а те ушли со своими откормленными призами.

С наступлением сумерек начались танцы. Два часа спустя, уже в полной темноте, над помещьем затрещали фейерверки, озарив его огнями. Старбак много пил и уже слегка набрался.

После фейерверков танцы возобновились офицерским котильоном. Старбак не танцевал, а нашел себе темный уголок под высоким деревом и наблюдал, как пары кружат в огнях окруженных мотыльками бумажных фонарей.

Женщины надели белые платья с отделкой красными и синими лентами в честь праздника, а сабли мужчин в серых мундирах раскачивались в такт танца.

— Вы не танцуете, — раздался тихий голос.

Старбак повернулся и увидел Анну Фалконер.

— Нет, — ответил он.

— Могу я пригласить вас? — она протянула руку. За ее спиной светились залитые торжественным светом свечей окна Семи Источников. Дом выглядел великолепно, почти магически. — Мне пришлось проводить маму в постель, — объяснила Анна, — поэтому я пропустила начало.

— Нет, благодарю вас, — Старбак проигнорировал приглашающую его на котильон протянутую руку.

— Как нелюбезно с вашей стороны, — произнесла с болезненным упреком Анна.

— Дело не в недостатке галантности, — объяснил Старбак, — а в неумении танцевать.

— Вы не умеете танцевать? В Бостоне не танцуют?

— Танцуют, но не в моей семье.

Она понимающе кивнула.

— Не могу представить вашего отца танцующим. Адам говорит, у него свирепый вид.

— Так и есть.

— Бедняга Нат, — сказала Анна. Она смотрела, как Итан положил руки на талию высокой гибкой красоти, и на ее лице на мгновение появилось выражение печальной озадаченности. — Мама не была к вам добра, — заявила она Старбаку, по-прежнему наблюдая за Ридли.

— Уверен, она этого не хотела.

— Уверены? — многозначительно поинтересовалась Анна, пожав плечами. — Она считает, что вы увлекаете Адама прочь из дома, — объяснила Анна.

— На войну?

— Да, — Анна наконец отвела взгляд от Ридли и снова посмотрела в лицо Старбаку. — Она хочет, чтобы он остался здесь. Но ведь он не может, не правда ли? Не может оставаться дома в безопасности, пока другие юноши отправятся навстречу Северу.

— Не может.

— Но мама этого не понимает. Она просто думает, что если он останется дома, то не погибнет. Но я не представляю, как он смог бы с этим жить, — она взглянула на Старбака, и отражавшийся в ее глазах свет фонарей странно подчеркивал небольшое косоглазие. — Так вы ни разу не танцевали?

— Я никогда не танцевал, не сделал ни единого па, — признался Старбак.

— Может, я могла бы научить вас?

— Это было бы очень мило.

— Может, приступим прямо сейчас? — предложила Анна.

— Благодарю вас, но не думаю.

Котильон закончился, офицеры поклонились, а дамы сделали реверанс, и пары разошлись по лужайке. Капитан Итан Ридли предложил руку высокой девушке и подвел ее к столам, где с учтивым поклоном усадил на место.

Потом, коротко перемолвившись с человеком, выглядевшим как отец девушки, он развернулся и оглядел залитые светом фонарей лужайки, пока не заметил Анну. Он пересек газон, проигнорировав Старбака, и предложил руку своей невесте.

— Полагаю, мы можем отправиться ужинать? — предложил Ридли. Он не был пьян, но и полностью трезвым его трудно было назвать.

Но Анна все еще не готова была уходить.

— Знаешь ли ты, Итан, что Старбак не умеет танцевать? — спросила она без какого-либо злого умысла, просто чтобы что-то сказать.

Ридли взглянул на Старбака.

— Меня это не удивляет. Янки ни для чего особо не годятся. Разве что для молитв, — засмеялся Ридли. — И еще чтобы женить людей, как я слышал.

— Женить? — удивилась Анна, и услышав ее вопрос, Ридли, похоже, осознал, что сболтнул лишнего. Но ему не предоставился шанс взять свои слова обратно, потому что Старбак ринулся мимо Анны и схватил Ридли за портупею. Анна вскрикнула, когда он с силой притянул Ридли к себе.

Услышав крик, несколько человек повернулось в их сторону, но Старбак этого не заметил.

— Что ты сказал, сукин сын? — набросился он на Ридли.

Ридли побледнел.

— Пусти, обезьяна.

— Что ты сказал?

— Я сказал, пусти меня! — повысил голос Ридли. Он потянул руку к поясу, туда, где висел револьвер.

К ним подбежал Адам.

— Нат! — он взял Старбака за руку и мягко отвел ее. — Уходи, Итан, — сказал Адам, отдернув руку

Ридли от револьвера. Ридли поколебался, явно желая продолжить эту ссору, но Адам выкрикнул свой приказ еще тверже. Перебранка закончилась быстро, но оказалась достаточно драматической, чтобы привлечь интерес толпы с лужайки для танцев.

Ридли отступил.

— Хочешь драться на дуэли, преподобный?

— Уходи! — произнес Адам удивительно властным голосом. — Слишком много выпили, — он повысил голос, чтобы удовлетворить любопытство наблюдателей. — А теперь иди, — повторил он Ридли и смотрел, как тот уходит под руку с Анной. — Из-за чего это всё? — спросил он у Старбака.

— Да просто так, — ответил тот. Вашингтон Фалконер хмурился на противоположной стороне лужайки, но Старбаку было всё равно. Он приобрел врага и был поражен, какую чистую и твердую ненависть ощущает. — Просто ерунда, — тем не менее, повторил он Адаму.

Адам отказался принять эту отговорку.

— Рассказывай!

— Да ерунда, говорю тебе, просто ерунда.

Разве что Ридли явно знал, что Старбак провел карикатурный обряд венчания для Декера и Салли. Тот обряд, что хранился в секрете.

Никто в Легионе об этом не знал. Траслоу никогда не рассказывал о том, что произошло той ночью, как и Декер со Старбаком, но Ридли об этом знал, и единственным человеком, который мог ему об этом поведать, была Салли.

Что означало, что Ридли лгал, когда клялся, что не видел ее с тех пор, как она вышла замуж. Старбак повернулся к Адаму.

— Можешь кое-что для меня сделать?

— Ты знаешь, что да.

— Убеди своего отца послать меня в Ричмонд. Всё равно как, просто придумай для меня задание, чтобы он меня туда отправил.

— Я попробую. Но расскажи мне зачем, прошу тебя.

Старбак сделал несколько шагов молча. Он вспомнил, что чувствовал нечто подобное во время тех болезненных ночей, которые провел у стен Лицея в Нью-Хейвене, отчаянно ожидая появления Доминик.

— Предположим, — наконец сказал он Адаму, — что некто попросил тебя о помощи, и ты обещал ее, а потом ты обнаруживаешь, что этот человек и правда в беде. Что бы ты сделал?

— Помог бы, конечно, — ответил Адам.

— Так найди способ отправить меня в Ричмонд.

Конечно, это было безумием, и Старбак это знал. Девушка ничего для него не значила, а он ничего не значил для нее, но всё равно, как и в Нью-Хейвене, он был готов поставить на кон всю свою жизнь. Он понимал, что гоняться за Салли — это грех, но это понимание не делало сопротивление греху проще.

Он не хотел ему сопротивляться. Он пойдет по следу Салли, невзирая на опасность, потому что если есть хоть малейший шанс, пусть и не больше светлячка на фоне вечной ночи, он рискнет. Рискнет, даже если разрушит собственную жизнь в погоне за этим шансом.

Наконец-то он кое-что о себе понял и обосновал глупость своего решения, размышляя, что если

Америка вступила на путь разрушения, то почему Старбак не может позволить себе удовольствие поступить так же? Он посмотрел на своего друга.

— Ты этого не поймешь, — заявил он.

— А ты попробуй объяснить, будь добр, — настойчиво попросил Адам.

— Это чистое удовольствие от саморазрушения.

Адам нахмурился и покачал головой.

— Ты прав. Я не понимаю. Объяснись, пожалуйста.

Но Старбак только рассмеялся.

Предлог для поездки в Ричмонд был с легкостью организован, хотя Старбаку пришлось ждать десять долгих дней, пока Вашингтон Фалконер не нашел причину для путешествия в столицу штата.

Причиной этой стала слава, а точнее, угроза того, что Легион лишат заслуженной роли в триумфальной победе, которая скрепит независимость Конфедерации. Слухи, подтвержденные репортажами в газетах, говорили о неминуемом сражении.

Армия конфедератов собиралась на севере Виргинии, чтобы встретиться лицом к лицу с армией северян, расположившейся в Вашингтоне.

Была ли эта концентрация войск южан подготовкой к атаке на Вашингтон или к защите от ожидаемого вторжения янки, никто не знал, но точно было известно одно: Легион Фалконера не вызвали туда, где собирались все силы.

— Они хотят заполучить всю славу себе, — пожаловался Вашингтон Фалконер и объявил, что мерзкие выскочки в Ричмонде делают всё возможное, чтобы помешать планам Легиона.

Дятел Бёрд отметил в частном разговоре, что Фалконеру удалось не допустить вмешательства штата в дела полка, так что теперь вряд ли стоит жаловаться, если штат не хочет допустить вмешательства Фалконера в свои сражения, но даже Бёрду было интересно, намеренно ли Легион держат подальше от военных действий, потому что к середине июля по-прежнему не пришел вызов от командования армией, и Фалконер, зная, что пришло время склонить голову перед ненавидимыми им властями штата, объявил, что отправляется в Ричмонд, чтобы предложить услуги Легиона Конфедерации. Он возьмет с собой сына.

— Ты ведь не возражаешь, если поедет и Нат? — спросил Адам.

— Нат? — нахмурился Фалконер. — А разве Итан не будет нам более полезен?

— Буду признателен, если ты возьмешь Ната, отец.

— Ну ладно, — Фалконер с трудом мог сопротивляться любым просьбам Адама. — Конечно.

Ричмонд показался Старбаку странно пустым. В городе по-прежнему было полно людей в униформе, но главным образом это были офицеры штаба или группы снабженцев, большую часть военных послали на север, к железнодорожному узлу в Манассасе, где Пьер Борегар, опытный воин из Луизианы и герой бескровного падения Форта Самптера, собирал армию Северной Виргинии.

Войско Конфедерации меньшего размера, армия Шенандоа, собиралось под командованием генерала Джозефа Джонсона, который возглавлял силы мятежников в долине Шенандоа, но Фалконер горел желанием присоединиться вместе с Легионом к Борегару, потому что армия Северной Виргинии находилась ближе к Вашингтону и таким образом, по мнению Фалконера, быстрее вступила бы в боевые действия.

— Он и правда в это верит? — спросил Бельведер Дилейни. Адвокат обрадовался, когда нервный

Старбак, воспользовавшись своей единственной короткой встречей с Дилейни, позвонил в его квартиру на Грейс-стрит в тот же вечер, как только приехал в Ричмонд. Дилейни настаивал на том, чтобы Старбак остался на ужин.

— Напишите Фалконеру записку. Скажите, что встретили старого друга из Бостона. Скажите, что он заманил вас на курс изучения библии в Первой баптистской церкви. Это абсолютно правдоподобный предлог, который никто не станет проверять. Мой слуга доставит записку. Проходите, проходите.

Дилейни был одет в форму капитана Конфедерации.

— Не обращайтесь внимания. Предполагается, что я — офицер юридического отдела в военном департаменте, но на самом деле ношу мундир только лишь чтобы жаждущие крови дамы прекратили расспрашивать меня, собираюсь ли я отдать свою жизнь за «Дикси». А теперь проходите, будьте добры.

Старбак позволил себя убедить и поднялся по лестнице в уютную гостиную, где Дилейни извинился за свой ужин.

— Боюсь, будет только баранина, но мой слуга готовит ее с нежным уксусным соусом, так что вам понравится. Должен признаться, в Новой Англии моим самым большим разочарованием стала еда. Это потому что у вас нет рабов, и таким образом, в том, что касается питания, вы вынуждены зависеть от жен? Едва ли я хоть один раз прилично поел, пока был на Севере. А в Бостоне! Боже ты мой, но диету из капусты, бобов и картошки вряд ли можно вообще назвать диетой. Вы чем-то расстроены, Старбак?

— Да, сэр.

— Бога ради, не называйте меня «сэр». Я думал, мы друзья. Это перспектива сражения так вас расстроила? На прошлой неделе я сам наблюдал, как некоторые войска побросали свои кости и карты! Они говорят, что хотят встретиться с Создателем, будучи добродетельными. Один англичанин как-то сказал, что перспектива быть повешенным на следующее утро чудесно преображает состояние ума, но я не уверен, что это заставит меня бросить играть в карты.

Он принес Старбаку бумагу, чернила и перо.

— Напишите записку. Выпьем вина, пока мы ожидаем ужин? Надеюсь, что да. Напишите, что поглощены изучением библии.

Старбак постарался избежать большей части фантазий Дилейни, сообщив Вашингтону Фалконеру, лишь что встретил старого друга и не сможет прибыть на Клэй-стрит к ужину.

Отправив записку, Старбак остался на ужин у Дилейни, хотя оказался плохим компаньоном для пухлого и озорного адвоката.

Вечер был жарким, лишь легкий ветерок проходил через марлевые полотнища, натянутые на открытых окнах, чтобы не впускать внутрь насекомых, и даже Дилейни, казалось, был безразличен к еде, хотя и поддерживал оживленный, но почти односторонний разговор.

Он поинтересовался новостями о Таддеусе Бёрде и обрадовался, услышав, что учитель является постоянным источником раздражения для Вашингтона Фалконера.

— Мне бы очень хотелось побывать на свадьбе Таддеуса, но увы, долг призвал. Он счастлив?

— Выглядит очень счастливым, — Старбак слишком нервничал, чтобы поддерживать беседу, но прилагал к этому все усилия. — Они оба выглядят счастливыми.

— Дятел слишком любит свою жену, так что она счастливица. И конечно, Вашингтон Фалконер возражал против этого брака, что предполагает, что она, возможно, составит хорошую пару Дятлу. Так скажите мне, что вы думаете о Вашингтоне Фалконере? Хочу услышать самые непристойные суждения,

Старбак. Вам придется нашептать мне самые интригующие сплетни в оплату за ужин.

Старбак воздержался от перепева сплетен, а вместо этого высказал общепринятое и восторженное мнение о Фалконере, которое прозвучало для Дилейни совершенно неубедительно.

— Я плохо знаю этого человека, конечно же, но он всегда казался мне пустым. Абсолютно пустым. И так отчаянно желающим, чтобы им восхищались. Потому-то он и освободил своих рабов.

— Это ведь достойно восхищения, правда?

— О, но кстати, — возразил Дилейни, — ведь на самом деле причиной их освобождения послужило вмешательство какой-то женщины с Севера, которая оказалась слишком набожной, чтобы вознаградить Фалконера своими прелестями, и с тех пор бедняга потратил все десять лет, чтобы убедить своих соседей, виргинских землевладельцев, что он не какой-нибудь опасный радикал. По правде говоря, он просто богатенький мальчик, который так и не вырос, и я отнюдь не уверен, что под этой блестящей поверхностью есть что-нибудь кроме излишка денег.

— Он был добр ко мне.

— И продолжит быть таким, пока вы им восхищаетесь. Но потом? — Дилейни взял серебряный нож для фруктов и изобразил, что перерезает им горло. — Боже ты мой, ну и жаркий вечер выдался, — он отклонился к спинке кресла, широко расставив руки.

— Прошлым летом у меня были кой-какие дела в Чарлстоне, и там я присутствовал на ужине в одном доме, где рядом с каждым присутствующим за столом стоял раб, обмахивая веером наши лбы. Подобные вещи для Ричмонда — уже немного слишком, хотя и жаль.

Он продолжал болтать, поведавав о своем путешествии в Южную Каролину и Джорджию, пока Старбак доел баранину, выпив слишком много вина, испробовал немного яблочного пирога и, наконец, отодвинул тарелку.

— Сигарету? — предложил Дилейни. — Или сигару? Или вы по-прежнему отказываетесь от курения? В этом вы полностью неправы. Табак — великолепное успокоительное. Отец наш небесный, я полагаю, должно быть, решил сделать всё на земле чем-то полезным для человека, и потому дал нам вино, чтобы нас возбудить, бренди, чтобы воспламенить и табак, чтобы успокоить. Вот, — Дилейни потянулся за серебряным портсигаром, срезал кончик сигары и протянул ее Старбаку.

— Зажгите ее, а потом поведайте мне о своих недугах, — Дилейни знал, что толкнуть Старбака на этот отчаянный визит должно было нечто экстраординарное. Юноша выглядел, как будто у него лихорадка.

Старбак позволил уговорить себя закурить сигару, раз уж табак является успокоительным средством. Дым разъедал ему глаза, он задышался от его горечи, но продолжал курить.

Про меньшей мере, стоило показать себя взрослым мужчиной, а он понимал, что этим вечером вел себя как полуоперившийся юноша, и нуждался в доказательстве своей зрелости.

— Думаете, дьявол тоже кое-что оставил на земле? — начал он издали подходить к тому деликатному вопросу, который привел его к двери Дилейни. — Чтобы устроить нам западню?

Дилейни закурил сигарету и понимающе улыбнулся.

— Так кто она?

Старбак промолчал. Он чувствовал себя таким идиотом, но ощущал непреодолимое желание совершить эту глупость, как и когда разрушил свою карьеру ради Доминик Демарест.

Вашингтон Фалконер сказал ему, что подобные деструктивные страсти являлись обычным недугом

молодых людей, но если то была болезнь, то Старбак не мог от нее ни излечиться, ни облегчить страдания, и теперь она вынудила его выставить себя идиотом перед умным адвокатом, который терпеливо ждал ответа. Старбак помолчал, но в конце концов, зная, что дальнейшее затягивание ни к чему не приведет, признался, кого он ищет.

— Ее зовут Салли Траслоу.

Дилейни ответил самой незаметной и скрытной из своих улыбок.

— Продолжайте.

Старбака трясло. Вся Америка была на грани войны, ожидая того ужасного момента, когда раскол приведет к окончательному разрыву и морям крови, а он мог лишь дрожать из-за девицы, которую встретил в один злосчастный вечер.

— Я думал, что она могла сюда зайти. В эту квартиру, — произнес он с запинкой.

Дилейни выпустил большую струю дыма, от которой затрепетал огонь на свечах, стоящих на отполированном обеденном столе.

— Чую запах своего братца. Договаривайте уж.

Старбак поведал ему всё, и этот рассказ показался ему таким жалким, как когда он признался в своей глупости Вашингтону Фалконеру. Теперь он пытался приплести свое обещание, данное тем хмурым вечером, и рассказал о наваждении, которое он не мог толком описать и оправдать, и даже толком не отдавал себе в нем отчета, он лишь заявил, что не сможет жить, если не найдет Салли.

— И вы подумали, что она может быть здесь? — с дружелюбной насмешливостью поинтересовался Дилейни.

— Я знаю, что ей дали этот адрес, — многозначительно сообщил Старбак.

— И вот вы явились ко мне, — сказал Дилейни, — мудрое решение. Так чего вы от меня хотите?

Старбак взглянул на него через стол. К его удивлению, он выкурил всю сигару, остался лишь окурочкой длиной в дюйм, который он погрузил в остатки своего пирога.

— Я хочу узнать, не сможете ли вы объяснить мне, где ее искать, — произнес он, подумав, насколько тщетна эта просьба и насколько унижительна. Почему-то до того, как прийти в эту элегантную квартиру, Старбак полагал, что его поиски Салли — это просто что-то вроде сна наяву, но теперь, столкнувшись с необходимостью признаться в своем наваждении этому практически незнакомому человеку, Старбак ощутил себя полным идиотом. Он также почувствовал всю безнадежность поисков пропавшей девушки в городе с населением сорок тысяч человек.

— Простите, — сказал он, — мне не следовало сюда приходить.

— Я, кажется, припоминаю, как предлагал вам свою помощь, — напомнил ему Дилейни, — хотя должен признать, мы оба были тогда пьяны. Я рад, что вы пришли.

Старбак уставился на своего благодетеля.

— Так вы можете мне помочь?

— Конечно, могу, — очень спокойно вымолвил Дилейни. — Вообще-то, я точно знаю, где находится ваша Салли.

Старбак ощутил прилив ликования и одновременно ужаса от того, что достигнутый успех может оказаться фальшивым. Он чувствовал, будто стоит на краю пропасти, не зная, попадет ли на небеса или в ад, если прыгнет.

— Так она жива? — спросил он.

— Приходите завтра вечером, — уклончиво ответил Дилейни и поднял руку, чтобы предотвратить дальнейшие вопросы. — Приходите сюда в пять. Но..., - последнее слово он произнес предупреждающе.

— Что?

Дилейни ткнул сигаретой в сторону Старбака.

— Будете моим должником, Старбак.

Старбак дрожал, несмотря на теплый вечер. Он подозревал, что продал душу, но за сколько? Хотя он не очень-то об этом беспокоился, потому что завтра вечером найдет Салли.

Может, от вина или от тяжелого табачного дыма, или то того, что все его мечты готовы были осуществиться, но ему было всё равно.

— Понимаю, — осторожно произнес он, на самом деле не понимая ничего.

Дилейни улыбнулся и разрушил чары.

— Немного бренди? И еще одну сигару, полагаю, — Дилейни подумал, что было бы забавно развратить сына преподобного Элияла Старбака. А кроме того, по правде говоря, Старбак ему нравился.

Мальчишка был наивным, но со стальным стержнем внутри и хорошо соображал, даже если сейчас эту сообразительность затмевали страсти. Одним словом, Старбак однажды мог бы пригодиться, а если когда-нибудь он бы ему понадобился, Дилейни смог бы напомнить о долге, который возник этой ночью в результате отчаяния и наваждения.

Потому что Дилейни теперь стал агентом Севера. В его квартиру пришел некий человек, представившись клиентом, а потом протянул ему копию письма Дилейни, в котором тот предлагал северянам свои услуги в качестве шпиона.

Копия была сожжена, и зрелище горящей бумаги взбудоражило душу Дилейни. С этого момента он носил отметину, его можно было приговорить к смертной казни, но всё же награда за верность Северу стоила этого риска.

А риск, насколько он знал, будет очень недолгим. Дилейни не верил, что восстание продлится даже до конца июля. Новая армия Севера величественно сомнет жалкие силы мятежников, сгрудившиеся на севере Виргинии, раскольники потерпят поражение, а политики-южане начнут хныкать, что никогда и не были сторонниками этого мятежа.

А что случится с теми незначительными людьми, которых предали эти политики? Старбака, как полагал Дилейни, пошлют обратно к жуткому отцу-церберу, и это станет концом единственного приключения мальчишки.

Так почему бы не подарить ему это последнее экзотическое мгновение, которое он будет вспоминать всю свою скучную жизнь, а если по какой-то случайности мятеж затянется еще на несколько месяцев, Старбак станет его союзником, хочет он того или нет.

— Значит, завтра вечером, — с озорством заявил Дилейни, подняв бокал с бренди, — в пять.

Старбак провел весь следующий день в муках от дурных предчувствий. Он не посмел рассказать Вашингтону Фалконеру о том, из-за чего страдал, даже Адаму не посмел, а хранил лихорадочное молчание, сопровождая отца и сына в Меканикс Холл на Франклин-стрит, где расположился штаб Роберта Ли.

Ли был повышен с должности командующего войсками Виргинии до главного военного советника

президента Конфедерации, но по-прежнему занимался своей работой в штате и, как сказали Фалконеру, выехал из столицы, чтобы проинспектировать некоторые укрепления, защищавшие устье реки Джеймс.

Изнуренный клерк, потеющий в приемной, объяснил, что генерал должен прибыть ближе к вечеру, или, возможно, на следующий день, и что назначить с ним встречу невозможно.

Всем просителям придется подождать. По меньшей мере человек двадцать уже ждали в приемной или на широкой лестнице. Вашингтона Фалконера возмутило, что его приняли за просителя, но он смог сохранить спокойствие, пока тикали часы, а над Ричмондом собирались темные тучи.

Без четверти пять Старбак спросил, нельзя ли ему уйти. Фалконер гневно повернулся в его сторону, как будто чтобы отказать в этой просьбе, но Старбак выпалил, что плохо себя чувствует:

— Мой желудок, сэр.

— Иди, — раздраженно откликнулся Фалконер, — иди. Он подождал, пока Старбак не спустился по лестнице, и повернулся к Адаму.

— Да что с ним такое, черт возьми? Дело не в желудке, уверен.

— Я не знаю, сэр.

— Женщина? Вот на что это все похоже. Он встретил старого друга? Кого? И почему он нам его не представил? Это шлюха, точно говорю, это шлюха.

— У Ната нет денег, — сухо произнес Адам.

— Я бы не был в этом так уверен, — Вашингтон Фалконер подошел к окну в конце лестничной площадки и мрачно уставился на улицу, где вокруг фургона с табаком, потерявшего колесо, собралась толпа чернокожих, предлагая вознице свои советы.

— Почему ты не уверен, отец? — спросил Адам.

Фалконер поразмыслил некоторое время, а потом повернулся к сыну:

— Помнишь наш рейд? Знаешь, почему Нат не подчинился моим приказам? Чтобы Траслоу смог ограбить пассажиров в вагонах. Боже мой, Адам, это были не боевые действия! Это было ограбление в чистом виде, а твой друг ему потворствовал. Он рискнул успехом операции, чтобы стать вором.

— Нат — не вор! — решительно запротестовал Адам.

— А я доверял ему вести дела в Ричмонде, — продолжал Вашингтон Фалконер, — и откуда мне теперь знать, что он вел их честно?

— Отец! — гневно произнес Адам. — Нат — не вор.

— А что тогда он делал в компании этого Траслоу?

— Это было..., — начал Адам, но не знал, что сказать, потому что был уверен в том, что его друг и правда украл деньги майора Трейбелла. — Нет, отец, — упрямо настаивал Адам, хотя и с меньшим напором.

— Хотел бы я разделить с тобой эту уверенность, — Фалконер мрачно опустил глаза к полу, покрытому пятнами высохшего табака, попавшего мимо плевательниц.

— Я даже больше не уверен в том, что Нату место здесь, на юге, — яростно заявил Фалконер и снова поднял голову, услышав стук сапог и голоса из холла внизу.

Наконец то прибыл Роберт Ли, и личность Старбака была моментально позабыта, потому что нужно было предложить Легион для участия в сражении.

Джордж, домашний раб Бельведера Дилейни, провел Старбака до парадной двери дома на Маршалл-стрит, где его поприветствовала женщина средних лет, выглядящая респектабельно и строго.

— Меня зовут Ричардсон, — представилась она Старбаку, — и мистер Дилейни полностью меня проинструктировал. Сюда, сэр, если желаете.

Это был бордель. Пораженный Старбак догадался об этом, когда его провели через коридор и мимо открытой двери гостиной, за которой сидела группа девушек, одетых в кружевные корсажи и белые нижние юбки.

Некоторые из них ему улыбнулись, а другие даже не подняли головы от своих карт, но Старбак споткнулся, поняв, чем занимались в этом комфортабельном, даже роскошном доме с темными коврами, стенами с бумажными обоями и пейзажами в золоченых рамах.

Это было то логово разврата, которому его отец предрекал вечные муки, место дьявольского отвращения и неприкрытого греха, в холле которого на лакированной стойке с бронзовыми крючками для одежды, подставкой для зонтов и зеркалом лежали три офицерских кепи, шелковый цилиндр и соломенная шляпа.

— Можете остаться на любое время, молодой человек, — сказала миссис Ричардсон, остановившись у стойки в холле, чтобы выполнить инструкции Дилейни, — и совершенно бесплатно. Пожалуйста, будьте аккуратны, перила на лестнице не очень прочные.

Миссис Ричардсон повела Старбака вверх по лестнице, которая освещалась масляной лампой с бахромой, свисающей с высокого потолка на длинной бронзовой цепи, стены были покрыты обоями с выпуклым рисунком. Старбак был в мундире, его сабля в ножнах неуклюже кладала о балясины.

Наверху лестницы его ожидала занавешенная арка, а за ней света было еще меньше, хотя Старбак мог разглядеть картины на стене с изображением обнаженных пар, и поначалу не поверил своим глазам, но потом посмотрел во второй раз и покраснел от увиденного.

В глубине совести он знал, что должен отсюда уйти. Всю свою жизнь Старбак колебался между грехом и праведностью и лучше чем кто-либо другой понимал, что платой за грех служит смерть, но даже если бы все ангелы с небес и все проповедники земли прокричали бы эти слова ему в уши, он бы не повернул обратно.

Он последовал за одетой в черное миссис Ричардсон по длинному коридору. Чернокожая служанка с прикрытой тканью чашей на подносе подошла с другой стороны и отодвинулась в сторону, чтобы позволить миссис Ричардсон пройти, а потом широко улыбнулась Старбаку.

Из ближайшей комнаты донесся смех, а из другой — возбужденные мужские вздохи. Завернув за миссис Ричардсон за угол, а потом последовав за ней вниз по короткой лестнице, Старбак почувствовал головокружение, почти как если бы он был готов упасть в обморок.

Они еще раз завернули за угол, поднялись по еще одной короткой лестнице, и наконец миссис Ричардсон вытащила связку ключей, выбрала один из них и всунула его в замочную скважину. Она немного помедлила, повернула ключ и распахнула дверь.

— Проходите, мистер Старбак.

Старбак нервно вошел в комнату. Дверь за ним закрылась, ключ повернулся в замке, и там была Салли. Живая. Она сидела в кресле с книгой на коленях и выглядела даже прекраснее, чем он ее помнил. Многие недели он пытался вызвать этот образ в своих снах, но теперь, снова столкнувшись с ее красотой в реальности, понял, насколько неадекватными были эти видения. Он был покорен ею.

Они уставились друг на друга. Старбак не знал, что сказать. Ножны его сабли тихо царапали дверь. Салли была в темно-синем платье, а ее волосы были собраны в тяжелый пучок на макушке, перевязанный бледно-голубыми лентами.

На ее щеке виднелся свежий шрам, не делающий ее менее прекрасной, но наоборот, на удивление еще более обворожительной. Шрам представлял собой белую полосу, идущую от левой скулы к уху. Она взглянула на него столь же удивленно, насколько он был взволнован, а потом закрыла маленькую книгу и отложила ее на столик рядом с собой.

— Это же священник! — похоже, она рада была его видеть.

— Салли? — голос Старбака дрожал. Он был взволнован, как ребенок.

— Теперь я Виктория. Как королева, — засмеялась Салли. — Мне дали новое имя, понимаешь? Так что я Виктория, — она помедлила. — Но ты можешь звать меня Салли.

— Тебя держат взаперти?

— Это чтобы не входили клиенты. Иногда мужчины становятся как безумные, по крайней мере, военные. Но я не пленница. У меня есть ключ, видишь? — она вытащила ключ из кармана платья.

— И я не должна говорить «типа». Миссис Ричардсон этого не любит. И еще она не велит мне говорить «ниггер». Это, типа, некрасиво. И она учит меня читать, — она показала Старбаку свою книгу. Это был букварь Макгилфи, самая первая книга из серии, которую Старбак читал в возрасте трех лет.

— Я делаю успехи, — с энтузиазмом произнесла Салли.

Старбаку хотелось зарыдать, он сам не понимал, почему. Она прекрасно выглядела, даже вполне счастливой, но было что-то жалкое в этом месте, что заставило его возненавидеть весь мир.

— Я волновался за тебя, — неуклюже заявил он.

— Как мило, — она коротко улыбнулась и пожала плечами. — Но со мной всё в порядке, в полном порядке. Разве что я не поставлю и кусок дерьма на то, что Итан Ридли обо мне беспокоится.

— Да, не думаю, что он беспокоится.

— Увижусь с ним в аду, — голос Салли зазвучал с горечью. Над городом прогрехотал раскат грома, а секундой позже застучал дождь. От капель туго натянутая на двух открытых окнах москитная сетка задрожала. В темноте молнии освещали небо на западе.

— У нас есть вино, — сказала Салли, вновь обретя бодрое расположение духа, — и холодная курица, видишь? И хлеб. И еще сладкие фрукты, видишь? И орехи. Миссис Ричардсон сказала, у меня будет особый посетитель, и девочки принесли всё это. Они хорошо о нас позаботились, видишь?

Она встала и подошла к одному из открытых окон, вглядываясь в бледные всполохи молний, сверкающие в надвигающемся мраке. Летняя атмосфера была тяжелой и удушающей, а просторная комната Салли, которая, на несведущий взгляд Старбака, выглядела удручающе обыкновенно, как хорошо меблированный номер в отеле, наполнилась запахом ричмондского табака. В комнате стоял небольшой ящик для угля около черного металлического камина с бронзовой решеткой, на стене с обоями в цветочек висел горный пейзаж в раме.

Там было два кресла, два стола и россыпь ковров и вездесущих плевательниц на отполированном деревянном полу. На широкой кровати с резным деревянным изголовьем лежала кipa белых подушек. Старбак прилагал все усилия, чтобы не смотреть на кровать, пока Салли рассматривала сквозь москитную сетку западный горизонт, где мелькали молнии.

— Иногда я смотрю в ту сторону и думаю о доме.

— Ты скучаешь по нему?

Она засмеялась.

— Мне здесь нравится, священник.

— Нат, зови меня Нат.

Она отвернулась от окна.

— Мне всегда хотелось стать настоящей леди, понимаешь? Я хотела иметь все эти прелестные вещи. Мама рассказывала мне о действительно прелестном доме, в котором она однажды побывала. Она сказала, что там есть свечи и картины, и мягкие ковры, и мне всегда этого хотелось. Я ненавидела свою жизнь там. Вставать в четыре утра и таскать воду, и всегда мерзнуть зимой. А руки всегда в мозолях. Даже кроват, — она замолчала, вытянув вперед руки, которые теперь были мягкими и белыми, а потом взяла сигару из банки на столе, где была расставлена еда.

— Хочешь закурить, Нат?

Старбак прошел по комнате, отрезал кончик сигары, зажег ее, а потом взял еще одну для себя.

— Как ты меня нашел? — спросила Салли.

— Отправился к брату Итана Ридли.

— К этому Дилейни? Станный тип, — заявила Салли. — Мне он нравится, думаю, что нравится, но он не такой, как Итан. Вот что я тебе скажу, если еще раз увижу Итана, клянусь, я убью этого сукиного сына. И плевать, что меня повесят, Нат, я его убью. Миссис Ричардсон божится, что ему не позволят со мной увидеться, если он здесь появится, но я надеюсь, что он это сделает. Надеюсь, что сукин сын сюда придет, и я насажу его на нож, как свинью, вот что я сделаю.

Она затащила сигару, так что ее кончик вспыхнул красным.

— Что произошло? — спросил Старбак.

Она пожала плечами, села в кресло у окна и рассказала, как приехала в Ричмонд, чтобы найти Итана Ридли. Три или четыре дня он вел себя дружелюбно, даже был добр к ней, а потом сказал, что им нужно сесть в экипаж, чтобы осмотреть несколько квартир, одну из которых он собирался для нее снять.

Но там оказались не квартиры, а двое мужчин, которые отвезли ее в какой-то подвал в восточной части города и избили, изнасиловали и снова избили, пока, наконец, она не стала послушной.

— Я потеряла ребенка, — тихо объяснила она, — но они этого и хотели, надо думать. В смысле, от меня им не было проку, пока я была беременна, только не здесь, — она махнула рукой в сторону комнаты, намекая на род своих занятий. — И, конечно, он всё это устроил.

— Ридли?

Салли кивнула.

— Он всё организовал. Он хотел от меня избавиться, понимаешь? И нанял этих двух типов. Один был ниггером, в смысле, чернокожим, а другой раньше был работником, понимаешь, в общем, они знали, как сломить человека, как бывало у моего папы, — она пожала плечами и повернулась к окну. — Думаю, меня тоже нужно было объездить.

— Не говори так! — потрясенно воскликнул Старбак.

— О, милый мой! — улыбнулась ему Салли. — Как, черт побери, в этом мире я бы смогла получить то,

чего хочу? У тебя есть ответ? Я, типа, не родилась богатенькой, у меня нет образования, чтобы стать богатой, всё, что у меня есть — это то, чего хотят мужчины, — она вытащила сигару и взяла у Старбака бокал с вином. — Многие девушки здесь начинали так же. В смысле, сначала их пришлось объездить. Это не слишком-то мило, и меня не заботит, увижу ли я снова тех двух типов, но теперь я здесь, и мне лучше.

— Они тебя запугали?

— Черт, ну конечно же, — она дотронулась до левой щеки. — Но это ведь не очень уродливо, да? Они и всякое другое проделывали. Типа, чтобы я помалкивала. У них была эта штуковина, которую используют на рабах, чтобы заткнуть им рот. Она обхватывает голову, а кусок железа всовывают сюда, — она продемонстрировала это, ткнув сигарой по губам, а потом пожала плечами. — Это не больно. Мне просто нужно было научиться быть паинькой, и тогда они перестали это использовать.

Старбака начало наполнять негодование.

— Кто были те двое?

— Просто мужчины, Нат. Неважно, — Салли сделала пренебрежительный жест, будто и правда не винила их в том, что случилось.

— Потом через месяц в дом пришел мистер Дилейни и сказал, что просто шокирован тем, что со мной случилось, и еще сказал, что во всём виноват Итан, и миссис Ричардсон тоже пришла, они меня забрали и такую суету вокруг меня подняли, а потом привезли сюда, и миссис Ричардсон сказала, что особого выбора у меня нет. Я могу остаться здесь и заработать денег или они отправят меня обратно на улицу. И вот я здесь.

— Ты бы наверняка могла поехать обратно домой, — предложил Старбак.

— Нет! — неистово запротестовала Салли. — Я не хочу жить дома, Нат! Отец всегда хотел, чтобы я родилась мальчиком. Он считает, что любой будет доволен, имея бревенчатый дом, двух охотничьих собак, топор и винтовку, но я мечтаю не об этом.

— Ты хочешь уйти? — Спросил её Старбак. — Уйти со мной?

Она с сожалением улыбнулась ему.

— И как ты собираешься это сделать, милый?

— Не знаю. Просто уйдем отсюда и направимся на север, — он махнул рукой в сторону темнеющего под ливнем неба, и даже когда он сделал это предложение, то понимал, насколько оно безнадежно.

Салли засмеялась над самой идеей о том, чтобы покинуть дом миссис Ричардсон.

— Здесь у меня есть всё, чего я хочу!

— Но...

— У меня есть всё, чего я хочу, — настаивала она. — Слушай, люди не очень-то отличаются от лошадей. Некоторые из них особенные, а некоторые — просто работяги. Миссис Ричардсон говорит, что я смогу стать особенной.

Она не допускает до меня кого попало, только особых клиентов. И еще она говорит, что я могу уйти отсюда, если какой-нибудь мужчина этого пожелает и заплатит за меня сколько полагается. В смысле, я и так могу уйти, но куда? Взгляни на меня!

У меня есть платья, вино, сигары и деньги. И я не всю жизнь буду этим заниматься. Видишь проезжающие экипажи с богатыми? Половина тех женщин начинали как я, Нат! — он говорила с убежденностью, а потом засмеялась, заметив его огорчение.

— А теперь послушай. Сними свою саблю, сядь поудобнее и расскажи мне про Легион. Осчастливь меня историей про то, как Итан застрелился. Ты знаешь, что этот сукин сын забрал кольцо моей мамы? То серебряное кольцо?

— Я тебе его верну.

— Нет! — она покачала головой. — Мама не хотела бы, чтобы это кольцо находилось в таком месте, но ты можешь отдать его папе, — она на секунду задумалась и грустно улыбнулась. — Он любил маму, действительно любил.

— Я знаю. Я видел его у её могилы.

— Конечно, видел, — она взяла засахаренную вишню и откусила половинку, а потом забралась на кресло с ногами. — Так почему ты не стал священником? Я часто об этом думаю.

И Старбак поведал ей о Бостоне и преподобном Элияле Старбаке, и о большом тягостном доме на Каштановой улице, который, казалось, всегда был наполнен угрожающей тишиной и родительским гневом, а еще запахом ваксы и масла для дерева, запахом библий и угольного дыма.

Над Ричмондом опустилась темнота, но ни Старбак, ни Салли не сдвинулись с места, чтобы зажечь свечи, они разговаривали о детстве и несбывшихся мечтах, и о том, как любовь постоянно ускользает сквозь пальцы, когда ты уже считаешь, что ухватил ее.

— Когда мама умерла, всё для меня пошло наперекосяк, — сказала Салли, а потом глубоко вздохнула и повернулась в темноте, чтобы взглянуть на Старбака. — Так ты считаешь, что останешься здесь? На Юге?

— Не знаю. Думаю, что да.

— Почему?

— Чтобы быть рядом с тобой? — он произнес это с легкостью, по-дружески, и она засмеялась. Старбак наклонился вперед, уперев локти в колени и гадая об истинном значении своих слов.

— Не знаю, что мне делать, — тихо вымолвил он. — Теперь я точно знаю, что не стану священником, но и правда не понимаю, чем еще я могу заняться. Думаю, что мог бы стать учителем, но совершенно не уверен, что хочу этого. Я не очень хороший бизнесмен, по крайней мере, я так думаю, и у меня нет денег, чтобы стать адвокатом, — он помолчал, потянувшись за уже третьей сигарой за вечер. Дилейни оказался прав, курение успокаивало.

— Милый, но что ты собираешься продавать? — с усмешкой спросила Салли.

— Меня хорошо научили продавать то, что есть у меня. А что есть у тебя? О нас никто не будет заботиться за так, Нат, это я усвоила. Разве что моя мама, но она умерла, а папа..., — она покачала головой.

Он хотел, чтобы я стояла у плиты, забивала свиней, держала птиц и была, типа, женщиной фермера. Но это всё не мое. А если ты не церковник, адвокат или там, типа, учитель, то кем же, черт подери, станешь?

— Вот кем, — он указал на саблю в дешевых ножнах, подпиравшую подоконник. — Я стану солдатом. Хорошим солдатом.

Странно, подумалось ему. Он никогда прежде не признавался в этом, даже самому себе. Но сейчас его слова внезапно обрели смысл.

— Я стану знаменитым, Салли. Я пронесусь сквозь эту войну как... как..., — он замолчал, пытаясь подобрать подходящее слово, когда внезапно дом сотряс раскат грома, и в ту же секунду над Ричмондом подобно языку огня сверкнула молния. — Как она! — воскликнул Старбак. — Прямо как она!

Салли улыбнулась, обнажив зубы, казавшиеся ослепительно белыми в темноте. Ее волосы в чуть осветившей тьму молнии казались темно-золотыми.

— Военным ты состояния не сделаешь, Нат.

— Да, наверное. Не сделаю.

— А я ведь дорого стою, милый, — наполовину шутливо поддела она.

— Я найду деньги.

Ее фигура чуть шевельнулась в темноте. Стройные руки, погасив сигару, потянулись.

— Они подарили тебе сегодняшнюю ночь. Не знаю уж, почему, но, полагаю, ты нравишься мистеру Дилейни, а?

— Полагаю, что да, — сердце Старбака заколотилось. Он подумал, что был слишком наивен в отношении Дилейни, а потом о том, как ему обязан, а потом еще и о том, как мало его знает. Как же он был слеп, решил Старбак, и как доверчив. — Дилейни владеет этим местом? — спросил он.

— Он совладелец, но я не знаю, какова его доля. Но он подарил тебе эту ночь, милый, всю ночь, прямо до завтрака, но после этого?

— Я сказал, что раздобуду денег, — Старбак дрожал и задыхался.

— Я тебе скажу, как сделать так, чтобы тебе хватило навсегда. Пока мы с тобой будем этого хотеть, — голос Салли звучал тихо на фоне дождя, барабанившего в темноте по крышам.

— Как? — было просто чудом, что Старбак вообще мог говорить, и это слово прозвучало как воронье карканье. — Как? — повторил он.

— Убей ради меня Итана.

— Убить Итана, — произнес Старбак, будто плохо расслышал, будто и не потратил последние дни, убеждая себя, что Итан — его враг, фантазируя в своих снах, как он сокрушит своего врага. — Убить его? — спросил он в ужасе.

— Убей этого сукиного сына ради меня. Просто убей его ради меня, — Салли помолчала. — Не то чтобы я, типа, возражала против своего пребывания здесь, Нат, может, это лучшее место для меня, но я ненавижу этого сукиного сына за то, что врал мне, ненавижу, что избавился от меня, наврав с три короба, и хочу, чтобы сукин сын сдох, и чтобы последним, что он услышит на этой земле, было мое имя, чтобы он не забыл о том, почему отправляется в ад. Ты сделаешь это для меня?

Боже ты мой, подумал Старбак, сколько же еще грехов будет завязано в этом мерзком узле? Сколько еще записей сделает ангел-хранитель в книге жизни агнца божьего? На какое искупление может надеяться человек, подумывающий об убийстве, не говоря уж о том, кто его совершил?

Насколько широки двери в преисподнюю, и насколько горячо пламя, насколько мучительно озеро адова пламени, и сколько продлится целая вечность, если сейчас он не встанет, не схватит саблю и не выбежит из этого логова порока под очищающий дождь. Боже мой, молился он, но это же ужасно, и если ты сейчас меня спасешь, я никогда больше не согрешу, никогда в жизни.

Он заглянул в глаза Салли, в её прекрасные глаза.

— Конечно, я убью его ради тебя, — услышал он свой голос.

— Хочешь перекусить сначала или после, милый?

Он будет великолепен, как белая вспышка молнии на темном небе.

Часть третья

Глава девятая

Приказы, пришедшие из Ричмонда, направляли Легион к железнодорожному узлу в Манассасе, где железная дорога Ориндж-Александрия пересекалась с веткой перевала Манассас.

Распоряжения пришли только спустя через три дня после возвращения Вашингтона Фалконера из Ричмонда, да и то распоряжение, похоже, было дано неохотно.

Приказ был отдан на имя старшего офицера полка округа Фалконер, словно ричмондские власти не хотели признавать заслуг Вашингтона Фалконера в наборе Легиона, но по крайней мере, они позволяли Легиону присоединиться к Северо-Виргинской армии генерала Борегара, как того требовал Фалконер.

Генерал Ли приложил коротенькую записку, сожалея о том, что не в его силах было приписать полк округа Фалконер к какому-либо определенному корпусу в армии Борегара, более того, он даже потрудился заметить, что в связи с тем, что власти были уведомлены о наличии полка в такой короткий срок, и так как полк не проходил никаких бригадных учений, он сомневался, сможет ли использовать полк в каких либо других целях кроме как особого назначения.

Вашингтону Фалконеру очень понравилось такое назначение, пока майор Пелэм не заметил сухо, что особое назначение обычно подразумевает охрану грузов, караулы на железной дороге и сопровождение пленных.

И если записка Ли была рассчитана уязвить Вашингтона Фалконера, то она попала в цель, хотя полковник и заявил, что ничего другого и не ожидал от слизняков из Ричмонда. Генерал Борегар, был уверен Фалконер, будет более приветлив. Самой главной заботой Фалконера было достичь Манассаса до окончания войны.

Крупные силы северян пересекли Потомак, и по имевшимся сведениям медленно продвигались навстречу армии конфедератов, а слухи в Ричмонде утверждали, что Борегар планировал провести мощный маневр по окружению, разгромив северных захватчиков.

Слухи добавляли, что если такое поражение не убедит Штаты требовать мира, то Борегар перейдет Потомак и захватит Вашингтон.

Полковник Фалконер мечтал проскакать на своем вороном жеребце, Саратогге, по ступеням незаконченного здания Капитолия, и ради исполнения этой мечты он готов был стерпеть худшее из оскорблений Ричмонда, и таким образом, через день после прибытия грубого приказа, Легион разбудили за два часа до рассвета с приказом убрать палатки и загрузить фургоны обоза.

Полковник рассчитывал на быстрый марш-бросок к железнодорожной станции в Роскилле, но, тем не менее, каким-то образом всё заняло гораздо больше времени, чем было рассчитано. Никто не был твердо уверен в том, как надо разбирать одиннадцать гигантских чугунных походных кухонь, купленных Фалконером, а также никто и не подумал распорядиться насчет доставки боеприпасов со склада в Семи Источниках.

Новости о походе побудили матерей, возлюбленных и жен солдат принести в лагерь последние подарки. Мужчины, уже отягощенные ранцами, оружием, одеялами и патронташами, были наделены шерстяными шарфами, плащами, кепками, револьверами, длинными охотничьими ножами, баночками с вареньем, мешочками с кофе, печеньем, а в это время солнце поднималось всё выше, а походные кухни

еще не были разобраны, одна из лошадей потеряла подкову, Вашингтон Фалконер кипел от злости, Дятел Бёрд посмеивался при виде сей неразберихи, а майора Пелэма хватил сердечный приступ.

— О Господи! — это был Литтл, капельмейстер, жаловавшийся Пелэму, что в повозках недостаточно места для его инструментов, когда неожиданно пожилой офицер издал странный булькающий звук, отчаянно вдохнул, и затем свалился с седла.

Люди побросали все свои дела и собрались вокруг неподвижного худого тела. Вашингтон Фалконер направил коня к вылупившим глаза зрителям и отогнал их назад своим хлыстом.

— Назад, за работу! Где доктор Дэнсон? Дэнсон!

Появился Дэнсон и склонился над неподвижным телом Пелэма, а затем объявил, что тот мертв.

— Сгорел, как свеча! — Дэнсон с усилием поднялся, засунув стетоскоп в карман. — Чертовски хороший способ уйти из жизни, Фалконер.

— Только не сегодня, нет. Черт тебя дери! Марш работать! — Он направил хлыст на глазеющего солдата. — Пошевеливайся, прочь отсюда! И кто, черт побери, скажет об этом сестре Пелэма?

— Не я, — заявил Дэнсон.

— Черт возьми! Почему он не мог умереть в бою? — Фалконер развернул лошадь. — Адам! У меня есть для тебя дело!

— Я должен пойти на станцию в Роскилл, сэр.

— Туда может отправиться Итан.

— Он доставляет боеприпасы.

— К черту Роскилл! Я хочу, чтобы ты пошел к мисс Пелэм. Передай ей мои соболезнования, ты знаешь что сказать. Отнеси ей цветы. И еще лучше, прихвати по дороге Мосса. Если священник не сможет утешить скорбящих, то тогда на черта он нам нужен?

— Ты хочешь, чтобы после этого я сходил в Роскилл?

— Пошли Старбака. Скажешь ему, что делать.

Старбак был не на лучшем счету у полковника после той ночи в Ричмонде, когда он отсутствовал до окончания завтрака, а затем отказался объяснить, где провел ночь.

— Ему и не нужно рассказывать тебе, чем он занимался, — пожаловался своему сыну тем утром Фалконер, — потому что это и так очевидно, но, может быть, он будет любезен сказать нам, кто она.

Теперь Нату было приказано поехать в Роскилл на станцию железной дороги Ориндж-Александрия и уведомить станционного смотрителя о прибытии Легиона.

Фалконер, являвшийся директором железной дороги, заранее послал письмо, в котором, предвидя приказы из Ричмонда, потребовал приготовить два поезда для отправки Легиона, но теперь кому-то надо было поехать на станцию и приказать машинистам разжечь топки и развести пары.

Один поезд будет состоять из директорского вагона, подготовленного для Фалконера и его адъютантов, и достаточного количества пассажирских вагонов второго класса, чтобы вместить девятьсот тридцать два солдата Легиона, тогда как второй поезд будет состоять из товарных вагонов для провианта и лошадей и открытых вагонов для повозок, пушек, передков и зарядных ящиков Легиона.

Адам вручил Старбаку копию отцовского письма и копии письменных приказов, отданных станционному смотрителю на рассвете.

— Ребята Розуэлла Дженкинса должны быть там в одиннадцать, хотя бог знает, будут ли они готовы к этому времени. Они собираются соорудить мостки.

— Мостки?

— Чтобы загнать лошадей в вагоны, — пояснил Адам. — Пожелай мне удачи. У мисс Пелэм не лучший характер. Боже мой.

Старбак пожелал своему другу удачи, затем оседлал Покахонтас и рысью выехал из беспорядочного лагеря, проскакал через весь город и дальше по дороге на Роскилл. Город, в котором находилась ближайшая к Фалконеру железнодорожная станция, был вдвое больше самого Фалконера, и построен в месте, где предгорья наконец уступали место равнине, простиравшейся до самого далекого моря.

Это была легкая поездка вниз по склону. День был жарким, и коровы на лугах стояли в тени деревьев или по брюхо в глубоких холодных ручьях. Вдоль дороги пестрели цветы, деревья отяжелели от листвы, и Старбак был счастлив.

В седельной сумке у него лежало письмо к Салли. Она хотела, чтобы он отправлял ей письма, и он пообещал писать так часто, как сможет. Его первое письмо было про последние дни учений и о том, что полковник подарил ему кобылу, Покахонтас. Он написал простенькое письмо с короткими словами и крупными и четкими буквами. Он признавался Салли в любви, и полагал, что так и есть, но то была странная любовь, скорее дружба, нежели губительная страсть, которую он испытывал к Доминик.

Старбак все еще ревновал Салли к мужчинам, с которыми ей предстояло переспать, любой мужчина ревновал бы на его месте, но у Салли не было и крошки этой ревности.

Ей необходима была его дружба, так же как и он нуждался в ней, ведь ту в ночь, разрываемую раскатами грома, они сблизилась, как два маленьких ребенка, нуждающиеся в утешении, и потом, счастливо лежа в постели, где курили сигары и слушали звуки утреннего дождя, договорились писать, или, вернее, Старбак согласился писать, тогда как Салли пообещала постараться прочесть его письма и однажды даже попытаться написать ответ, если Старбак даст слово чести не смеяться на ее попытках.

Он сделал остановку на почте Роскилла и отправил письмо, затем поехал на станцию. Смотритель оказался пухлым потеющий мужчина по фамилии Рейнольдс.

— Поездов нет, — поприветствовал Рейнольдс Старбака в своем маленьком кабинете рядом с телеграфной.

— Но мистер Фалконер, полковник Фалконер, специально просил о двух составах с паровозами.

— Да плевать я хотел, даже если сам Господь заказал вагоны! — Рейнольдс был тучным мужчиной, истекавшим потом в своей шерстяной железнодорожной форме, и вне всяких сомнений, уставшим от крайностей, которые привнесло военное время в его аккуратный распорядок.

— На всей железной дороге только шестнадцать паровозов, и десять из них ушли на север перевозить войска. Мы должны вести дела как железная дорога, но как я могу соблюдать порядок, если всем нужны паровозы? Я не могу вам помочь! Меня не волнует то, что Фалконер — директор, плевать я хотел даже если бы все директора просили вагоны, я ничего не могу сделать!

— Вы должны помочь, — сказал Старбак.

— Я не могу сотворить тебе вагоны, паренек! Не могу достать паровозы! — Рейнольдс перегнулся через стол, пот стекал по его лицу на рыжую бороду и усы. — Я не волшебник!

— Зато я волшебник, — заявил Старбак и, выхватив револьвер Сэвиджа из кобуры у пояса, направил его чуть в сторону от Рейнольдса и спустил курок. Дым и грохот наполнили комнату, а тяжелая пуля

пробила деревянную стену, оставив рваное расщепленное отверстие. Старбак вложил дымящийся пистолет в кобуру.

— Я вам не паренек, мистер Рейнольдс, — спокойно сообщил Старбак потрясенному зрителю, — а офицер армии Конфедеративных Штатов Америки, и если вы еще раз оскорбите меня, я просто поставлю вас к стенке и пристрелю.

На какое-то мгновение Старбак подумал, что Рейнольдс последует за майором Пелэмом в преждевременную могилу.

— Да вы сумасшедший! — наконец выговорил железнодорожник.

— Думаю, в этом есть доля правды, — спокойно согласился Старбак, — но я стреляю лучше, когда зол, чем когда спокоен, так что давайте лучше обсудим, как мы собираемся перевезти Легион Фалконера на север к узлу Манассаса, хорошо? — улыбнулся он.

Это Салли, решил он, это она вдохнула в него это спокойствие. Он и в самом деле был доволен собой. Черт возьми, подумал он, из меня выходит неплохой солдат.

Тем не менее, Рейнольдс полагал, что в радиусе пятидесяти миль не найти ни одного свободного пассажирского вагона. Всё, чем он располагал на станции — это семнадцать старых закрытых товарных вагонов.

— А как выглядят эти закрытые товарные вагоны? — вежливо поинтересовался Старбак, и перепуганный зритель указал пальцем через окно на товарный вагон.

— Мы зовем их закрытыми товарными вагонами, — ответил он тем же нервным голосом, каким успокаивал телеграфиста и двух помощников, которые вбежали в его офис, чтобы узнать причину стрельбы.

— А сколько людей можно поместить в этот закрытый товарный вагон? — спросил Старбак.

— Пятьдесят? Может, шестьдесят?

— Тогда у нас достаточно вагонов.

Легион еще не достиг намеченной Фалконером цифры в тысячу человек, но было набрано более девятисот, получилось внушительное подразделение.

— Какие еще у вас есть вагоны? — осведомился Старбак.

Было еще два полувагона, которые оказались просто открытыми вагонами, и всё. Один из полувагонов и восемь товарных отчаянно нуждались в починке, хотя, по мнению Рейнольдса, их можно было использовать, но только на минимально возможной скорости.

Он утверждал, что паровозов не осталось, но стоило Старбаку положить руку на свой огромный Сэвидж, к Рейнольдсу внезапно вернулась память, и он вспомнил о локомотиве, который должен был пройти через станцию по пути в Линчбург, чтобы потащить груженные лесом вагоны, предназначенные для постройки береговых фортов.

— Отлично, — одобрил Старбак. — Остановите паровоз и развернете его обратно.

— Здесь нет поворотного депо.

— Движение задним ходом возможно?

— Да, сэр, — кивнул Рейнольдс.

— Сколько отсюда до Манассаса?

— Сотня миль, сэр.

— Значит, отправимся на войну задним ходом, — удовлетворенно заключил Старбак.

Вашингтон Фалконер, прибывший с кавалерийским отрядом Легиона на станцию, был очень и очень зол.

Он ожидал два поезда с прицепленным к одному из них личным вагоном начальника, а вместо этого его встречали лишь взбунтовавшийся инженер с развернутым в обратную сторону локомотивом и тендером в связке с семнадцатью товарными и двумя полувагонами. Работник телеграфной станции пытался объяснить Линчбургу, почему это вдруг им стоит забыть о паровозе, а Рейнольдс пытался расчистить путь на север мимо Шарлотсвилла.

— Бога Ради, Нат! — кипел полковник. — Что за чертов бардак?

— Издержки военного времени, сэр?

— Черт, мои приказы были вполне доступными для понимания! Ты и с простейшими вещами не можешь разобраться?! — он умчался, дабы обрушить праведный гнев на ворчащего инженера.

Адам бросил взгляд на Старбака и пожал плечами:

— Извини. Он сейчас не самый счастливый человек.

— Как там мисс Пелэм?

— Ужасно. Просто кошмар, — Адам покачал головой. — Скоро, Нат, еще больше женщин получат те же новости. И их будут сотни.

Адам обернулся к улице, ведущей на станцию, когда в поле зрения появились первые пехотинцы Легиона. Колонну на марше с обеих сторон окружали две беспорядочные группы — жены, матери и дети. Некоторые несли ранцы, чтобы хоть как-то облегчить ношу мужчин.

— Боже, ну и бардак, — сказал Адам. — Предполагалось, что мы выступим три часа назад!

— Говорят, на войне ничто никогда не идет по плану, — жизнерадостно заметил Старбак. — А если и идет, скорее всего, это обман. Надо привыкнуть к бардаку. И извлекать из него максимум пользы.

— Отцу вряд ли это удастся, — признался Адам.

— Значит, ему повезло, что у него есть я, — Старбак дружелюбно улыбнулся Ридли, появившемуся вместе с Легионом. Нат решил, что будет крайне любезен с Итаном до конца жизни последнего. Ридли его проигнорировал.

Полковник планировал с комфортом обустроить Легион в вагонах к десяти часам утра, но лишь в пять часов вечера единственный состав потащился на север.

Пехоте, запасу провизии на три дня и боеприпасам места хватило, а вот всему остальному — нет. Офицерские лошади и слуги поместились в двух полувагонах.

Полковник путешествовал в служебном вагоне, прибывшем вместе с локомотивом, остальные же разместились в товарных. Полковник, серьезно относившийся к своим обязанностям начальника ветки, строго приказал сохранить вагоны нетронутыми вплоть до узла в Манассасе. Однако стоило ему об этом заикнуться, сержант Траслоу тут же пробил дыру в боку вагона неведь где найденным топором.

— Ребятам нужны свет и воздух, — буркнул он полковнику, снова занося топор. Фалконер отвернулся, словно не замечая, как Легион с энтузиазмом принялся за обустройство вентиляции вагонов.

Для кавалерии, двух шестифунтовиков с зарядными ящиками и передками, чугунных походных печек

и повозок места не хватило.

Палатки Легиона были закинута в вагоны в последний момент, капельмейстер Литтл прихватил свои инструменты, выдав их за медикаменты.

В суете погрузки едва ли не были забыты знамена Легиона, но Адам углядел оставленные на зарядном ящике кожаные чехлы и загрузил их в служебный вагон.

На станции царил настоящий хаос — женщины и дети в последний раз прощались с мужчинами, солдаты осушали фляжки и наполняли их из пробитых в цистерне с водой отверстий.

Фалконер выкрикивал последние приказы кавалеристам, артиллеристам и обозу с повозками, которым придется передвигаться по дороге.

Он рассчитывал, что им понадобится три дня, тогда как железнодорожному составу, пусть и с пробитыми буксами, хватит и одного.

— Увидимся в Манассасе! — сказал полковник, адресуясь лейтенанту Дейвису, старшему конвоя. — А может, и в Вашингтоне!

Анна Фалконер, прибывшая из Фалконера на своей двуколке, настояла на вручении маленьких флажков Конфедерации, которые она со служанками вышила в Семи Источниках.

Ее отец, недовольный задержкой, приказал машинисту дать сигнал, чтобы собрать людей по вагонам, но звук свистящего пара напугал некоторых лошадей, и один из темнокожих слуг сломал себе ногу, когда его лягнула кобыла капитана Хинтона.

Слугу унесли с поезда, и во время этой задержки двое солдат из пятой роты решили, что не хотят воевать, и дезертировали, а трое других настояли на дозволении немедленно присоединиться к Легиону и забрались в поезд.

Наконец, в пять часов поезд двинулся в путь. Его скорость не превышала десяти миль в час из-за сломанных осевых буксов, и он полз на север, как черепаха, лязгая колесами на стыках и уныло звеня колоколом среди заливных лугов и зеленых полей.

Полковник всё ещё был зол из-за сегодняшних проволочек, но солдаты находились в отличном настроении и весело распевали, пока поезд пыхтя оставлял позади холмы, дымя среди деревьев. Они оставили позади конвой с фургонами, пушками и кавалерией и медленно двигались в ночь.

Путешествие на поезде заняло почти два дня. Битком набитые вагоны простояли в ожидании двенадцать часов на станции в Гордонвилле, еще три часа в Уоррентоне и бесконечное ожидали загрузки на тендер дров или заполнения цистерн с водой, но в конце концов в жаркий субботний полдень они добрались до станции Манассас, где располагалась ставка армии Северной Виргинии.

Никто в Манассасе не знал о прибытии Легиона или что с ним делать, в конечном счете штабной офицер направил Легион к северо-востоку от небольшого городка, к проселочной дороге, которая вилась посреди небольших крутых холмов.

Остальные войска стали лагерем в низине, орудия разместили у ворот фермы, и присутствие других войск придавало солдатам Легиона полное тревоги чувство, что они стали частью крупного предприятия, суть которого никто из них не мог себе по-настоящему уяснить.

До этого времени они были Легионом Фалконера, находясь в полной безопасности в Фалконере, возглавляемые полковником Фалконером, но поезд неожиданно занес их в незнакомые места, где они затерялись в этом непонятном и неконтролируемом процессе.

Уже почти стемнело, когда штабной офицер указал на фермерский дом, находившейся справа от

дороги на широком, лишенном растительности плато.

— Ферме всё ещё занята, — сказал он Фалконеру, — но похоже, что этот луг пустует, так что располагайтесь.

— Мне необходимо увидеться с Борегаром, — Фалконер был раздражен из-за всей этой вечерней неразберихи. Он хотел точно знать, где они сейчас находятся, а штабной офицер не мог дать ответ, полковник хотел со всей определенностью понимать, каких действий ждут от его Легиона, но штабной офицер и этого не знал. Не было ни карт, ни каких-либо приказов, ни малейшего представления о том, где они находятся.

— Я должен сегодня же увидеть Борегара, — настаивал на своем Фалконер.

— Я полагаю, генерал будет действительно рад вас видеть, полковник, — тактично ответил штабной офицер, — но я считаю, что всё же лучше будет подождать до утра. Скажем, часов этак в шесть?

— Ожидается сражение? — напыщенно спросил Фалконер.

— Думаю, может, и завтра, — штабной офицер пыхнул сигарой. — Янки где-то там, — он ткнул горячей сигарой куда-то на восток, — и полагаю, мы пересечем реку, чтобы с ними поздороваться, но генерал не отдаст приказа до утра. Я вам объясню, как его найти, и будьте там в шесть, полковник. Это даст вам время, ребята, чтобы успеть помолиться.

— Помолиться? — тон Фалконера предполагал, что штабной офицер тронулся умом.

— Завтра день Господа, полковник, — с укором отозвался капитан, и так оно и было, потому что следующий день был воскресеньем, 21 июля 1861 года. И Америка будет сломлена сражением.

К двум часам ночи в воскресенье воздух уже был удушающе горячим и безветренным. До восхода солнца оставалось еще два с половиной часа, и на безоблачном ярком небе еще сияли звезды.

Большая часть солдат, хотя и протащили свои палатки целых пять миль от железнодорожного узла до фермы, спали на открытом воздухе. Старбак проснулся и увидел небеса с рассыпанными на них холодными белыми светящимися точками, они были прекраснее, чем что-либо на земле.

— Пора вставать, — произнес рядом Адам.

Солдаты просыпались по всему холму. Они кашляли и ругались, повышая голоса от нервного возбуждения. Где-то в темноте долины звякнула сбруя и заржала лошадь, а со стороны лагеря зазвучала труба, призывая в побудке, этот звук отразился эхом от дальнего темного склона.

У фермерского дома на холме с тусклым светом из-за занавешенных окон прокукарекал петух. Залаяли собаки, а повара загремели котелками и чайниками.

— «Хлопочут оружейники, — Старбак по-прежнему лежал на спине, пристально вглядываясь в небо, — скрепляя на рыцарях доспехи молотком, растет зловещий шум приготовлений».[\[13\]](#)

В другое время Адам получил бы удовольствие, продолжив цитату, но он был в подавленном состоянии и промолчал. Вдоль рядов Легиона вновь разожгли костры, бросающие яркие огни на полураздетых людей, стойки с винтовками и белые конические палатки. Звезды мерцали сквозь густеющий дым.

Старбак по-прежнему смотрел на небо.

— «Браня тоскливую, хромую ночь, — снова процитировал он, — Что, словно ведьма старая, влачится так медленно»[\[14\]](#).

Цитированием он пытался скрыть свое волнение. Сегодня, думал он, я увижу слона.

Адам промолчал. Он чувствовал, что находится на грани страшного хаоса, похожего на бездну, сквозь которую сатана попал в потерянный рай, и именно это означала война для Америки, печально подумал Адам, — потеря невинности, потеря удивительного совершенства. Он присоединился к Легиону, чтобы угодить отцу, а теперь мог поплатиться за эту уступку.

— Не желаете кофе, масса? — Нельсон, слуга Фалконера, принес две жестяные кружки с кофе с огня, который он поддерживал всю ночь позади палатки Фалконера.

— Ты прекрасный человек, Нельсон, — Старбак встал и потянулся за кофе.

Сержант Траслоу орал на одиннадцатую роту, где кто-то жаловался на отсутствие ведра для воды, и Траслоу кричал на парня, требуя прекратить скулеж и пойти стянуть чертово ведро.

— Ты, похоже, не нервничаешь, — Адам отпил кофе, скривившись из-за резкого вкуса.

— Конечно же, я волнуюсь, — ответил Старбак. На самом деле мрачное предчувствие зашевелилось его нутре, как змеи в потревоженном гнезде. — Но думаю, что могу стать хорошим военным.

Было ли это правдой, или он просто хотел выдать желаемое за действительное? Или просто бахвалился перед Салли?

Неужели всё из-за этого? Бравада, рассчитанная впечатлить девушку?

— Я не должен находиться здесь, — сказал Адам.

— Ерунда, — бодро заявил Старбак. — Переживи один день, Адам, всего лишь один день, а потом поможешь заключить мир.

В начале четвертого в расположении полка появились два всадника. Один из них нес лампу, которой освещал путь к вершине холма.

— Кто вы? — прокричал второй.

— Легион Фалконера, — отозвался Адам.

— Легион Фалконера? Боже! Так теперь с нами Легион? Чертовы Янки могут спокойно сдаваться, — говорящий был низеньким лысеющим мужчиной с пронзительными черными глазами-пуговками, которые сердито смотрели с немытого лица поверх грязных темных усов и всклокоченной бороды лопатой.

Он соскользнул с седла и вступил в полосу света, отбрасываемую костром, выставив на обозрение свои невероятно худые ноги, согнутые, как острые створки моллюска, которые совсем не сочетались с его большим животом и широким мускулистым торсом.

— Кто здесь главный? — спросил незнакомец.

— Мой отец, — ответил Адам, — полковник Фалконер, — он указал на палатку отца.

— Фалконер! — незнакомец повернулся к палатке. На нем была потрепанная форма Конфедерации, в руке он держал коричневую фетровую шляпу, такую потертую и грязную, что ее с презрением отверг бы даже кроппер [\[15\]](#).

— Я здесь! — палатка полковника освещалась фонарями, которые отбрасывали гротескные тени всякий раз, когда он проходил перед ними. — Кто это?

— Эванс. Полковник Натан Эванс, — не дожидаясь приглашения, он раздвинул полог палатки Фалконера.

— Я слышал, вчера ночью сюда прибыли войска, и подумал, что стоит поприветствовать вас. У меня полубригада чуть выше, у каменного моста, и если эти засранцы-янки решат пойти по Уоррентон-Пайк, то

тогда между Эйбом Линкольном и орлеанскими шлюхами не будет никого кроме нас. Это кофе или виски, Фалконер?

— Кофе, — полковник был сдержан, видимо, недовольный бестактной фамильярностью Эванса.

— Виски у меня с собой, но сперва я хлебну кофе, премного благодарен, полковник.

Старбак наблюдал, как тень Эванса пила кофе полковника.

— Чего я от вас хочу, Фалконер, — потребовал Эванс, когда кофе был выпит, — так это чтоб вы передвинули своих ребят вниз по дороге, а затем вверх к деревянному мосту, вот сюда, — очевидно, он раскрыл карту, которую разложил на постели Фалконера.

— Поблизости от моста куча бревен, и я думаю, если вы будете держать своих ребят в укрытии, тогда эти сукины дети янки даже не узнают, что вы там. Конечно, в итоге мы можем оказаться так же бесполезны, как пара яиц у священника-скопца, но, может, и нет.

Штабной офицер Эванса закурил сигару и бросил беглый взгляд на Адама и Старбака. Таддеус Бёрд, Итан Ридли и по крайней мере еще с десятка солдат открыто прислушались к разговору в палатке.

— Я не понимаю, — сказал Фалконер.

— Это несложно, — Эванс сделал паузу, и послышался чиркающий звук, когда он зажег спичку, чтобы прикурить сигару.

— Янки находятся за рекой. Они хотят продолжить движение на станцию Манассас. Захватив ее, они отрежут нас от армии в долине. Им противостоит Борегар, но он не из тех, кто ждет, пока по нему ударят, поэтому он планирует атаковать их левый фланг, для нас правый, — Эванс показывал маневр на своей карте.

— Итак, у Борегара большая часть нашей армии на правом фланге. Отсюда на восток, по крайней мере, две мили от нас, и если он застегнет свои штаны до полудня, то, возможно, атакует сегодня чуть позже. Он зайдет ублюдкам в тыл и перебьет сколько сможет. Это, конечно, отлично, Фалконер, но предположим, сукины дети первыми решат атаковать нас, а? И предположим, северяне не такие уж и тупые, какими обычно бывают, и вместо того чтобы двигаться нам прямо в лоб, они попытаются обойти наш левый фланг? Тогда мы единственные, кто их остановит. По правде говоря, между нами и Мексикой никого нет, Фалконер, и что если эти сифилитики действительно решат наступать на этот фланг? — Эванс хихикнул.

— Вот почему я рад, что вы находитесь здесь, полковник.

— Вы хотите сказать, что я в подчинении у вашей бригады? — спросил Фалконер.

— У меня нет приказов для вас, если вы это имеете ввиду, но иначе какого хрена вас послали сюда?

— Я встречаюсь с генералом Борегаром в шесть часов утра, чтобы прояснить этот вопрос, — ответил Фалконер.

В разговоре возникла пауза, Эванс, очевидно, откупорил фляжку, приложился к ней, а затем закрутил крышку.

— Полковник, — наконец сказал он, какого дьявола вас поставили сюда? Это левый фланг. Сукиных детей вроде нас решат поставить на позицию в последнюю очередь. Мы находимся здесь, полковник, на случай, если чертовы янки пойдут в атаку по Уоррентон-Пайк.

— Я еще не получил приказов, — настаивал Фалконер.

— Так чего вы ждете? Пока хреновы ангелы запоют? Бога ради, Фалконер, нам нужны люди на этом

фланге! — Натан Эванс почти потерял терпение, но сделал усилие, чтобы снова объяснить всё спокойно.

— Борегар планирует двинуть на северян правым флангом, но что если эти говеные янки решат сами атаковать южан? Что мне прикажете делать? Расцеловать их? Попросить обождать, пока вы получите чертовы приказы?

— Я должен получить приказ от Борегара, — упрямылся Фалконер, — и только от него.

— Тогда пока вы ждете эти чертовы приказы, почему бы вам не передвинуть ваш хренов Легион к деревянному мосту? Тогда если вы понадобится, то сможете перейти по каменному мосту через Ран и протянуть руку помощи моим ребятам.

— Я не сдвину с места, — настаивал Фалконер, — пока не получу соответствующие приказы.

— Боже ты мой, — пробормотал Адам в ответ на упорство отца.

Спор растянулся еще на пару минут, но никто не хотел уступать. Богач Фалконер не привык подчиняться приказам, по меньшей мере, со стороны какого-то мелкого, кривоногого грубияна и дикаря вроде Натана Эванса, который, оставив попытки заманить Легион в свою бригаду, выскочил из палатки и запрыгнул в седло.

— Пошли, Медоуз, — рявкнул он своему адъютанту, и оба галопом ускакали в темноту.

— Адам! — прокричал Фалконер. — Дятел!

— Ага, заместитель командира вызван к великому вождю, — язвительно произнес Бёрд, последовав за Адамом в палатку.

— Вы это слышали? — прогремел Фалконер.

— Да, отец.

— Значит, вы оба понимаете, что будете игнорировать любые приказы со стороны этого человека. Я привезу приказы от Борегара.

— Да, отец, — повторил Адам.

Майор Бёрд не был столь любезен.

— Вы приказываете мне не подчиняться прямым командам старшего по званию?

— Я говорю, что Натан Эванс — болван и пьяница, — заявил полковник, — а я потратил целое состояние на этот прекрасный полк не для того, чтобы наблюдать, как его бросают в эти пьяные лапы.

— Так мне не нужно подчиняться его приказам? — настаивал Бёрд.

— Это значит, что вы подчиняетесь моим приказам, и ничьм другим, — сказал полковник. — Черт возьми, если сражение будет на правом фланге, то именно там мы и должны находиться, а не торчать на левом фланге со всякими отбросами. Я хочу, чтобы Легион был готов выступить через час. Сложить палатки и выстроиться в боевой порядок.

Легион выступил в половине пятого, к этому времени вершину холма озарил сумеречный свет, вдалеке темнели силуэты других холмов, а потом в этой непроницаемой тьме зажглись таинственные красные огоньки далеких костров.

В бледном сером свете зари можно было разглядеть, что все ближайшие поля были заставлены повозками и телегами, которые придавали пейзажу странное сходство с утренним пикником после окончания проповеди, разве что из этих повозок торчали дьявольские силуэты пушек и передков для них, а также походных кузниц.

Дым от догорающих костров стелился в низинах под угасающими звездами, как туман. Где-то оркестр заиграл «Дом, милый дом», а солдат из второй роты подхватил слова, не попадая в ноты, пока сержант не приказал ему заткнуться.

Легион ждал. Их тяжелое снаряжение, одеяла, подстилки и палатки были сложены в тылу, так чтобы солдаты несли на сражение лишь оружие, заплечные мешки с провизией и фляжки.

Вокруг них армия незаметно для глаз занимала позиции. Дозорные всматривались в противоположный берег реки, канониры потягивали кофе рядом со своими чудовищными орудиями, кавалеристы поили лошадей в дюжине ручьев, протекающих через луг, а помощники полевых хирургов щипали корпию для перевязок или натачивали скальпели и пилы для костей.

Несколько офицеров с важным видом проскакали галопом через поля по своим загадочным делам, исчезнув в темноте.

Старбак сидел на Покахонтас как раз позади знаменосцев Легиона и думал, не чудится ли ему это. И правда предстоит сражение? Вышедший из себя Эванс сделал так много намеков, что все, похоже, его ожидали, но пока не было видно ни одного признака врага.

Он почти хотел, чтобы эти ожидания сбылись, но с другой стороны, был в ужасе от того, что они могли сбыться. Умом он понимал, что сражение — это хаос, жестокость и горечь, но не мог избавиться от убеждения, что оно в конечном итоге будет увенчано славой и каким-то странным спокойствием.

В книгах воины с суровыми лицами ждали, когда смогут различить белки глаз врагов [\[16\]](#), а потом открывали огонь и одерживали великие победы. Лошади становились на дыбы, флаги развевались на чистом ветру, под ними в благопристойных позах, словно во сне, лежали убитые, а не испытывающие боли умирающие произносили прекрасные слова о своей стране и матерях.

Солдаты умирали так же просто, как майор Пелэм. Господи Иисусе, взмолился Старбак, внезапно охваченный ужасом, вонзившимся в его мысли, словно пила, только не дай мне погибнуть. Я сожалею обо всех своих грехах, о каждом из них, даже о Салли, и никогда больше не согрешу, если ты оставишь меня в живых.

Он дрожал, несмотря на то, что вспотел под плотным шерстяным кителем и панталонами. Где-то слева от него кто-то выкрикнул приказ, но голос был далеким и едва слышным, как зов прикованного к постели больного из дальней комнаты.

Солнце еще не встало, хотя восточный горизонт окрасился розовым сиянием и стало достаточно светло, чтобы полковник Фалконер смог медленно осмотреть ряды легионеров. Он напомнил солдатам о семьях, оставленных в округе Фалконер, о женах, любимых и детях.

Он заверил их, что войну устроили не южане, это выбор Севера.

— Мы просто хотим, чтобы нас оставили в покое, разве это так ужасно? — вопрошал он. Не то чтобы кто-нибудь нуждался в ободряющих словах полковника, но Фалконер знал, что от командира ждут, что он поднимет дух своих солдат в утро перед битвой, и потому убеждал Легион, что их дело правое, а те, кто сражаются за правое дело, не должны бояться поражения.

Адам осматривал сложенный багаж Легиона, но теперь прискакал обратно к Старбаку. Лошадь Адама была одной из лучших из конюшни Фалконера — высокий гнедой жеребец, вычищенный до блеска и прекрасный, высокомерный аристократ мира животных, в такой же степени, как Фалконеры являлись повелителями на фоне простых людей. Адам кивнул в сторону маленькогодомишки с тусклым светом из окон, чей силуэт вырисовывался на вершине холма.

— Они прислали слугу, чтобы узнать у нас, безопасно ли там оставаться.

— И что ты ответил?

— Что я мог ответить? Я даже не знаю, что сегодня произойдет. Но знаешь ли ты, кто там живет?

— Откуда мне такое знать?

— Вдова того хирурга, который подписал Декларацию о независимости. Ну не странное ли совпадение? Его фамилия была Генри, — голос Адама звучал неестественно, словно он прилагает все усилия, чтобы сдержать эмоции.

Он надел военный мундир с тремя капитанскими металлическими полосками на воротнике ради своего отца, потому что сделать это было проще, чем облачиться во власяницу мученика, но сегодня ему придется заплатить истинную цену за эту уступку, и мысли об этом вызывали у него тошноту.

Он обмахивал лицо широкополой шляпой и посмотрел на восток, где безоблачное небо выглядело как полотнище из старого серебра, тронутое проблесками огненного золота.

— Можешь представить, какая жара настанет к полудню? — спросил Адам.

Старбак улыбнулся.

— «Как в горнило кладут вместе серебро, и медь, и железо, и свинец, и олово, чтобы раздуть на них огонь и расплавить; так я во гневе моем и в ярости моей соберу, и положу, и расплавлю вас», — он представил самого себя корчащимся в пламени горнила, грешника, горящего за свои прегрешения. — Иезекииль, — объяснил он Адаму, по выражению лица которого можно было понять, что он не узнал цитату.

— Не слишком-то ободряющий текст для воскресного утра, — отозвался Адам, неосознанно пожившись при мысли о том, что может принести этот день. — ты и правда считаешь, что можешь стать хорошим военным? — поинтересовался он.

— Да.

Во всём остальном он потерпел провал, с горечью подумал Старбак.

— По крайней мере, выглядишь, как солдат, — сказал Адам с оттенком зависти.

— Выгляжу как солдат? — весело спросил Старбак.

— Как в романе Вальтера Скотта, — быстро ответил Адам. — Может, как Айвенго?

Старбак засмеялся.

— Моя бабушка Макфейл всегда говорила, что у меня лицо священника. Как у отца.

А Салли сказала, что у него такие же глаза, как у ее отца.

Адам снова натянул шляпу.

— Полагаю, твой отец сегодня утром будет призывать кару небесную на головы всех рабовладельцев? — он просто пытался поддержать беседу, на любую тему, лишь шум, чтобы отвлечься от размышлений об ужасах войны.

— Проклятия и адское пламя без сомнения будут призваны на помощь делу северян. — согласился Старбак, в его голове всплыло видение его уютного бостонского дома, где просыпаются младшие братья и сестры, готовясь к утренним семейным молитвам. Помолятся ли они за него этим утром?

Его старшая сестра точно не будет молиться. В свои девятнадцать Эллен-Марджори Старбак уже переняла вздорные средневековые понятия.

Она была помолвлена с священником конгрегатской церкви из Нью-Хэмпшира, человеком безмерной

злости и расчетливой жестокости, и вместо того чтобы верить Натаниеля Богу, она, без сомнения, будет молиться за его старшего брата Джеймса, который, как полагал Старбак, наденет военную форму, хотя он в жизни не смог бы представить себе косного и педантичного Джеймса сражающимся. Джеймс мог бы стать отличным штабистом в Вашингтоне или Бостоне, составляя бесполезные списки или вводя детальные инструкции.

Младшие помолятся за Старбака, хотя в силу сложившихся обстоятельств их молитвы должны быть безмолвны, в противном случае они вызовут гнев преподобного Элияла.

Это будут шестнадцатилетний Фредерик-Джордж, родившийся с парализованной левой рукой, пятнадцатилетняя Марта-Абигейл, больше всех напоминавшая Старбака своей внешностью и характером, и самый младший двенадцатилетний Самуэль-Вашингтон Старбак, который хотел стать капитаном китобойца. Пятеро других детей умерли в раннем детстве.

— О чем ты думаешь? — неожиданно спросил его Адам, вне себя от волнения.

— Размышлял о прошлом своей семьи, — ответил Старбак, — и том, какое же оно застойное.

— Застойное?

— Ограниченное. Мое, по крайней мере.

И детство Салли, подумал он. Может, даже и прошлое Итана Ридли, хотя Старбак не хотел поддаваться чувству жалости к человеку, которого должен убить. Убьет ли? Он мельком взглянул на Итана Ридли, который сидел неподвижно на фоне зари. Одним делом было думать об убийстве, решил Старбак, и совсем другим — претворить мысль в жизнь.

Далекие ружейные выстрелы рассеяли последние тени убывающей тьмы.

— О Боже, — Адам произнес эти слова, молясь за свою страну. Он смотрел на восток, хотя там не было ничего, кроме шелестящей в дальних лесах листвы, где просачивающийся свет ярко осветил зелень на фоне серого пейзажа. Где-то там, среди этих холмов и деревьев, ждал враг, хотя были ли эти выстрелы первым признаком сражения или просто ложной тревогой, никто бы не сказал.

Новый приступ страха сотряс Старбака. Он боялся смерти, но еще больше боялся проявить свой страх. Если ему и суждено умереть, то он бы предпочел романтическую смерть рядом с Салли.

Он пытался вспомнить всю сладость той грозовой ночи, когда она лежала в его объятиях, и подобно детям они наблюдали за вспышками молний, прочерчивающих небо. Как же могла одна ночь так изменить человека?

Боже ты мой, подумал Старбак, но той ночью он словно заново родился, и эта мысль была столь же порочной и греховной, как и всё то, о чем он грезил, но он не мог придумать иного описания тому, что чувствует. Он прошел от сомнений к уверенности, от мук к радости, от отчаяния к триумфу.

То было магическое преображение, о котором проповедовал его отец и о котором он и сам часто молился, и наконец он его испытал, но его изменила не милость Спасителя, это посвящение дьяволу погрузило его душу в покой.

— Ты меня слушаешь, Нат? — Адам явно безуспешно пытался что-то сказать. — Это отец. Он нас зовет.

— Конечно, — Старбак последовал за Адамом на правый фланг Легиона, располагавшийся за первой ротой, где полковник Фалконер заканчивал смотр войск.

— До того, как я отправлюсь к Борегару, — неловко начал Фалконер, словно не был уверен в своих действиях, — я подумывал провести рекогносцировку местности в том направлении, — он указал на север,

за левым флангом армии.

Голос полковника звучал так, будто он пытался убедить самого себя, что он и правда настоящий военный на настоящем поле битвы.

— Не хотел бы ты поехать? Мне нужно убедиться, что Эванс ошибается. Нет смысла здесь оставаться, если в тех лесах нет никаких янки. — Как ты относишься к тому, чтобы немного проехаться галопом, Нат?

Старбак понял, что полковник находится в лучшем расположении духа, чем казалось, потому что тот называл его Натом, а не Старбаком.

— С удовольствием, сэр.

— Тогда пошли. И ты тоже, Адам.

Отец с сыном повели Старбака вниз по холму, где у перекрестка в тени деревьев возвышался каменный дом. Усталые лошади со скрипом и звоном тащили по основной дороге два артиллерийских орудия.

Полковник проскакал между пушками и свернул на перекрестке на север. Дорога поднималась на высокий холм между погруженными в тень пастбищами, к покрытой лесом вершине, где полковник остановился.

Фалконер вытащил из футляра и раздвинул подзорную трубу в кожаном переплете, направив ее на север, к дальнему холму, на котором возвышалась простая деревянная церковь. Среди скользящих в темноте холма теней не было заметно никакого движения, как и в целом на окружающей местности.

На некотором расстоянии находилась выкрашенная в белый цвет ферма, а вокруг — густые леса, но ни один солдат не нарушал эту пастораль. Полковник долго вглядывался в сторону далекой церкви на холме, а потом сложил подзорную трубу.

— Судя по карте того болвана Эванса, это церковь Садли. Там внизу есть несколько бродов, но никаких янки в поле зрения. Кроме тебя, Нат.

Старбак воспринял последнее замечание как шутку.

— Я почтенный виргинец, сэр. Помните?

— Больше нет, Нат, — жестко произнес Фалконер. — Это не разведка местности, Нат. Янки никогда не зашли бы так далеко на север. Я привел тебя сюда, чтобы попрощаться.

Старбак вытаращил глаза на полковника, гадая, было ли это какого-то рода тщательно продуманный розыгрыш. Похоже, что нет.

— Прощаться, сэр? — запинаясь, повторил он.

— Это не твоя драка, Нат, а Виргиния — не твоя страна.

— Но, сэр...

— Поэтому я посылаю тебя домой, — полковник отмел слабые возражения Старбака с твердой любезностью, как мог бы говорить с бесполезным щенком, которого, несмотря на то, что тот и смог бы его развлечь в будущем, собирался пристрелить одним выстрелом в голову.

— У меня нет дома, — Старбак хотел, чтобы эти слова прозвучали вызывающе, но вышло какое-то жалкое блеяние.

— Конечно, есть, Нат. Я написал твоему отцу шесть недель назад, и он был достаточно любезен, чтобы мне ответить. Его письмо с белым флагом доставили на прошлой неделе. Вот оно, — полковник

достал сложенную бумагу из сумки на поясе и протянул ее Старбаку.

Старбак не сдвинулся с места.

— Возьми его, Нат, — поторопил Адам своего друга.

— Ты об этом знал? — Старбак в ярости обернулся к Адаму, испугавшись, что друг его предал.

— Я рассказал Адаму этим утром, — вмешался полковник. — Но это сделал я, а не Адам.

— Сэр, но вы не понимаете! — воззвал Старбак к полковнику.

— Как раз понимаю, Нат, понимаю! — полковник Фалконер снисходительно улыбнулся. — Ты пылкий молодой человек, и в этом нет ничего плохого. Я тоже был импульсивным, но не могу позволить, чтобы юношеская горячность сделала тебя мятежником. Этого не будет, ей-богу. Никто не должен сражаться против собственной страны из-за юношеской ошибки. Так что я определил твою судьбу, — твердо произнес полковник, снова протянув письмо Старбаку, которому на этот раз пришлось его взять.

— Твой брат Джеймс находится в армии Макдауэлла, — продолжал полковник, — и он приложил разрешение, которое позволит тебе безопасно пройти через ряды северян. Как только ты минувешь пикеты, тебе следует найти своего брата. Боюсь, тебе придется отдать мне саблю и пистолет, но я оставлю тебе Покахонтас. И седло! Дорогущее седло, Нат, — он добавил последние слова в качестве приманки, которая должна была примирить Старбака с его неожиданной судьбой.

— Но сэр..., - снова попытался выразить протест Старбак, в этот раз в его глазах стояли слезы. Он чувствовал горький стыд от этих слез и попытался их смахнуть, но одна капля всё равно вытекла из его правого глаза и пробежала вниз по щеке. — Сэр! Я хочу остаться с Легионом!

Фалконер улыбнулся.

— Очень мило с твоей стороны, Нат, и правда мило. И я очень это ценю. Но нет. Это не твоя драка.

— Северяне могут думать и по-другому, — Теперь Старбак пытался говорить вызывающе, будто полковник наживал себе страшного врага, отсылая его.

— Могут, Нат, могут. И если тебе придется сражаться против нас, я буду молиться, чтобы ты выжил и воссоединился со своими виргинскими друзьями. Не так ли, Адам?

— Именно так, отец, — с теплотой подтвердил Адам, собираясь пожать руку Старбаку.

Старбак не отреагировал. Самым большим оскорблением было не в том, что его выгнали из Легиона, а в том, что полковник был о нём такого низкого мнения, и потому он попытался разъяснить свои расцветающие надежды на то, чтобы стать военным.

— Я и правда думаю, сэр, что военное дело — это та профессия, в которой я смогу преуспеть. Я хочу быть вам полезным. Отплатить вам за гостеприимство и доброту, показав, на что я способен.

— Нат! Нат! — прервал его полковник.

— Ты не военный. Ты студент-теолог, попавший в западню. Разве ты этого не видишь? Но твоя семья и друзья не собираются допустить, чтобы ты разрушил свою жизнь из-за какой-то коварной девицы. Тебе преподали хороший урок, но теперь настало время вернуться в Бостон и принять прощение родителей. И создать новое будущее! Твой отец объявил, что ты можешь оставить надежды стать священником, но у него на тебя другие планы, и чем бы ты не занялся, Нат, я уверен, ты преуспеешь.

— Это правда, Нат, — ободряюще произнес Адам.

— Позвольте мне остаться всего лишь на еще один день, сэр — умолял Старбак.

— Нет, Нат, ни часом дольше. Я не могу сделать тебя предателем в глазах твоей семьи. Это будет не по-христиански, — полковник наклонился к Старбаку. — Отстегни портупею, Нат.

Старбак подчинился. Во всём, что бы он ни предпринимал, он потерпел провал, размышлял он. Теперь, когда его военная карьера превратилась в руины, даже не начавшись, он отстегнул свою неуклюжую саблю и тяжелый пистолет в поношенной кожаной кобуре и протянул их законному владельцу.

— Мне хотелось бы, чтобы вы еще раз подумали, сэр.

— Я обдумал всё это самым тщательным образом, Нат, — нетерпеливо заявил полковник, а потом добавил менее раздраженным тоном: — Ты бостонец, уроженец Массачусетса, и потому отличаешься от нас, южан. Твоя судьба не здесь, Нат, а на Севере. Без сомнения, когда-нибудь ты станешь великим человеком. Ты умен, хотя, может, и не слишком, и не должен растрачивать свой ум на войну. Отправляйся обратно в Массачусетс и следуй планам своего отца.

Старбак не знал, что еще сказать. Он чувствовал себя униженным. Он так отчаянно хотел контролировать собственную жизнь, но всегда нуждался в чьих-то деньгах, чтобы выжить — сначала это были деньги его отца, потом Доминик, а теперь полковника Фалконера.

Адам Фалконер таким же образом зависел от семьи, но с легкостью вписался в общество, в то время как Старбак всегда ощущал неловкость от того, что находится не на своем месте.

И еще он ненавидел свой возраст, разрыв между юностью и зрелостью казался таким огромным, что его невозможно было преодолеть, хотя последние несколько недель он и решил, что сможет стать хорошим военным и тем выковать свою независимость.

Полковник ткнул Покахонтас в морду.

— Здесь нет войск северян, Нат. Следуй по дороге, пока не доберешься до бродов у церкви, пересечешь реку и поезжай по дороге в сторону восходящего солнца. Ты не обнаружишь янки еще добрых несколько миль и зайдешь к ним с тыла, и значит, тебя вряд ли подстрелит какой-нибудь нервный часовой. И сними китель, Нат.

— Это обязательно?

— Обязательно. Ты же не хочешь, чтобы враги решили, что ты южанин? Хочешь, чтобы тебя подстрелили без причины? Сними его, Нат.

Старбак стащил серый китель с единственной металлической нашивкой, обозначавшей его чин младшего лейтенанта. Он никогда не ощущал себя настоящим офицером, даже скромным младшим лейтенантом, но без мундира он был ни кем иным, как просто неудачником, отправленным домой с поджатым хвостом.

— Где будет происходить сражение, сэр? — спросил он тонким мальчишеским голосом.

— Очень далеко отсюда, — полковник указал на восток, где солнце наконец-то появилось у горизонта, излучая жаркое сияние, как из горнила. Там, очень далеко от правого фланга конфедератов, Вашингтон Фалконер рассчитывал присоединиться к атаке, которая сокрушит янки. — Здесь ничего не произойдет, — сказал Фалконер, — вот почему они поставили этого бесполезного мерзавца Эванса на этот фланг.

— Позвольте мне пожелать вам удачи, сэр, — голос Старбака звучал очень официально, когда он протянул руку.

— Спасибо, Нат, — полковнику удалось придать своему тону искреннюю благодарность за это пожелание. — И окажи мне любезность, прими это, — он протянул ему небольшой полотняный кошелек,

но Старбак не принял подарок. Он отчаянно нуждался в деньгах, но был слишком горд, чтобы их взять.

— Я справлюсь, сэр.

— Тебе виднее! — улыбнулся полковник, забирая кошелек обратно.

— И благослови тебя Бог, Нат, — энергично произнес в сторону своего друга Адам. — Я сохраню твои вещи и пришлю их, когда закончится война. К концу года наверняка. В дом твоего отца?

— Полагаю, что да, — Старбак пожал протянутую руку друга, натянул поводья и с силой стукнул каблуками. Он ехал быстро, чтобы Фалконеры не смогли увидеть его слез.

— Он с трудом это перенес, — воскликнул полковник Фалконер, когда Старбак уже не мог его услышать, — чертовски трудно! — с удивлением повторил он. — Он и правда думал, что сможет добиться успехов на военной службе?

— Так он сказал мне этим утром.

Полковник Фалконер печально покачал головой.

— Он северянин, а в нынешние времена можно доверять только себе, а не незнакомцам. И кто знает, кому он на самом деле хранит верность?

— Нам, — печально заявил Адам, наблюдая, как Нат скачет галопом вниз по холму, к дальнему лесу за церковью. — И он честный человек, отец.

— Хотел бы я разделять твою уверенность. У меня нет доказательств, что Нат вольно обращался с нашими деньгами, Адам, но без него мне гораздо лучше. Я знаю, что он твой друг, но мы не оказываем ему услугу, удерживая вдали от дома.

— Думаю, это так, — почтительно подтвердил Адам, потому что действительно полагал, что Старбаку нужно примириться с семьей.

— Я возлагал на него надежды, — нравоучительно заявил полковник, — но все эти дети священников одинаковы. Стоит отпустить их с привязи, Адам, и они начинают вести себя как безумные. Совершают все грехи, которые не могли позволить себе их отцы или не смели позволить. Это как воспитывать ребенка в кондитерской лавке и запрещать ему притрагиваться к сладкому, так что неудивительно, что они ныряют в это с головой, как только становятся свободными, — Фалконер закурил сигару и выдохнул струю дыма в сторону зари.

— Правда в том, Адам, что всё определяет кровь, и боюсь, что у твоего друга она неподходящая. Он не сможет удержать курс. Потому что такова его семья. Каково их происхождение? Они из квакеров Нантакета?

— Полагаю, что так, — сдержанно заметил Адам. Он всё еще страдал из-за того, что произошло со Старбаком, хотя и признавал, что это лучший выход для его друга.

— И отец Ната ушел от квакеров, чтобы стать кальвинистом, а теперь Нат хочет сбежать от кальвинистов, чтобы стать кем? Южанином? — полковник расхохотался.

— Этому не бывать, Адам, просто не бывать. Даю слово, он даже позволил этой шлюхе из труппы «Дяди Тома» оставить его ни с чем! Он слишком слаб. И правда слаб, а хорошие солдаты должны твердо стоять на ногах, — полковник натянул поводья.

— Солнце встало! Время спустить псов войны! — он развернулся на юг и пришпорил коня, туда, где армия конфедератов готовилась к сражению около небольшой речушки под названием Булл-Ран, лежащей в двадцати шести милях к западу от Вашингтона, у города Манассас суверенного штата Виргиния, который

когда-то входил в состав Соединенных Штатов Америки, разделенной ныне по воле Господа на два государства и готовящейся вступить в битву.

Старбак с бешеной скоростью неся вниз по длинному склону в сторону дальнего леса, где он свернул с проселочной дороги в тень деревьев. Он дернул поводья слишком резко, и Покахонтас, протестуя от боли, замедлила бег и остановилась.

— Мне плевать, будь ты проклята, — рявкнул Старбак на лошадь, выдернул правую ногу из стремя и соскользнул с седла. Из чащи крикнула птица.

Он не знал, что это за птица. Он умел распознавать кардиналов, голубых соек, синиц и чаек. И всё. Раньше он считал, что знает, как выглядят орлы, но когда увидел одного из них в Фалконере, солдаты из третьей роты подняли его на смех.

По их словам, это был не орел, а полосатый ястреб. Любой дурак это знал, но только не младший лейтенант Старбак. Боже, подумал он, во всё его ждал провал.

Он привязал поводья к низкой ветке и опустил на высокую траву, облокотившись о ствол. Когда он вынул из кармана смятые бумаги, застрекотал сверчок.

Встающее солнце озарило верхушки деревьев своим светом, просачиваясь сквозь летнюю листву. Старбак боялся открыть письмо, но знал, что рано или поздно ему придется встретиться лицом к лицу с отцовской яростью, и лучше уж на бумаге, чем в затхлом бостонском кабинете с рядами книг, на стенах которого преподобный Элиял развешивал свои палки для битья, как другие вешали удочки или шпаги.

«И испытаете наказание за грех ваш, которое постигнет вас»^[17], — то была любимая цитата преподобного Элияла, погребальный плач над детством Старбака и постоянный девиз для частых побоев крючковатыми палками. Старбак развернул сложенные листы.

Старбак развернул прилагавшийся пропуск, который гласил:

Старбак улыбнулся тому, как помпезно подписался его брат. Значит, Джеймс стал офицером штаба армии северян?

Неплохо для Джеймса, подумал Старбак, а потом заключил, что не стоит особо этому удивляться, потому что его старший брат был амбициозным и исполнительным, хорошим адвокатом и добрым христианином, Джеймс и впрямь обладал всеми теми качествами, которые его отец хотел видеть в своих сыновьях, а кем был Старбак? Мятежником, которого выпроводили из армии мятежников. Человеком, который влюбляется в шлюх. Неудачником.

Он оставил два листка бумаги на траве. Где-то вдали раздался ружейный выстрел, но звук был приглушенным и в надвигающемся теплом деньке казался бывшему младшему лейтенанту Старбаку невероятно далеким.

Он гадал, что теперь готовила ему жизнь. Похоже, он не станет ни священником, распеваящим гимны, ни военным, а превратится в ученика адвоката в конторе кузена Харрисона Макфейла в Салеме, штат Массачусетс.

Боже мой, размышлял Старбак, неужели ему придется учиться у этого скупого и безжалостного человека, иссохшего от моральных добродетелей? Такая мрачная судьба уготована человеку, которого поманил шелест нижних юбок?

Он встал, отвязал Покахонтас и медленно пошел на север, обмахивая лицо шляпой. Лошадь мирно последовала за ним, ее копыта глубоко погружались в грязную дорогу, бегущую вниз по холму между небольшими неогороженными пастбищами и лесом. На выгоревшем лугу тянулись длинные тени от

деревьев.

Чуть справа от Старбака находился фермерский дом и огромный стог сена. Ферма выглядела покинутой. Звук выстрела из винтовки затих в тяжелом воздухе, как заканчиваются все мелкие стычки, и Старбак подумал, что ему повезло участвовать во всём этом несколько последних недель. Это были благотворные недели, проведенные на открытом воздухе за игрой в солдатики, но теперь всё закончилось.

Его накрыла волна жалости к самому себе. У него не было друзей, он был бесполезен и никому не нужен, он был такой же жертвой, как и Салли, и Старбак вспомнил об обещании отомстить за нее, убив Ридли. Столько глупых мечтаний, подумал он, столько глупых мечтаний.

Дорога поднялась к еще одному леску, а потом пошла вниз, к недостроенной железнодорожной насыпи, за которой находились два брода под названием Садли. Он сел на Покахонтас и пересек речушку, бросив взгляд на церковь за белой оградой на вершине холма, а потом повернул на восток, через более глубокую и широкую Булл-Ран.

Он позволил лошади напиться. Вода быстро бежала по округлой гальке. Солнце било ему в глаза, огромное, сияющее и ослепляющее, как огонь Иезекииля, плавящий металл в горниле.

Он пришпорил лошадь на выезде из реки и поскакал по лугу к манящей тени еще одной рощи, где замедлил темп, инстинктивно сопротивляясь той праведной жизни, которую описал в своем послании его отец.

Он этого не сделает! Не сделает! Вместо этого, как решил Старбак, он присоединится к армии северян. Запишется рядовым в какой-нибудь полк, где его никто не узнает.

Он вспомнил о данном Салли обещании убить Итана и пожалел о том, что не сможет его сдержать, а потом вообразил, как встречается с Ридли на поле боя и бросается вперед со штыком, пригвождая своего врага к земле. Представляя себя солдатом армии северян, сражающимся за своих, он поскакал медленнее.

Звук выстрелов едва уловимо изменился. Сначала он постепенно затихал в летнем воздухе, но теперь снова стал громче, ритмичнее и более четким.

Он не отдавал себе отчета в этой перемене, поскольку был слишком поглощен жалостью к самому себе, но последовав по небольшому изгибу дороги, понял, что звук шел вовсе не от выстрелов, это был звук топоров.

Солдатских топоров.

Старбак остановил лошадь и просто уставился на них. Солдаты с топорами находились примерно в сотне шагов. Они были обнажены по пояс, а лезвия блестили, отражая солнечные лучи, и во все стороны из-под ударов разлетались яркие щепки.

Они работали у баррикады из поваленных деревьев, полностью перегородившей узкую дорогу. Половина дорог на севере Виргинии была подобным образом заблокирована патриотами, пытавшимися воспрепятствовать вторжению северян, и в какой-то момент Старбак предположил, что наткнулся на местных жителей, сооружающих очередное препятствие. Но тогда почему они набрасывались на баррикаду с топорами?

А позади мужчин с топорами стояли лошади, снаряженные цепями, чтобы оттащить бревна с дороги, а за лошадьми, наполовину скрытые в глубокой тени, толпились люди в синих мундирах, над которыми на косом древке под лучами только что взошедшего солнца развевался флаг.

Звездно-полосатый флаг. И Старбак внезапно осознал, что это были янки, северяне, на дороге, где, как предполагалось, их быть не должно, и не просто горстка, а целая армия солдат в синих мундирах,

терпеливо ожидающих, пока авангард расчистит узкую дорогу.

— Эй ты! — крикнул Старбаку человек с офицерским галуном на мундире из-за наполовину разобранного завала. — Стой где стоишь! Стой, слышишь?

Старбак стоял с вытаращенными глазами и идиотским видом, но, по правде говоря, он прекрасно понял, что происходит. Северяне обдурили южан. Их план состоял не в том, чтобы в лоб двинуть на Манассас, и не в том, чтобы дожидаться, пока южане ударят им в левый фланг, а в том, чтобы самим атаковать здесь незащищенный левый фланг конфедератов, таким образом прорвавшись глубоко в подбрюшье армии южан, разделить ее, разорвать и разделаться с ней, чтобы крохи, оставшиеся от мятежников, погибли в чудовищной неразберихе при резне, устроенной в день отдыха Господня.

И внезапно Старбак догадался, что бригадный генерал Макдауэлл собирается устроить свою версию битвы при Фермопилах, неожиданный маневр по окружению наградит персов-янки победой над греками-конфедератами.

И Старбак, осознав всё это, понял, что ему больше нет нужды ни становиться солдатом армии северян, ни нарушать обещание, данное шлюхе-южанке. Он был спасен.

Глава десятая

— Фалконеру следует быть здесь, — майор Таддеус Бёрд бросил сердитый взгляд в сторону восходящего солнца. Может, у Бёрда и была собственная точка зрения на управление войсками, но оставшись командовать Легионом Фалконера, он не чувствовал полной уверенности, что действительно хочет получить эту ответственность, чтобы претворить в жизнь свои идеи. — Ему следует быть здесь, — повторил он.

— Солдатам нудно знать, что их командир находится вместе с ними, а не валяет дурака, скача где-то верхом. Твой будущий тесть, — обратился он к Итану Ридли, — слишком увлечен прогулками в обществе четвероногих, — майор посчитал это замечание остроумным, поднял угловатую голову и разразился смехом. — Прогулки в обществе четвероногих, ха!

— Полагаю, полковник занимается разведкой местности, — запротестовал Итан Ридли. Он видел, что с Фалконером уехал и Старбак, и заревновал, что его не пригласили. Черед два месяца Ридли станет зятем Вашингтона Фалконера, со всеми привилегиями, которые предполагает такого рода родство, но по-прежнему опасался, что кто-нибудь может узурпировать его место в сердце полковника.

— Ты полагаешь, что полковник занимается разведкой местности? — посмеялся над этим предположением майор Бёрд.

— Фалконер валяет дурака, вот чем он занимается. Мой зять превратно представляет себе военное дело как какой-то спорт, как охоту или скачки, но это просто резня, Итан, просто резня. Наша задача — превратиться в эффективных мясников. У меня был замечательный дядя, работавший мясником в Балтиморе, и потому я чувствую, что военное дело наверняка у меня в крови. У тебя нет таких удачных предков, Итан?

Ридли благоразумно не стал отвечать. Он сидел верхом рядом с Бёрдом, который, по своему обыкновению был пешим, а Легион устроился на траве, наблюдая, как бледнеют и съеживаются ночные тени на окружающей местности, и гадая, что принесет этот день. Большинство было озадачено.

Они знали, что добирались сюда два дня, но куда они приехали и чего от них ожидают, они не понимали. Итан Ридли, пытаясь найти ответы на те же тревожные вопросы, решил, что Таддеус Бёрд его просветит.

— Едва ли кто-либо знает, что сегодня произойдет, — ответил Таддеус Бёрд. — Историей правит не разум, Итан, а идиотизм полных кретин.

Итан пожал плечами, чтобы попытаться добиться разумного ответа.

— Они рассчитывают, что у нас двадцать тысяч человек, так?

— Кто это «они»? — невозмутимо поинтересовался майор Бёрд, намеренно пытаясь разозлить Ридли.

— Тогда сколько у нашей армии людей? — сделал еще одну попытку Ридли.

— Я их не считал, — ответил Бёрд. По слухам, которые ходят в Манассасе, армия Северной Виргинии Борегара насчитывает чуть меньше двадцати тысяч человек, но никто не может быть уверен.

— А у врага? — спросил Итан.

— Кто знает? Двадцать тысяч? Тридцать? Как песчинок в море? Несметные полчища? Если я предположу, что двадцать тысяч, это тебя осчастливит?

Действительно, никто не знал, сколько северян пересекли Потомак, вторгнувшись в Виргинию. По

слухам, их было не меньше пятидесяти тысяч, но ни один американец до сих пор не командовал армией и в половину этого размера, так что Таддеус Бёрд этим слухам не верил.

— И мы пойдем в атаку с правого фланга? Это ты слышал? — обычно Ридли старался избегать Таддеуса Бёрда, потому что находил педантизм этого учителя с клочковатой бородой крайне раздражающим, но его нервозность в ожидании сражения сделала приемлемой даже компанию Бёрда.

— В основном, слухи ходят об этом, точно, — Бёрд не был склонен упростить жизнь Ридли, которого считал опаснейшим идиотом, и потому не добавил, что в этих слухах явно есть рациональное зерно.

Правый фланг конфедератов, где стояла большая часть армии Борегара, защищал прямую дорогу из Вашингтона до Манассаса. Если армия федералистов захватила бы железнодорожный узел, то вся Северная Виргиния была бы потеряна, так что здравый смысл подсказывал, что генерал Борегар может надеяться одержать победу, отогнав врага от уязвимой железной дороги, а враг, похоже, надеялся на быстрый триумф, захватив жизненно важный узел.

Ничто, конечно же, не исключало и более умных действий, как то атаки во фланг, но Бёрд, находящийся на этом фланге, не видел никаких свидетельств тому, что какая-либо из армий рискнет пойти на такой изощренный маневр, как окружение другой, и потому предположил, что обе армии планируют атаковать в одном и том же месте. Он дернул головой взад-вперед при приятной мысли о том, что обе армии собираются предпринять наступление одновременно, и что левый фланг северян наткнется на продвигающийся правый фланг мятежников.

— Но если будет сражение, — заметил Ридли, пытаюсь, главным образом, добиться того, чтобы спор не вышел за рамки приличия, — наша текущая позиция очень далека от арены военных действий?

Бёрд кивнул в решительном согласии.

— Господь, в таком случае, проявил к нам милосердие. Мы и правда находимся так далеко на правом фланге, насколько это вообще возможно, чтобы полк при этом всё же считался частью армии, если мы действительно часть армии, а не очень-то похоже, пока мой зять не получит приказы, которые понравятся ему больше, чем те, что отдал ему этот малопрятный Эванс.

— Полковник лишь хочет принять участие в сражении, — попытался защитить Итан своего будущего тестя.

Бёрд поднял глаза на сидящего верхом Ридли.

— Я часто задаю себе вопрос, как стало возможным, чтобы моя сестра вышла за человека, которого настолько превосходит интеллектуально, но брак, тем не менее, оказался на удивление удачным, — Бёрд явно наслаждался собой.

— Если по-честному, Итан, не думаю, что полковник и сам знает, что он делает. Я полагаю, что мы должны подчиниться приказам Эванса на том основании, что находясь здесь, на левом фланге, мы меньше рискуем пасть смертью храбрых, чем те, что на правом фланге. Но что значит мое мнение? Я лишь скромный учитель и заместитель командующего, — фыркнул он.

— Ты не хочешь драться? — спросил Ридли, как он рассчитывал, с явным презрением.

— Конечно, не хочу! Я буду драться, если придется, и надеюсь, что сделаю это по-умному, но самым разумным желанием, конечно же, является избежать сражения. С какой стати человек в здравом уме должен желать сражаться?

— Потому что мы не хотим, чтобы янки сегодня победили.

— Так и есть, но я также не хочу сегодня умереть, и если мне предстоит выбор — стать кормом для

червей или склониться перед правлением республиканцев Линкольна, я уж точно выберу жизнь! — Бёрд засмеялся, дергая головой взад-вперед, а потом, заметив какое-то движение в долине, резко прекратил эти дурацкие движения. — Неужели великий Ахилл к нам вернулся?

На дороге Уоррентон появились два всадника. Солнце еще не взошло достаточно высоко, чтобы его косые лучи проникли в долину, и всадники находились в тени, но Ридли, чьи глаза были моложе, а зрение острее, чем у Бёрда, узнал Фалконеров.

— Это полковник и Адам.

— Но где же Старбак, а? Думаешь, он пал во время разведки местности, Итан? Тебе бы это понравилось, не так ли? Что в Старбаке такого, что вызывает твою неприязнь? Его приятная внешность? Его мозги?

Итан отказался удостоить ответом этот насмешливый вопрос, а просто наблюдал, как отец и сын задержались на перекрестке, чтобы перемолвиться несколькими словами, а потом разделились. Полковник проигнорировал своих солдат на вершине холма и направился на юг, а Адам рысью поскакал вверх по холму.

— Отец поехал к Борегару, — объяснил Адам, достигнув плато, на котором ожидал Легион. Его конь задрожал, ткнув носом в кобылу Ридли.

— А до того? — поинтересовался Бёрд. — Итан уверяет, что вы проводили рекогносцировку, но я решил, что вы просто валяете дурака.

— Отец хотел посмотреть, есть ли северяне на дороге Садли, — неуклюже объяснил Адам.

— А они там есть? — спросил в насмешливом беспокойстве.

— Нет, дядя.

— Хвала Господу. Мы снова можем вздохнуть свободно. О, милая земля свободы! — Бёрд воздел руку к небесам.

— И отец хочет, чтобы ты отправил в отставку Ната, — продолжил Адам всё тем же натянутым тоном. Он держал саблю Старбака, пистолет и китель.

— Что твой отец хочет? — удивился Бёрд.

— Уволить Ната, — повторил Адам. — Выписать из книг.

— Я понимаю, что означает «отправить в отставку», Адам. И с радостью зачеркну Старбака в книгах Легиона, если твой отец на этом настаивает, но тебе придется назвать мне причину. Он мертв? Следует ли мы вписать имя Старбака в список почтенных героев-южан? Должен ли я считать его дезертиром? Он угас от внезапного приступа истерии? Аккуратное ведение бухгалтерских книг требует объяснений, Адам, — говоря всю эту чепуху, майор Бёрд пристально рассматривал племянника.

— Он вышел в отставку, дядя! Вот и всё! А отец хочет, чтобы его имя вычеркнули из книг Легиона.

Майор Бёрд быстро моргнул, качнул головой взад-вперед и запустил свои грязные ногти в длинную спутанную бороду.

— Зачем вы отправили человека в отставку прямо перед началом сражения? Я спрашиваю, лишь чтобы понять все тонкости военного дела.

— Отец так решил, — Адам гадал, почему его дядя из всего устраивает светопредставление. — Он полагает, что Нату следует отправиться домой.

— Сейчас? Сегодня? В это самое мгновение? Домой в Бостон?

— Да, именно так.

— Но почему? — настаивал Бёрд.

Ридли засмеялся:

— Почему бы нет?

— Чертовски хороший вопрос, — издевательски заметил Бёрд — в три раза сложнее моего. Почему? — снова потребовал он ответа у Адама.

Адам ничего не сказал, он просто сидел с мундиром и оружием Ната, неловко сложенными на луке седла, и потому Итан Ридли решил нарушить это молчание насмешливым ответом:

— Потому что в наши дни нельзя доверять северянину.

— Конечно, Нату можно доверять, — раздраженно парировал Адам.

— Ты так ему верен, — заявил Ридли с совершенно отвратительной ухмылкой, но больше ничего не добавил.

Бёрд с Адамом ждали от него дальнейших объяснений.

— Помимо комплимента моему племяннику, — произнес, наконец, Бёрд с сарказмом, — можешь ли ты нам растолковать, почему не стоит доверять Старбаку? Просто из-за места его рождения?

— Да Бога ради! — сказал Ридли, словно ответ был настолько очевиден, что он уронил свое достоинство, даже просто упомянув об этом, не говоря уж об ответе.

— Ну, может, хотя бы ради меня? — настаивал Бёрд.

— Он приехал в Ричмонд как раз после падения Форта Самптера. Это вам ни о чем не говорит? И воспользовался твоей дружбой, Адам, чтобы заручиться доверием полковника, но зачем? С какой стати сын этого сукиного сына Элияла Старбака приехал на юг в этот момент? Мы и правда должны проглотить эту идею, что чертов Старбак будет драться за Юг? Это выглядит, как если бы семья Джона Брауна [\[18\]](#) восстала против отмены рабства или Гарриет Бичер-Стоу набросилась бы на своих драгоценных ниггеров! — Ридли, высказав эти неопровержимые, по его мнению, доказательства, сделал паузу, чтобы закурить сигару.

— Старбака послали шпионить за нами, — подытожил он, — а твой отец совершил акт милосердия, отправив его домой. Если бы он этого не сделал, Адам, мы, без сомнения, были бы вынуждены пристрелить Старбака как предателя.

— Это бы скрасило скуку полевой жизни, — весело заметил Бёрд. — До сих пор нам не приходилось никого расстреливать, и несомненно, солдатам бы это понравилось.

— Дядя! — неодобрительно нахмурился Адам.

— И кроме того, в Старбаке течет кровь черномазых, — заявил Ридли. Он не был вполне уверен, что прав, но группа его товарищей обсуждала эту идею, размышляя о способе, которым можно было бы разделаться с презренным Старбаком.

— Кровь черномазых! Ну да! Это же полностью меняет дело! Слава Богу, что он уехал, — майор Бёрд расхохотался над абсурдностью этих обвинений.

— Не будь идиотом, Итан, — сказал Адам. — И не таким грубияном, — добавил он.

— Чертова негритянская кровь! — Ридли вошел в раж и уже не мог остановиться. — Взгляни на его кожу. Она темная.

— Как кожа генерала Борегара? Как моя? Как и твоя тоже? — весело поинтересовался майор Бёрд.

— Борегар — француз, — настаивал Ридли, — и ты не можешь отрицать, что отец Старбака, как всем известно, обожает ниггеров.

Неудержимое раскачивание головы майора Бёрда взад и вперед означало, что эта беседа его чрезвычайно веселит.

— Ты предполагаешь, что мать Старбака воспринимает проповеди его отца слишком буквально, Итан? Что за его спиной она развлекалась с рабами-нелегалами в ризнице?

— О, дядя, прошу тебя, — запротестовал Адам с болью в голосе.

— Ну так что, Итан? Ты и правда так думаешь? — майор Бёрд проигнорировал просьбу Адама.

— Я говорю лишь, что мы правильно поступили, что избавились от Старбака, вот и всё, — Ридли пошел на попятный от своих голословных обвинений в расовом кровосмешении, взамен попытавшись ударить Старбака с другой стороны. — Я лишь надеюсь, что он сейчас не рассказывает янки о наших планах на это сражение.

— Сомневаюсь, что Старбак или кто-либо еще знает о наших планах на сражение, — сухо заметил Таддеус Бёрд. — Планы на сегодняшнее сражение будут составлены в мемуарах выигравшего его генерала, когда оно будет уже давно позади, — он хихикнул над собственной остротой и вытащил из сумки на ремне одну из своих темных тонких сигар.

— Если твой отец настаивает, чтобы я отправил Старбака в отставку, Адам, то я это сделаю, но думаю, что это ошибка.

Адам нахмурился.

— Тебе нравился Нат, дядя, в этом дело?

— Разве я упоминал о моих вкусовых предпочтениях? Или привязанностях? Ты никогда не слушаешь, Адам. Я говорил о способностях твоего друга. Он был в состоянии думать, а это обескураживающе редкое дарование среди молодежи. Большинство из вас полагает, что достаточно лишь соглашаться с господствующей точкой зрения, как поступают собаки или церковная паства, но у Старбака были мозги. В некотором роде.

— Что ж, он забрал свои мозги на север, — Адам резко попытался положить конец этому разговору.

— И свою жестокость, — задумчиво произнес майор Бёрд. — Будем по ней скучать.

— Жестокость! — Адам, посчитавший, что он недостаточно поддержал своего друга нынешним утром, теперь усмотрел шанс защитить Ната. — Он не жесток!

— Любой, воспитанный приверженцами самой пылкой вашей церкви, наверняка усвоил свойственное Богу безразличие к жизни и смерти, что наделило юного Старбака талантом к жестокости. А в эти смешные времена, Адам, нам понадобится вся жестокость, которой только мы сможем разжиться. Войны не выигрываются с помощью галантности, а лишь усердной резней.

Адам, действительно напуганный этой истиной, попытался прервать явное ликование дяди.

— Ты мне много раз это говорил, дядя.

Майор Бёрд чиркнул спичкой, чтобы зажечь сигару.

— Дураки нуждаются в постоянном повторении даже простейших идей.

Адам взглянул поверх голов молчаливых войск туда, где слуги его отца развели огонь в полевой

кухне.

— Принесу кофе, — с важностью провозгласил он.

— Ты не можешь ничего принести без моего разрешения, — лукаво заметил майор Бёрд, — или от тебя ускользнуло, что в отсутствие твоего отца я являюсь старшим офицером?

Адам посмотрел вниз с высоты своего седла.

— Не говори ерунды, дядя. Может, я все-таки скажу Нельсону, чтобы принес тебе кофе?

— Нет, пока не обслужит солдат. Офицеры — не члены привилегированного класса, Адам, а просто люди, обремененные большой ответственностью.

Адам подумал, что дядя Таддеус извратит и превратит самое простейшее дело в клубок трудностей. Адам гадал, почему его мать настаивала на том, чтобы сделать своего брата военным, но потом осознал, что лишь для того, чтобы позлить отца. При этой мысли он вздохнул, а потом натянул поводья.

— Прощай, дядя, — Адам развернул лошадь и, не спросив разрешения уехать, вместе с Ридли прищипил коня.

Солнечные лучи наконец достигли западного склона холма, отбрасывая на траву длинные косые тени. Майор Бёрд расстегнул нагрудный карман мундира и вытащил оттуда завернутую в ткань визитную карточку с фотографией Присциллы.

Тщеславия ради она сняла очки, когда позировала для этой фотографии, и смотрела близоруко и неуверенно, но Бёрду она казалась совершенством. Он прикоснулся губами к твердой карточке с неуклюжим дагерротипом, а потом благоговейно завернул ее в клочок ткани и положил обратно в карман.

В полумиле позади Бёрда, в шаткой сторожевой башне, устроенной в спутанных ветвях с ведущей вверх ненадежной лестницей, взбирающейся к площадке на высоту тридцати футов, двое часовых готовились исполнить свой долг.

Часовые являлись сигнальщиками, общающимися друг с другом с помощью семафорных флажков. Эти сигнальные башни были построены, чтобы генерал Борегар мог оставаться на связи с широко раскинувшимися флангами армии.

Один из сигнальщиков, капрал, снял крышку с тяжелой подзорной трубы, установленной на штатив, которую они использовали, чтобы прочесть сигналы флагов с ближайшей башни, подкрутил фокус и направил ее в сторону лесистых холмов, лежащих к северу от рядов мятежников.

Он увидел, как солнце ярко осветило крутую крышу церкви на холме Садли, а сразу за ней простирался пустынный луг, по которому между пастбищами с пышными травами серебрилась речушка Булл-Ран.

Ничто не двигалось в этом пейзаже, кроме небольшой женской фигуры, появившейся у церковной двери, чтобы выбить пыльный коврик.

Сигнальщик повернул подзорную трубу на восток, где стоящее низко над горизонтом солнце покрылось дымкой от несметного числа костров. Он был уже готов повернуть подзорную трубу в сторону ближайшей сигнальной башни, когда заметил человека, появившегося на голой вершине холма примерно в миле позади Булл-Ран, со стороны врага.

— Хочешь увидеть проклятого янки? — спросил капрал своего товарища.

— Глаза б мои не глядели, — отозвался второй сигнальщик.

— А я как раз смотрю на одного из ублюдков, — возбужденным тоном заметил капрал. — Черт

возьми! Так всё-таки они там!

И готовые вступить в драку.

Группа мужчин, некоторые из которых были пешими, а другие верхом, некоторые в гражданской одежде, а некоторые — в военной форме, остановились на вершине лысого холма. Восходящее солнце освещало местность перед ними — лесистые долины, огороженные пастбища и сияющий ручей, позади которого дожидалась своего поражения армия Конфедератов.

Капитан Джеймс Элиял Макфейл Старбак находился в центре этой небольшой группы. Молодой бостонский адвокат сидел на лошади с видом человека, больше привыкшего к мягким кожаным креслам, чем к седлу, и в самом деле, если бы Джеймсу предложили выбрать самую неприятную черту военного дела, он был ответил, что это вездесущие лошади, которых он считал слишком большими, слишком горячими, вонючими и привлекающими мух тварями с желтыми зубами, пугающими глазами и похожими на неуправляемые молоты копытами.

Но если ездить верхом было необходимо, чтобы покончить с восстанием рабовладельцев, то Джеймс с охотой оседлал бы любую лошадь в Америке, потому что, хотя ему и доставало отцовского красноречия, он был столь же пылким сторонником той идеи, что этот мятеж — не только позорное пятно на репутации Америки, но и оскорбление, нанесенное Господу.

Америка, как полагал Джеймс, была государством, созданным божественным провидением, благословленным Всевышним, и мятеж против этого избранного народа был происками дьявола. Потому в день отдыха Господа на этих зеленых полях силы праведников атакуют сатанинский сброд и, естественно, по мнению Джорджа, Бог не позволит северянам потерпеть поражение.

Он молча молился, прося Бога даровать им победу.

— Думаете, мы можем пройти вниз, до артиллерийского расчета, кэп? — спросил один из гражданских, прервав грезы Джеймса и махнув рукой в сторону пушек, выстраивавшихся на позиции на поле около дороги Уоррентон у подножия холма.

— Это не разрешено, — отрезал Джеймс.

— Разве это не свободная страна, кэп?

— Это не разрешено, — настаивал Джеймс начальственным тоном, который всегда служил такую хорошую службу в суде общих тяжб штата Массачусетс, но этих газетчиков, похоже, он лишь веселил.

Гражданские лица, сопровождавшие Джеймса, были репортерами и художниками из дюжины северных газет, приехавшими в штаб бригадного генерала Макдауэлла прошлой ночью и прикрепленными к его су-адъютанту.

Джеймс уже однажды брал на себя ответственность по сопровождению полудюжины военных атташе, прискакавших из расположенных в Вашингтоне посольств, и они вели себя по отношению к неминуемой битве так, будто им предстояло развлечение за чужой счет, но, по крайней мере, офицеры-иностранцы обращались с Джеймсом с уважением, а репортеры ему лишь надоедали.

— Что за дурацкая должность такая — су-адъютант? — спросил Джеймса репортер из «Еженедельника Харперса» сразу после полуночи, когда их окружила армия северян, собиравшаяся отправиться воевать. — Что-то типа индийского стрелка?

— По-французски «су» означает «под», — Джеймс подозревал, что репортер из газеты, которая сама провозгласила себя «газетой цивилизации» был прекрасно осведомлен, что это означает.

— Это значит, что вы кто-то вроде низшего адъютанта, кэп?

— Это значит, что я помощник адъютанта, — Джеймсу удалось сохранить спокойствие, несмотря на то, что он ощущал крайнее раздражение.

Он сумел проспать всего два часа и проснулся от острого приступа метеоризма, в котором, на его взгляд, был сам виноват. Бригадный генерал Макдауэлл был известным гурманом и прошлой ночью убедил всю команду плотно поесть. Несмотря на свою веру в необходимость обильного питания как для физического, так и для духовного здоровья, Джеймс задумался, не была ли третья порция генеральского мясного пирога лишней.

Потом подавали горячие пирожки с заварным кремом, которые запивались безалкогольным генеральским лимонадом, щедро приправленном сахаром. Все это излишества были бы ему нипочем, если бы Джеймс мог принять ложку ветрогонного бальзама своей матери перед тем как ложиться спать, но его дурак слуга забыл положить чемоданчик с лекарствами Джеймса в багажный вагон. Поэтому капитан был вынужден отвечать на назойливые вопросы репортеров и одновременно бороться с необыкновенным дискомфортом, вызванным тяжелым расстройством желудка.

Журналисты, встретившись с Джеймсом в фермерском доме в Кентервилле, где он и провел эту невыносимую ночь, хотели узнать о планах Макдауэлла на будущее. Джеймс как можно более понятно объяснил, что план генерала предусматривал ни больше ни меньше, как окончательное подавление мятежа.

В часе ходьбы к югу от речки Булл-Ран находился город Манассас, и стоило его захватить, как железнодорожная ветка, связывающая две повстанческие армии в Северной Виргинии, была бы перерезана.

У генерала Джонстона больше не было бы возможности прийти со стороны долины Шенандоа на выручку Борегару, поэтому повстанческому войску Борегара предстояло быть разгромленным и отрезанным от укреплений, что вынудит его отступить к Ричмонду и там сдаться в плен. С войной, таким образом, будет покончено, потому что все силы мятежников будут разгромлены или пленены. В пересказе Джеймса всё это звучало очень очевидным и предсказуемым.

— Но бунтовщики нанесли нам удар четыре дня назад. Это вас не пугает? — спросил один из журналистов. Речь шла о крупном отряде разведчиков северян, которая четыре дня назад подошла к Булл-Ран и, движимая энтузиазмом, попыталась пересечь ручушку, но вместо этого попала под смертоносный дождь из пуль мятежников, скрывавшихся в густой листве на противоположном берегу.

Джеймс не придал этому незначительному, на его взгляд, отпору никакого значения, и даже попытался несколько сгладить этот инцидент победными речами, выдвинув предположение, что случайный контакт с врагом был устроен специально с целью убедить повстанцев, что всякая атака с севера будет начинаться с одной стороны — с правого фланга. На самом же деле, настоящее нападение произойдет с левого фланга, обогнув армию Конфедерации.

— Что самое ужасное могло бы сегодня произойти, капитан? — поинтересовался очередной журналист.

Самым ужасным, считал Джеймс, было бы, если бы силы генерала Джонстона покинули долину Шенандоа и направились на выручку людям Борегара. Это, признавал он, усложнило бы ход сражения, но он заверил журналистов, что в последней на сегодняшний день телеграмме о положении дел в армии северян в Шенандоа сообщалось, что Джонстон все еще в долине.

— То есть, если мятежники Джо Джонстона соединятся с силами Борегара, — не унимался репортер, — значит, нам крышка?

— Значит, нам придется угостить их кое-чем покрепче.

Джеймса раздражал тон, каким был задан этот вопрос, но он спокойно повторил, что Джонстон до сих пор находится в ловушке далеко на западе, что означает, что главная проблема американского единства должна быть решена сегодня людьми, собравшимися по обе стороны Булл-Ран.

— И мы победим, — с уверенностью предсказал Джеймс. Он не переставал предпринимать усилия, чтобы убедить газетчиков в том, что армия северян является крупнейшими силами, когда-либо собиравшимися в Северной Америке. Ирвин Макдауэлл вел за собой более тридцати тысяч человек, что в два раза превышало силы Джорджа Вашингтона при Йорктауне.

Это были, как уверял Джеймс журналистов, подавляющие силы и доказательство тому, что правительство федералистов сокрушит мятеж быстро и полностью.

Репортеры прицепились к слову «подавляющие».

— Вы считаете, что мы превосходим мятежников числом?

— Не совсем, если быть точным.

На самом деле никто не знал, сколько именно мятежников находится на противоположном берегу Булл-Ран, их силы оценивались от десяти тысяч до малоприятных сорока, но Джеймс не хотел, чтобы выглядело так, будто победу северянам принесет преимущество в численности.

Нужно было оставить место и для героизма, и потому он дал туманный ответ:

— Мы полагаем, — заявил он великодушно, что мятежники могут собрать достаточные силы, подстать нам, но в этом сражении, господа, решающим будет мастерство, мораль и справедливость.

И справедливость восторжествует, полагал Джеймс, не просто чтобы захватить сельскую железную дорогу, но и чтобы нанести поражение и до такой степени деморализовать силы Конфедерации, чтобы армия северян смогла победно и беспрепятственно пройти до столицы мятежников, которая лежала лишь в сотне миль к югу.

«На Ричмонд!» — заявляли газеты северян, и этот же лозунг был вышит яркими буквами на штандартах некоторых полков федералистов, «На Ричмонд!» — кричали марширующим по Длинному мосту Вашингтона войскам зрители. Некоторые из этих зевак не только смотрели на уходящие войска, но и сопровождали армию до самой Виргинии.

Джеймсу и в самом деле казалось, что половина светского общества Вашингтона явилась засвидетельствовать великую победу Севера, потому что теперь, когда солнце встало над Булл-Ран, он видел множество гражданских зевак, смешавшихся с войсками федералистов. Элегантные экипажи стояли между передками пушек, а мольберты и бумага для рисунков пристроились между стойками с винтовками и мушкетами.

Модницы закрывались от солнца зонтиками, слуги раскладывали скатерти и корзины для пикников, а важные конгрессмены, жаждавшие чуть ли не полностью присвоить всю славу этого момента, напыщенно вещали всем, кто готов был слушать, о военной стратегии.

— Вы полагаете, к субботе мы возьмем Ричмонд? — спрашивал у Джеймса Старбака репортер из «Еженедельника Харперса».

— Мы искренне на это надеемся.

— И повесим Джефферсона Дэвиса в воскресенье, — заявил репортер, радостно заулюлюкав от такой перспективы.

— Думаю, не в воскресенье.

У Джеймса был слишком адвокатский склад ума, чтобы не подвергнуть столь беспечную ремарку сомнению, особенно перед лицом враждебных военных сил, которые могут заключить из слов репортера, что Соединенные Штаты не только нация лентяев, но еще и неотесанных простаков, которые не видят необходимости в строгой законности.

— Мы повесим Дэвиса после надлежащего судебного разбирательства, — сказал Джеймс специально для этих иностранцев, — и только после судебного разбирательства.

— Капитан имеет в виду, что сначала нам нужно как следует завязать на веревке узел, — с готовностью разъяснил эти слова один из репортеров.

Джеймс натужно улыбнулся, хотя, по правде говоря, он считал поведение этих газетчиков шокирующе бесчестным. Многие журналисты уже написали свои заметки о сегодняшнем сражении, используя свое воображение, чтобы сочинить, как трусливые войска рабовладельцев сбежали, лишь завидев звездно-полосатый флаг, и как их солдаты в раскаянии падали на колени, вместо того чтобы открыть огонь по славному старому флагу. Копыта кавалерии северян погрузились в кровь рабовладельцев, а штыки стали липкими от крови южан.

Джеймс, может, и был шокирован таким враньем, но в этих статьях лишь описывался исход сражения, за который он неистово молился, и он не мог без чувства неловкости и не считая себя капитулянтom высказаться о них неодобрительно. Поражение казалось немыслимым, потому что в этот день должен был быть разгромлен мятеж и начаться поход на Ричмонд.

Внезапно на вершине холма началась какая-то суета, когда лошадей в артиллерийских расчетах выпрягли из передков с пушками. Орудия расположили за изгородью от змей и нацелили в сторону прекрасного каменного моста, по которому главная дорога шла через реку.

Этот мост был ключом к надеждам бригадного генерала Макдауэлла: убедив мятежников, что основная атака будет направлена вдоль дороги, он оттянет их силы на защиту моста, в то время как его обходная колонна незамеченной зайдет им с тыла.

Другие войска северян продемонстрируют свое присутствие на правом фланге врага, но жизненно важным было удерживать левый фланг мятежников у моста, чтобы атака армии северян с фланга незаметно и не встречая сопротивления проникла в тыл конфедератов.

Таким образом, нужно было обмануть мятежников, заставив их поверить, что отвлекающая атака на мост и есть основная, и чтобы добавить правдоподобия этому обману, вперед выдвинули огромную пушку, которая должна была начать эту ложную атаку.

Это была тридцатифунтовая пушка Паррота с железным дулом длиной более одиннадцати футов и весом почти две тонны.

Ее колеса с железным ободом были по плечо человеку, и потребовалось девятнадцать лошадей, чтобы последние несколько часов тащить ее в темноте. Это медленное продвижение сдерживало всю армию федералистов, и некоторые офицеры-северяне считали безумием приволочь такое огромное орудие, служащее обычно для защиты крепостей, на передний фронт армии, но все солдаты, наблюдавшие, как гигантская пушка громыхает мимо в первых лучах зари, решили, что такое создание выиграет битву само по себе.

Дуло нарезного ствола пушки было больше четырех дюймов в диаметре, а ее покрытая железными полосами черная казенная часть теперь была набита почти четырьмя фунтами пороха и коническим снарядом.

Заполненный черным порохом снаряд был спроектирован, чтобы при взрыве изрыгать пламя и разлетаться на железные осколки, которые бы на мелкие кусочки разорвали мятежников, засевших на противоположном берегу Булл-Ран, хотя сейчас, при первых лучах зари, на той стороне речушки едва можно было различить какие-либо цели.

Время от времени какой-нибудь офицер конфедератов мчался верхом по дальнему полю, да несколько пехотинцев разбрелись по холму, лежащему по меньшей мере в миле от моста, но помимо этого было мало свидетельств присутствия каких-либо сил мятежников.

Запальную трубку протолкнули через запальное отверстие, глубоко погрузив в полотняный мешочек с порохом. Трубка была сделана из меди и наполнена самым мелким порохом.

Верхняя часть трубки содержала небольшой заряд гремучей смеси и заканчивалась зазубренным металлическим наконечником, который при дергании за шнур с силой царапал гремучую смесь, что приводило к ее детонации от трения, подобно спичке, чиркающей по тёрке. Сержант-артиллерист взял в руки шнур, а другие члены расчета встали так, чтобы не попасть под смертоносную отдачу орудия.

— Готовься! — прокричал сержант. Некоторые солдаты из других артиллерийских расчетов собрались небольшими группами, чтобы послушать библию и помолиться, но теперь все они повернулись в сторону огромного орудия Паррота и заткнули уши.

Сидящий верхом офицер-артиллерист сверился с часами. В ближайшие годы он хотел рассказывать своим детям и внукам о точном времени, когда его огромная пушка подала сигнал о начале конца мятежа.

Время на часах приближалось к восемнадцати минутам шестого утра, всего двадцать минут назад на восточном горизонте во всем своем блеске появилось солнце. Лейтенант артиллерии отметил время восхода в своем дневнике, хотя он так же дотошно отметил, что его часы, возможно, отстают или убегают на пять минут ежедневно, в зависимости от температуры.

— Готовься! — снова крикнул сержант, на этот раз с ноткой нетерпения в голосе.

Лейтенант подождал, пока минутная стрелка на часах доберется точно до отметки восемнадцать, и опустил руку.

— Пли!

Сержант дернул шнур, и наконечник запальной трубки яростно царапнул гремучую смесь. Огонь прошел вниз по трубке, и воспламенившийся порох вытолкнул снаряд. Его чашепоподобное основание было сделано из мягкой латуни, которая, расширяясь, входила в резьбу ствола и придавала снаряду вращение.

Грохот выстрела прокатился по местности, спугнув птиц, а у тех нескольких тысяч человек, что ожидали сигнала к наступлению, заложило уши.

Орудие откатилось назад, оставив на почве колею, а колеса подпрыгнули дюймов на восемнадцать, остановившись лишь в семи футах от места выстрела. Перед дымящимся дулом, из которого выходило облако грязновато-белого дыма, был подпален дерн.

Зеваки, никогда раньше не слышавшие, как стреляет такая огромная пушка, затаили дыхание от этого неистового звука, ужасающего грохота, обещающего причинить чудовищные разрушения на той стороне реки.

Расчет уже засовывал в дымящуюся пасть монстра влажный банник [\[19\]](#), чтобы очистить дуло перед закладкой в него следующего порохового заряда. В это время первый снаряд просвистел через луг, мелькнул над мостом, пролетел по лесу, разбрасывая куски веток, и разорвался на склоне холма за деревьями.

Внутри снаряда находился обычный винтовочный капсюль, закрепленный в передней части тяжелого металлического стержня, который, как только снаряд коснулся склона холма, с силой отбросило вперед, как о наковальню ударив о носовую часть снаряда.

Медный капсюль был наполнен гремучей ртутью, веществом достаточно нестабильным, чтобы взорваться от такого давления и поджечь порох, насыпанный в снаряд, который успел погрузиться на три фута в мягкую землю, поэтому от взрыва лишь задрожал небольшой участок земли на пустом склоне, а из дыры в дерне внезапно повалил дым.

— Шесть с половиной секунд, — вслух отметил время полета снаряда конный офицер-артиллерист, записав эти цифры в блокнот.

— Можете написать, что сражение началось точно в пять часов двадцать одну минуту, — провозгласил Джеймс Старбак. В его ушах еще звенело от чудовищного выстрела, а лошадь нервно наострила уши.

— По моим часам в четверть шестого, — заявил репортер из «Еженедельника Харпера».

— В пять восемнадцать? — произнес французский военный атташе, один из полудюжины иностранных офицеров, наблюдающих за сражением вместе с капитаном Джеймсом Старбаком.

— Слишком рано, черт возьми, сколько бы времени ни было, — зевнул один из газетчиков.

Джеймс Старбак нахмурился, услышав богохульство, а потом зажмурился, когда тяжелое орудие выстрелило в сторону каменного моста во второй раз. По зеленым полям разнесся грохот, показавшийся гораздо более впечатляющим, чем то действие, которое снаряд на них произвел.

Джеймс отчаянно желал разглядеть на той стороне речушки хаос и разрушения. Впервые увидев огромное орудие Паррота, он подумал, что один единственный выстрел из этой массивной пушки вызовет панику в рядах мятежников, но увы, местность на противоположном берегу выглядела до странности спокойной, и Джеймс опасался, что отсутствие кровопролития может показаться смехотворным этим иностранным военным, прошедшим через европейские войны и, по мнению Джеймса, с презрением наблюдавшим за любительскими усилиями американцев.

— Очень впечатляющие оружие, капитан, — этим великодушным замечанием французский атташе отмёл все опасения Джеймса.

— Целиком и полностью произведено в Америке, полковник, в литейном цеху Вест-Пойнта в Колд-Спринге, штат Нью-Йорк, и разработано суперинтендантом завода мистером Робертом Парротом, — Джеймсу показалось, как он услышал, что один из газетчиков за его спиной изобразил птичье чириканье, но постарался проигнорировать этот звук.

— Пушка может стрелять обычными снарядами и картечью. Радиус поражения — две тысячи двести ярдов при пяти градусах наклона, — в основном служба Джеймса состояла в изучении подобных деталей, чтобы должным образом проинформировать иностранных атташе. — Конечно, мы будем рады устроить вам экскурсию в литейный цех.

— А! Ну что ж, — у французского полковника по фамилии Лассан было покрытое чудовищными шрамами лицо с единственным глазом и великолепно декорированный мундир. Он наблюдал, как огромное орудие выстрелило в третий раз и кивнул в знак одобрения, а в это время остальные силы артиллерии федералистов, ожидающие третьего выстрела в качестве сигнала, разом открыли огонь.

Зеленые поля к востоку от речушки покрылись дымом по мере того, как орудие за орудием откатывалось назад после выстрела. Плохо привязанные лошади расчетов в панике от раздирающего небеса грохота понеслись на вынужденную броситься врассыпную группу пехоты позади артиллерии.

— Мне никогда не нравилась артиллерийская канонада, — мягко заметил полковник Лассан, прикоснувшись темным от никотина пальцем к повязке на отсутствующем глазу. — Это от русского снаряда.

— Мы верим, что мятежники разделяют вашу неприязнь, сэр, — плоско пошутил Джеймс. Теперь разрывы снарядов можно было наблюдать по ту сторону реки, где от них качались деревья, а земля на далеком склоне холма покрылась оспинами от разорвавшихся и отрикошетивших снарядов. Джеймсу пришлось повысить голос, чтобы его могли расслышать на фоне этой оглушительной канонады. — Как только колонна на фланге обнаружит себя, сэр, полагаю, можно будет ожидать быстрой победы.

— В самом деле? — вежливо отозвался Лассан, наклонившись, чтобы похлопать лошадь по шее.

— Ставлю два бакса, что мы заставим ублюдков сделать ноги к десяти часам, — предложил собравшимся репортер из «Чикаго Трибьюн», хотя никто не принял пари. Испанский полковник, великолепный в своем красно-белом драгунском мундире, отвинтил крышку фляги и сделал глоток виски.

Полковник Лассан внезапно нахмурился.

— Это паровозный гудок? — спросил он капитана Старбака.

— Не могу сказать, сэр, — ответил Джеймс.

— Вы не слышали паровозный гудок? — поинтересовался француз у своих спутников, которые покачали головами.

— Это важно, сэр? — спросил Джеймс.

Лассан пожал плечами.

— Силы генерала Джонстона из армии Шенандоа наверняка прибыли бы сюда поездом, разве не так?

Джеймс заверил полковника Лассана, что войска мятежников в долине Шенандоа занимаются отрядом северян и вряд ли могли бы прибыть в Манассас.

— Но предположим, генерал Джонстон ускользнул от ваших сил прикрытия? — полковник Лассан говорил на превосходном английском с британским акцентом, который Джеймс, чье пищеварение за последние часы так и не пришло в норму, находил довольно раздражающим. — Вы действительно поддерживаете связь со своими войсками в долине Шенандоа по телеграфу? — как заноза, продолжил свой допрос полковник Лассан.

— Мы знаем, что наши отряды были плотно заняты генералом Джонстоном два дня назад, — заверил Джеймс полковника.

— Но двух дней более чем достаточно, чтобы обойти войска прикрытия и доехать на поезде до Манассаса, так ведь? — настаивал француз.

— Полагаю, это маловероятно, — Джеймс попытался придать своему тону спокойную небрежность.

— Вспомните, — напирал полковник Лассан, — что причиной нашей великой победы над Францем-Иосифом при Сольферино послужила скорость, с которой наш император перевез армию на поезде.

Джеймс, не знавший, где находится Сольферино и что там произошла за битва, а также никогда не слышавший о достижениях французского императора в деле развития железных дорог, благоразумно кивнул, но потом галантно предположил, что силы мятежной Конфедерации едва ли способны повторить достижения французской армии.

— Лучше всего надеяться, что нет, — мрачно заявил Лассан, направив бинокль на дальний холм, где подавал сигналы телеграфист мятежников. — Вы уверены, капитан, что ваши силы с фланга придут

вовремя?

— Они появятся с минуту на минуту, сэр, — уверенности Джеймса противоречило отсутствие каких-либо свидетельств тому, что армия зашла в тыл к мятежникам, хотя он утешал себя тем, что расстояние слишком велико, чтобы подобные свидетельства можно было разглядеть.

Эти доказательства должны стать явными, когда защищающие каменный мост силы Конфедерации обратятся в паническое бегство.

— Абсолютно не сомневаюсь, что наш фланг идет в атаку в этот самый момент, сэр, — произнес Джеймс, придав своему тону самую большую уверенность, на какую только был способен, а потом, с гордостью от эффективности янки, не смог сдержаться и добавил: — Как мы и планировали.

— А, планировали! Ясно, ясно, — коротко отозвался полковник Лассан, бросив сочувствующий взгляд на Джеймса. — Мой отец был прекрасным военным, капитан, но всегда любил говорить, что практическая часть войны очень похожа на занятие любовью с женщиной — это полное удовольствия действие, но совершенно непредсказуемое и способное причинить мужчине мучительные раны.

— О, мне это нравится! — нацарапал газетчик из Чикаго в своем блокноте.

Джеймс был так оскорблен безвкусной ремаркой, что просто молча уставился вдаль. Полковник Лассан, не заметив, что нанес обиду, мурлыкал какую-то песенку, а журналисты записывали первые впечатления от войны, которые до сей поры были разочаровывающими.

Война представляла собой лишь шум и дым, хотя в отличие от журналистов застрельщики по обоим берегам Булл-Ран понимали, что означает этот шум и дым. Через реку засвистели пули, когда снайперы мятежников и федералистов начали стрелять из-за деревьев, и края потока покрылись тонким кружевом уносимого ветром порохового дыма после свистящих снарядов, врезающихся в деревья и взрывающихся брызгами черного сернистого дыма и железных осколков.

Снаряд попал в ветку, она треснула и полетела вниз, сломав лошади хребет. Животное издало ужасный вопль, а мальчишка-барабанщик звал мать, предпринимая слабые попытки остановить поток вываливающихся из его разорванного шрапнелью живота внутренностей.

Офицер, не веря своим глазам, уставился на поток крови от попавшей в пах пули, заливающей бедро. Бородатый сержант схватился за обрубок, оставшийся от левой руки, недоумевая, как, во имя Господа, он сможет теперь вспахать прямую борозду.

Капрал блевал кровью, а потом медленно осел на землю. Пороховой дым просачивался сквозь ветви. Теперь пушки стреляли чаще, подняв страшный грохот, заглушающий полковые оркестры, которые по-прежнему играли веселые мелодии за солдатским строем.

А далеко за рядами мятежников, ближе к Манассасу, из трубы паровоза уносился вдаль голубоватый дым. Из долины Шенандоа прибывали первые полки генерала Джозефа Джонстона.

Они сбежали от войск северян, так что теперь еще восемь тысяч мятежников прибыли в качестве подкрепления к тем восемнадцати тысячам, что уже собрались у реки Ран под командованием Борегара. Армии столкнулись, пушки раскалялись, а резня в день отдыха Господня началась.

Глава одиннадцатая

— Так ты чертов шпион, а? — такими словами поприветствовал полковник Натан Эванс Старбака, по-прежнему восседавшего на Покахонтас, хотя его руки были связаны за спиной, а он находился под охраной двух луизианских кавалеристов, которые, проводя разведку местности у церкви Садли, обнаружили Старбака, погнались за ним, схватили и связали ему руки, а теперь привели к своему командиру, вместе со своим штабом расположившемуся немного позади каменного моста.

— Уведите к черту его лошадь! — рявкнул Эванс.

Кто-то схватил Старбака за правую руку и бесцеремонно стащил его с седла, так что северянин с силой шлепнулся у ног Эванса.

— Я не шпион, — сумел вымолвить он. — Я один из людей Фалконера.

— Фалконера? — Эванс издал короткий неприятный звук, который вполне мог сойти и за смешок, и за рычание. — Ты имеешь в виду того говнюка, который слишком хорош, чтобы сражаться вместе с моей бригадой? У Фалконера не солдаты, парень, это трусливые педики. Тряпки. Слизняки. Черножопые, кастрированные, дерьмовые, малодушные отбросы. И ты один из этих подонков, да?

Старбак в ужасе отшатнулся от этого потока оскорблений, но все же сумел продолжить свое объяснение.

— Я обнаружил войска северян в лесу, рядом с бродом Садли. Их много, и они идут сюда. Я вернулся, чтобы предупредить вас.

— Ублюдок врет самым бессовестным образом, полковник, — вмешался в разговор один из луизианских кавалеристов. Они оба были худыми как щепки всадниками с густыми бородами, потемневшими от загара лицами и дикими устрашающими глазами и напоминали Старбаку сержанта Траслоу.

Оба были вооружены до зубов, у каждого был карабин, два пистолета, сабля и длинный охотничий нож. У одного из них с луки седла свисал сочащийся кровью кусок свинины, а у второго, успешно облегчившего Старбака на три доллара шестнадцать центов, на подхвостнике болтались два неошипанных цыпленка, подвешенные за свернутые шеи.

Этот человек также нашел письмо от отца Старбака и пропуск, подписанный его братом, но будучи неграмотным, не проявил никакого интереса к бумагам и небрежно засунул их обратно в карман рубашки Старбака.

— При нем не было оружия, — продолжил немногословный кавалерист, — и он не носит униформу. Я считаю, что он шпион, полковник. Прислушайтесь к его речи. Он не южанин.

Снаряд шлепнулся в низине в дюжине шагов от этой небольшой группы. Он взорвался, сотрясая землю и разбрасывая комки красной грязи.

Страшный взрыв, хоть и приглушенный землей, заставил Старбаке в ужасе содрогнуться. Осколок то ли камня, то ли железа просвистел рядом с потрепанной шляпой Эванса, но полковник даже не шелохнулся. Он лишь взглянул на одного из своих ординарцев, сидевшего верхом на пегой лошади.

— Отто, ты цел?

— Яволь, полковник, цел.

Эванс повернулся к Старбаку, который с трудом держался на ногах.

— Так где же ты видел войска федералистов?

— Где-то с полмили от брода Садли, сэр, на дороге, ведущей на восток.

— В лесу, говоришь?

— Да, сэр.

Эванс поковырялся в потемневших и испорченных жеванием табака зубах раскрытым перочинным ножом. Он скептически осмотрел Старбака с головы до пят, и, похоже, ему не понравилось то, что он увидел.

— И сколько же войск ты засёк, а, черномазый?

— Я не знаю, сэр. Много. И у них есть пушка.

— Хм, пушка? Как я напуган! Прямо наложил в штаны, — захохотал Эванс, и его окружение тоже рассмеялось. Полковник был известен как сквернослов, непросыхающий пьяница и к тому же с необузданным нравом.

Он закончил Вест-Пойнт в 1848 году, хотя и с трудом, и теперь насмехался над программой обучения академии, заявляя, что солдатом тебя делает способность драться как дикий кот, а не показное умение говорить по-французски и решать воображаемые задачи по тригонометрии или овладение сложностями естественных наук, что бы это ни было.

— Ты видел пушку, да? — спросил он уже жестче.

— Да, сэр, — на самом деле Старбак не видел никаких пушек северян, но видел, как войска федералистов расчищали завал, и рассудил, что наверняка они не тратили бы время на расчистку дороги для пехоты. Колонна пехоты просто обошла бы сваленные деревья, но для пушек понадобится свободный проход, и это, без сомнения, указывало на то, что скрытая фланговая атака включала в себя и артиллерию.

Натан Эванс отрезал новый кусок табака и засунул его за щеку.

— И что же, Бога ради, они делали в лесу перед бродом Садли?

Старбак сделал паузу, и разорвался еще один снаряд, взметнув столб красного пламени и черного дыма. Мощность взрыва поразила Старбака, который опять пригнулся, когда ударная волна сотрясла воздух, хотя полковника Натана Эванса, казалось, взрыв совсем не встревожил, разве что он опять справился о целостности своего ординарца.

— Яволь, полковник. Всё в порядок. Не волноваться, — немец был крупным мужчиной со скорбным выражением лица, к его широкой спине был подобно рюкзаку привязан необычный глиняный бочонок.

Его начальник, полковник Эванс, которого, как узнал Старбак от своих тюремщиков, прозвали Окроком, днем выглядел еще менее приятным, чем в предрассветные часы; и в самом деле, на предвзятый взгляд Старбака, Эванс больше всего напоминал ему одного из вечно согнутых бостонских грузчиков угля, которые в спешке переносили мешки с топливом весом в центнер с улицы в погреба кухонь, и почти не удивительно, подумал Старбак, что брезгливый Вашингтон Фалконер отказался встать под командование этого уроженца Южной Каролины.

— Итак? Ты не ответил на мой вопрос, парень, — Эванс пристально смотрел на Старбака. — Что ты делал на том берегу Ран, а?

— Меня послал полковник Фалконер, — дерзко ответил Старбак.

— Послал? Зачем?

Старбак хотел сохранить лицо и сказать, что его послали разведать лес возле Булл-Ран, но понимал,

что ложь не пройдет, поэтому решил открыть унижительную правду.

— Он не хотел, чтобы я оставался в его подразделении, сэр. Поэтому отослал меня назад к соотечественникам.

Эванс отвернулся и принялся пристально рассматривать деревья, обрамляющие реку Булл-Ран, где его полубригада обороняла каменный мост, по которому с запада, из Вашингтона, шла основная дорога.

Если северяне атакуют этот участок реки Ран, оборона Эванса окажется в безнадежном положении, так как его бригада состояла всего лишь из горстки легкой кавалерии, четырех устаревших гладкоствольных пушек, недоукомплектованного пехотного полка из Южной Каролины и еще одного такого же из Луизианы.

Борегар оставил бригаду такой незащищенной, будучи уверенным, что основное сражение пройдет далеко отсюда, на правом фланге конфедератов.

Пока что, к счастью для Эванса, атака северян на бригаду ограничивалась изнурительным стрелковым и артиллерийским огнем, но одно из орудий противника было такого большого калибра, что, казалось, сами небеса сотрясались каждый раз, когда снаряд пролетал над головами.

Эванс наблюдал, склонив голову набок, словно судил о ходе сражения по этим звукам. Для Старбака винтовочные и ружейные выстрелы звучали на удивление похоже на свирепое потрескивание горящего сухого подлеска, а надо всем этим гремела канонада.

Летающие снаряды звучали, как рвущаяся одежда, или, может быть, как жарящийся бекон, за исключением того, что время от времени шипение неожиданно перерастало в режущий уши треск, когда снаряд разрывался.

Несколько пуль прожужжали рядом с маленькой группой Эванса, несколько из них с зловещим свистом. Странно было то, что Старбак, чувствующий, как колотится в груди сердце, вообще-то не так боялся снарядов и пуль, как свирепого и кривоногого Окорока Эванса, который теперь обернулся к пленнику.

— Хренов Фалконер отправил тебя назад к твоим соотечественникам? — переспросил Эванс. — Что ты хочешь этим сказать?

— К моей семье, сэр. В Бостон.

— Ах, в Бостон! — весело рассмеялся Эванс, приглашая и других разделить его веселье. — Отстойник. Нужник. Город хныкающего дерьма. Господи, как же я ненавижу Бостон. Город черножопого республиканского дерьма. Город назойливых, распевających гимны женщин, которые ни на что не пригодны, — Эванс пустил щедрую струю табачной жижи на ботинки Старбака.

— Так Фалконер отослал тебя назад в Бостон, да, парень? Почему?

— Я не знаю, сэр.

— Не знаю, сэр, — передразнил Старбака Эванс, — или, может, ты мне врешь, жалкий кусок дерьма. Может, ты пытаешься увести моих людей от моста, разве не так, засранец? — ярость полковника была ужасающей, подавляющей и неистовой, заставив Старбака произвольно сделать шаг назад, когда произносивший эту речь полковник обдал его брызгами слюны.

— Ты пытаешься убедить меня двинуться вниз по реке, черномазый ублюдок. Хочешь, чтобы я открыл главную дорогу, ублюдки северяне перейдут мост, и все мы до заката будем висеть на деревьях. Разве не так, никчемный сукин сын? — на пару секунд повисло молчание, а потом Эванс повторил свой вопрос, сорвавшись на крик: — Разве не так, ты, черномазая сука?

— Колонна северян находится в лесу рядом с бродом Садли, — Старбаку каким-то образом всё-таки

удалось сохранить спокойствие. Он резко дернул руками, пытаясь указать на север, но путы оказались слишком крепки. — Они направляются сюда, сэр, и будут здесь через час или около того.

Новый снаряд разорвался на пастбище за дорогой, где стояли в ожидании в некошенной траве два резервных артиллерийских расчета Эванса, Отдыхающие канониры даже не оглянулись, когда один из огромных снарядов упал ближе, чем обычно, срезав ветку с ближайшего дерева, прежде чем разорваться в сорока ярдах смесью грязи, осколков и дыма.

— Как мой бочоночек, Отто? — крикнул Эванс.

— Цел, полковник. Не волноваться, — немец оставался невозмутимым.

— А я волнуюсь, — проворчал Эванс, — я тревожусь за тупые бостонские куски дерьма. Как тебя зовут, парень?

— Натаниэль, сэр. Натаниэль Старбак.

— Если ты лжешь мне, Натаниэль Чертов Ублюдок, я отведу тебя в сарай и отрежу яйца. Если у тебя они вообще есть. У тебя есть яйца, Натаниэль?

Старбак промолчал.

Он чувствовал облегчение от того, что этот разъяренный сквернослов не связал его имени с преподобным Элиялом. Два снаряда и высоко пущенная винтовочная пуля просвистели над головой.

— Значит, если я передвину своих людей, чтобы встретиться с твоей колонной, дерьмо собачье, — Эванс придвинул лицо настолько близко к Старбаку, что бостонец вдохнул зловонную смесь табака и виски изо рта полковника, — то позволю врагу перейти здесь через мост, не так ли, и тогда не станет уже никакой Конфедерации, правда? А потом придут эти сторонники отмены рабства из Бостона с дерьмом в голове, чтобы насиловать наших женщин, вот чем занимаются бостонские распеватели гимнов. Или, может, они предпочтут надругаться над нашими мужчинами? Это тебе по вкусу, черножопый? Хочешь меня изнасиловать, а?

Старбак опять промолчал. Эванс выплевывал эти насмешки в тишину, а потом обернулся, чтобы посмотреть на хромающего по дороге пехотинца с сером мундире.

— Куда, черт возьми, ты собрался? — разразился Эванс внезапной яростью в сторону солдата, который лишь оглянулся в недоумении. — Ты ведь еще можешь стрелять из винтовки? — завопил Эванс. — Возвращайся обратно! Или ты хочешь, чтобы эти черножопые республиканцы стали отцами ублюдков твоей жены? Назад!

Солдат развернулся и корчась от боли похромал обратно к мосту, используя винтовку в качестве костыля.

Снаряд поднял пыль у дороги, а потом отрикошетил вдоль нее, не причинив вреда никому из штабной группы Эванса, но поднятый им ветер, казалось, заставил раненого покачнуться на своем импровизированном костыле, а потом он рухнул на обочину рядом с двумя резервными шестифунтовыми орудиями.

Две другие пушки Эванса находились ближе к Булл-Ран, открыв ответный огонь по противнику шрапнелью, рассеивавшейся вдалеке подобно серым облачкам, из которых с шипением вылетали белые дымовые следы, закручивающиеся в безумные спирали в восточном направлении. Никто не знал, попадали ли снаряды в цель, но, по правде говоря, Эванс стрелял только для того, чтобы поддержать боевой дух своих людей.

Канониры у орудий резерва ожидали своей очереди. Большинство лежали на спине и дремали. Два

человека перебрасывались мячом, а офицер в очках на кончике носа прислонился к бронзовой пушке и читал книгу.

Раздетый до пояса канонир в ярко-красных подтяжках сидел, облокотившись на колесо орудия. Он писал, макая перо в чернильницу, стоящую рядом на траве.

Такая беззаботность не выглядела совсем неуместной — хотя стрельба производила чудовищный шум и дым, торопиться явно не было необходимости.

Старбак ожидал, что сражение окажется более решительным, как описывалась в газетах Мексиканская война, когда brave войска генерала Скотта пронесли американский флаг под выстрелами и свистящими снарядами до самой крепости на холме Монтесумы, но события сегодняшнего утра выглядели совсем далекими.

Офицер-артиллерист медленно перевернул страницу, пишущий письмо солдат тщательно стряхнул лишние чернила с пера до того, как поднести его к бумаге, а один из игроков в мяч промазал и лениво рассмеялся. Раненый пехотинец лежал в канаве, почти не двигаясь.

— Так что мне делать с этим сукиным сыном, полковник? — спросил один из луизианских кавалеристов, охраняющих Старбака.

Эванс нахмурился, глядя на пелену дыма, висящую над каменным мостом. В дурном расположении духа он обернулся, чтобы провозгласить свое решение относительно Старбака, но был прерван до того, как успел открыть рот.

— Сообщение, сэр, — произнес лейтенант, сопровождавший Эванса во время бесплодного визита к Фалконеру этим утром. Лейтенант сидел верхом на сухопарой серой лошади и держал в руке бинокль, направленный на семафорную станцию на холме. — От сигнальщиков, сэр. Наш левый фланг обходят, — лейтенант говорил без каких-либо эмоций.

На какое-то мгновение все замолчали, потому что над головами просвистел один из огромных снарядов врага. Раненый на обочине попытался встать, но, похоже, был для этого слишком слаб.

— Повторите, Медоуз, — потребовал Эванс.

Лейтенант Медоуз сверился с блокнотом:

— «Присматривайте за левым флангом, вас обходят» — вот точные слова, сэр.

Эванс быстро развернулся и посмотрел на север, хотя там не было видно ничего, кроме парящего высоко над летними деревьями сокола. Шокированный, он снова вытаращился на Старбака.

— Должен перед тобой извиниться, парень. Боже ж мой, должен перед тобой извиниться. Прости, ты уж прости меня! — выпалив последнее слово, Эванс снова отвернулся, на этот раз чтобы взглянуть на каменный мост. Его левая рука судорожно дернулась, это было единственным свидетельством испытываемого им напряжения.

— Это маневр для отвода глаз. Они не собираются атаковать здесь, просто дурачат нас, похлопывая по животу, удерживают на месте, пока настоящая атака не дойдет до нашего тыла. Хрень Господня! — он разговаривал сам с собой, но внезапно повысил голос: — Лошадь! Приведите мне лошадь! А ты забирайся на свою, парень! — это относилось к Старбаку.

— Сэр! — выкрикнул Старбак.

— Что, парень?

— Я связан.

— Освободите мальчишку! Отто?

— Яволь, полковник.

— Дай Бостону приложиться к бочоночку. Один глоток, — видимо, Эванс решил дать Старбаку прозвище «Бостон», как называл свой необычный керамический бочонок на спине немца-ординарца «бочоночком».

Высокий немец подъехал на своем пегом коне поближе к Старбаку, а другой солдат, поспешивший исполнить приказ Эванса, перерезал веревку на его запястьях. Старбак начал массировать натертые веревками руки и увидел, как невозмутимый немец потянулся к своей спине, чтобы вытащить маленькую деревянную пробку у основания глиняного бочонка.

Ординарец налил жидкость из бочонка в оловянную кружку и торжественно протянул ее Старбаку.

— Пить! Быстро, давай! Мне нужна кружка. Пить!

Старбак взял кружку, наполненную чем-то похожим на холодный чай. Он умирал от жажды и с готовностью поднес кружку к губам, а потом чуть на захлебнулся, потому что жидкость оказалась не чаем, а виски, настоящим крепчайшим неразбавленным виски.

— Выпивать! — похоже, Отто был не в духе.

— Коня! — завопил Эванс. Над головой просвистел снаряд, вонзившийся в склон холма. В тот же момент другой снаряд попал в раненого у дороги, мгновенно его прикончив, а кровь брызнула на десять футов в высоту. Старбак заметил, как нечто, похожее на оторванную ногу солдата, завертелось в воздухе, но решил, что ему привиделось.

Еще один снаряд врезался в дерево, отколов от ствола огромную щепку длиной в три фута, а листья дождем посыпались на отрезанную ногу.

Потом лейтенант Медоуз, повторив тревожное сообщение сигнальщиков, вдруг сглотнул, глаза его расширились. Он уставился на Старбака, тараща глаза и ощупывая горло, где заблестели увеличивающиеся в размерах бусинки крови.

Его блокнот выскользнул на землю, страницы рассыпались, а капли крови всё росли, и внезапно он стал задыхаться от потока крови, хлынувшего на мундир.

Он покачнулся, издав булькающий звук, и всё его тело резко дернулось, а потом он соскользнул с седла на траву.

— Я возьму лошадь Медоуза, — рявкнул Эванс, схватившись за поводья серого коня. Ноги умирающего застряли в стремях. Эванс выдернул их и взгромоздился на спину лошади.

Старбак осушил маленькую кружку, глубоко вздохнул и потянулся к поводьям Покахонтас. Он неуклюже забрался в седло, гадая, чего от него ожидают теперь, после освобождения.

— Бостон! — Эванс развернул лошадь к Старбаку. — Твой говнюк Фалконер к тебе прислушается?

— Думаю да, сэр, — сказал Старбак, но потом добавил более честно: — Не знаю, сэр.

Эванс нахмурился какой-то своей мысли.

— Почему ты дерешься за нас, Бостон? Это не твоя драка.

Старбак не знал, что ответить. Причиной тому послужил скорее его отец, чем судьба Америки, и скорее Салли, чем рабство, но, похоже, сейчас было не время и не место для подобных объяснений.

— Потому что я мятежник, — предложил он скудное объяснение, понимая, насколько оно

неадекватно.

Но Натану Эвансу оно понравилось, он только что взял кружку с виски из рук своего сурового ординарца и осушил ее.

— Что ж, теперь ты мой мятежник, Бостон, так найди Фалконера и скажи ему, что мне нужен его драгоценный Легион. Скажи, что я передвигаю основную часть своих войск к броду Садли и хочу, чтобы его виргинцы тоже направились туда. Скажи, чтобы встал на моем левом фланге.

Старбак, захмелевший от виски, перемены своей судьбы и чувства паники, разлитого в жарком влажном воздухе, попытался добавить немного осмотрительности к плану Эванса.

— Полковник Фалконер твердо намерен пойти к правому флангу, сэр.

— На хрен желания Фалконера! — заорал Эванс так громко, что скучающие канониры у дороги вздрогнули от испуга. — Скажи Фалконеру, что Конфедерация в нем нуждается! Скажи этому ублюдку, что мы должны остановить янки, а иначе сегодня вечером все будем плясать на веревке у Линкольна. Я тебе доверяю, парень! Приведи Фалконера и вели ублюдку сражаться, будь он проклят! Вели толстобрюхому говнюку сражаться!

Выкрикнув последние слова, Эванс яростно вонзил шпоры, оставив пораженного Старбака в одиночестве, так как штабные офицеры и ординарцы ринулись за ним, в сторону солдат, держащих оборону каменного моста.

В тяжелом воздухе мелькали и свистели пули. Туча мух кружила над канавой, чтобы отложить яйца в куски плоти, которые лишь мгновение назад были человеком. Лейтенант Медоуз лежал на спине с выражением удивления в мертвых глазах и широко открытым наполненным кровью ртом. Старбак с бурлящим в животе виски натянул поводья, развернул Покахонтас и направился в сторону Легиона.

Первая потеря в Легионе Фалконера произошла примерно в пять минут девятого утра. Снаряд перелетел через холм на востоке, отпрыгнул от склона и обрушился с высоты с чудовищным свистом, а потом вонзился в землю во второй раз в двенадцати ярдах от первой роты.

Там он взорвался, и зазубренные железные осколки вонзились в голову Джо Спарроу, мальчишки, который поступил в университет, но сейчас погиб той скорой смертью, о которой только может мечтать солдат. Только что он стоял, смеясь над шуткой, рассказанной Сайрусом Мэттьюзом, а в следующее мгновение уже лежал на спине. Он лишь один раз дернулся и, ничего не почувствовав, умер.

— Джо? — спросил Сайрус.

Другие солдаты нервно отпрянули от погибшего парня, все, кроме его друга Джорджа Уотерса, стоящего рядом со Спарроу во втором ряду, теперь он упал на колени рядом с телом.

Кепи Спарроу сплющило от силы, с которой ударил осколок снаряда, и Джордж пытался ее поправить, но как только он потянул за жесткий козырек кепи, из-под нее хлынул чудовищный поток крови.

— О Боже! — Джордж отшатнулся при виде этого жуткого зрелища. — Он мертв!

— Не будь придурком, парень. Из головы всегда течет кровь, как из заколотой свиньи, ты прекрасно это знаешь, — сержант Хоуз протолкнулся через строй и теперь встал на колени рядом со Спарроу.

— Давай, Мелкий, вставай! — он поправил кепку, пытаюсь скрыть кровь, и легонько похлопал мертвеца по щеке. Джо был единственным сыном Бланш и Фрэнка Спарроу, гордостью всей их жизни.

Бланш яростно пыталась убедить мальчика не ходить на войну, но кто-то оставил адресованную Джо позорную нижнюю юбку на их крыльце, а юный Джо и так хотел присоединиться к Легиону, так что Бланш пришлось уступить, и вот Джо лежал на спине без движения.

— Позовите доктора! Доктора! — Пол Хинтон, капитан первой роты, спрыгнул с седла, выкрикивая приказ.

Майор Дэнсон со своим медицинским саквояжем выбежал из задних рядов полка, где оркестр играл «Энни-Лори», саксгорны расцвечивали басы в контрапункте к протяжной мелодии, такой популярной у мужчин. Дэнсон протолкнулся сквозь строй первой роты.

— Дайте ему воздуха! — рявкнул он, он всегда это кричал, когда его вызывали к больному. Не важно, солдаты ли на поле боя, слуги или члены семьи, но люди всегда толпились около пациента, а Дэнсон терпеть не мог работать под взглядами зевак, дружно высказывающих собственные предположения. Если они были такими сведущими, часто думал он, то зачем им был нужен доктор? — А теперь отойдите. Кто это, Дэн?

— Сын Бланш Спарроу, док, — ответил Хинтон.

— Только не юный Джо! Давай, Джо, ты пропустишь всё веселье! — доктор Дэнсон упал на колени. — И что случилось? В голову попало, да?

— Он мертв, — произнес побелевший от шока Джордж Уотерс.

Майор Дэнсон нахмурился в ответ на этот любительский диагноз и пощупал пульс Джо Спарроу. Несколько секунд он молчал, потом снял с него кепку в кровавых пятнах, обнажив пропитавшиеся кровью и ставшие красными волосы.

— О, бедная Бланш, — тихо произнес доктор, — что мы теперь ей скажем? — он расстегнул мертвецу воротник сорочки, словно хотел дать ему возможность дышать.

Еще один отрикошетивший снаряд пролетел, как пила, над головами и рухнул на землю в полумиле от полка, звук от выстрела был приглушен густой листвой леса.

Адам Фалконер, восседавший верхом на лошади на вершине холма, чтобы понаблюдать за волнами дыма и огня у далекой реки, теперь понял, что в рядах Легиона что-то произошло, и пришпорил лошадь обратно к полку.

— Что случилось? — спросил он доктора Дэнсона.

— Сын Бланш, юный Джо.

— О Боже, нет, — в голосе Адама слышалась настоящая боль. День уже принес то насилие, которого так опасался Адам, а сражение, как он подозревал, еще даже не началось по-настоящему. Противники вошли в контакт, обмениваясь снарядами, но пока, по-видимому, никто не начал атаку.

— Бланш никогда этого не переживет, — сказал Дэнсон, с трудом встав на ноги. — Помню, когда Джо чуть не умер от коклюша, я решил, что она уйдет с ним в могилу. Боже ты мой, какое чудовищное несчастье.

Вокруг него на мертвое тело в ужасе таращилась вставшая в круг толпа солдат.

Не то чтобы для кого-то из них смерть была в новинку, все видели сестер, братьев, кузенов или родителей лежащими в гостинной, помогали нести гроб в церковь или вытаскивать утопленника из реки, но это было совсем другое, это была случайная смерть, лотерея войны, и на этом месте с легкостью могли бы быть и они сами, лежа без движения в луже крови.

Это было нечто, к чему они не были в действительности готовы, потому что ничто во время тренировок не убедило их, что юноши заканчивают жизнь с открытым ртом, лежа на спине, засиженные мухами, окровавленные и мертвые.

— Отнесите его в тыл, ребята, — велел капитан Хинтон. — Поднимайте его! Осторожней! — Хинтон проследил за перемещением тела и вернулся к Адаму. — Где твой отец, Адам?

— Не знаю.

— Ему следует находиться здесь, — Хинтон схватился за поводья и с трудом взобрался в седло.

— Полагаю, его задерживает генерал, — предложил Адам жалкое объяснение. Около свалившейся с Джо Спарроу кепки на траве блестело пятно крови. — Бедная Бланш, — произнес Адам. — Мы забрали Джо из знаменосцев, потому что решили, что в строю будет безопаснее.

Но Хинтон не слушал. Нахмурившись, он смотрел на восток, где на бровке холма появился всадник.

— Это Старбак? О Боже, это он!

Адам повернулся и к своему изумлению увидел, что, действительно, в сторону Легиона галопом скакал Старбак, и на секунду Адам подумал, что видит привидение, но затем осознал, что это и правда его друг, которого тремя часами ранее отправили обратно на север, к соотечественникам, но теперь он вернулся — без кителя и в спешке.

— Где твой отец? — выкрикнул Старбак.

— Не знаю, Нат, — Адам подъехал к своему другу. — Что ты здесь делаешь?

— Где Дятел? — Старбак говорил отрывисто и резко, совсем не в тон меланхолическому настрою после смерти Спарроу.

— Что ты здесь делаешь, Нат? — повторил свой вопрос Адам, пришпорив лошадь вслед за Старбаком. — Нат?

Но Старбак уже пустил лошадь вниз, в сторону передних рядов Легиона, где рядом с провисшими в безветренном воздухе флагами стоял майор Бёрд.

— Сэр! — Старбак придержал лошадь недалеко от Бёрда.

Тот моргнул, подняв на него глаза.

— Старбак? Мне было велено отправить вас в отставку! Вы уверены, что должны здесь находиться?

— Сэр, — тон Старбака был неестественным и формальным. — Меня послал полковник Эванс, сэр. Он хочет, чтобы мы выступили к броду Садли. Враг пересек реку у церкви Садли и продвигается в этом направлении.

Дятел Бёрд моргнул, взглянув на молодого человека, отметив, что тот говорит совершенно спокойно, и это спокойствие, как он полагал, являлось извращенным симптомом возбуждения юноши, а потом Бёрд подумал, как потрясающе хорошо каждый играет свою воинскую роль этим малоприятным утром.

— Разве эти приказы положено адресовать не полковнику Фалконеру?

Услышав, как он задает этот вопрос, Бёрд поразился, что его естественным побуждением было попробовать избежать ответственности.

— Если бы я смог найти полковника, сэр, то сказал бы ему. Но не думаю, что для этого есть время, и если мы не сдвинемся с места, сэр, то от армии ничего не останется.

— Вот как? — Бёрд тоже говорил спокойно, но его руки впились в бороду, выражая напряжение этого мгновения. Он открыл рот, чтобы продолжить разговор, но не смог выдать ни слова.

Он думал, что ему тоже придется сыграть свою роль в этой войне, а сейчас судьба бросила в его руки эту ответственность, и тогда он малодушно подумал, что его воинский долг заключается в том, чтобы

подчиняться полковнику Фалконеру, а он отдал совершенно определенные приказы: игнорировать все команды со стороны полковника Натана Эванса.

Фалконер и сейчас занимался попытками передислоцировать Легион на юг, где, как полагал Борегар, произойдет основное сражение, но полковник Натан Эванс ожидал, что Легион выдвинется на север, и недвусмысленно заявлял, что будущее Конфедерации зависит от того, подчинится ли Бёрд.

— Сэр! — Старбак явно был не столь спокоен, каким казался, потому что подгонял майора Бёрда с решением.

Бёрд жестом призвал Старбака к молчанию. Первым побуждением Таддеуса Бёрда было избежать ответственности, слепо подчинившись приказам Вашингтона Фалконера, но именно этот импульс позволил Бёрду понять, почему его зять поддался мольбам Мириам и назначил его майором.

Потому что Вашингтон Фалконер считал, что Бёрд всегда будет подчиняться его приказам. Полковник явно считал Бёрда безопасным ничтожеством, которое никогда не отнимет и доли его славы.

На самом деле, как внезапно осознал Таддеус Бёрд, никому не было дозволено состязаться с Вашингтоном Фалконером, вот почему полковник окружил себя тупицами вроде Ридли, и вот почему, когда человек вроде Старбака грозил выказать некоторую независимость, он был быстро изгнан из окружения полковника.

Даже сомнения Адама были для Вашингтона Фалконера приемлемыми, потому что мешали тому состязаться с отцом. Вашингтон Фалконер окружил себя туповатыми людьми, лишь чтобы сиять на их фоне во всей красе, и как только Таддеус Бёрд осознал эту истину, он решил пойти наперекор. К черту Фалконера, потому что майора Бёрда нельзя считать ничтожеством!

— Старшина Проктор!

— Сэр! — старшина с достоинством и прямой спиной промаршировал со стороны знамен.

— Легион выступит к перекрестку у подножия холма, старшина, ротами в колоннах. А потом вверх по дальней дороге, — Бёрд указал на противоположную сторону долины. — Отдайте соответствующие распоряжения.

Старшина, совершенно точно знающий, сколько власти предполагалось отвести Бёрду в Легионе Фалконера, приосанился, чтобы продемонстрировать свой впечатляющий рост.

— А это приказы полковника, майор, сэр?

— Это приказ старшего по званию, старшина Проктор, — теперь, когда Бёрд принял решение, он, похоже, наслаждался собой, потому что его голова раскачивалась взад-вперед, а тонкие губы скривились в сардонической ухмылке.

— Мы продвинемся вдоль дороги Садли, это та проселочная дорога, что находится за перекрестком, — Бёрд снова указал на север, а потом взглянул на Старбака в поисках подтверждения.

— Правильно?

— Да, сэр. И полковник Эванс потребовал, чтобы мы встали на его левом фланге, когда пересечем дальний холм, — Старбак гадал, не то ли это самое место, где с ним попрощался Вашингтон Фалконер.

— Не будет ли лучше, сэр..., - вступил в разговор старшина Проктор, пытаясь усмирить умопомешательство Дятла Бёрда.

— Выполняйте! — закричал Бёрд во внезапном приступе ярости. — Ступайте!

Адам Фалконер последовал за Старбаком к майору Бёрду и теперь вмешался, чтобы прояснить

ситуацию.

— Что ты делаешь, дядя?

— Легион выступит колоннами поротно! — рявкнул майор Бёрд неожиданно громким голосом. — Сначала первая рота! Роты! Смирно!

Очень немногие обратили на эти слова хоть какое-то внимание, большинство солдат так и остались на местах, предположив, что у Дятла просто очередной припадок, как, бывало, случалось в школе, когда он впадал в ярость после какой-нибудь проделки учеников.

Многие офицеры Легиона с трудом сдержали смех, а некоторые, как, например, Ридли, раскачивали головами взад-вперед, как клюющие птицы.

— Нат, — повернулся Адам к своему другу. — Будь добр, объясни, что именно происходит?

— Враг обходит нас с тыла, — произнес Нат достаточно громко, чтобы слышали ближайшие роты, — и полковнику Эвансу нужен наш полк, чтобы помочь сдержать их атаку. Здесь нет никого кроме нас и людей полковника Эванса, и больше никто не сможет их остановить, и если мы не сдвинемся с места, то проиграем сражение.

— Что за дерьмо, — вмешался Итан Ридли. — Ты просто чертов янки и работаешь на янки. Там нет никакого врага.

Адам положил руку на плечо Старбаку, чтобы сдержать его, а потом посмотрел на север, через дорогу. Там не было заметно никакого движения. Даже листва не шевелилась. Пейзаж был сонным и пустым.

— Думаю, нам лучше остаться здесь, — предложил Адам. Старшина Проктор кивнул в знак согласия, а майор Бёрд посмотрел на Старбака с призывом во взгляде.

— Я видел северян, — сказал Старбак.

— Я не сдвинулся с места, — провозгласил Ридли, и это заявление было поддержано одобрительным шепотом.

— Почему бы нам не послать к Эвансу офицера за подтверждением приказа? — разумно предложил капитан Хинтон. Он вместе с дюжиной офицеров присоединился к дискуссии.

— У тебя нет письменного приказа, Нат? — спросил Энтони Мерфи.

— Не было времени что-либо записывать, — объяснил Старбак.

Ридли язвительно рассмеялся, а Таддеус Бёрд выглядел неуверенным, словно гадал, правильное ли решение принял.

— Где сейчас Эванс? — поинтересовался Хинтон.

— Двигается от каменного моста к дороге Садли, — Старбак ощущал подступающее отчаяние.

— Это и есть дорога Садли? — прервал беседу рёв Траслоу.

— Да, — подтвердил Старбак. Траслоу указывал на север через неглубокую долину.

— И ты говоришь, что видел там янки?

— Да, за бродами.

Траслоу кивнул, но к разочарованию Старбака больше ничего не добавил. Небольшая группа всадников в серых мундирах скакала галопом через дорогу к дальнему холму, копыта их лошадей оставляли на земле темные следы.

Офицеры Легиона наблюдали за ними, пока всадники не скрылись в далеком лесу. Это было единственным знаком того, что на левом фланге армии что-то может произойти, но кавалеристов было так мало, что их маневр едва ли можно было считать убедительным свидетельством.

— Это значит, что мы выдвинемся на помощь полковнику Эвансу, — Бёрд решил быть твердым, — и тот, кто не подчинится моему приказу, будет расстрелян! — Бёрд вытащил револьвер Ле Ма, поднял его своей худой правой рукой и, будто в неуверенности, что на самом деле сможет исполнить эту угрозу, протянул это выглядящее смертоносным оружие Старбаку. — Вы его застрелите, лейтенант Старбак, и это приказ. Слышите?

— Очень четко, сэр! — Старбак понял, что ситуация опасно выходит из-под контроля, но не знал, что предпринять, чтобы вернуть ее в нужное русло. Легиону отчаянно был нужен лидер, но полковник отсутствовал, и никто, похоже, не выглядел достаточно адекватно в качестве его замены.

Сам Старбак был северянином и простым младшим лейтенантом, если вообще кем-то был, а Таддеус Бёрд являлся посмешищем, деревенским школьным учителем, переодетым в яркую военную форму, и хотя лишь Старбак и Бёрд понимали, что нужно делать, ни один из них не мог навязать свою волю полку, и Старбак, держа неуклюжий револьвер, знал, что никогда не осмелится привести его в действие.

Майор Бёрд с важным видом выступил на три шага вперед. Он выглядел смехотворно, сделав три гигантских шага, которые, как он несомненно полагал, должны были смотреться торжественно, но выглядели просто как походка клоуна, неуклюже корячащегося по арене на ходулях. Он развернулся и призвал к порядку:

— Легион, смирно! Встать!

Постепенно и с неохотой солдаты встали. Они натянули заплечные мешки и подняли с травы винтовки. Бёрд подождал, а потом выкрикнул следующий приказ:

— Легион, стройся поротно в колонны! Первая рота! Направо! Вперед!

Ни один солдат не пошевелился. Они встали, но не собирались перемещаться с этого клочка земли на склоне холма. Первая рота смотрела на капитана Хинтона в ожидании указаний, но тот был явно встревожен приказом и не сделал попытки его поддержать. Таддеус Бёрд сглотнул и поднял глаза на Старбака. Револьвер оттягивал Старбаку руку.

— Лейтенант Старбак? — голос майора Бёрда стал больше похож на визг.

— О, дядя Таддеус, не надо! — воззвал Адам.

Солдаты едва сдерживали истерический смех, вызванный смехотворным пафосом этой родственной мольбы, и хватило бы еще одного слова, чтобы этот смех прорвался, но твердый голос, такой же неожиданный и мрачный, как свист пролетающего снаряда, сменил настроение полка на мрачное предчувствие.

— Одиннадцатая рота! На плечо!

Траслоу отошел назад, к левому флангу Легиона, и теперь выкрикнул приказ. Одиннадцатая рота немедленно ему подчинилась.

— За мной! — рявкнул он.

Одиннадцатая рота покинула ряды полка и начала спускаться вниз по склону. Траслоу, коротышка с потемневшим лицом, не оглядывался налево или направо, а шагал вперед своей размеренной походкой сельского жителя. Капитан Розуэлл Дженкинс, старший офицер роты, галопом поскакал вслед за ней, но его попытка переубедить Траслоу была полностью проигнорирована. Мы пришли сюда драться, по всей

видимости заявил Траслоу, и Бога ради, давайте поднимем свои задницы и будем драться.

Капитан Мерфи, командующий четвертой ротой, вопросительно поглядел на Старбака. Тот кивнул, и этого простого подтверждения для Мерфи оказалось достаточно.

— Четвертая рота! — выкрикнул он, и солдаты даже не стали дожидаться приказа выступить, а сразу отправились вслед за людьми Траслоу. Оставшаяся часть Легиона тоже двинулась вперед. Старшина Проктор бросил яростный взгляд на Старбака, но тот лишь пожал плечами, а майор Бёрд, чьим приказам наконец-то подчинились, подгонял тех, кто медлил.

Ридли резко дернул лошадь, оглядываясь в поисках союзников, но Легион Фалконера выступил на запад, ведомый сержантом, а офицерам осталось только поспевать за своими солдатами. Сам же Старбак, который торопил отправку на север, развернулся к Адаму и крикнул ему:

— Где мой мундир?

Адам протиснулся сквозь строй оркестра, производящего страшную какофонию резких звуков и грохота, пытаясь догнать уходящий Легион.

— Нат! — Адам выглядел расстроенным. — Что ты натворил?

— Я тебе объяснил. Федералисты обходят нас с тыла. Ты знаешь, где мой мундир? — Старбак спешил рядом с телом Джо Спарроу. Он подобрал его винтовку и стянул с него портупею со флягой, патронташем и коробкой с капсулями.

— Что ты делаешь? — спросил Адам.

— Вооружаюсь. Будь я проклят, если проведу остаток этого дня без оружия. Здесь люди убивают друг друга, — Старбак хотел мрачно пошутить, но легкомысленность этих слов придала им резкости.

— Но отец послал тебя домой! — запротестовал Адам.

Старбак повернул в сторону своего друга мрачное лицо.

— Ты не можешь диктовать мне, на чьей стороне стоять, Адам. Сам можешь поступать по-своему, но и мне позволяй.

Адам прикусил губу и повернулся в седле.

— Нельсон! Принеси мистеру Старбаку мундир и оружие!

Слуга полковника, ожидавший у сложенных в груды ранцев, палаток и прочего багажа легионеров, принес Старбаку его саблю, пистолет и мундир. Старбак кивнул в знак признательности, натянул китель и пристегнул портупею с тяжелым пистолетом.

— Похоже, что у меня слишком много оружия, — сказал он, взглянув на собственный револьвер, винтовку Джо Спарроу и револьвер Ле Ма, полученный от майора Бёрда. От отбросил винтовку и скорчил мину в сторону уродливого Ле Ма.

— Отвратительное создание, правда? — у револьвера было два дула, верхнее — нарезное, для пуль, а нижнее — гладкое, для картечи. Старбак открыл барабан и засмеялся, а потом продемонстрировал Адаму, что все девять ячеек в барабане были пусты.

Заряд картечи был на месте, но переключатель, с помощью которого владелец револьвера выбирал, какое дуло использовать, был сдвинут вверх, чтобы стрелять из пустого барабана.

— Он не заряжен, — сказал Старбак. — Дятел блефовал.

— Теперь он не блефует! — запротестовал Адам, махнув рукой в сторону отцовского Легиона,

который теперь находился на полпути к подножию холма. — Посмотри, что ты натворил!

— Адам! Бога ради, я видел янки. Они идут прямо на нас, и если мы их не остановим, то война закончится.

— Разве мы не этого хотим? — спросил Адам. — Одно сражение, как ты мне обещал, а потом мы сможем начать переговоры.

— Не сейчас, Адам, — Старбаку не хватало ни времени, ни терпения, чтобы развеять сомнения своего друга. Он пристегнул портупею с саблей и кобурой поверх мундира и запрыгнул в седло, как раз когда Итан Ридли поскакал к вершине холма.

— Я собираюсь найти твоего отца, Адам, — заявил Ридли, проигнорировав Старбака.

Адам посмотрел вниз, в долину, где его соседи маршировали на север.

— Нат? Ты уверен, что видел северян?

— Я их видел, Адам. После того, как уехал от вас. Они находились позади брода Садли и шли в этом направлении. Они в меня стреляли, Адам, и гнались за мной! Я даже представить себе такого не мог.

Погоня оказалась короткой, поскольку ей помешал лес, и преследователи-северяне сдались за пять минут до того момента, когда Старбака захватили два луизианских кавалериста, отказавшиеся пересечь брод, чтобы убедиться в рассказанной Старбаком истории собственными глазами.

— Он врёт, — спокойно произнес Ридли и побелел, когда Старбак обернулся в его сторону.

Старбак ничего ему не ответил, вспомнив о том, что собирался убить этого человека, но только не на глазах у Адама. Он сделает это в неразберихе сражения, когда рядом не окажется ни одного свидетеля, способного обвинить его в убийстве.

— Янки идут через брод Садли, — сказал Старбак, опять развернувшись к своему другу, — и никто кроме нас не сможет их остановить.

— Но..., - казалось, Адам никак не мог осознать чудовищность новостей Старбака — что левому флангу армии мятежников что-то угрожает и что его уверенный в себе и процветающий отец ошибался.

— Как в битве при Фермопилах, Адам, — горячо заявил Старбак, — считай это битвой при Фермопилах.

— Это еще что? — поинтересовался Итан Ридли. Он никогда не слышал ни о Фермопилах, где персы Ксеркса зашли во фланг греческой армии Леонида и одержали победу, ни о том, как три сотни спартанцев пожертвовали жизнью, чтобы остальные греки смогли уйти.

Натан Эванс не был особо похож на героя-грека, но сегодня он играл роль спартанца, а Адам, получив это сравнение нынешнего положения со случаем из классической истории, немедленно понял, что соседи и арендаторы его отца выступили, чтобы стать героями, так что он просто не мог оставить их умирать в одиночестве. Фалконер должен быть с ними, и если отсутствует отец, то будет присутствовать Адам.

— Значит, нам придется сражаться, да? — безрадостно спросил Адам.

— Ты должен отправиться к отцу! — настаивал Ридли.

— Нет. Я должен пойти с Натом, — отозвался Адам.

Ридли почуял запах победы — наследный принц встал на сторону врага короля, и Ридли заменит их обоих. Он развернул лошадь.

— Я отправляюсь за твоим отцом, — выкрикнул он, пришпорив лошадь мимо тела Джо Спарроу.

Адам посмотрел на своего друга и задрожал.

— Мне страшно.

— Мне тоже, — ответил Старбак, вспомнив оторванную ногу, перелетающую над дорогой, разбрызгивая кровь на своем пути. — Но и янки тоже страшно, Адам.

— Надеюсь, что так, — сказал тот и щелкнул языком, понуждая лошадь начать движение. Старбак с меньшим изяществом последовал за ним на Покахонтас, и друзья поскакали вниз по холму на север, вслед за Легионом. В чистом летнем воздухе над ними снаряд от гаубицы прочертил дымный след на небе, а потом врезался в землю и взорвался где-то в лесу.

Еще не было и девяти часов утра.

Выдвигаться колоннами поротно было не лучшей идеей майора Берда, но он решил, что это было бы самым быстрым способом заставить Легион сдвинуться с места, и поэтому отдал соответствующее распоряжение.

В этом построении роты должны были маршировать в ногу друг с другом, четыре шеренги в ширину, каждая из девятнадцати-двадцати человек, в зависимости от численности роты, и вместе десять рот образовывали широкую колонну со знаменем в центре, оркестр и доктор Дэнсон замыкали строй.

Проблема была в том, что Легион отрабатывал маневры лишь на плоском лугу Фалконера, тогда как теперь они шли через местность, пересеченную неудобными канавами, изгородями, кустарником, ямами, холмами, кустами ежевики, ручьями и непроходимыми зарослями деревьев. Они смогли довольно успешно добраться до дороги, но деревья возле каменного моста и изгороди на пастбищах расстроили ряды рот, и вполне естественно, что солдаты предпочли идти по дороге, так что колонна рот превратилась в длинную разбросанную цепочку людей, которые медленно тащились по пыльной дороге, прежде чем добрались до деревьев на вершине дальнего холма.

Но по крайней мере, солдаты взбодрились. Многие были рады передвижению, и еще больше рады убраться с открытого склона, где беспорядочно падали вражеские снаряды, перелетая через холм, и каким-то образом утро приняло ту же атмосферу спортивного соревнования, что и в дни занятий в Фалконере.

Взбираясь на холм, они бахвалились тем, что сделают с янки, которых едва ли ожидали встретить у дальнего склона.

Многие из солдат полагали, что майор Бёрд понял всё совершенно превратно, и полковник будет чертовски зол, когда вернется со встречи с генералом, но то была проблема Дятла, а не их. Никто не выказывал таких же подозрений по отношению к Траслоу, который первым начал движение и теперь невозможно вел Легион на север.

Старбак и Адам неслись галопом вдоль колонны, пока не нашли Таддеуса Бёрда, шагавшего вместе со знаменосцами. Старбак неосторожно свесился с седла, чтобы отдать майору Бёрду его револьвер Ле Ма.

— Ваше оружие, сэр. Вы знали, что он не заряжен?

— Конечно же, он не заряжен, — Берд взял оружие у Старбака. — Вы что, действительно думали, что я хотел пристрелить кого-нибудь? — хихикнул Бёрд и отвернулся, чтобы посмотреть на солдат, беспорядочно двигавшихся по проселочной дороге вверх по лесу. Так это и есть отборные части Вашингтона Фалконера? Императорская гвардия Фалконера? Эта мысль заставила Бёрда громко рассмеяться.

— Сэр? — Старбак решил, что Бёрд что-то сказал.

— Ничего, Старбак, пустяки. Хотя я полагаю, что нам следует передвигаться более подобающим для солдат образом.

Старбак указывал вперед, туда, где клочок неба обещал ровную местность на противоположной стороне густого леса, венчавшего гору.

— Там за холмом поля, сэр. Там вы сможете построить людей как положено.

Бёрду пришло на ум, что Старбак уже проезжал по этой дороге, когда полковник пытался избавиться от него.

— Почему вы не ушли, когда Фалконер дал вам шанс? — поинтересовался он у Старбака. — Вы действительно хотите сражаться за Юг?

— Да, хочу, — хотя едва ли сейчас было подходящее время, чтобы объяснять, насколько это решение было донкихотским, или почему вид солдат с топорами в лесу внезапно подтолкнул его к этому решению.

Он знал, это не было разумным выбором, а всего лишь восстанием против семьи, и Старбак внезапно удивился способу, каким судьба предоставляла эти шансы, и небрежностью, с которой этот выбор можно сделать, даже если последующее за этим решение может в корне изменить все последующие события вплоть до самой смерти. Сколько раз, размышлял он, история вершилась такими необдуманными поступками?

Сколько важнейших решений принималось на основе только лишь гордости, похоти или банальной лени? Воспитание и вера учили Старбака: каждому уготовано божественное предназначение, и судьба человека предопределена свыше. И всё же этим утром Нат приставил к этому учению ствол ружья и одним выстрелом отправил на небеса. И Старбаку показалось, что мир стал чуточку лучше и чище.

— Ну, раз вы с нами, — произнес Таддеус Бёрд откуда-то со стороны левого стремени, — может быть, проскачете вперед и остановите солдат на открытой местности, как и обещали? Мне бы не хотелось, чтобы наши люди мчались в бой, словно толпа грешников на покаяние, — он махнул Старбаку, указывая направление револьвером Ле Ма.

Когда Старбак добрался до головы колонны, выяснилось, что сержант Траслоу уже приказал своим солдатам сойти с дороги. Одиннадцатая рота легкой пехоты успела дойти до гребня холма — того самого, на котором полковник выгнал Старбака из рядов Легиона и где деревья уступали место пастбищу на длинном склоне.

Траслоу строил своих людей в две шеренги около зигзагообразной изгороди, не позволявшей рогатому скоту разбежаться по лесам. Старший офицер одиннадцатой роты куда-то испарился, но Траслоу он и не был нужен. Траслоу нужны были мишени.

— Проверьте, чтобы оружие было заряжено! — рычал он на солдат.

— Сержант, смотрите! — кто-то на правом фланге указывал в сторону открытой местности, по которой передвигалась орда появившихся из леса странно одетых солдат.

На них были мешковатые ярко-красные рубашки, широкие черные-белые штаны, заправленные в белые гетры, и красные головные уборы с длинными голубыми кисточками. Это был полк модников, известных как зуавы, и подражавший знаменитой легкой пехоте Франции [\[20\]](#).

— Пусть идут, — ответил Траслоу. — Эти клоуны из наших, — он уже заметил флаг Конфедерации среди рядов разодетых солдат.

— Смотреть вперед! — приказал он.

Легионеры продолжали появляться на дороге, собираясь на правом фланге роты Траслоу. Офицеры

Легиона тем временем беспомощно жались у деревьев, не совсем понимая, что происходит и кто командует внезапным построением.

Майор Бёрд надрывал глотку, приказывая офицерам возглавить свои роты, а затем посмотрел направо, туда, где отряды конфедератов продолжали появляться из-за деревьев, заполняя пустоту между рядами Легиона и разодетыми зуавами.

Новоприбывшие были одеты в серые мундиры, и их приход озаменовал поспешное формирование оборонительной линии на северном краю леса. Широкая длинная полоса открытой местности уходила от зигзагообразной изгороди мимо фермы и стогов сена — туда, где далекие леса прятали брод Садли. Широкое ровное пастбище, казалось, было создано специально для винтовок обороняющихся — готовое стрельбище, залитое беспощадным солнцем.

Полковник Эванс на своей серой лошади, одолженной у мертвеца, галопом приблизился к тому месту, где формировал строй Легион Фалконера.

— Отлично сработано, Бостон, отлично! — поприветствовал он Старбака, добавив к этому поздравительный жест, резко повернув лошадь в сторону северянина и с силой похлопав того по спине. — Отлично сработано! Полковник Фалконер здесь?

— Нет, сэр.

— Кто командует?

— Майор Бёрд. Он у знамен, сэр.

— Бёрд! — Эванс развернул лошадь, из-под ее копыт разлетелась земля и трава. — Нам лишь нужно удерживать ублюдков здесь. Придется им всыпать по полной.

Его нервная лошадь остановилась, дрожа и мотая головой, пока Эванс вглядывался в северном направлении, в длинный открытый склон холма.

— Если они появятся, — добавил он тихо. Левой рукой он нервно похлопывал бедро. Немец-ординарец с «бочоночком» виски остановился за спиной полковника, как и дюжина штабных офицеров и верховой знаменосец с пальмой на флаге Южной Каролины.

— У меня две пушки на марше, — сообщил Эванс Бёрду, — но пехоты больше нет, так что нам придется делать всю работу, пока до Борегара дойдет, что случилось. Эти воришки в ярких тряпках, — он мотнул головой в сторону стоящих вдалеке зуавов, — это Луизианские тигры Уита. Знаю, что выглядят они как шлюхи на пикнике, но Уит говорит, что в драке они редкостные сукины дети. Те, что поближе — это ребята Слоуна из Южной Каролины, и я знаю, они будут драться. Я обещал им мясо янки на ужин. А что ваши мерзавцы?

— Рвутся в бой, сэр, — майор Бёрд был разгорячен и часто дышал после быстрого марша, он снял шляпу и запустил руку в свои длинные редеющие волосы. За его спиной испытывающие жажду солдаты Легиона осушали свои фляжки.

— Зададим пороку этим говнюкам, да, — сказал Эванс, вновь бросив взгляд на север, хотя на пустынной местности не было никакого движения, даже ветерок не шелестел в далеких деревьях, где под густым пологом листвы исчезала дорога, ведущая к броду.

У церкви Садли на холме слева от дороги стояла небольшая группа мужчин, женщин и детей, и Эванс подумал, что они, должно быть, прихожане, которые явились в церковь и обнаружили, что церковную службу отменила война. Позади Эванса в жарком неподвижном воздухе тихо гроыхала приглушенная расстоянием канонада северян.

Эванс оставил у каменного моста лишь четыре недоукомплектованных роты, слишком маленькие силы, чтобы сдержать решительную атаку янки по основной дороге, и внезапно он почувствовал чудовищный приступ страха, что был обманут, и эта пресловутая атака с фланга была уловкой, ловушкой, приманкой, чтобы он оголил каменный мост и проклятые янки могли закончить войну одним маневром.

И где, черт возьми, Борегар? Или люди генерала Джонстона, которые, по слухам, должны были прибыть из долины Шенандоа? Христа подняли на крест, и началась агония, подумал Эванс. Многие годы службы он сражался с команчами, но ему никогда не приходилось принимать решения под влиянием момента, вроде того, что он только что принял, решение, которое оставило северный фланг армии конфедератов опасно оголенным.

Посмеется ли над ним история, как над идиотом, чья глупость вложила легкую победу прямо в руки северянам?

— Бостон! — Эванс развернулся в седле, чтобы посмотреть на Старбака.

— Да, сэр.

— Ты же не соврал мне, правда? — Эванс вспомнил о сообщении сигнальщиков и попытался убедить себя, что он поступил правильно, но Боже ты мой, что он наделал? Далеко за его спиной, невидимые за деревьями и дорогой, на пустынной местности, которую он оставил практически не защищенной, гремели и разрывались снаряды. — Ты мне наврал, парень? — рявкнул он Старбаку. — Наврал?

Но Старбак не ответил. Он даже не смотрел на полковника с безумными глазами. Он вглядывался в длинный бледный склон, где из-за дальних деревьев наконец появились северяне.

Шеренга за шеренгой шли солдаты. Сверкали на солнце кокарды и пряжки на ремнях, приклады винтовок, ножны сабель и надраенные стволы орудий, создавая ореол над армией праведников, явившейся, чтобы воссоздать Господом данную страну.

Потому что пружина в мышеловке северян сработала. Четыре полные бригады пехоты, поддержанные лучшей в Северной Америке артиллерийской батареей, сделали крюк, чтобы вторгнуться в тыл мятежникам, где лишь кучка южан под командованием непрерывно лакающего виски сквернословия являлась единственным препятствием для победы.

Теперь всё, что было нужно, это одна массированная атака, и мятежники-рабовладельцы превратятся просто в одну строчку в летописи, как позабытое всеми событие, легкое летнее сумасшествие, которое закончилось и растворилось, как дым при внезапном порыве ветра.

— Да благословит тебя Бог, Бостон, — сказал Эванс, потому что Старбак всё-таки не солгал, им предстояло сражение.

Глава двенадцатая

Янки двигались быстро. Предрассветный марш в обход вражеского фланга занял на несколько часов больше, чем рассчитывали командиры, и теперь им нужно было атаковать тыл повстанцев — сильно и быстро, прежде чем южане осознают, что вообще происходит.

Барабаны задавали темп, первые полки северян построились в боевые линейные порядки, канониры разворачивали орудия на флангах наступающих войск. Несколько пушек установили прямо на проселочной дороге, другие — рядом с фермой у подножия холма. Оттуда же первые снаряды со свистом полетели в сторону замерших в ожидании конфедератов — тонкой линии у поросшего лесом хребта.

Янки наступали уверенно и твердо. Они ожидали, что противник будет оборонять брод Садли, и опасались укрепления южанами недостроенной железнодорожной насыпи, но по мере наступления в тыл повстанцам не встретили никакого сопротивления.

Их атака оказалась для врага полной неожиданностью, усиленной медлительностью командиров конфедератов. Все, что теперь отделяло войска федералистов от полной победы — достойная жалости группка восставших фермеров, выстроенная на вершине холма.

— На Ричмонд, ребята! — прокричал офицер северян.

Войска пошли в атаку вверх по лугу, а позади одетой в синюю форму пехоты полковой оркестр разразился мелодией «Тело Джона Брауна», словно призрак вспыльчивого старого мученика явился лично наблюдать, как возглавившие атаку полки, оба с Род-Айленда, разобьют строй мятежников.

Из леса появлялись и другие северяне, двигаясь позади солдат из Род-Айленда.

Солдаты из Нью-Йорка и Нью-Хэмпшира тоже присоединились к атаке, пока орудия на фланге изрыгали облака сероватого дыма. Быстро исчезающие узоры сжатых газов в форме веера мелкой рябью разбегались по траве под пушкой, когда выстрелы обжигали склон.

Разрывы были сильнейшими и ужасающими, разрывающими барабанные перепонки. Некоторые снаряды, нацеленные слишком высоко, разрывались в ветвях деревьев над шеренгой конфедератов, распугивая птиц и вызывая дождь падающих веток и листьев прямо на голову оркестрантов, капеллана, слуг и ординарцев-медиков, скрючившихся в задних рядах.

Полк регулярных войск армии США выступил из-за деревьев, перестроившись из колонны в шеренгу, примкнув штыки и продвигаясь вверх по холму вместе с солдатами из Нью-Йорка и Новой Англии.

Полковник Эванс промчался обратно к центру шеренги, где южнокаролинцы полковника Слоуна присели на краю леса, чтобы стать более трудной мишенью для вражеской артиллерии.

Несколько застрельщиков вышли из рядов мятежников за изгородь и стреляли из винтовок по идущим вперед янки, но Старбак, наблюдавший за ними, сидя верхом у кромки леса, не замечал никаких признаков, что выстрелы причинили какой-либо ущерб. Враг упорно приближался, двигаясь под музыку далеких оркестров и под грохот барабанов, идущих вместе с ротами, в предвкушении славной победы, что ждала атакующих на вершине холма, куда прибыли первые две довольно древние пушки Натана Эванса. Орудия в спешке сняли с передков, развернули и дали залп ядрами вниз по склону.

Ядро отскочило от земли, перелетало над головами род-айлендского полка и, не причинив никакого вреда, плюхнулось в лес позади них. Неподалеку разорвался снаряд северян. Звук от взрывной волны был чудовищным, словно сама вселенная внезапно треснула надвое. Воздух наполнился дымом и обжигающими осколками снаряда. Старбак вздрогнул. Артиллерийский огонь у каменного моста его

напугал, но здесь оказалось гораздо хуже. Канониры целились прямо в Легион, снаряды издавали демонический скрежет, мелькая над головами.

— Застрельщики! — крикнул майор Бёрд надтреснутым голосом. Он попробовал повторить это, на сей раз более твердым тоном. — Застрельщики! Вперед!

Первая и одиннадцатая роты, две фланговые роты Легиона, неуклюже перебрались через изгородь и побежали по лугу. Им мешали винтовки, штыки в ножнах, ножи и заплечные мешки, флажки, патронташи и коробки для капсюлей, болтающиеся у них на поясе.

Они рассеялись в сотне шагов впереди Легиона. Их задачей было сдерживать застрельщиков врага, а потом открыть снайперский огонь по основной линии атакующих. Солдаты начали стрелять из винтовок, и каждого коленопреклоненного стрелка окружило небольшое облачко дыма. Сержант Траслоу переходил от одного к другому, а капитан Розуэлл Дженкинс, по-прежнему верхом, палил из револьвера по далеким северянам.

— Убедитесь, что ваше оружие заряжено! — призывал майор Бёрд оставшиеся восемь рот. Похоже, было уже немного поздновато, чтобы вспоминать об этом совете, но этим утром всё выглядело странно. Таддеус Бёрд, школьный учитель, командовал полком во время сражения? При этой мысли он хихикнул, вызвав неодобрительный взгляд со стороны старшины Проктора.

Янки находились еще в пятистах шагах, но теперь приближались быстрее. Офицеры северян вытащили сабли. Некоторые подняли клинки, упрямо пытаясь выглядеть как положено и достойно, но другие срезали ими одуванчики и чертополох, словно вышли на воскресную прогулку. Несколько человек ехали верхом на нервных лошадях. Одна лошадь, напуганная стрельбой, понесла и помчалась вместе с седоком через линию атаки северян.

У напуганного Старбака пересохло во рту, он вспомнил, что револьвер Сэвиджа, который он чуть раньше вернул полковнику Фалконеру и только что получил обратно, по-прежнему не был заряжен. Он вытащил тяжелый револьвер из длинной неуклюжей кобуры и отвел барабан, обнажив пустые ячейки.

Он вытащил шесть завернутых в бумагу патронов из патронташа на поясе. Каждый патрон состоял из конической пули и пороха. Он взял зубами пулю из первого патрона, ощутив на языке солоноватый вкус пороха, и тщательно высыпал порох в ячейку барабана. Внезапно Покахонтас, которую укусила муха, заржала и дернулась в сторону, в результате чего Старбак просыпал часть пороха на седло.

Он выругался, и пуля выскользнула изо рта, отскочила от луки седла и упала на траву. Он еще раз выругался, высыпал остатки пороха из ячейки и потянулся за новой пулей. На сей раз, высыпая заряд, он обнаружил, что его рука дрожит, а он разорвал губами не одну обертку патрона, а сразу две. Его зрение затуманилось, а потом он понял, что не может унять дрожь в руке.

Он поднял взгляд на приближающихся врагов. Над ними, неожиданно четко несмотря на пелену в глазах Старбака, реял звездно-полосатый флаг, и внезапно Старбак осознал, что не существует простых решений, ни один жизненный поворот нельзя воспринимать легкомысленно. Он уставился на вражеский флаг и понял, что не сможет в него выстрелить.

Его прадедушка Макфейл потерял глаз в битве при Банкер-Хилле[21], а потом, сражаясь под началом Пола Ревира[22] у Пенобскот-Бэй, лишился правой руки, защищая этот славный флаг, и Старбак вдруг почувствовал, как комок подступил к горлу.

Боже, подумал он, но ведь я не должен здесь находиться! Ни один из нас не должен! Внезапно он понял, почему Адам так возражал против войны, почему он был так огорчен, что эту славная страна будет разорвана надвое сражением, и с тоской глядел на далекий флаг, не замечая ни того, как первые пули

застрельщиков янки со свистом пролетали над его головой, ни снаряда, разорвавшегося совсем недалеко от изгороди, ни сиплых криков, которыми сержанты род-айлендского полка подгоняли солдат, приказывая им держать строй ровнее.

Старбак ничего этого не замечал и просто сидел в седле и дрожал, порох из дергающейся руки высыпался ему на бедро.

— С тобой всё в порядке? — приблизился к нему Адам.

— Не совсем.

— Теперь-то ты понимаешь? — мрачно спросил Адам.

— Да, — рука Старбака по-прежнему дрожала, когда он защелкнул барабан всё еще незаряженного револьвера. Вся его жизнь неожиданно показалась такой банальной, растраченной впустую и катящейся в тартарары.

Этим утром он считал, что война окажется чудесным приключением, вызовом, брошенным в лицо его отцу, и интересной историей, которую можно рассказать Салли, а вместо этого она оказалась чем-то гораздо более ужасным и неожиданным, будто занавес во время яркого театрального представления неожиданно поднялся, на мгновение приоткрыв жуткое адово пламя. Боже мой, думал он, но ведь я могу здесь погибнуть. Могу быть похоронен на краю этого леса.

— Дело было в девушке, — выпалил он свой секрет.

— В девушке? — Адам сдвинул брови в непонимании.

— В Ричмонде.

— А, — Адама смутило признание Старбака, но также и озадачило. — Отец об этом догадывался, — сказал он, — но я не понимаю, почему ты рискнул всем ради..., — он остановился, может быть, потому что не мог найти правильные слова, или из-за того, что снаряд вонзился в ствол дерева, срезав кусок яркой древесины и наполнив тенистый лес вонючим сернистым дымом. Адам облизал губы. — Пить хочу.

— Я тоже, — Старбак сам не мог понять, зачем сделал это признание. Невозмутимые янки всё приближались. Через несколько минут, решил он, всего через несколько минут нам придется сражаться. Всё позёрство и неповиновение сошлись на этом теплом лугу. Он смотрел, как офицер-северянин оступился, уронил саблю и упал на колени в траву.

Вражеский застрельщик быстро преодолел разделявшие их пять шагов и встал на колени, чтобы оказать помощь, но потом понял, что потерял свой шомпол и вернулся, чтобы найти его в высокой траве. Лишившаяся седока лошадь неслась по склону. Ритм барабанщиков стал более рваным, но северяне по-прежнему продвигались.

Пуля просвистела рядом с головой Старбака. Один из оркестров северян заиграл «Знамя, усыпанное звёздами» [\[23\]](#), и эта мелодия впилась в уши и душу Старбака.

— Разве ты не думаешь о девушках? — спросил он Адама.

— Нет, — казалось, Адам не может сконцентрироваться на разговоре, а лишь разглядывает склон. — Никогда, — его пальцы подергивали поводья.

— Вы уверены, что вам двоим стоит оставаться верхом? — к Адаму и Старбаку подошел майор Бёрд. — Мне чертовски не хотелось бы вас потерять. Вы слышали, что погиб юный Спарроу? — обратился он к Старбаку.

— Да, я видел его тело.

— Ему следовало остаться дома с матерью, — сказал майор Бёрд. Его правая рука вцепилась в бороду, выдавая нервозность. — Бланш до смешного оберегала мальчишку, я выяснил это, когда настаивал на том, что он готов освоить логарифмы. Хрень Господня! — это проклятие было вызвано внезапным залпом со стороны находящихся неподалеку южнокаролинцев, открывших огонь поверх голов собственных застрельщиков.

— Вообще-то он овладел логарифмами очень быстро, — продолжал Бёрд, — и безоговорочно являлся моим лучшим учеником по греческому. Умный парень, но плакса. С натянутыми нервами, видите ли. Но тем не менее, это ужасная потеря, ужасная. Почему война не забирает первыми неграмотных?

На правом фланге врага открыла огонь новая артиллерийская батарея, и один из снарядов ударился о склон в сотне шагов впереди Легиона, отрикошетив в лес. Старбак услышал, как он срезал ветки над головой. Второй снаряд врезался в поверхность неподалеку от линии застрельщиков и разорвался под землей, которая внезапно вздыбилась, во все стороны полетели комки красной почвы и коричневый дым. Некоторые застрельщики отпрянули.

— Стоять! — рявкнул Траслоу, и не только застрельщики, но и остальные восемь рот Легиона застыли, словно кролики перед удавом. Восемь рот у кромки леса стояли в двух шеренгах, это построение из книг по строевой подготовке майор Пелэм и полковник Фалконер часто использовали во время тренировок Легиона.

Книги являлись переводами французских учебников и рекомендовали открыть ружейный огонь, стоя в длинной шеренге, а потом быстро бежать, чтобы прикончить врага в штыковой атаке. Майор Бёрд, прилежно проштудировавший эти учебники, полагал, что всё это ерунда.

На самом деле Легион так и не научился как следует стрелять из винтовок на расстояние более сотни шагов, и Бёрд не понимал, как они смогут нарушить спокойствие врага стрельбой мимо цели с в два раза большей дистанции, а затем броситься в неуклюжую атаку прямо в лапы вражеской артиллерии и под огонь из винтовок.

Полковник легкомысленно отвечал на это, что природная воинственность солдат преодолееет тактические трудности, но майору Бёрду это казалось проблематичным и слишком оптимистичным решением проблемы.

— Разрешите открыть огонь? — прокричал капитан Мерфи из четвертой роты.

— Не стрелять! — у Бёрда была собственная точка зрения на стрельбу пехоты. Он был убежден, что первый залп является самым опустошительным, и потому его следует приберечь до того момента, когда враг окажется поблизости.

Он понимал, что не может подкрепить опытом мнение, которое шло вразрез с профессиональной тактикой, преподававшейся в Вест-Пойнте и отработанной на практике во время войны с Мексикой. Но Бёрд был убежден, что солдату вовсе необязательно отбрасывать собственный ум и логику, поэтому майору не терпелось проверить свою теорию на практике.

Глядя на ряды синих мундиров, наступавшие на него сквозь клубы дыма, повисшие над лугом, Бёрд молился, чтобы полковник Фалконер не вздумал внезапно объявиться и отобрать у него командование над Легионом. Майор Таддеус Бёрд вопреки собственным ожиданиям начинал наслаждаться собой.

— Пора стрелять, дядя? — предположил Адам.

— Я бы подождал... то есть, мы подождем.

Боевой порядок янки постепенно распадался из-за остановок, во время которых солдаты прицеливались и стреляли, а затем снова спешили вперед. Пули Минье южан поражали северян, а

пушечные ядра конфедератов вносили свой вклад, пробивая кровавые бреши в рядах атакующих, оставлявших позади вопящие и бьющиеся в агонии тела.

Янки вели перестрелку со такими же, как они, застрельщиками Конфедерации, но их схватка не играла особой роли — лишь дань военной теории, утверждавшей, что легким пехотинцам следует вести беспокоящий огонь по рядам противника перед началом главной атаки. Главные силы северян продвигались вперед слишком быстро, не позволяя стрелкам оказать им помощь, да и не нуждаясь в ней.

Пушки северян умолкли — линию огня им преграждала собственная пехота. Но гаубицы по-прежнему вели навесную стрельбу поверх голов атакующих, выпуская снаряды высоко в небо.

Две пушки Эванса продолжали стрельбу, но Старбак, прислушавшись и отметив изменение в звуке выстрелов, понял, что в дело вступила картечь.

Картечный заряд представлял собой металлическую упаковку цилиндрической формы, заполненную ружейными пулями. При выстреле цилиндр разрывался, рассеивая пули в сторону противника. Старбак видел результат такой стрельбы — лежащие то тут, то там раненые или мертвые солдаты, вырванные безжалостными снарядами из рядов атакующих.

Барабанщики по-прежнему отбивали ритм атаки, и северяне приободрялись по мере продвижения, их голоса наполнились энтузиазмом, почти радостью, будто всё это действие являлось спортивным соревнованием.

Ближайший американский флаг был щедро обрамлен золотистыми кистями и настолько тяжелым, что знаменосец шел с трудом, словно преодолевая реку. Полк регулярной армии поравнялся с первой линией атакующих и теперь поспешил вперед с примкнутыми штыками, ради чести стать первыми солдатами-федералистами, сломавшими оборону мятежников.

— Пли! — приказал офицер-южнокаролинец, и пехота в серых мундирах дала второй залп. В воздухе взметнулись шомполы, а над ружьями поднялось облачко грязноватого дыма. Застрельщики Легиона Фалконера отбежали обратно к флангам полка. Штыки солдат из Род-Айленда выглядели ужасно длинными в закрывающей солнечный свет дымовой завесе.

— Готовься! — скомандовал майор Бёрд, и солдаты вскинули винтовки на плечи.

— Держать оружие ниже! — рявкнул сержант Траслоу с левого фланга.

— Целься в офицеров! — крикнул капитан Хинтон, отступивший вместе с застрельщиками.

Старбак по-прежнему лишь наблюдал. Он слышал, как офицер северян подгоняет своих солдат:

— Вперед, вперед, вперед!

У офицера были длинные рыжие бакенбарды и очки в золотой оправе.

— Вперед, вперед!

Теперь Старбак различал лица северян, их открытые в крике рты и вытаращенные глаза.

Один солдат споткнулся, почти уронил винтовку, но потом восстановил равновесие. Атакующие прошли мимо первых мертвых тел застрельщиков. Офицер в расшитом золотым галуном мундире, сидящий верхом на серой лошади, вскинул саблю, чтобы указать ей на мятежников.

— В атаку! — выкрикнул он, и первая шеренга пехоты перешла на быстрый и неровный бег.

Северяне приободрялись по мере продвижения, а барабанщики сбились с ритма и просто яростно колотили палочками. Упавший флаг был поднят, его великолепные шелковые полосы ярко выделялись в дыму.

— В атаку! — снова заревел офицер-северянин, а его лошадь встала на дыбы среди клубов ружейного дыма.

— Пли! — завопил майор Бёрд, а потом ухнул с непритворной радостью, когда весь первый ряд Легиона исчез в облаке вонючего дыма.

Эта стрельба была похожа на грохот труб, возвещающих о конце времен в Судный день. Это был внезапный, резкий и ужасающий залп со смертельно короткого расстояния, и барабанщики атакующих северян внезапно погрузились в молчание, а точнее, их грохот сменили вопли и крики.

— Перезаряжай! — рявкнул Мерфи.

Сквозь пелену порохового дыма, поднявшегося над изгородью, невозможно было ничего разглядеть. Из дыма вылетело несколько вражеских пуль, но слишком высоко. Легион перезарядил оружие, с силой проталкивая пули Минье к пороху и пыжу.

— Вперед! — крикнул майор Бёрд. — Ведите их вперед! К изгороди, к изгороди! — он подпрыгивал от возбуждения, махая незаряженным револьвером. — Вперед! Вперед!

Старбак, всё еще находящийся в прострации, снова начал заряжать револьвер. Он точно не понимал, зачем это делает или как соберется использовать свое оружие, но просто хотел чем-нибудь себя занять, и поэтому забил пули и порох в шесть ячеек Сэвиджа, а потом намазал кончики пуль жиром, чтобы запечатать ячейки и тем предотвратить попадание горящего пороха в соседние камеры.

Его руки по-прежнему дрожали. В своем воображении он еще видел то великолепное знамя, сияющее красным и белым, поднятое с покрытой пятнами крови травы и снова развевающееся под лучами солнца.

— Пли! — закричал с фланга сержант Траслоу.

— Бей ублюдков! Бей ублюдков! — ревел майор Бёрд, который всего час назад считал мысль о том, что он может быть вовлечен в сегодняшнее сражение, совершенно смехотворной.

— Целься ниже! В животы ублюдкам! — это орал капитан Мерфи, бросивший лошадь и стрелявший из винтовки вместе со своими солдатами. Дым от первого залпа поредел и явил взору валяющуюся на траве серую лошадь офицера-янки. Там были и людские тела, клубы дыма и сбившиеся в кучу солдаты.

Адам остался у леса вместе со Старбаком. Он тяжело дышал, словно только что совершил пробежку. Одна из гладкоствольных пушек Эванса выпустила в сторону луга заряд картечи.

Над знаменосцами Легиона свистели осколки снарядов. Какой-то солдат нетвердой походкой вышел из рядов седьмой роты, кровь сочилась из его левого плеча. Тяжело дыша, он прислонился к дереву, и пуля вонзилась в ствол прямо над его головой.

Солдат выругался и выпрямился, а потом похромал в сторону линии огня. Увидев решительность солдата, Адам вытащил из кобуры револьвер и пришпорил лошадь.

— Адам! — позвал его Старбак, вспомнив данное Мириам Фалконер обещание позаботиться о безопасности своего друга, но было уже слишком поздно. Адам вел свою лошадь сквозь завесу горького дыма, через поваленную изгородь на свободный от дыма клочок земли, где теперь невозможно заряжал револьвер капсюлями, явно не замечая свистящих вокруг него пуль.

Некоторые солдаты Легиона криками предупреждали его, что человек верхом на лошади может стать гораздо более привлекательной мишенью, чем пеший солдат, но Адам не обратил на них внимания.

Вместо этого он поднял револьвер и разрядил весь барабан в сторону дымков у рядов врага. Адам выглядел почти счастливым.

— Вперед! Вперед! — прокричал он, не обращаясь ни к кому конкретно, но с дюжину человек из Легиона ответили на его призыв. Они встали на колени рядом с лошадью Адама и наугад стреляли в сторону рассеявшегося на местности врага.

Первый подавляющий залп Легиона разорвал линию атакующих на мелкие группы синемундирников, встающих в подобие шеренги, чтобы обмениваться выстрелами с одетыми в серое южанами.

Губы солдат покрылись черными пятнами пороха от разрываемых ртом патронов, а на их лицах читался ужас, ярость или возбуждение. Опустошив револьвер, Адам засмеялся.

Всюду царил хаос — лишь клубы дыма, проблески пламени и возбужденные людские крики. Вверх по склону, позади рваной первой линии нападавших, продвигалась вторая.

— Вперед! — закричал майор Бёрд, и группы солдат ринулись на несколько шагов вперед, а враг на несколько шагов отступил. Старбак присоединился к Адаму, просыпав капсули из правой руки, пока пытался набить шесть ячеек своего Сэвиджа. За его спиной опустился на колено и выстрелил какой-то солдат, потом встал и перезарядил винтовку.

Он бормотал проклятия в сторону северян, награждая грязными ругательствами их матерей и детей, проклиная их прошлое и недолгое будущее.

Офицер род-айлендского полка взмахнул саблей, подгоняя своих солдат, и согнулся пополам, когда пуля вошла ему в живот. Сержант Траслоу молча и с мрачным выражением лица зарядил свою винтовку комбинацией из круглой пули и трех дробинok картечи [24], чтобы наверняка поразить цель. Он не стрелял наугад, а обдуманно выбирал мишень и тщательно прицеливался.

— Идите домой! Идите домой! — кричал Адам северянам, и эти слишком мягкие слова приобрели совсем уж нелепый оттенок из-за его возбужденного тона.

Он снова поднял револьвер и нажал на спусковой крючок, но то ли неправильно зарядил оружие, то ли забыл взвести курок, но ничего не произошло, а он продолжал нажимать, выкрикивая нападавшим, чтобы шли домой. Стоящий рядом Старбак, похоже, был не в состоянии выстрелить по флагу, который знал всю свою жизнь.

— Давайте, ребята! Давайте! — это возглас донесся с далекого правого фланга конфедератов, где Старбак заметил цветисто одетых луизианских зуавов, выпускающих последний залп порохового дыма, чтобы броситься в штыковую атаку на врага. Некоторые луизианцы держали охотничьи ножи, огромные, как сабли.

Они ринулись вперед нестройными рядами, так пронзительно вопя, что у Старбака заledenела кровь в жилах. Боже мой, подумал он, но ведь их всех перережут, застрелят на открытой местности, но вместо этого северяне отступили и продолжали отходить, и внезапно луизианская пехота уже была среди застрельщиков в синих мундирах, а северяне спасались бегством.

Взметнулся длинный нож, и солдат упал, кровью хлестала из раны на его голове. Еще один застрельщик северян был пригвозжден к земле штыком, и весь центр федералистов откатился назад под натиском зуавов, а потом отступление переросло в беспорядочное бегство северян, пытающихся избежать тяжелых клинков.

Но на поле боя была лишь горстка луизианской пехоты, а их фланги остались открыты для огня, и внезапно залп со стороны северян опустошил их ряды. Полковник Уит упал, его мешковатую красную сорочку залила кровь.

Луизианцы, которых было слишком мало, остановились, когда на них посыпались вражеские пули. Их

тела в вычурных одеждах дергались, когда в них попадали пули, но эта безумная атака вонзилась в самое сердце строя янки в доброй сотне шагов вниз по склону. Но теперь настала очередь зуавов повернуть назад и отнести своего раненого полковника к лесу.

— Пли! — выкрикнул артиллерист южан, и одна из гладкоствольных пушек изрыгнула на северян заряд картечи.

— Пли! — заорал майор Бёрд, и множество винтовок Легиона скрылись в дыму и пламени. Юный солдат из четвертой роты забивал пулю в дуло, где уже находилось три заряда из пуль и пороха. Он нажал на курок, но, похоже, не заметил, что оружие не выстрелило, и снова начал его заряжать.

— Пли! — крикнул майор Эванс, и полк из Южной Каролины сделал залп через изгородь, и на лугу полк из Род-Айленда отступил, оставив своих раненых и убитых лежать в крови на траве.

— Пли! — капеллан луизианцев, позабыв свою библию, разрядил револьвер в сторону янки, нажимая на спусковой крючок, пока револьвер не стал щелкать впустую, но он всё продолжал нажимать, открыв рот от возбуждения.

— Пли! — рывкнул Траслоу на своих солдат. Шестнадцатилетний юноша вскрикнул, когда порох из патрона взорвался прямо ему в лицо, потому что он засыпал его в горячее дуло винтовки.

Роберт Декер выстрелил из ружья в сторону дымовой завесы. На траве то там, то сям тлел огонь, вызванный вылетающими из винтовок горящими пыжами.

Раненый пополз назад к лесу, пытаясь перебраться через завал досок из сломанной изгороди. Его тело задрожало, а потом он затих.

Лежащее на траве тело мертвой офицерской лошади подергивалось, когда в него попадали пули северян, но это были единичные выстрелы, потому что полк из Род-Айленда был слишком напуган, чтобы стоять прямо и как следует заряжать оружие во время отступления.

Мятежники выкрикивали оскорбления, заталкивали пули в еще горячие дула, с силой вбивая заряд, нажимали на курки и начинали все сначала. Старбак наблюдал, как Легион дерется в своем первом сражении, и был поражен атмосферой радости и почти карнавального восторга. Даже возгласы солдат звучали для него как безумное гиканье перевозбужденных детей.

Группы солдат бросались вперед, подражая атаке зуавов, и гнали деморализованный полк из Род-Айленда всё дальше и дальше вниз по склону, пока первая атака янки полностью не выдохлась.

Но вторая линия янки находилась уже на полпути вверх по склону, и всё больше войск северян прибывало по дороге Садли. Там был полк морской пехоты США, а также три свежих добровольческих полка из Нью-Йорка.

Появились и новые пушки, а первые кавалеристы-янки проскакали галопом к своему левому флангу, пока свежая пехота северян стоически маршировала по открытой местности в качестве подкрепления остаткам первых нападавших, которые отступили на две сотни шагов от валяющихся на земле тел, полосы скользкой от крови травы и развороченного дерна, отмечающих самую дальнюю точку приливной волны этой неудавшейся атаки.

— В шеренгу стройсь! В шеренгу стройсь! слышался крик где-то в центре строя конфедератов, и каким-то образом уцелевшие офицеры и сержанты расслышали приказ и повторили его, и оружие и обезумевшие мятежники медленно отошли обратно к изгороди. Они ухмылялись и смеялись, полные гордости тем, что только что совершили.

Время от времени кто-нибудь принимался улюлюкать без очевидной причины или поворачивался

кругом, чтобы послать пулю в отступающих северян. Вниз по склону полетели оскорбления.

— Катитесь к своим мамочкам, янки!

— В следующий раз пошлите настоящих мужчин!

— Ну и как вам теплый прием виргинцев, трусы!

— Молчать! — выкрикнул майор Бёрд. — Молчать!

Кто-то начал истерически смеяться, а кто-то захлопал. У подножия холма опять загрохотали пушки северян, посылая снаряды к вершине холма, снова покрыв его темным дымом.

Короткоствольные гаубицы и не прекращали стрельбу, посылая свои круглые снаряды высоко над головой родайлендцев и ньюйоркцев, чтобы они разорвались у кромки леса.

— Назад к лесу! Назад к лесу! — приказ прокатился по линии мятежников, и южане отступили обратно в тень. Перед ними, где над сгоревшей травой понемногу рассеивался дым от выстрелов, по обеим сторонам того, что осталось от изгороди, лежало несколько мертвецов, а за изгородью, на залитом солнечным светом лугу, распростерлись тела северян.

Офицер с рыжими бакенбардами лежал там с открытым ртом, а очки в золотой оправе съехали набок. Рядом с мертвецом села ворона.

Раненый северянин приполз к лесу, умоляя дать ему воды, но ни у кого из легионеров ее не было. Они опустошили свои фляжки, а теперь солнце палило всё сильнее, их глотки пересохла от содержащейся в порохе селитры, но воды не было, а напротив них из дальнего леса выходили новые янки, чтобы снова придать жару атаке.

— Мы снова сделаем это, ребята! Снова сделаем! — воскликнул майор Бёрд, и хотя беспорядочное первое сражение Легиона не дало ему возможность полностью проверить свою военную доктрину, он неожиданно понял, что достиг кой-чего гораздо более значимого — нашел тот вид деятельности, который доставлял ему радость.

Все свои зрелые годы Таддеус Бёрд стоял перед классической дилеммой бедного родственника — выказывать ли вечную и почтительную благодарность или продемонстрировать независимость суждений, ошетиниваясь шипами возражений против любых господствующих традиций, и последний вариант больше нравился Бёрду ровно до того момента, пока в дыму и возбуждении сражения не стало надобности вставать в позу.

Теперь он расхаживал перед своими солдатами, наблюдая, как обретала форму новая атака северян, и ощущал странное удовлетворение.

— Зарядите оружие, — приказал он твердым тоном, — но не стреляйте! Зарядить, но не стрелять!

— Цельтесь им в брюхо, ребята, — громко провозгласил Мерфи. — Уложите их, и оставшиеся отправятся домой.

Адам, как и его дядя, тоже ощутил, как огромный груз упал с его души. Чудовищный шум сражения наложил проклятие смерти на всё, над чем он работал многие месяцы после избрания Линкольна, но этот жуткий звук также означал, что Адама больше не заботят проблемы войны и мира, рабства или освобождения, прав штатов или христианских принципов, он лишь хотел быть добрым соседом для людей, вызвавших его отцу.

Адам даже начал понимать отца, который никогда не бился над вопросами морали и не взвешивал свои поступки в яростной попытке гарантировать благоприятный вердикт в Судный день.

Однажды, когда Адам спросил отца о его жизненных принципах, Вашингтон Фалконер просто рассмеялся, отмахнувшись от вопроса. «Знаешь, в чем твоя проблема? Ты слишком много думаешь. Я не знаю ни одного счастливого человека, который бы слишком много думал. Размышление — дело запутанное. А жизнь — это просто как перепрыгнуть через плохую изгородь на хорошей лошади, чем больше ты будешь полагаться на лошадь, тем безопаснее, и чем больше ты предоставляешь жизни идти своим чередом, тем ты счастливее.

Беспокойство о принципах — это болтовня школьных учителей. Ты обнаружишь, что лучше спишь, когда ведешь себя с людьми естественно. Это не принцип, просто практичность.

Никогда не мог выносить причитания о принципах. Просто будь собой!»

И в этом хаосе сражения, разбивающем мир вдребезги, Адам наконец-то доверил лошади прыгнуть через барьер и обнаружил, что муки совести испарились от простой радости исполненного долга. Стоя на лугу под перекрестным огнем, Адам повел себя правильно. Может, он и проиграл битву за свою страну, но выиграл войну со своей душой.

— Заряжай! Не стрелять! — майор Бёрд медленно шел перед ротами Легиона, наблюдая, как собираются для второй попытки орды янки. — Цельтесь ниже, когда они подойдут, ребята, цельтесь ниже! И молодцы, все вы молодцы!

Всего за пять минут легионеры превратились в настоящих солдат.

— Эй, вы! — окликнул Итана Ридли чей-то голос с верхней площадки центральной сигнальной башни. — Вы! Да, вы! Вы штабной офицер?

Ридли, погрузившись в свои мысли, пока скакал на юг, придержал лошадь. Он подозревал, что адъютант Вашингтона Фалконера — это не совсем то, что офицер-сигнальщик подразумевал под «штабным офицером», но Ридли достаточно быстро соображал, чтобы понять, что ему нужен определенный предлог, для того чтобы скакать в одиночестве в тылу армии конфедератов, и потому выкрикнул:

— Да!

— Вы можете найти генерала Борегара? — разговаривающий с Ридли офицер, носивший капитанские нашивки, спустился вниз по самодельной лестнице. Написанная от руки табличка у подножия лестницы гласила: «ТОЛЬКО для сигнальщиков», а другая, с еще более крупными буквами, «НЕ ВХОДИТЬ». Офицер подбежал к Ридли и протянул сложенный лист бумаги, запечатанный сургучом. — Нужно срочно доставить это Борегару.

— Но..., - Ридли уже готов был сказать, что он понятия не имеет, где находится генерал Борегар, но потом решил, что подобное заявление будет звучать странно со стороны штабного офицера, каковым он только что себя провозгласил. И кроме того, Ридли рассчитывал, что полковник Фалконер должен быть где-то рядом с генералом, так что найдя полковника, он обнаружит и Борегара.

— Я уже послал семафорное сообщение Борегару, если вы это собираетесь предложить, — раздраженно заявил капитан, — но предпочел бы отправить письменное подтверждение. Никогда нельзя быть уверенным в этих сообщениях сигнальщиков, только не с теми идиотами, с которыми мне приходится иметь дело. Мне нужны достойные люди, образованные.

Так что я хочу, чтобы вы добрались до Борегара. Со всем моим уважением, конечно. Половина придурков, которых мне выделили, так как следует и не выучили сигнальную азбуку, а у другой не хватит мозгов, чтобы даже начать. Так что отправляйтесь, славный парень, и поторопитесь!

Ридли пришпорил лошадь. Он находился рядом с обозом армии, где повозки, передки пушек, походные кузницы и фургоны передвижных госпиталей стояли так тесно, что их торчащие вверх оглобли

выглядели как зимний лес.

Какая-то женщина крикнула Ридли, когда он галопом проскакал мимо, интересуясь, что происходит, но он только мотнул головой и промчался мимо костров полевых кухонь, групп играющих в карты мужчин и детей, развлекающихся с котенком. Он гадал, что все эти люди здесь делают.

Он доехал до вершины холма и увидел дым сражения, который лег на долину Булл-Ран слева от него, словно туман над рекой. Этот туман исходил от огромных орудий, выплевывающих снаряды черед реку, которая шла слева и по центру армии мятежников. Впереди Ридли простирались перелески и луга, где стоял правый фланг конфедератов и откуда генерал Борегар надеялся начал собственную атаку на ничего не подозревающих северян.

Полковник Вашингтон Фалконер был где-то там, и Ридли дал лошади отдохнуть, чтобы получить представление о местности. Он был напряжен, зол и заерзал в седле, осознавая, как многим рискнул, но Ридли мог поставить на кон что угодно ради своих амбиций.

Уже многие недели Итан Ридли вольно обращался с деньгами Фалконера, но теперь, когда Легион разделился на обожателей полковника и тех, кто его презирает, Ридли должен был сделать выбор. Он мог со всей искренностью встать на сторону полковника и нанести поражение Старбаку и Бёрду, которые, опираясь на малодушие Адама, принудили Легион нарушить приказы полковника.

Наградой за лояльность были деньги, а деньги были высшей ценностью Ридли. Он наблюдал, как отец привел семью к нищете, и видел жалость на лицах соседей. Ему приходилось выносить снисходительность своего сводного брата, так же как и липкое внимание Анны, и всё потому, что он был беден.

Ему покровительствовали ради его умения обращаться с кистью и карандашом, будто он мог заработать на жизнь, рисуя портреты или иллюстрации, но у него было не больше желания зарабатывать на жизнь рисованием, чем грузчиком угля или адвокатом. Он хотел быть таким, как Фалконер — владельцем огромных угодий и быстрых лошадей, содержать в Ричмонде любовницу и владеть прекрасным сельским домом.

В последнее время, с тех пор как вернулся Адам, Ридли сомневался даже в том, что стать зятем Фалконера будет достаточно, чтобы заполучить приличествующую долю его богатств, но теперь боги войны играли на его стороне. Полковник Вашингтон Фалконер оставил единственный твердый приказ — игнорировать команды Натана Эванса, и соперники Ридли за благосклонность полковника спелись, послушавшись этого приказа. Настало время, чтобы сообщить об их неподчинении.

Но сначала Ридли нужно было найти полковника Фалконера, а значит, и генерала Борегара, и потому он пришпорил лошадь вниз по склону, в сторону холмистой местности, покрытой рощами и небольшими пастбищами. Его лошадь перепрыгнула через две изгороди, скача так игриво, будто они гнали охотничьих собак во зимнем холмах. Он свернул влево, на широкую тропу, ведущую под деревьями туда, где отдыхал полк зуавов в своих заметных издалека красных панталонах и свободного покроя рубахах.

— Что происходит? — окликнул Ридли один из зуавов.

— Мы наподдали ублюдкам? — спросил сержант.

— Вы нас ищете? — выбежал на тропу перед Ридли офицер.

— Я ищу Борегара, — Ридли придержал лошадь. — Вы знаете, где он?

— Езжайте до конца леса, поверните налево, там перед вами будет дорога и там, скорее всего, и находится Борегар, По крайней мере, полчаса назад он был там. У вас есть новости?

Новостей у Ридли не было, так что он снова перешел на галоп, свернул влево и увидел огромную толпу пехотинцев, отдыхающих у дороги на дальнем конце луга. Солдаты были в синих мундирах, и на секунду Ридли решил, что прискакал напрямик в ряды янки, но потом заметил развевающийся над войсками флаг Конфедерации с тремя полосами, и понял, что южане временно переоделись в синюю форму северян.

— Вы знаете, где генерал? — прокричал он офицеру в синем, но тот пожал плечами и услужливо махнул рукой куда-то на северо-восток. — Как я слышал в последний раз, он был где-то у фермерского дома в том направлении, но не спрашивайте меня, где это.

— Он был здесь, — вступил в разговор сержант, — но теперь его нет. Вы знаете, что происходит, мистер? Мы бьем этих сук?

— Я не знаю, — Ридли отправился дальше, подъехав в конце концов к артиллерийской батарее, удобно расположившейся на южном берегу Булл-Ран, позади бруствера из ивовых корзин, наполненных глиной.

— Это брод Боллс, — заявил лейтенант-артиллерист, вынимая изо рта трубку, — и генерал точно был здесь час назад. Вы можете сказать, что там происходит? — он махнул рукой на запад, откуда доносился звук грохочущих в сернистом воздухе пушек.

— Нет.

— Что-то шума многовато, а? Я думал, что война будет тут, а не там.

Ридли пересек брод Боллс, выехав на вражескую сторону реки Булл-Ран. Вода доставала до живота лошади, заставив Ридли задрать ноги в стремянах над быстрым потоком. Рота виргинской пехоты лежала в тени на противоположном берегу в ожидании приказов.

— Вы знаете, что происходит? — спросил его капитан.

— Нет.

— И я не знаю. Час назад они говорили, что нам нужно остаться здесь, но никто не объяснил, почему. Что-то мне думается, о нас позабыли.

— Вы видели генерала?

— За последние три часа я не видел никого старше майора по званию. Но маркитант сказал, что мы будем атаковать в том направлении, так что, может, все генералы направились туда, — он указал на север.

Ридли поскакал между высоких деревьев на север, продвигаясь медленно, чтобы его покрытая пеной лошадь не сломала ногу о какой-нибудь торчащий корень, поскольку дорогу развезло под колесами артиллерии. В четверти мили за бродом, на краю вытоптанного кукурузного поля, Ридли обнаружил батарею тяжелых двенадцатифунтовых пушек.

Орудия сняли с передков и нацелили их смертоносные дула через поле с подрастающей кукурузой, но командир не имел представления, почему они находятся в этом месте или кто появится из темнеющей зелени леса с противоположной стороны поля.

— Вы знаете, откуда этот чертов грохот? — майор-артиллерист махнул рукой в западном направлении.

— Кажется, идет перестрелка через реку, — ответил Ридли.

— Хотел бы я, чтобы у меня появилось во что стрелять, потому что я не знаю, какого черта нахожусь здесь, — он показал на поле, будто оно находилось в самом сердце экваториальной Африки. — Ищите, где

проходит основная атака Борегара, капитан? Проблема в том, что здесь врага нет, вообще никого нет, разве что ребята из Миссисипи, которые недавно прошли по дороге, но только Богу известно, чем они занимаются.

Ридли смахнул пот с лица, натянул обратно широкополую шляпу и направил усталую лошадь вверх по дороге. Он обнаружил пехоту из Миссисипи отдыхающей под деревьями.

Один из офицеров, майор, чей акцент был таким сильным, что Ридли едва понимал его речь, сказал, что продвижение конфедератов в этом месте остановилось, именно под этими кедрами, и он ни черта не понимает, по какой причине, но точно уверен, или, по меньшей мере, уверен так, как может быть уверен человек из Роллинг-Форка, а там ни в чем нельзя быть уверенным, но всё равно наверняка генерал Борегар отошел назад на ту сторону Булл-Ран, но через другой брод. Дальше на восток. Или, может, на запад.

— Так вы не знаете, что происходит? — спросил майор, прежде чем надкусить зеленое яблоко.

— Нет, — признался Ридли.

— И я не знаю, — у майора была шляпа с торчащим из нее тонким пером, кривая сабля и роскошные усы, напомаженные и прилизанные, чтобы придать им элегантный вид. — Если найдете кого-нибудь, кто знает, а именно это вы и пытаетесь сделать, мистер, то передайте им, что Джеремайя Колби просто ждет не дождется, когда ж сможет покончить с этой войной. Удачи вам, мистер! Вы тут, ребята, выращиваете отличные яблоки!

Ридли развернулся и поскакал обратно к реке, начав прочесывать местность между Булл-Ран и железной дорогой. Вдалеке грохотали пушки, их басы сопровождались более приглушенным звуком ружейной стрельбы. Этот шум заставил Ридли поторопиться со своей задачей, правда, он и понятия не имел, как можно ускорить дело.

Генерала со своим штабом и прочими спутниками, казалось, поглотила эта огромная нагретая солнцем местность. Ридли остановил усталую лошадь на перекрестке у небольшого деревянного домика. Овощи на ухоженном огороде были вырваны, осталась лишь грядка незрелых тыкв. Курящая трубку престарелая негритянка с опаской оглядела его из-за двери домика.

— Здесь нечего красть, масса, — сказала она.

— Ты знаешь, где генерал? — спросил ее Ридли.

— Нечего красть, масса, всё уже украли.

— Вот тупая черномазая сука, — выругался Ридли, а потом медленнее и громче, будто говорит с ребенком, повторил: — Ты знаешь, где генерал?

— Всё уже украли, масса.

— Да пошла ты.

Высоко над головой просвистел снаряд, завывая и кувыряясь в безоблачном воскресном небе. Ридли снова выругался, а потом наугад выбрал одну из дорог и предоставил измотанной лошади перейти на медленный шаг. Пыль отлетала из-под ее копыт в сторону спящего у дороги пьяного солдата.

В нескольких шагах дальше по дороге лежал дохлый черно-белый деревенский пес, застреленный в голову каким-то солдатом, который, вероятно, возмутился тем, что собака досаждала его лошади.

Ридли миновал пса и начал беспокоиться, что Борегар, вероятно, а с ним и Фалконер, усакал на северо-запад, туда, где слышались звуки сражения, потому что наверняка ни один генерал не остался бы в этой сонной сельской местности, над которой слышался неясный гул, в то время как его солдаты погибают всего в трех милях отсюда.

Потом, когда он поравнялся с краем рощицы, то заметил еще одну странную решетчатую сигнальную башню, стоящую рядом с фермерским домом, а под башней к изгороди была привязана кучка лошадей. На одной из веранд дома находилась группа мужчин в форме со сверкающим галуном, так что Ридли пришпорил лошадь, но как только он заставил ее прибавить скорость, со стороны фермы показался всадник на высоком вороном и поскакал в сторону Ридли. Это был полковник.

— Сэр! Полковник Фалконер! — Закричал Ридли, чтобы привлечь внимание полковника, иначе бы тот промчался мимо.

Полковник взглянул на усталого всадника, узнал Ридли и замедлил темп.

— Итан! Это ты! Едем со мной! Что ты вообще здесь делаешь, черт возьми? Не важно! У меня хорошие новости, просто чудесные!

Утро принесло полковнику одни разочарования. Он нашел Борегара сразу после шести, но генерал его не ожидал и не имел времени на встречу, так что Фалконер вынужден был остудить свой пыл, а часы всё тянулись.

Но теперь он совершенно удивительным образом получил приказы, которых так жаждал. Борегар, желая оживить свою атаку, которая таинственным образом захлебнулась посреди пустых полей за рекой Ран, призвал свежие войска, и Фалконер увидел в этом свой шанс. Он предоставил ему свой Легион и получил приказ перебросить своих людей к правому флангу. Только что прибывшие солдаты генерала Джонстона из армии Шенандоа поставили в качестве подкрепления левому флангу мятежников, в то время как Борегар решил придать новый импульс правому флангу.

— Нам нужен энтузиазм, — пожаловался Борегар Фалконеру, — какой-нибудь толчок. Нет ничего хорошего в том, чтобы играть в кошки-мышки на поле битвы, нужно показать им, где раки зимуют.

Именно этого и ждал Фалконер, шанса повести Легион в победную атаку, которая впишет еще одну славную страницу в историю Виргинии.

— Едем, Итан, — позвал его Вашингтон Фалконер, обернувшись. — У нас есть разрешение атаковать!

— Но они ушли! — крикнул Ридли. Его усталая лошадь не успевала за отдохнувшим жеребцом Фалконера, Саратогой.

Полковник остановил коня, развернул его и уставился на Ридли.

— Они ушли, сэр, — сказал тот. — Я приехал, чтобы сказать вам это.

Полковник прихлопнул муху хлыстом.

— Что значит ушли? — он говорил спокойно, словно не понимая, что за новости только что привез ему Ридли с поля боя.

— Это был Старбак, — объяснил Ридли. — Он вернулся, сэр.

— Вернулся? — недоверчиво спросил полковник.

— И заявил, что у него приказ от Эванса.

— От Эванса! — язвительно фыркнул Фалконер.

— И они выступили к Садли, сэр.

— Старбак привез приказ? А что сделал Дятел, черт возьми?

— Велел полку двинуться к Садли, сэр.

— Под командование этой обезьяны Эванса? — полковник так громко выкрикнул этот вопрос, что его

лошадь беспокойно заржала.

— Да, сэр, — Ридли почувствовал удовлетворение от того, что привез эту проклятую новость. — Вот почему я поехал вас искать.

— Но у Садли нет никакого сражения, черт возьми! Это обманный маневр! Ловушка! Генералу всё про это известно! — внезапно разъярился полковник. — Сражение будет здесь! Боже! На этой стороне поля! Здесь! — полковник взмахнул хлыстом, который просвистел в воздухе, испугав и без того нервного Саратогу. — А что насчет Адама? Я велел ему не позволять Дятлу вести себя безответственно.

— Адам позволил Старбаку себя убедить, — Итан помедлил и покачал головой. — Я возражал им, сэр, но я всего лишь капитан, не более.

— Теперь ты майор, Итан. Можешь занять место Дятла, будь он проклят. И будь проклят Старбак! Будь он проклят, будь проклят, будь проклят! Я убью его! Скормлю его потроха собакам! А теперь поехали со мной, Итан, давай! — и полковник прищиприл коня.

Майор Ридли, пытавшийся успевать за полковником, внезапно вспомнил о послании сигнальщика Борегару. Он вытащил запечатанную сургучом бумагу из кармана, размышляя, стоит ли упомянуть о ее существовании полковнику, но тот уже ринулся вперед, пыль разлеталась из-под копыт его лошади, а Ридли не хотел отстать, только не теперь, когда он стал майором и заместителем полковника, так что он выбросил послание и во весь опор поскакал за Фалконером туда, где была слышна канонада.

На покрытой лесом вершине холма, где наспех собранная бригада Эванса отразила первую атаку северян, сражение переросло в мрачную партию с явным перевесом одной стороны.

Для канониров-янки южане являлись лишь способом потренироваться в стрельбе без всякого сопротивления, потому что обе пушки конфедератов были уничтожены, первую сбросило с лафета от прямого попадания двенадцатифунтового ядра, а вторая потеряла колесо в результате попадания другого снаряда, а через несколько минут еще одно двенадцатифунтовое ядро разнесло спицы запасного колеса. Две поврежденные пушки, еще заряженные картечью, которой не успели выстрелить, валялись на краю леса, покинутые артиллеристами.

Майор Бёрд гадал, можно ли что-либо с этим сделать, но не похоже было, что это возможно. Он попытался проанализировать ситуацию и пришел к простому выводу, что войска южан сдерживали многократно превосходящие силы северян, но чем дольше они стояли у кромки леса, тем больше людей теряли, и в итоге, путем столь же неизбежным, как математическое вычитание, никого из них не останется в живых, и северяне пройдут по трупам мятежников и выиграют сражение, а тем самым и войну.

Майор Бёрд не мог этого предотвратить, потому что ни одна умная идея не пришла ему в голову — ни атака с фланга, ни засада, ни еще какой-нибудь путь, как перехитрить врага. Пришло время просто драться и умирать. Майор Бёрд сожалел о том, что попал в такое безнадёжное положение, но не видел ни одного элегантного выхода из него, и потому был намерен остаться на своем месте. Удивительно, но он не чувствовал страха. Он попытался понять причины этому и решил, что просто наделен хладнокровием. Он отпраздновал это радостное прозрение, украдкой бросив полной обожания взгляд на фотокарточку жены.

Адам Фалконер тоже не чувствовал страха. Он не сказал бы, что наслаждается сегодняшним утром, но, по меньшей мере, опыт сражения унял беспорядок из простых жизненных вопросов в его голове, и Адам праздновал эту свободу.

Как и другие офицеры, он слез с лошади, отправив ее назад в лес.

Офицеры Легиона поняли, что враг стреляет из винтовок слишком высоко, чтобы причинить какой-либо ущерб сидящему на корточках человеку, но не настолько высоко, чтобы пули не попадали во

всадника, так что они наплевали на драгоценные приказы полковника оставаться в седле и превратились в пехотинцев.

Натаниэль Старбак отметил, что некоторым, например, Траслоу и, что удивительно, майору Бёрду и Адаму, храбрость давалась безо всяких усилий. Они спокойно занимались своим делом, не сгибались под натиском врага, а их ум не затуманился. Большинство колебалось между приступами отваги и трусости, но следовало примеру бесстрашных.

Каждый раз, когда Траслоу бросался вперед, чтобы выстрелить в северян, еще дюжина стрелков бежала за ним, а когда майор Бёрд вышагивал вдоль леса, солдаты улыбались ему, воспринимали его приказы очень серьезно и радовались, что эксцентричный учитель явно не боится опасности.

Если у этих обычных людей будет крепкая узда, понял Старбак, Легион мог бы сотворить чудо. Было также трусливое меньшинство, сгрудившееся в лесу, где они делали вид, что заряжают или чинят оружие, но на самом деле укрывались от зловещего свиста пуль Минье и с треском разрывающихся снарядов.

Пули и снаряды оставили от бригады Натана Эванса рваную линию скорчившихся в тени у кромки леса людей. Время от времени группы солдат устремлялись на открытую местность, стреляли и стремглав неслись обратно, но теперь орды застрельщиков-янки наводнили луг и при виде мятежников стали стрелять еще яростнее.

Самые храбрые офицеры южан расхаживали вдоль края леса, ободряя солдат и даже рассказывая шутки, хотя Адам, который твердо желал находиться на виду у солдат отцовского Легиона, отказался ходить в тени, а открыто вышагивал на залитой светом местности, громко призывая солдат не стрелять, пока он проходит перед дулами их винтовок.

Его убеждали укрыться, отойти к лесу, но Адам никого не слушал. Он выставлял себя напоказ, будто считал, что заколдован. Он убеждал себя, что не боится и дьявола.

Майор Бёрд присоединился к Старбаку, наблюдая, как Адам шагает под лучами солнца.

— Вы заметили, насколько высоко летят пули?

— Высоко?

— Они целятся в него, но стреляют выше. Я это отметил.

— Значит, так оно и есть, — Старбак, вероятно, не заметил бы, даже если бы янки обстреливали луну, но теперь, когда ему на это указал Таддеус Бёрд, он увидел, что большая часть выстрелов северян и правда попадает в листву над головой Адама. — Он просто глупец! — зло произнес Старбак. — Просто хочет умереть!

— Он делает это ради отца, — объяснил Бёрд. — Фалконер должен быть здесь, но его нет, так что Адам поддерживает честь семьи, хотя если бы его отец был здесь, может, это и успокоило бы его совесть. Я заметил, что отсутствие Фалконера обычно благотворно сказывается на Адаме, а вы?

— Я обещал его матери, что позабочусь о его безопасности.

Бёрд разразился смехом.

— Очень глупо. Как вы собирались это сделать? Купить ему один из тех смешных железных нагрудников, которые рекламируют в газетах? — Бёрд покачал головой. — Моя сестра просто свалила эту ответственность на вас, Старбак, чтобы принизить Адама. Полагаю, он присутствовал?

— Да.

— Моя сестра, понимаете ли, своим замужеством вошла в семью змей и с тех пор учит их секретам

использования яда, — Бёрд хихикнул. — Но Адам — лучший из них, — признал он, — самый лучший. И храбрый, — добавил он.

— Очень, — сказал Старбак и почувствовал стыд, потому что не совершил ни одного смелого поступка во время утреннего столкновения. Уверенность, наполнявшая его на железнодорожной станции в Роскилле, куда-то испарилась от одного лишь вида флага его страны.

Он до сих пор не выстрелил из револьвера и даже не был уверен, что сможет выстрелить в своих соотечественников, но также и не желал покидать своих друзей в рядах Легиона. Он слонялся у края леса, наблюдая за далекими клубами дыма, которые выплевывали пушки янки. Он хотел описать дым Салли и поэтому очень пристально за ним наблюдал, заметив, что сначала он белый, а потом быстро темнеет до серо-голубого.

В один момент, вглядываясь в склон, Старбак мог бы поклясться, что увидел в дымном воздухе темный след от снаряда, а секундой спустя услышал его разрушительный грохот в ветвях над головой.

Одна из пушек северян стояла около стога сена у подножия холма во дворе фермы, и огонь, вырывающийся из дула, поджег сухую траву. Языки пламени вихрем взметнулись вверх, наполняя и без того уже грязный воздух черным дымом.

— Вы слышали, что бедняга Дженкинс нас покинул? — спросил майор Бёрд таким тоном, каким бы мог сообщить, что в этом году ранняя весна или что виды на урожай выдались неплохими.

— Покинул? — переспросил Старбак, потому что это слово могло предполагать, что Розуэлл Дженкинс просто отошел с поля боя.

— Испарился. В него попал снаряд. Теперь он выглядит как то, что осталось на прилавке мясника, — слова Бёрда были черствыми, но голос полон сожалений.

— Бедняга Дженкинс, — Старбак не особо любил Розуэлла Дженкинса, который раздавал виски, чтобы гарантировать избрание офицером, и предоставил командовать своей ротой сержанту Траслоу. — Кто теперь будет командовать одиннадцатой ротой?

— Тот, кого пожелает видеть на этом посту мой зять или, точнее, кого захочет Траслоу, — Бёрд засмеялся, и клюющие движения его головы превратились в унылые подергивания.

— Есть ли вообще какой-то смысл назначать командира? Потому что, может, и Легиона то никакого не останется? — Бёрд сделал паузу. — Может, и Конфедерации не останется? — он непроизвольно пригнулся, когда осколок просвистел у них над головами и врезался в дерево всего в шести дюймах выше Старбака. Бёрд выпрямился и вытащил одну из своих темных сигар.

— Хотите?

— Пожалуй, — с той ночи с Бельведером Дилейни в Ричмонде Старбак пристрастился к сигарам.

— У вас есть вода? — спросил Бёрд, протягивая сигару Старбаку.

— Нет.

— Кажется, у нас кончилась вода. Док Билли хотел получить воды для раненых, но ее совсем нет, и я ни у кого не могу найти. Мы так многого не предусмотрели.

На севере раздался треск ружейного залпа, свидетельство того, что в дело вступили новые войска конфедератов.

Старбак заметил, что еще как минимум два новых полка южан присоединились к линии Эванса, но на каждого свежего солдата из Алабамы и Миссисипи приходилось по меньшей мере три северянина, и

получив подкрепление, янки посылали всё больше солдат вверх по склону, вложив все свои силы в огонь из винтовок по редеющей линии мятежников.

— Это не затянется надолго, — горько произнес Бёрд, — не затянется.

Офицер из Южной Каролины подбежал к краю леса.

— Майор Бёрд? Майор Бёрд?

— Я здесь! — Бёрд сделал шаг в сторону.

— Полковник Эванс хочет, чтобы вы пошли в атаку, майор, — лицо южнокаролинца почернело от пороха, мундир был порван, глаза покраснели, а голос охрип. — Полковник собирается протрубить в горн и хочет, чтобы все мы пошли в атаку, — офицер помедлил, словно знал, что просит невозможного, а потом попытался напрямую воззвать к патриотизму. — Одна последняя славная атака, майор, за Юг.

На секунду могло показаться, что майор Бёрд вот-вот засмеется от подобного неприкрытого обращения к его патриотическим чувствам, но потом он кивнул.

— Конечно.

За Юг, одна последняя безумная атака, последний отчаянный жест. До того, как сражение и всё дело будут проиграны.

Четыре роты, которые Окорок Эванс оставил оборонять каменный мост, были вынуждены отойти, когда северяне под командованием полковника Уильяма Шермана обнаружили брод вверх по течению и таким образом обошли с фланга этот маленький арьергард южан. Солдаты сделали беспорядочный залп, а потом быстро отступили, пока люди Шермана переходили через Булл-Ран.

Над покинутым мостом разорвался снаряд, а потом на дальней стороне моста появился офицер в синем мундире и просигналил о том, что мост захвачен, взмахнув саблей в сторону артиллерийской батареи северян.

— Прекратить огонь! — крикнул командир батареи. — Сушить банники! Запрягать лошадей! Смотреть веселей!

Мост был взят, так что теперь армия северян могла пересечь Булл-Ран широким потоком и завершить окружение и уничтожение армии мятежников.

— Теперь, джентльмены, вы можете безопасно пройти на позицию батареи, — объявил капитан Джеймс Старбак газетчикам, хотя едва ли кто-то нуждался в его разрешении, потому что группа возбужденных гражданских уже шла или скакала в сторону захваченного каменного моста.

Конгрессмен махнул рукой с зажженной сигарой в сторону войск, а потом отошел в сторону, чтобы дать возможность лошадям, тянущим пушки, прогрохотать мимо.

— На Ричмонд, ребята! На Ричмонд! — крикнул он. — Дайте этим скулящим собакам хорошего пинка! Вперед, ребята!

Батальон одетой в серое пехоты северян последовал за артиллерией. Второй висконсинский полк носил серые мундиры, потому что им не хватило синей ткани, чтобы пошить униформу.

— Просто держите наш славный флаг высоко, ребята, — велел им полковник, — и Господу известно, что мы не какие-нибудь отбросы вроде этих мятежников.

Перейдя через мост, солдаты из Висконсина повернули на главную дорогу, чтобы отправиться на север, в сторону пелены дыма вдалеке, которая показывала, что упрямые конфедераты еще сопротивляются фланговому маневру федералистов.

Капитан Джеймс Старбак предположил, что войска из Висконсина возглавят атаку на неприкрытый фланг обороняющихся южан, смяв и уничтожив мятежников, внеся, таким образом, свою лепту в славную победу, дарованную северянам Богом. Набожному Джеймсу подумалось, что Всевышний наверняка с радостью благословил его страну в День Господень.

Месть Его была стремительной, а победа — ошеломляющей. Даже безбожные иностранные военные наблюдатели не скупились на поздравления.

— Всё, как и планировал бригадный генерал Макдауэлл, — заметил Джеймс, приписывая, как и подобает верному солдату, Божье провидение генералу. — Мы ожидали, джентльмены, сопротивление на начальном этапе, затем внезапный прорыв их обороны и последовательный захват вражеских позиций.

Только Лассан, французский полковник, выразил скептицизм, размышляя над отсутствием артиллерии у Конфедерации.

— Возможно, они берегут боеприпасы? — высказал предположение француз.

— Мне кажется, сэр, дело в непрофессионализме мятежников. Им не хватает навыков, чтобы эффективно развертывать свои орудия, — парировал Джеймс.

— Вот как! Вы правы, капитан, наверное, в этом все дело.

— Они всего лишь фермеры, а не солдаты. Смотрите на это, полковник, как на крестьянский бунт, — Джеймс призадумался, не слишком ли он далеко зашел в своем сравнении, но любое унижение мятежников приходилось сладкой музыкой для его слуха, так что, не удовлетворившись оскорблением, он добавил: — Армия безграмотных селян, ведомая нелюдьми-рабовладельцами.

— Так, значит, победа у вас в руках? — несмело спросил Лассан.

— Гарантированно! — Джеймса распирало от счастья, которое обычно испытывает человек, наблюдающий триумфальное разрешение затруднительной ситуации. В воздухе и впрямь витал запах победы, пока все больше полков федералистов пересекали каменный мост.

Три дивизии северян загромождали дорогу, ожидая своей очереди, чтобы перейти через реку, играла дюжина оркестров, женщины выкрикивали приветственные возгласы, флаги развевались. Господь находился у себя на небесах, фланг Борегара отступал, и мятеж рвался в кровавые клочки.

А еще не настал и полдень.

Глава тринадцатая

— Примкнуть штыки! — приказал майор Бёрд, а потом услышал, как его слова прокатились эхом к флангам Легиона. Солдаты вытащили из ножен тяжелые штыки с латунными ручками и защелкнули их над почерневшими дулами винтовок.

Большинство легионеров никогда не думали, что будут применять штыки в пешей атаке, они считали, что когда война закончится, и янки отправят обратно на север, они заберут штыки домой и будут использовать их, чтобы резать свиней или сечь сено. Однако теперь, стоя за тонкой пеленой дыма, висящей над сломанной изгородью, они закрепили штыки на ужасно горячих винтовках и пытались не думать о том, что их ждет на солнечной стороне.

Потому что там поджидали орды янки — люди из Род-Айленда, Нью-Йорка и Нью-Хэмпшира, пыл этих добровольцев подкреплялся профессиональными солдатами армии США и морскими пехотинцами.

Атакующие северяне теперь превосходили силы Натана Эванса в четыре раза, но упрямая оборона южан сдерживала атаку янки уже более часа.

Ряды обороняющихся опасно поредели, и Эванс хотел предпринять последнюю попытку превратить атаку северян в хаос и тем выиграть еще несколько минут, за которые остатки армии конфедератов смогут сменить позицию и подготовиться к атаке с фланга. Эванс хотел бросить последний вызов врагу перед тем, как линия мятежников распадется и могучие силы северян неотвратно прокатятся по ней дальше.

Майор Бёрд вытащил саблю. Его револьвер Ле Ма до сих пор не был заряжен. Он сделал пробный взмах саблей и понадеялся, что Господь не допустит, чтобы ее пришлось использовать. По мнению Бёрда, эти последние броски в штыковую принадлежали истории и романтическим романам, а не реалиям сегодняшнего дня, хотя Бёрд не мог не признать, что штыки Легиона смотрелись зловеще и эффектно. Это были длинные тонкие клинки с губительным изгибом на конце.

Вернувшись в округ Фалконер, полковник настоял, чтобы солдаты практиковались обращаться со штыками, и даже подвесил коровью тушу к низкой ветке, чтобы устроить реалистичную мишень, но туша протухла, и солдат стало невозможно заставить ее атаковать. Теперь, когда пот прочертил белые линии на их почерневших от пороха лицах, те же самые люди готовились попрактиковаться со штыками по-настоящему.

Северяне, ободренные временным затишьем в стрельбе, снова начали продвигаться. Новая артиллерийская батарея южан добралась до правого фланга Эванса, и канониры осыпали федералистов картечью и ядрами, убеждая северян поторопиться.

Группы северян, будто соревнуясь друг с другом, тащили тяжелые флаги с кистями вперед, через клубы дыма, висящие над лугом, который был так изрыт снарядами и ядрами, что сернистая вонь порохового дыма была приправлена сладким запахом свежескошенного сена.

Майор Бёрд взглянул на свои старомодные часы, моргнул и посмотрел снова. Он поднес часы к уху, решив, что они, должно быть, остановились, но услышал спокойное тиканье. Почему-то он посчитал, что уже настал полдень, но была всего половина десятого. Он облизал сухие губы, поднял саблю и опять перевел взгляд на приближающегося врага.

Раздался сигнал горна.

Одна фальшивая нота, потом пауза, потом еще две, а затем четкие три ноты, и еще раз три, секундная пауза, и внезапно офицеры и сержанты стали выкрикивать команды вставать и идти вперед. Мгновение

никто не шевелился, а потом серая линия у поломанного снарядами и исполосованного пулями леса пришла в движение.

— Вперед! — призвал майор Бёрд и вышел на солнечный свет, держа саблю в поднятой руке и указывая ей вперед.

Он немного подпортил эту героическую позу, споткнувшись, когда перелезал через изгородь, но быстро встал и пошел дальше. Адам взял на себя командование пятой ротой после гибели капитана Элайши Бэрроуза. Бэрроуз был старшим клерком в окружном банке Фалконера и не особо хотел вступать в Легион, но побоялся рискнуть своим продвижением по службе в банке Вашингтона Фалконера в случае отказа.

Ныне же от него осталось лишь тело с потемневшей кожей и роем усевшихся повсюду мух.

Адам, принявший командование, шел во главе пятой роты с револьвером в правой руке и ножнами на левом боку. Ножны могли запутаться между ног, их приходилось постоянно придерживать. Та же проблема донимала и Старбака, шагавшего рядом с Бёрдом.

— Мне кажется, сабля того не стоит, — заметил Бёрд. — Я, конечно, догадывался, что лошади — та еще головная боль, но, похоже, с саблями дело обстоит не лучше. Фалконер, наверное, огорчится. Мне иногда кажется, что его заветная мечта — вести войска в битву с копьем в руке, — Бёрд гнусаво хохотнул, представив себе эту картину.

— Сэр Вашингтон Фалконер, лорд Семи Источников! Да, ему понравится. Все же я никогда не понимал, почему отцы-основатели отменили все эти титулы. Ничего не стоят, зато дураки довольны сверх меры. Моей сестрице бы понравился титул леди Фалконер... Ваш револьвер заряжен?

— Да, — правда, Старбак из него так и не выстрелил.

— А мой — нет. Все как-то забываю, — Бёрд срубил клинком одуванчик. Справа от него четкими рядами наступала пятая рота. Как минимум двое солдат повесили свои винтовки на плечо, заменив их на длинные охотничьи ножи.

Таддеус Бёрд любил называть их тесаками мясника, но всё же огромные неуклюжие клинки выглядели подходящими для этой отчаянной авантюры. Пули северян свистели в воздухе, впиваясь во вздрагивающие от попадания в ткань знамена Легиона.

— Вы заметили, янки до сих пор целят высоко? — спросил Бёрд.

— И слава Богу, — ответил Старбак.

Снова зазвучал горн, подстегивая шеренги мятежников, и Бёрд взмахнул клинком, призывая Легион ускориться. Солдаты двинулись наполовину шагом, наполовину бегом. Старбак обошел кусок дымящейся, испещренной осколками земли, где лежало изувеченное тело стрелка. Снаряд превратил в месиво его живот и половину грудной клетки. То же, что осталось, было усеяно мухами. Большие зубы выделялись на фоне начинающего темнеть на солнце лица.

— По-моему, это Джордж Масгрейв, — доверительно сообщил Бёрд.

— Как вы можете быть уверены? — только и смог вымолвить Старбак.

— Эти зубы как у грызуна. Он был испорченным мальчишкой. Хулиганом. Хотел бы я сказать, что сожалею о его смерти, но не могу. Я сотню раз желал, чтоб он сдох. Такое отвратительное создание.

В солдата из одиннадцатой роты попала пуля, и он разразился воплями от боли. Двое других подбежали к нему, чтобы помочь.

— Оставьте его! — рявкнул сержант Траслоу, и раненый остался корчиться от боли на траве. Музыканты Легиона, укрывшиеся у края леса, также являлись санитарями, и двое из них, поколебавшись, бросились вперед, чтобы подобрать раненого.

Гаубичный снаряд с визгом вонзился в землю на лугу. Он взорвался, и вслед тут же полетел еще один. Пехота северян остановилась, перезаряжая винтовки.

Старбак увидел, как поднимаются и опускаются шомполы, он мог разглядеть покрытые порохом лица, переводящие глаза со своего оружие на приближающуюся шеренгу мятежников.

Так мало южан пошли в атаку и так много северян их ожидало. Старбак заставил себя идти спокойно, не выказывая страха. Забавно, подумал он, но в этот момент его семья, должно быть, занимает свои места на скамье в высокой темной церкви, а отец, наверное, молится в ризнице, в то время как прихожане устремились на солнце, скамьи скрипят, когда на них садятся, а высокие окна летом, как обычно, оставили открытыми, чтобы легкий ветерок из бостонской бухты охладил молящихся.

В церковь проникнет вонь навоза с улицы, а его мать сделает вид, что читает библию, хотя на самом деле всё ее внимание будет поглощено прибывающей паствой — кто присутствует, а кто отсутствует, кто хорошо выглядит, а кто нездоров.

Старшая сестра Старбака Эллен-Марджори, помолвленная со священником, будет нарочито показывать свое благочестие, молясь или читая Писание, а пятнадцатилетняя Марта вопьется глазами в мальчиков на скамье Уильямсов по другую сторону прохода. Старбак гадал, находится ли Сэмми Уильямс среди врагов в синих мундирах, ожидающих в трехстах шагах впереди на этом виргинском лугу. Он гадал, где может быть Джеймс, и ощутил боль при мысли о том, что его напыщенный, но добрый старший брат лежит где-нибудь мертвым.

Горн протрубил снова, в этот раз энергичнее, и мятежники перешли на бег.

— Ура! — закричал майор Бёрд. — Ура!

Старбаку показалось, что вместо того, чтобы приободриться, солдаты начали кричать. Или, скорее, завывать, как тот раненый, которого Траслоу оставил лежать на траве. Этот звук можно было принять за вопли от ужаса, если не считать того, что они выкрикивались в унисон и было в них нечто такое, от чего кровь стыла в жилах, да и сами солдаты это почувствовали и усилили это странное улюлюканье. Даже майор Бёрд, бегущий со своей неуклюжей саблей, как эхо повторил этот зловещий вопль. В нем было что-то дьявольское, пугающее и чудовищно жестокое.

И тогда северяне открыли огонь.

На секунду всё летнее небо, весь небесный свод, наполнился свистом пуль и воплями мятежников, которые сделали паузу перед тем, как снова ринуться вперед, только на сей раз в этих криках зазвучали более пронзительные нотки. Люди начали падать. Солдат откидывало назад под ударами пуль, которые могли бы свалить и мула. Некоторые пытались нетвердой походкой продолжать движение. Трава обгадилась свежей кровью.

Старбак услышал какое-то щелканье и понял, что это звук ударяющихся о ножи и винтовки пуль. Натиск южан замедлился, казалось, люди с трудом пробивают себе путь, будто воздух вдруг сгустился, как патока, в которой стройные ряды полков мятежников распались, превратившись в рассеянные по полю группки. Они останавливались, стреляли и снова шли вперед, но медленно и неуверенно.

Со стороны федералистов последовал еще один залп, и ряды атакующих потеряли еще больше людей. Майор Бёрд приказывал солдатам атаковать, бежать, чтобы исполнить свой долг в этом сражении, но Легион был оглушен жестокостью ответного огня северян и подавлен огневой мощью их пушек, чьи

снаряды разрывались, пылали и свистели над их головами. Гаубичные снаряды сверкали, как молнии, каждый извергал высоко в воздух комья красной земли.

Адам находился в десяти шагах перед одиннадцатой ротой. Он медленно шел вперед, явно не боясь опасности. Сержант призывал его вернуться, но Адам, который теперь опустил револьвер, проигнорировал его.

— Вперед! Вперед! кричал майор Бёрд. До сих пор не обагрился кровью ни один нож или штык, но солдаты не могли больше идти. Они молча отпрянули, а северяне издали триумфальный вопль, и этот звук, похоже, подстегнул отступление мятежников, перешедших на неровный бег. Конфедераты пока не ударились в панику, но были уже близки к ней.

— Нет! — лицо майора Бёрда, пытавшегося заставить солдат снова пойти в атаку лишь личным примером, побагровело.

— Майор! — Старбаку пришлось кричать, чтобы Бёрд его услышал. — Оглянитесь налево! Налево!

Свежий полк северян приближался к левому флангу Легиона и теперь угрожал обойти виргинцев с незащищенного фланга. Новая атака не только бы отразила неудавшуюся штыковую, но и отрезала бы им путь к лесу. Оборону Эванса обошли с флангов и в конце концов разгромили.

— Чёрт! — Бёрд уставился на эту новую угрозу. Его ругательство звучало совершенно неубедительно, как у человека, не привыкшего сквернословить. — Старшина! Заберите знамена! — Бёрд отдал приказ, но сам не отступил.

— Вернитесь, сэр, прошу вас! Вернитесь! — Старбак потянул майора Бёрда за рукав, и на сей раз тот начал отходить. В воздухе визжали пули, а Бёрд и Старбак, шатаясь, пошли обратно, защищенные от стрелков северян завесой дыма, мешающей прицелиться.

Не отступил только Адам. Он призывал своих солдат идти за ним, крича, что опасности нет, что им лишь нужно пробиться к противоположному краю луга, но одиннадцатая рота заметила, что вся шеренга конфедератов отступает, и тоже повернула назад.

Адам остановился и повернулся к ним, приказывая наступать, но потом покачнулся и чуть не выронил револьвер. Он открыл рот, пытаясь что-то сказать, но не издал ни звука. Ему удалось сохранить равновесие и потом очень медленно и осторожно, словно пьяный, изображающий трезвого, он вложил револьвер в кобуру. Затем со странно озадаченным выражением лица он упал на колени.

— Вот же глупый ублюдок, — сержант Траслоу заметил, что Адам упал, и побежал к нему, прямо на приближающихся северян. Остатки Легиона поспешили назад, под прикрытие леса. Атака южан полностью провалилась, и северяне разразились громкой бранью в их сторону.

— Моя нога, Траслоу, — произнес Адам удивленно.

— А должны были быть твои чертовы мозги. Дай мне руку, — Траслоу, даже спасая Адама, говорил мрачным и враждебным тоном. — Пошли, парень. Быстро!

Адам был ранен в левое бедро. Пуля ударила, словно молотком, но в тот момент он не ощутил сильной боли. И вдруг она пронзила его, будто всю ногу от паха до кончиков пальцев прижгло раскаленным железом. Он захрипел в агонии и даже не смог сдержать приглушенного крика.

— Оставьте меня здесь! — выдохнул он.

— Хватит скулить, Бога ради, — Траслоу то ли тащил, то ли волок Адама на себе в сторону леса.

Ни майор Бёрд, ни Старбак не видели, что произошло с Адамом. Они спешили обратно к деревьям, вернее, Старбак спешил, а Таддеус Бёрд спокойно вышагивал.

— Вы заметили, — снова спросил он, — как много пуль уходят слишком высоко?

— Да, — Старбак пытался перейти на бег и одновременно пригнуться.

— Нам следует что-то предпринять по этому поводу, — многозначительно заявил Бёрд. — Потому что, должно быть, мы тоже стреляем слишком высоко, так ведь?

— Да, — Старбак согласился бы с любым предложением Бёрда, лишь бы тот поторопился.

— Я говорю о том, сколько же пуль было выпущено на этом лугу сегодня утром, — продолжал Бёрд, внезапно вдохновленный новой идеей, — а сколько они причинили ущерба? В действительности, относительно мало, — он взмахнул так и не покрывшейся кровью саблей в ту сторону, где на траве после неудавшейся атаки Легиона расprostерлось, может, полсотни тел. — Нужно взглянуть на стволы деревьев и отметить, куда попадают пули, и могу с вами поспорить, Старбак, что большая часть будет по меньшей мере в восьми или десяти футах над землей.

— Не удивлюсь, сэр. И правда не удивлюсь, — теперь Старбак уже видел впереди изгородь. Еще несколько шагов, и они укроются за деревьями. Большая часть Легиона уже находилась в безопасности леса, во всяком случае, в относительной безопасности, насколько это вообще возможно для людей, скрючившихся среди деревьев, которые обстреливались дюжиной гаубиц федералистов.

— Вот, смотрите! Двенадцать футов, пятнадцать. Вот еще одна, десять футов высоты, может, на дюйм меньше. Видите? — майор Бёрд остановился, указывая саблей на интересный феномен, насколько высоко пули оставили отметины на деревьях.

— Вот еще одна чуть ниже, признаю, но поглядите-ка, видите? Вон на том гикори [\[25\]](#), Старбак? Ни одна пуля не ударила ниже десяти футов, а сколько выше? Четыре, пять, шесть, и это только на одном стволе!

— Сэр! — Старбак потащил Бёрда вперед.

— Спокойнее! — запротестовал Бёрд, но начал двигаться, так что в конце концов Старбак укрылся в лесу. Он заметил, что в инстинктивном поиске безопасного места большая часть солдат отступила дальше, за деревья, хотя некоторые, самые храбрые, остались у кромки леса, продолжая вести стрельбу по приближающимся янки.

— Назад, ребята! — майор Бёрд понял, что игра южан проиграна. — Бог знает куда, — пробормотал он еле слышно. — Старшина Проктор?

— Сэр!

— Удостоверьтесь, что знамена целы! — насколько же смехотворно, подумал Бёрд, что он должен заботиться о подобных вещах. Чем были эти знамена, как не просто двумя яркими тряпками, сделанными из клочков шелка в спальне его сестры? Пули северян рвали листву. — Старбак?

— Сэр?

— Будьте добры, предупредите дока Билли. Скажите, что мы отступаем. Он должен спасти столько раненых, сколько сможет, а остальных оставить. Полагаю, янки будут достойно с ними обращаться?

— Уверен, что да, сэр.

— Тогда отправляйтесь.

Старбак побежал обратно через лес. Слева от него разорвался снаряд, и тяжелая ветка треснула и упала на ближайшие деревья. Между деревьями сновали группы людей, не в ожидании приказов, а просто пытаясь укрыться. Они побросали ножи, одеяла, заплечные мешки — почти всё, что могло замедлить бег.

Старбак обнаружил хаотичное скопление людей рядом с привязанными лошадьми, капрал пытался увести Покахонтас из этой кучи малы.

— Это моя! — крикнул Старбак, схватив поводья.

Какое-то мгновение капрал выглядел так, будто хотел оспорить это утверждение, но потом заметил мрачное выражение лица Старбака и исчез. Мимо промчался орущий на свою лошадь капитан Хинтон, а за ним следовал лейтенант Мокси с сочащейся из левой руки кровью. Старбак вскочил в седло и повернул в сторону той поляны, где в последний раз видел доктора Дэнсона. Еще одна группа людей прошмыгнула мимо, выкрикивая что-то нечленораздельное.

С края леса послышался залп из винтовок. Старбак стукнул пятками по бокам Покахонтас. Она прижала уши, показывая свою нервозность. Старбак пригнулся под веткой, а потом чуть не вылетел из седла, когда кобыла перепрыгнула через поваленный ствол. Он галопом выскочил на дорогу, планируя повернуть на юг, в сторону полевого госпиталя, но внезапно рядом с его головой мелькнула пуля, и он увидел поднимающийся над пламенем выстрела дымок и синеву мундиров в лесу напротив. Какой-то человек приказал ему сдаваться.

Старбак дернул поводья, так что лошадь чуть не упала. Кобыла неохотно развернулась, и Старбак вонзил в ее бока шпоры.

— Давай же! — прикрикнул он на нее, а потом съежился, когда еще одна пуля просвистела у его головы.

Он по-прежнему сжимал в руке свой тяжелый револьвер и стукнул им Покахонтас в бок, лошадь неожиданно ринулась вперед, чуть не сбросив Старбака, но ему как-то удалось уцепиться левой рукой и въехать в лес. Старбак развернулся обратно к вершине холма. Похоже, уже не было смысла организовывать отход раненых, вместо этого ему нужно было найти Бёрда и сообщить ему, что Легиону зашли во фланг.

— Майор Бёрд! Майор Бёрд! — кричал он.

Таддеус Бёрд обнаружил сержанта Траслоу и теперь помогал ему отнести в безопасное место Адама. Все трое отступали вместе со знаменосцами и были самыми последними легионерами, оставшимися в лесу на вершине холма. Старшина Проктор нес один флаг, а капрал из третьей роты — другой, но тяжелые знамена на громоздких древках трудно было тащить через клубок оторванных ветвей и по торчащим из земли корням.

Оставшаяся часть Легиона, то есть остатки бригады Натаниэля Эванса, похоже, сбежала, и Бёрд полагал, что сражение проиграно. Он гадал, как историки опишут этот мятеж южан. Как одно безумное лето? Отклонение американской истории от прямого курса, стоящее где-то между восстанием из-за виски [\[26\]](#) и тем, как Джордж Вашингтон расправился с дикарями? Где-то у верхушек деревьев разорвался снаряд, осыпав знаменосцев листьями.

— Майор Бёрд! — кричал Старбак. Он скакал бешеным галопом, вслепую пробираясь между деревьями. Убегающие солдаты что-то кричали ему в ответ, но мир Старбака сузился до застилающей глаза солнечной пелены, тени от зелени деревьев, мчащейся в панике лошади, пота и жажды. Он слышал, как на лугу играют оркестры, северян и развернул лошадь в противоположную от этого звука сторону. Он снова позвал майора Бёрда, но в ответ прозвучали лишь плевки выстрелов откуда-то слева.

Пули свистели и приземлялись где-то рядом, но северяне не могли как следует прицелиться в густом лесу. Справа разорвался снаряд, изрыгнув дым и обжигающие осколки, а потом Старбак выехал на поле, увидел мелькание красно-белых знамен Легиона Фалконера на дальней стороне открытого пространства и

развернул лошадь в том направлении. Ему показалось, что он заметил там Таддеуса Бёрда и еще дюжину человек.

— Майор Бёрд!

Но Бёрд исчез в дальнем лесу. Старбак поспешил за знаменосцами, рванув через пелену дыма, висевшую над полем. В лесу слышались выстрелы, протрубил горн, а позади всё играли оркестры янки. Старбак влетел в лес на дальнем конце поля и ринулся через путаницу низко нависающих веток, которые больно хлестали ему по лицу.

— Майор Бёрд!

Наконец, Бёрд повернулся, и Старбак заметил, что там находился и Адам с покрывшей его бедро темной кровью. Старбак уже приготовился крикнуть, что янки на правом фланге, но было слишком поздно. Отряд солдат в синих мундирах уже бежал по лесу, приближаясь со стороны проселочной дороги, и казалось неизбежным, что знамена Легиона падут, а Бёрда, Адама, Траслоу и других солдат, окруживших два флага, возьмут в плен.

— Берегитесь! — заорал Старбак, указывая на янки.

Знаменосцы помчались через лес, отчаянно пытаясь удрать, но Бёрд и Траслоу не могли этого сделать из-за Адама. Северяне кричали им, чтоб остановились и подняли руки, а майор Бёрд орал старшине Проктору, чтоб тот поторапливался. Адам взвыл, ударившись ногой о дерево.

Старбак услышал его вопль и пришпорил лошадь. Северяне улюлюкали и вопили, как дети во время игры. Одна из винтовок выстрелила, и пуля исчезла в листве. Майор Бёрд и сержант Траслоу покачивались под весом Адама. Северяне снова призвали их сдаться, и Траслоу развернулся, подготовившись к драке, и увидел, как на него надвигаются штыки.

И тут налетел Старбак. Он направил кобылу во весь опор прямо на преследователей-янки и орал на них, чтобы убирались и оставили Адама в покое. Северяне развернули отяжелевшие под весом штыков винтовки в его сторону, но Старбак скакал слишком быстро. Он вопил на них, вся его сдержанность куда-то делась, и он наконец-то принял решение сразиться.

Янки не отступили, а попытались прицелиться, и в это время Старбак выпрямил правую руку и нажал на нижний курок Сэвиджа, а потом на верхний, рука дернулась от отдачи, а ему пришлось вдохнуть дым, который сразу рассеялся. Он радостно загикал, будто эти выстрелом освободил свою душу от темных желаний. Он услышал ружейный выстрел, но пуля его не задела, и он закричал, бросая вызов врагам.

В отряде было шестеро янки. Пятеро из шести разбежались от безумного налета Старбака, но один храбрец попытался воткнуть свой штык в сумасшедшего всадника. Старбак оттянул нижний курок, крутанув тем самым барабан, а потом ткнул дулом в солдата, который решил с ним сразиться.

В глазах Старбака мелькнули кустистые черные бакенбарды и потемневшие от табака зубы, а потом он нажал на курок, и лицо солдата исчезло в фонтане смешанной с дымом крови, осколков костей и ярких капель.

Старбак издал жуткий звук, смесь победного вопля и яростного воя, раздавив под копытами Покахонтас другого янки. Справа от него со страшным грохотом выстрелила пушка, и внезапно кобыла заржала и встала на дыбы, но Старбак сумел удержаться в седле и погнал ее дальше.

Он попытался выстрелить в синемундирника, но револьвер дал осечку, потому что он нажал на оба курка одновременно. Но это не имело значения. Майор Бёрд, Адам и Траслоу ускользнули, знамена были спасены в безопасной зелени леса, а Старбак внезапно обнаружил, что скачет в одиночестве в наполненной лишь шелестением листьев тишине.

Он смеялся. Ему казалось, будто его переполняло просто невероятное счастье, что он испытал второй наиболее насыщенный и чудесный момент в своей жизни. Он хотел огласить небеса криком радости, вспомнив лицо янки, разлетевшееся на кусочки от его выстрела. Боже мой, ну и задал же он ублюдку! Он громко засмеялся.

А в это время в далеком Бостоне танцевала пыль, поднимаясь в лучах света, падающих из высоких окон церкви на преподобного Элияла Старбака, который, закрыв глаза и с искаженным страстным напряжением лицом, молил Всемогущего Господа защитить и прийти на помощь праведным войскам Соединенных Штатов, поднять им дух, чтобы смогли вынести все трудности, и придать сил, чтобы победить нечестивые войска того непроизносимого зла, что распространилось по южным штатам.

— И если дойдет до сражения, о Господи, то быть посему, пусть завоюют они победу, и пусть прольется кровь врагов их, и пусть втопчут праведники гордость врагов своих в землю! — его призыв был таким энергичным, слова молитвы эхом отразились от стен, а голос был тверд, как нью-хэмпширский гранит, из которого была построена церковь.

Элиял подождал, пока не затихнет эхо, и открыл глаза, но прихожане, каким-то образом сообразившие, что пастор окидывает скамьи сердитым взглядом серых глаз в поисках признаков измены, держали веки плотно сомкнутыми, а вееры неподвижно. Никто не пошевелился, они даже едва осмеливались дышать. Элиял опустил руки, схватившись за аналой.

— Святым именем твоим мы молим тебя, аминь.

— Аминь, — подхватила паства. Робкие глаза открылись, зашуршали книги с церковными гимнами, и миссис Сиффлар накачала немного влажного воздуха в чрево фисгармонии.

— Псалом номер сто шестьдесят шесть, — преподобный Элиял говорил тоном человека, только что истратившего последние силы и полностью истощенного. — «И фонтан наполнился кровью из вен Эммануэля, и грешники утонули в этой крови, все их грешные останки».

Лошадь без всадника прорвалась сквозь кустарник и проскакала напрямик сквозь строй раненных солдат-южан, оставленных на милость наступающих янки. Один из раненых заорал и задергался в приступе боли, когда удар лошадиным копытом пришелся прямо по его бедру. Другой всхлипывал, призывая мать.

Еще один солдат лишился глаз от осколка снаряда, и всхлипывать он уже не мог. Двое южан уже умерли от ран, и теперь их бороды смотрели вверх, а по всему телу ползали налетевшие мухи.

Среди деревьев появлялось все больше северян, которые наклонялись, чтобы обчистить карманы и сумки убитых. Артиллерийский огонь наконец-то прекратился, но в подлеске еще слышен был треск, там, где от взрывов продолжала гореть земля.

К востоку от леса одетые в серую униформу висконсинцы Второго полка наступали на позиции полка Конфедерации из Джорджии, чьи подразделения формировали правый фланг разбитой линии обороны линии конфедератов. Флаг северян, уныло повисший в этот безветренный день, сильно походил на знамя Конфедерации, и Второй полк приняли за прибывшие подкрепления южан. Полк из Джорджии позволил им подойти практически в упор — и потерял при первом же залпе янки всех офицеров ранеными или убитыми.

Оставшиеся в живых солдаты из Джорджии замерли, а потом признали поражение и побежали.

Таким образом, последний из наспех собранных Натаном Эвансом заслонов был уничтожен. И тем не менее, солдаты свою задачу выполнили, сдерживая подавляющие силы противника достаточно долго. И теперь была развернута новая линия обороны — на плоской и широкой вершине холма, того самого, у которого Легион Фалконера встретил утро.

Батарея виргинских орудий под командованием человека, сменившего карьеру адвоката на карьеру артиллериста, ожидала на северном гребне плато. Орудия могли простреливать долину, по которой разбитые отряды из бригады Эванса удирали от победоносных янки.

Позади артиллерии адвоката расположилась виргинская бригада, прибывшая из долины Шенандоа под командованием набожного человека с весьма странными взглядами и не слишком дружелюбными манерами.

Томас Джексон когда-то работал весьма непопулярным лектором в Военном институте Виргинии, затем стал не менее непопулярным командующим бригады милиции, которую он муштровал и готовил, готовил и муштровал, пока фермеров в рядах его бригады не начало тошнить от муштры и подготовки.

Теперь же эти фермеры держали позиции на широком плато, ожидая атаки победоносной армии янки. Они были подготовлены, вымуштрованы и горели желанием схлестнуться с врагом.

Вторая артбатарея Конфедерации развернула орудия рядом с обозом Легиона Фалконера на вершине холма.

Командовал батареей священник. Он приказал своему заместителю проверить (и затем проверить еще раз) все банники, зубчатые колеса и шомполы, сам же занялся молитвой вслух, прося Бога даровать милость повинным душам янки, которые он собирался послать в лучший мир с помощью четырех огромных орудий, названных в честь четырех евангелистов.

Томас Джексон, ожидая огонь вражеской артиллерии, приказал своим солдатам залечь, чтобы не представлять для вражеских канониров легкую цель. Сам же он уселся в седло и углубился в чтение библии.

Он не хотел, чтобы в бою возникла путаница, поэтому каждый виргинец его бригады повязал на плечо белую повязку или заткнул ее за ленту на шляпе. Им также было приказано во время сражения выкрикивать боевой клич.

— За наш дом! — таков был их клич, и Джексон ожидал от них еще и удара в грудь левой рукой при выкрике. Капитан Имбоден, адвокат, ставший артиллеристом, давно пришел к выводу, что Джексон безумен, как мартовский заяц, но все же капитан был доволен — все-таки они на одной стороне, и ему не придется сражаться в этом безумцем.

В миле по правую сторону от Имбодена все больше и больше войск северян пересекали Булл-Ран, чтобы продолжить разгромную атаку, повергшую армию мятежников в хаос и беспорядок. У дороги на коне восседал генерал Ирвин Макдауэлл, подбадривая войска.

— Победа, ребята! — повторял он снова и снова. — Победа! На Ричмонд! Вы молодцы, ребята, молодцы!

Макдауэлл пребывал в полнейшем, почти экстатическом восторге. Его так распирало от счастья, что он и думать забыл о несварении желудка, которое донимало его после неразумного количества съеденного предыдущей ночью мясного пирога.

Какое к чертям несварение? Он победил! Он привел к победе величайшую в американской военной истории армию! И как только несложная работенка по удалению с лица земли мятежников завершится, он возложит захваченные знамена к ногам президента в Вашингтоне.

Правда, пока что никаких знамен не захватили, но он был уверен, что скоро их будет в избытке.

— Старбак! — он разглядел своего су-адъютанта, окруженного иностранными атташе в кричащих мундирах. Макдауэлл посещал колледж во Франции и привык к европейской военной моде, но теперь,

увидев эту яркую униформу среди простых славных мундиров собственной армии, подумал, насколько же смехотворно выглядят эти разукрашенные иностранцы. — Капитан Старбак! — снова позвал он.

— Сэр? — капитан Джеймс Старбак радостно отбивал ритм в такт с полковым оркестром, играющим для атакующих войск попури из оперных партий. Теперь он направил свою лошадь поближе к генералу.

— Не поехать ли вам на разведку через мост? — добродушно предложил Макдауэлл. — И велите нашим ребятам посылать мне все захваченные знамена. Убедитесь в этом, хорошо? Все знамена! И не беспокойтесь о ваших иностранцах. Я сам с ними поболтаю, — генерал помахал рукой проходящим мимо артиллеристам.

— Победа, ребята, победа! На Ричмонд! На Ричмонд!

Толстый и пьяный конгрессмен из Нью-Йорка ехал на передке пушки на запад, и генерал благожелательно поприветствовал политика. Конгрессмен был мерзавцем, но его поддержка могла пригодиться в победоносной карьере генерала, когда закончится сезон битв.

— Это великий день, конгрессмен! Великий!

— Еще один Йорктаун [\[27\]](#), генерал! Настоящее Ватерлоо! — конгрессмен тоже мог использовать победоносного генерала в своей карьере, и потому толстый политик помахал цилиндром из бобрового фетра [\[28\]](#), дружески приветствуя дородного Макдауэлла. — Вперед, к победе! — прокричал конгрессмен, с такой силой взмахнув шляпой, что чуть не свалился со своего узкого сиденья.

— И Старбак! — позвал Макдауэлл, когда его адъютант уже пробирался через запрудившую мост толпу. — Не допускайте, чтобы слишком много гражданских суеилось у вас за спиной. Ничего плохого в них нет, но мы же не хотим, чтобы дам ранило шальным выстрелом, правда?

— Конечно, сэр! — Джеймс Старбак отправился на охоту за знаменами.

Полковник Вашингтон Фалконер тоже искал знамена, свои собственные, и нашел их на лугу к северу от дороги. Поначалу он не мог признать остатки своего драгоценного Легиона в этих разрозненных группах измотанных людей с покрытыми порохом лицами, бредущих из-за деревьев, волоча за собой винтовки и едва способных узнать собственного полковника.

Лишь немногие солдаты, ведомые офицерами и сержантами, еще сохраняли строй, но большинство побросало дорогостоящую аммуницию и потеряло всякое представление о том, где находятся их роты, офицеры и друзья.

Некоторые отступали с южнокаролинцами, некоторые с луизианцами, как и солдаты из этих полков теперь тащились вместе с виргинцами. Это была побежденная армия, истощенная и оглушенная, и полковник смотрел на них, не веря своим глазам. Итан Ридли, который наконец-то нагнал Фалконера, не смел заговорить, опасаясь, что полковник сорвет свой гнев на нем.

— Вот что наделал Старбак, — в конце концов произнес Вашингтон Фалконер, а Ридли просто кивнул в молчаливом согласии. — Вы видели Адама? — обратился полковник к выжившим, но они лишь качали головами. Некоторые, бросив взгляд на элегантно восседающего на коне полковника в прекрасном мундире, отворачивались, чтобы плюнуть на луг из пересохшего рта.

— Сэр? — Ридли посмотрел направо и заметил синие мундиры янки,двигающиеся со стороны деревянного моста, по которому дорога пересекала речушку Булл-Ран. — Сэр! — повторил он настойчивей.

Но полковник не слушал, потому что наконец-то заметил, как из леса вышли знаменосцы, и помчался им навстречу. Каким бы кошмарным не оказался этот день, он был решительно настроен не потерять эти два флага. Даже если Конфедерация падет, потерпев полное поражение, он принесет эти флаги обратно в

Семь Источников и повесит их у себя в холле, чтобы напоминали потомкам о том, как их семья сражалась за Виргинию. Ридли последовал за полковником молча, осознавая всю глубину поражения.

Поначалу полковник не увидел Адама, которому теперь помогали сержант Траслоу и старшина Проктор. Он заметил лишь майора Бёрда, волочившего знамя Фалконера по грязи.

— Что ты сделал с моим Легионом, черт возьми? — заорал Фалконер на своего шурина. — Что ты натворил, черт возьми?

Таддеус Бёрд остановился, уставившись на разъяренного полковника. Похоже, ему понадобилось несколько секунд, чтобы узнать Вашингтона Фалконера, но узнав его, он засмеялся.

— Будь ты проклят, Дятел, будь ты проклят! — Фалконер едва не ударил учителя по смеющемуся лицу своим хлыстом.

— Адам ранен, — Бёрд резко прекратил смеяться и заговорил горячо и энергично. — Но с ним всё будет в порядке. Он храбро дрался. Все дрались храбро, или почти все. Нужно будет научить их целиться низко, хотя есть еще тьма уроков, которые нам придется выучить. Но для первого сражения мы выглядели совсем неплохо.

— Неплохо! Ты уничтожил Легион! Будь ты проклят! Уничтожил его! — полковник пришпорил Саратогу в сторону помогавших Адаму сержанта Траслоу и Проктора. — Адам! — закричал полковник и с изумлением увидел, что его сын радостно улыбается.

— Осторожней в лесу, Фалконер! — рявкнул сержант Траслоу. — Там полно чертовых янки.

Полковник намеревался накинуться на Адама и устроить ему выволочку за то, что позволил Бёрду послушаться приказа, но окровавленная нога сына сдержала его гнев. Потом он поднял глаза и увидел последнюю фигуру в серой униформе, нетвердой походкой вышедшую из леса.

Это был Старбак, и при виде него гнев Вашингтона Фалконера вскипел так яростно, что он непроизвольно затрясся.

— Я вернусь за тобой, Адам, — сказал он и пришпорил Саратогу в сторону Старбака.

Старбак был без лошади и прихрамывал. После того, как Покахонтас заржала, он развернул ее влево, вонзил в ее истерзанные бока шпоры и проскакал галопом мимо ошеломленных и разбежавшихся янки. Он пытался догнать удирающих знаменосцев, но кобыла споткнулась, а из ее пасти и ноздрей закапала кровь.

Она перешла на неровный шаг, засипела, а потом рухнула на колени. Она всё еще пыталась двигаться, но жизнь с шумом выходила из ее поврежденных легких, и она завалилась на бок, скользя по дерну и корням, а Старбак лишь успел выдернуть ноги из стремян и спрыгнуть с седла до того, как умирающая кобыла наткнулась на дерево и остановилась. Она задрожала, попыталась поднять голову, издала тихое ржание, а потом копыта забились по земле в предсмертной агонии.

— О Боже.

Старбак дрожал. Он согнулся, хватая ртом воздух, он был весь в синяках и напуган. Лошадь дернулась, и поток крови хлынул у нее из пасти. Пулевое отверстие в ее груди выглядело совсем маленьким. Громко жужжали мухи, уже облепившие мертвое животное.

Лес казался странно тихим. Где-то далеко звучала ружейная стрельба, но Старбак не слышал поблизости ничьих шагов. Он встал на ноги и зашипел от боли в левой лодыжке, перенеся на нее вес. Его револьвер упал на кучку окровавленных листьев.

Он подобрал его, засунул в кобуру и уже готов был похромать дальше, когда вспомнил, что не далее

как этим утром полковник Фалконер подчеркивал, насколько дорогим являлось седло, и Старбаку почему-то пришла в голову дурацкая мысль, что его ожидают большие неприятности, если не спасет седло, и потому он встал на колени у брюха мертвой лошади и потянулся, чтобы отстегнуть подпругу.

Затем то ли рыдая, то ли тяжело дыша, он вытащил седло со стремянами и подпругой из-под тела мертвой кобылы.

Шатаясь, он двинулся через лес, хромя из-за вывихнутой лодыжки и спотыкаясь под весом седла и от полуденной жары. Ему пришлось удерживать седло двумя руками, и потому сабля все время путалась под ногами.

После того, как он споткнулся о саблю в третий раз, Старбак остановился, отстегнул ножны и забросил проклятый клинок в подлесок. Где-то в глубине души он понимал, что глупо спасать седло и выбрасывать саблю, но почему-то сейчас седло казалось важнее.

Далеко в лесу раздались голоса, протрубил рог и кто-то триумфально заулюлюкал, и, боясь нарваться на засаду, Старбак вытащил револьвер, взвел нижний курок, а потом рукой с револьвером взялся за седло. Он похромал дальше, наконец-то выйдя из леса на широкое пастбище, по которому были разбросаны кучки отступающих мятежников.

Перед южанами находилась главная дорога, а за ней — крутой склон холма, поднимающийся к плато, на котором Легион начал свой день. Он увидел на вершине небольшой деревянный дом и несколько пушек рядом с ним. Старбак гадал, принадлежат ли эти пушки Северу или Югу, врагам или друзьям.

— Ах ты ублюдок! — крик эхом разнесся по полю, и Старбак повернул залитые потом глаза, увидев мчащегося в его сторону полковника Фалконера. Полковник резко развернулся, чтобы остановиться рядом со Старбаком, из-под копыт его жеребца полетели комья земли.

— Что, во имя Господа, ты сотворил с моим Легионом? Я велел тебе возвращаться домой! Велел убираться к твоему проклятому отцу! — и полковник Фалконер, в приступе ярости не осознавая, что делает, или как младший лейтенант мог обладать такой властью, чтобы совершить приписываемые Старбаку действия, замахнулся хлыстом и ударил им Старбака по лицу. Тот зажмурился, выдохнул от боли, а потом попытался отшатнуться и упал. Из его носа хлынула соленая кровь.

— Я принес ваше седло, — попытался он сказать, но вместо этого встал на четвереньки с капающей из носа кровью, а полковник снова поднял хлыст.

— Это твоя работа, грязный северянин, да? Это ты уничтожил мой Легион, ублюдок! — он хлестнул во второй раз, а потом в третий. — Ах ты ублюдок! — завопил он, занеся руку для четвертого удара.

На краю леса появились первые преследователи-янки. Один из них, капрал, был среди той группы, на которую напал Старбак, и теперь, выйдя на поле, он увидел сидящего верхом конфедерата не далее как в пятидесяти ярдах и, вспомнив о своем погибшем товарище, встал на правое колено, прислонил винтовку к плечу и быстро выстрелил.

Дымовая завеса заслонила ему вид, но цель была очень четкой, и пуля поразила полковника в поднятую правую руку, раздробив кость и от ricoшетив вниз, через ребра в живот. Кровь полилась из его руки, отброшенной назад силой выстрела, а хлыст закувыркался в воздухе.

— О Боже, — произнес Вашингтон Фалконер скорее от удивления, чем от боли.

Потом его пронзила боль, он громко вскрикнул, попытавшись опустить руку, заметил мешанину окровавленной и порванной ткани и ощутил резкую боль.

— Полковник! — Итан Ридли примчался к полковнику как раз в тот момент, когда на краю леса

затрещали выстрелы северян. Ридли пригнулся и натянул поводья, когда пули Минье засвистели у его головы.

Полковник развернулся, вонзив в коня шпоры и завывая от боли, а Ридли уставился вниз на Старбака, который поднял правую руку, пытаясь защититься от ударов полковника.

В его руке был зажат револьвер Сэвиджа, и Ридли, заметив это, решил, что северянин пытался убить полковника.

— Ты его застрелил! — выкрикнул Ридли шокирующее обвинение, а потом вытащил собственный револьвер из кобуры.

Кровь капала из носа Старбака. Он еще не пришел в себя от шока, был слишком оглушен, чтобы понимать, что происходит, но увидел гримасу на лице Ридли и как его револьвер изрыгнул дым, а потом седло, которое Старбак всё еще держал левой рукой, дернулось, когда пуля Ридли вошла в деревянный каркас под кожей.

Этот толчок от вонзившейся в седло пули заставил Старбака очнуться. За его спиной из леса выбегала толпа северян, а Ридли уже разворачивался, не из-за страха перед Старбаком, а чтобы сбежать от натиска янки.

— Ридли! — заорал Старбак, но тот уже вонзил окровавленные шпоры в бока лошади, когда Старбак поднял свой тяжелый револьвер. Он должен был выполнить обещание, и для этого в его распоряжении было лишь несколько секунд, так что он прицелился и спустил курок. От разорвавшегося капсюля разлетелись искры, и Старбак ощутил удар от отдачи.

Ридли вскрикнул и выгнул спину.

— Ридли! — снова заорал Старбак, воздух вокруг него наполнился свистом пуль северян, а кобыла Ридли со ржанием встала на дыбы. Ридли был ранен, но автоматически выдернул ноги из стремян, развернувшись, чтобы взглянуть на Старбака.

— Это за Салли, ублюдок! — истерически заголосил Старбак, полностью потеряв благоразумие. — За Салли! — он обещал, что ее имя будет последним, что услышит Ридли, и снова выкрикнул его, оттягивая нижний курок Сэвиджа и нажимая на верхний.

Ридли дернулся, когда в него попала вторая пуля, и свалился на землю. Теперь к ржанию лошади добавился его вопль, но лошадь пыталась сбежать, а Ридли шлепнулся на траву.

— Ты ублюдок, Ридли! — Старбак встал, нацеливая револьвер. Он снова выстрелил, но третья пуля лишь прочертила царапину на почве между упавшим Ридли и его хромающей раненой лошадью, пытающейся удрать. Полковник находился в пятидесяти ярдах, но повернулся и в ужасе уставился на Старбака.

— Это за Салли, — повторил Старбак и выпустил по телу врага последнюю пулю, а потом внезапно поле перед Старбаком вздыбилось, разбрызгивая грязь и кровь, когда снаряд конфедератов разорвался прямо у тела умирающего Ридли, выпотрошив его, и фонтан окровавленных кусков плоти словно ширмой заслонил Старбака от отступающего Легиона.

Теплая и кровавая волна от взрыва отбросила Старбака назад, покрыв его серый мундир кровью Ридли. Новые снаряды свистели по долине, сотрясая луг, на который из леса вышли наступающие северяне, черно-красными взрывами.

На вершине дальнего холма появилось низкое облачко, раздувающееся по мере того, как артиллерия изрыгала всё больше дыма. Старбак снова упал на колени, а Ридли превратился лишь в валяющееся на

траве кровавое месиво.

Перед Старбаком по дороге отступали разбитые войска конфедератов, взбираясь на дальний холм, увенчанный сероватым дымом с проблесками огня, но Старбак остался на лугу, уставившись на кучку окровавленной плоти, белеющих ребер и синеватых внутренностей, осознав, что совершил убийство.

О Боже милостивый и всеблагий, попытался он вознести молитву, дрожа от озноба, несмотря на жару, но внезапно мимо него пронеслись наступающие северяне, и один из них выбил из дрожащих пальцев Старбака револьвер, а потом отделанный латунью приклад винтовки стукнул его по затылку, и он плюхнулся лицом вперед, услышав голос северянина, приказывавший не двигаться.

Он лежал, уткнувшись лицом в издававшую сладкий запах траву, вспоминая последний отчаянный взгляд Ридли, когда тот обернулся, как ярко блестели белки его глаз и выражение ужаса на лице умирающего — дар девушки, которую он предал в Ричмонде. Чтобы совершить убийство, нужна лишь секунда, одна короткая секунда.

Боже мой, думал Старбак, но он же даже не может помолиться, потому что не чувствует угрызений совести. Он не ощущал, что согрешил, просто хотел засмеяться из-за того, что сдержал данное Салли обещание, сохранил ей верность и убил ее врага. Он выполнил свой дружеский долг, и эта мысль заставила его рассмеяться.

— Повернись! — солдат пошевелил Старбака штыком. — Повернись, сумасшедший ублюдок!

Старбак перекатился на спину. Двое бородатых солдат обшаривали его карманы и патронташ, но не нашли ничего ценного за исключением горстки патронов для револьвера Сэвиджа. — С голодающей псины и то больше поживы, — сказал один из них, а потом скривился, взглянув на жуткую кровавую кашу на месте Итана Ридли. — Хочешь обыскать эту кровавую кучу, Джек?

— Нет уж, на хрен. Встать! — он пихнул Старбака штыком. — Туда, мятежник.

Около двух десятков пленников толпились на краю леса. Половина была из Легиона, а остальные — южнокаролинцы и луизианские зуавы.

Пленники-конфедераты печально наблюдали, как у подножия дальнего холма собирались полки северян. Всё больше частей прибывало через Булл-Ран, выступая в качестве подкрепления для новой атаки. Всё больше пушек катилось по дороге, нацеливаясь на оборону конфедератов.

— Что с нами будет? — спросил Старбака один из легионеров.

— Не знаю.

— С вами-то всё будет в порядке, — негодуя заявил солдат. — Вы же офицер, это совсем другое дело, не то что мы. Они продержат нас как раз пока сбор урожая не закончится.

Сержант-янки услышал этот разговор.

— Вот и не надо было мятеж устраивать, так то.

Спустя полчаса после полудня пленные отправились вниз, к красному каменному дому, стоящему у перекрестка. Северяне по-прежнему готовились к атаке, которая должна была сломить последние остатки сопротивления южан, и пока они группировались, артиллерия с обеих сторон начала обмениваться залпами свистящих над головами снарядов со стоящих друг против друга холмов, что привело к возникновению постоянного потока раненых, некоторых относили, а некоторые нетвердой походкой сами добирались до полевого госпиталя, расположившегося внутри каменного дома.

Старбака, прихрамывавшего из-за подвернутой лодыжки и в промокшей от крови Ридли униформе, тычком отправили на кухню.

— Я не ранен, — пытался возразить он.

— Заткни пасть. Заходи и делай, что велят, — рявкнул сержант. Он повернулся к здоровым пленникам, приказав им присмотреть за десятком раненных товарищей, которых вывели на свежий воздух после работы хирурга.

В доме Старбак встретил других легионеров Фалконера — один, потерявший ногу, был из роты легкой пехоты, у двоих были прострелены легкие, еще один ослеп, а у последнего пуля застряла в челюсти, из которой капала слюна вперемешку с кровью.

Рыжебородый доктор работал за столом, который подтащили поближе к свету, падающему из кухонного окна. Он ампутировал ногу, его пила издавала такой скрежет, что у Старбака свело зубы.

Пациент, северянин, жутко стонал, и ассистент доктора плеснул на тряпку, которую держал у рта и носа солдата, еще хлороформа.

И с доктора, и с ассистента капал пот. В помещении стояла адская жара, не только из-за того, что день был теплым, в кухне также горела плита, на которой кипятили воду.

Доктор отложил пилу и взял длинный скальпель, которым закончил ампутацию. Окровавленная нога, всё еще в ботинке и носке, с глухим звуком свалилась на пол.

— Хоть отвлекусь от лечения сифилиса, — весело произнес доктор, вытирая лоб рукавом. — В последние три месяца мы только этим и занимались, сифилис лечили! Вам, южанам, не нужно было беспокоиться о том, чтобы собрать армию, просто послали бы всех шлюх на север, а потом все мы сдохли бы от сифилиса, и тем самым вы спасли бы нас от кучи проблем. Он еще с нами? — этот вопрос был обращен к ассистенту.

— Да, сэр.

— Дайте ему нюхнуть нашатыря, пусть знает, что еще не вошел в жемчужные врата, — рыжебородый хирург с помощью щипцов искал артерии, которые нужно было перевязать.

Он отшлифовал обрубок кости и теперь, перевязав артерии, предоставил плоти сомкнуться над обрезанной костью, а потом натянул на нее кусок кожи. Он сделал несколько быстрых стежков по культе и отвязал жгут, стягивавший бедро, чтобы предотвратить кровотечение во время операции.

— Еще один герой, — сухо произнес он, отметив окончание процесса.

— Он не приходит в себя, сэр, — ассистент держал открытую бутылку аммиачного спирта у носа пациента.

— Дайте мне хлороформ, — приказал доктор, а потом провел скальпелем по разорванным панталонам пациента, отрезав кусок окровавленных лохмотьев и обнажив его гениталии. — Будьте свидетелями чуда, — провозгласил доктор и плеснул хлороформом на яйца погруженного в сон солдата.

Того, похоже, охватил внезапный спазм, но он открыл глаза, замычал от боли и попытался сесть.

— Замороженные яйца, — радостно заявил доктор, — известны в нашей профессии за свой исцеляющий эффект, — он закрыл бутылку с хлороформом пробкой и отступил от стола, посмотрев на невольную аудиторию в поисках одобрения своего остроумия. Он заметил Старбака, покрытого кровью с головы до пят. — Боже, почему вы еще живы?

— Потому что я даже не ранен. Это чужая кровь.

— Если вы не ранены, то какого черта здесь делаете? Идите и любуйтесь, как рушатся ваши мечты.

Старбак отправился во двор, где прислонился к стене дома. Жестокое солнце ярко освещало сцену

опустошительного поражения мятежников. На севере, где Эванс в отчаянной попытке повел свои роты, чтобы сдержать триумфальное продвижение янки, луга были пусты, но усыпаны мертвыми солдатами и лошадьми.

Сражение прокатилось по этим полям и, как гигантская волна, поднятая штормом, и теперь взбиралось на холм в сторону Генри-Хауса, где атакующие схватились со второй линией обороны конфедератов.

Натан Эванс соорудил первый барьер из хрупкой шеренги солдат, выстоявших против натиска федералистов достаточно долго, чтобы Томас Джексон мог устроить вторую линию, которую теперь пытались ликвидировать янки.

Только что прибывшие пушки северян оттащили к вершине холма, там длинные колонны свежей пехоты в синих мундирах шли мимо орудий в качестве подкрепления своим товарищам, уже атакующим вершину. Пушки мятежников, которые поначалу были выстроены на вершине, отошли под напором янки.

Безутешный Старбак, шлепнувшийся у кухонного крыльца, увидел, как случайное ядро конфедератов перелетело через плато и прочертило дымный след на небе. Эти напрасно растрачиваемые ядра были свидетельством того, что армия конфедератов еще сражается, но дорога теперь была наводнена пехотой и пушками северян, так что Старбак понимал, что долго сопротивление не продлится.

— Что вы здесь делаете, черт возьми? — набросился на Старбака назойливый сержант.

— Меня отправил сюда доктор.

— Вы не должны здесь находиться. Вы должны быть там, с другими пленными, — сержант махнул в сторону противоположного угла двора, где под охраной сидела кучка мятежников, которые не были ранены.

— Доктор сказал, что я должен смыть кровь, — солгал Старбак. Он только что заметил у дороги колодец и надеялся, что эта ложь поможет ему напиться.

Сержант поколебался, а потом кивнул.

— Тогда побыстрее.

Старбак подошел к колодцу и вытащил деревянное ведро. Перед тем, как попить, он хотел умыться, но жажда была такой сильной, что он не мог ждать и, схватив бадью обеими руками, опрокинул ее на лицо и жадно поглощал воду огромными глотками. Она лилась ему по лицу и на окровавленный мундир и панталоны, но он всё пил, утоляя чудовищную жажду, вызванную многими часами порохового дыма и жары.

Он оставил ведро на краю колодца, глубоко дыша, и заметил наблюдающую за ним голубоглазую привлекательную женщину. Он уставился на нее. Женщина. Должно быть, это сон.

Женщина! И такая прелестная, просто ангел, видение, чистая и свежая красotka в кружевном белом платье и капоре с отделкой розовым, заслоняющая лицо от солнца белым зонтиком с бахромой. И Старбак просто смотрел на нее, гадая, не сошел ли он с ума, а потом внезапно женщина, сидящая в экипаже на дороге прямо за изгородью, разразилась смехом.

— Оставь леди в покое! — рявкнул сержант. — А ну быстро обратно, мятежник!

— Пусть останется, — властно потребовала дама. Она сидела вместе с гораздо более старшим мужчиной в открытой коляске, ведомой двумя лошадьми. На козлах восседал чернокожий кучер, а лейтенант-северянин пытался развернуть экипаж. Они заехали слишком далеко, объяснял молодой офицер спутнику дамы, здесь опасно, им не следовало пересекать мост.

— Да вы знаете, кто я? — человек средних лет был одет как денди — в яркий жилет, высокий черный цилиндр и белый шелковый галстук. В руках у него была трость с золотым набалдашником, а небольшая острая борода с проседью была элегантно пострижена.

— Сэр, мне нет необходимости знать, кто вы, — ответил офицер, — вам не следовало пересекать мост, и я вынужден настаивать...

— Настаивать! Лейтенант настаивает! Я конгрессмен Бенджамин Маттесон из великого штата Нью-Джерси, и вы не можете ни на чем настаивать.

— Но здесь опасно, сэр, — слабо запротестовал лейтенант.

— Конгрессмен может ехать в любое место, где, по его мнению, республика находится во опасности, — ответил конгрессмен Маттесон с высокомерным презрением, хотя, по правде говоря, он, как и другие представители вашингтонского светского общества, просто следовал за армией, чтобы потом мог присвоить себе часть славы и набрать дурацких сувениров вроде использованных винтовочных пуль или покрытой кровью кепки мятежника.

— Но дама, сэр? — сделал еще одну попытку лейтенант.

— Дама, лейтенант, моя жена, а жена конгрессмена может разделить с ним любую опасность.

Женщина засмеялась в ответ на нелепый комплимент мужа, а Старбак, еще находящийся в прострации, недоумевал, как столь юная и прекрасная особа могла выйти за такого напыщенного человека.

Глаза миссис Маттесон, синие, как поле звездно-полосатого флага, были полны озорства.

— Вы и правда мятежник? — спросила она Старбака. У нее были золотистые волосы, очень белая кожа, а на отделанном кружевами платье виднелись пятна красноватой грязи с дороги.

— Да, мэм, — Старбак уставился на нее, как умирающий от жажды человек может смотреть на тенистый пруд с чистой прохладной водой. Она была так не похожа на пылких, послушных и простых девушек, прихожанок его отца.

Жена конгрессмена была женщиной, которую преподобный Элиял Старбак называл бы разукрашенной куклой, Иезавелью [29]. Старбак понял, что она была той моделью и образом, к которому стремилась Салли Траслоу, такой, какой и должна быть, по его мнению, женщина, потому что библейская строгость его отца воспитала в Натаниэле Старбаке вкус только на такие запретные плоды.

— Да, мэм, — повторил он. — Я мятежник, — он пытался говорить с вызовом.

— Скажу вам по секрету, — призналась она Старбаку голосом, который четко прозвучал на фоне какофонии артиллерийской и ружейной стрельбы и был слышен каждому пленному во дворе, — я тоже убийца Линкольна.

Ее муж захохотал слишком громко.

— Не мели ерунды, Люси! Ты же из Пенсильвании! — он неодобрительно хлопнул жену по колену своей затянутой в перчатку рукой. — Из великого штата Пенсильвания.

Люси оттолкнула его руку.

— Не будь таким несносным, Бен. Я самый настоящий убийца Линкольна, — она бросила взгляд на крепкую спину кучера. — Разве я не мятежница, Джозеф?

— Конечно, миссус, конечно! — засмеялся кучер.

— А если мы победим, то я сделаю тебя рабом, да, Джозеф?

— Точно, миссус, так и будет! — снова засмеялся он.

Люси Маттисон опять посмотрела на Старбака.

— Вы сильно ранены?

— Нет, мэм.

— А что случилось?

— Мою лошадь подстрелили, мэм. Она упала, а меня взяли в плен.

— А вы, — начав задавать этот вопрос, она слегка покраснела, а потом по ее лицу скользнула едва заметная улыбка. — Вы кого-нибудь убили?

Старбак вдруг вспомнил Ридли, заваливающегося с лошади навзничь.

— Не знаю, мэм.

— А мне бы хотелось кого-нибудь убить. Прошлой ночью мы спали в чудовищно неудобной кухне на ферме в Кентревилле и только Богу известно, где проведем сегодняшнюю. Если вообще сможем отдохнуть, в чем я сомневаюсь. Суровые условия войны, — она засмеялась, показывая мелкие и очень белые зубы — В Манассасе есть гостиница?

— Я ни одной не знаю, мэм, — ответил Старбак.

— У вас не южный акцент, — вмешался конгрессмен с язвительной ноткой в голосе.

Старбак, не желавший пускаться в объяснения, просто пожал плечами.

— Вы такой загадочный! — Люси Маттесон хлопнула облаченными в перчатки руками, а потом протянула ему картонную коробку с листками промокательной бумаги. — Можете взять одну, — предложила она.

Старбак увидел на бумаге кусочки засахаренных фруктов.

— Вы уверены, мэм?

— Давайте же! Угощайтесь! — она улыбнулась, когда Старбак взял кусочек. — Вас отправят обратно в Вашингтон, как вы думаете?

— Не знаю, как они планируют поступить с пленными, мэм.

— Уверена, что так и будет. Они собираются устроить великолепный парад победы, с этими грохочущими оркестрами и поздравительными речами, и все пленные пройдут маршем к тому месту, где их перережут у подножия Белого дома.

— Не мели вздор, Люси. Умоляю тебя, хватит болтать чепуху, — нахмурился почтенный Бенджамин Маттесон.

— А, может, вас отпустят под честное слово, — улыбнулась Старбаку Люси Маттесон, — и вы придете к нам на ужин. Нет, Бенджамин, не спорь. Я всё уже решила. Дай мне визитную карточку, быстро! — она протянула руку, а ее муж с явной неохотой сдался и вручил ей картонную карточку, которую Люси с улыбкой отдала Старбаку. — Мы, мятежники, сможем обменяться рассказами о войне, пока эти холодные северяне будут хмуриться вокруг. И если вы захотите, чтобы кто-нибудь навестил вас в тюрьме, попросите меня. Я бы хотела дать вам нечто большее, чем кусочек засахаренного фрукта, но конгрессмен съел всю холодную курицу, потому что заявил, что она испортится, как только растает лед.

В ее словах было столько яда, что Старбак засмеялся.

Лейтенант, пытавшийся развернуть экипаж конгрессмена, теперь появился в сопровождении майора,

чьи полномочия были значительно шире. Майору было плевать, даже если в экипаже находилась половина Конгресса США, всё равно они не должны были перегораживать дорогу в разгар битвы, и потому он притронулся к шляпе, приветствуя Люси Маттисон, а потом стал настаивать, чтобы кучер развернул экипаж и пересек мост через Булл-Ран в обратном направлении.

— Вы знаете, кто я? — вопрошал конгрессмен Маттисон, а потом скрючился, когда в сотне ярдов разорвался снаряд мятежников, шрапнель разлетелась над головами и, не причинив никакого вреда, врезалась в каменный дом.

— Мне плевать, даже если вы французский император. Убирайтесь отсюда к черту! Немедленно! Пошевеливайтесь!

Люси Маттисон улыбнулась Старбаку, и экипаж дернулся вперед.

— Приходите навестить нас в Вашингтоне!

Старбак засмеялся и сделал шаг назад. Холм над ним изрыгал клубы дыма, словно вулкан, разрывались снаряды и трещали винтовки, а раненый хромал назад к перекрестку, где пленные ожидали тюрьмы, янки предвкушали победу, а мертвые ждали погребения.

Сержант теперь не обращал никакого внимания на Старбака, ему было явно безразлично. присоединится ли тот к другим пленным или нет, и Старбак снова присел на теплый камень около дома, закрыл глаза и задумался о том, что готовит ему будущее. Он полагал, что восстание южан полностью разгромлено, остались лишь мертвецы на горячих полях, и сожалел о преждевременном окончании войны.

Он увидел слона и хотел еще. Его привлекал не ужас, не воспоминания об оторванной ноге, кувыркающейся через дорогу, и не лицо солдата, исчезающее в пороховом дыму и запекшейся крови, душу Старбака волновала перестройка всего сущего.

Война, как понял в этот день Старбак, брала всё вокруг, взбалтывала, а потом позволяла кусочкам мозаики упасть в беспорядке. Война — это огромная игра вероятностей и гигантских ставок, отрицающая предопределенность и благоразумие.

Война могла бы спасти Старбака от судьбы, уготовленной ему уважаемой семьей, а мир был наполнен лишь долгом. Война освободила его от обязательств, а мир предлагал скуку, а Натаниэль Старбак был достаточно юн и самоуверен, чтобы больше всего на свете ненавидеть скуку.

Но теперь он был пленником, а битва грохотала где-то вдали. Вымотанного за день Старбака разморило на солнце, и он заснул.

Глава четырнадцатая

Остатки Легиона Фалконера брели на вершину холма, туда, где среди перелесков и полей позади Виргинской бригады Джексона восстанавливали силы выжившие солдаты Натана Эванса. Люди были совершенно измотаны. По настоянию Эванса они встали в подобие шеренги лицом к Булл-Ран, но теперь находились на фланге восстановленной обороны южан и достаточно далеко от основной дороги, так что новая атака федералистов их не коснулась. Солдаты сидели на траве без всякого выражения на лицах и страдали от жажды, гадая, можно ли найти воду или какую-нибудь еду.

Доктор Дэнсон извлек пулю из ноги Адама Фалконера, работая быстро и без хлороформа.

— Тебе повезло, Адам. Ни одна основная артерия не задета. Может, у тебя даже будет легкая хромота, которая так притягивает дам, но и только. — Через десять дней ты уже сможешь танцевать, — он намазал рану ляписом, перевязал ее и занялся полковником.

Чтобы вытащить пулю из мышц живота Вашингтона Фалконера, он работал столь же проворно. Потом зашил рану на руке и наложил шину на сломанную кость.

— Ты не столь удачлив, как твой сын, Вашингтон, — доктор так и не привык обращаться с соседом как со старшим по званию, — но месяца через полтора с тобой всё будет в порядке.

— Полтора месяца? — полковник Фалконер всё еще был в ярости, что его драгоценный Легион был выкошен под командованием Таддеуса Бёрда и по просьбе Натаниэля Старбака. Он жаждал мести, не Бёрду, которого всегда считал дураком, а Старбаку, на которого полковник возложил всю ответственность за поражение Легиона.

Вместо того, чтобы одержать славную победу под началом Вашингтона Фалконера, полк был брошен в какую-то жалкую стычку на другом конце поля боя. Легион потерял весь обоз и по меньшей мере семьдесят человек. Никто не знал точных цифр, хотя полковник выяснил, что Старбак тоже числится среди пропавших.

Доктор Дэнсон слышал, что Старбака взяли в плен преследующие их янки, а может, случилось и что похуже.

— Парень из второй роты думает, что Старбака могли застрелить, — сказал он полковнику, перевязывая сломанную руку.

— Хорошо, — свирепо заявил полковник, что было простительно человеку, испытывающему боль в только что сломанной руке.

— Отец! — тем не менее запротестовал Адам.

— Если его не застрелили чертовы янки, то это сделаем мы. Он убил Ридли! Я это видел.

— Отец, хватит, — взмолился Адам.

— Бога ради, Адам, почему ты всегда встаешь на сторону Старбака против меня? Верность семье для тебя пустой звук? — полковник выкрикнул сыну эти обидные слова, а тот, огорошенный подобным обвинением, промолчал. Фалконер вздрогнул, когда Дэнсон попытался приладить шину на его предплечье.

— Я вот что тебе скажу, Адам, — продолжал Фалконер, — твой чертов приятель самый настоящий убийца. Боже, мне следовало понять всю его гнилую натуру, когда он рассказывал нам эту историю про воровство и шлюх, но я поверил ему ради тебя. Я хотел помочь ему ради тебя, а теперь Итан из-за этого

мертв, и обещаю тебе, я собственноручно придушу Старбака, если у него хватит наглости сюда явиться.

— Только не этой рукой, уверяю, — сухо ввернул доктор Дэнсон.

— К черту руку, Билли! Я не могу оставить Легион на полтора месяца!

— Тебе нужен отдых, — спокойно произнес доктор, — нужно вылечиться. Если ты будешь перетруждаться, Вашингтон, то вызовешь гангрену. Три недели усиленных упражнений, и ты будешь мертв. Давай подыщем для твоей руки подвязку.

Грохот ружейных выстрелов известил, что виргинцы Джексона поприветствовали врага. Теперь сражение велось на плато около Генри-Хауса, плоскую вершину холма окружило пламя и громыхание.

Резервные орудия конфедератов прорвали огромные бреши в наступающих рядах федералистов, но пехота северян зашла артиллерии с фланга, вынудив ее отступить, а пушки янки готовились заняться орудиями мятежников на флангах.

Капитану Имбодену, адвокату, ставшему артиллеристом, казалось, что поле вокруг его пушек изрыто стадом голодных кабанов.

Снаряды северян глубоко входили в почву, прежде чем разорваться, но некоторые попадали в более твердые мишени. Передок батареи Имбодена взорвался от прямого попадания, и один из канониров заорал во все легкие, когда от попавшего в живот осколка все его внутренности вывалились наружу.

Другие канониры пали под меткой стрельбой северных снайперов. Имбоден сам обслуживал одну из пушек, заложив картечь поверх круглого ядра, а потом отступил назад, потянув за шнур, и смертоносный снаряд ринулся в гущу пехотного полка северян, продвигающегося в дыму и вонии.

На сером фоне выделялись яркие прямоугольники знамен. Звездно-полосатый флаг вырвался вперед, а три полосы Конфедерации отступили, но потом остановились, когда Томас Джексон, хранивший в седельной сумке зачитанную библию, решил, что им следует остановиться.

Люди Джексона застыли в этом дыму, обнаружив, что столь ненавистные часы муштры во время битвы превратились в привычные и эффективные действия, и что каким-то образом, несмотря на град вражеской картечи и пуль, несмотря на ужас, вызванный доносящимися отовсюду криками раненых и всхлипами умирающих, ужас разорванной плоти и выпотрошенных друзей, их руки по-прежнему заталкивали пули и заряды, устанавливали на место капсюли, прицеливались и стреляли. Всё стреляли и стреляли.

Они были напуганы, но хорошо натренированы, а человек, который их муштровал, бросал на них сердитые взгляды, так что они стояли как каменная стена, построенная у вершины холма.

И атака северян разбилась об эту стену.

Виргинцы Джексона должны были быть сломлены. Должны были быть сметены, как волна смывает кучку песка, вот только они не знали, что сражение проиграно, и потому боролись, даже продвигались вперед, и северяне уже начали задумываться, как им удастся разбить этих ублюдков, и в сердцах янки угнездился страх, а южане сделали еще один шаг по сухой траве, подпаленной горящими пыжами. Федералисты оглядывались в поисках подкрепления.

И это подкрепление пришло, но южане тоже получили свежие силы, когда Борегар наконец-то понял, что весь его план сражения был ошибочным.

Он был столь же неверным, как и любой другой план, но сейчас генерал вносил в него изменения, выдергивая людей с нетронутого правого фланга и подгоняя их к плато у Генри-Хауса.

Ирвин Макдауэлл, раздраженный тем, что вынужден был отложить сладкий миг победы из-за этого

упрямого сопротивления, приказал бросить еще больше людей на склон, под огонь пушек капитана Имбодена, в ту жуткую мясорубку, что творили Матфей, Марк, Лука и Иоанн своей картечью, под обстрел винтовок генерала Томаса Джексона.

И тогда началась самая страшная бойня.

Она началась, потому что сражение, состоящее из маневров — захода с флангов, атак и отступлений, превратилось в схватку без явного преимущества. На вершине холма не было деревьев, канавы или стены, лишь открытое пространство, на котором гуляла смерть, и смерть жадно его проглотила.

Солдаты заряжали и стреляли, падали и истекали кровью, и всё новые люди выходили к плато, чтобы пополнить жатву смерти. Две шеренги пехоты встали всего в сотне шагов, пытались выпустить друг другу кишки.

Солдаты из Нью-Йорка и Нью-Хэмпшира, Мэна и Вермонта, Коннектикута и Массачусетса стреляли в жителей Виргинии, Миссисипи, Джорджии, обеих Каролин, Мэриленда и Теннесси.

Раненые ползли назад и затихали в траве, мертвых оттаскивали в сторону, шеренги смыкались к центру, ряды полков редели, но под яркими знаменами по-прежнему продолжалась стрельба.

Северяне снова и снова стреляли по рядам конфедератов, зная, что им всего-навсего нужно сломить эту маленькую армию и захватить Ричмонд, и вся Конфедерация Юга распадется, как гнилая тыква, но южане, возвращая пулю за пулей, знали, что Север, однажды получив кровавую рану, сто раз подумает, прежде чем снова осмелится вторгнуться в священную землю Юга.

И потому, из-за столь схожих мотивов, солдаты дрались под своими знаменами, хотя на этой безветренной жаре главной целью являлись пушки противников, потому что та сторона, которой удалось бы заставить замолчать пушки врага, скорее всего выиграла бы борьбу. Ни одно орудие не было защищено земляными укреплениями, потому что ни один из генералов не планировал драться на этом голом плато, так что канониры были открыты для огня пехоты, потому что на вершине холма не было места, чтобы держаться на достаточном расстоянии. Это была практически рукопашная свалка, убийственная драка.

Канониры заряжали пушки смертоносной картечью, выкашивающей перед дулами орудий целые ряды атакующих, но солдаты всё равно шли в наступление. Потом, когда солнце прошло через зенит, полк виргинцев, одетых в синие мундиры, оказавшиеся единственной униформой, которую смог достать их полковник, пришел на помощь левому флангу конфедератов и увидел прямо перед собой вражескую батарею.

Они бросились вперед. Канониры заметили их и помахали руками, полагая, что это северяне, а в неподвижном дымном воздухе красно-бело-синее знамя конфедератов с тремя полосами выглядело как звездно-полосатый флаг.

Артиллеристы-северяне разделись до пояса, пот прочертил белые полосы по их черным от пороха телам, они чертыхались, обжигая руки о раскаленные дула орудий, и не стали пристально всматриваться в пехоту в синих мундирах, которая выступила, как полагали канониры, чтобы прикрыть их от наступающего спереди противника.

— Цельсь! — целый батальон виргинской пехоты подошел к флангу батареи северян на расстояние выстрела. Винтовки взметнулись к плечам синемундирников. Уже не было времени, чтобы развернуть заряженные орудия, так что артиллеристы просто бросились наземь, спрятавшись за пушками и лафетами и накрыв головы руками.

— Пли! — сквозь серый дым блеснуло пламя, и офицеры-виргинцы услышали щелканье сотен пуль, ударяющихся о металл пушек или деревянные передки, а потом до них донеслось ржание умирающих

пятидесяти лошадей батареи. Те канониры, которые пережили этот залп, развернулись и бросились бежать, а виргинцы атаковали их с примкнутыми штыками и ножами. Батарея была захвачена, а пушки залиты кровью.

— Разворачивай пушки! Разворачивай пушки!

— В атаку!

Всё больше южан бросались вперед с блестящими в дымной пелене штыками.

— За наш дом! За наш дом! — вопили они, и их приветствовал ружейный залп, но северяне начали отступать. Где-то между шеренгами разорвался снаряд, озарив дым огнем. — За наш дом!

Северяне атаковали в ответ. Один из полков отбил захваченные виргинцами артпозиции, вынудив южан отступить, но орудия были бесполезны для северян — все канониры были застрелены или заколоты, а лошади превратились в груды мертвого мяса, так что и увести пушки не было никакой возможности.

Канониры других батарей были застрелены снайперами, конфедераты медленно наступали вперед, и северяне услышали странный крич наступающих мятежников. Тени удлинялись, и все больше и больше солдат карабкалось по холму, дабы принять участие в упорно творимом людьми кошмаре.

Джеймс Старбак поднялся на холм. Его уже не интересовали трофеи, которые генерал-победитель мог бы возложить к ногам президента. Он пришел разузнать, что же пошло не так на покрытом дымом плато.

— Узнайте, что там происходит, Старбак, — приказал генерал своему адъютанту.

— Отправляйтесь! — Макдауэлл послал с подобным поручением еще шестерых, но и не думал посетить плато собственной персоной. Вообще-то Макдауэлл был подавлен этим шумом и просто имел смутное желание, чтобы его адъютант вернулся с хорошими новостями о победе.

Джеймс прищипил лошадь вверх по изрытому снарядами холму и обнаружил там ад. Он отпустил поводья, и его лошадь медленно шла вперед, где с примкнутыми штыками маршировал полк из Нью-Йорка, только получивший приказ подниматься вверх, в сторону вражеского строя, и Джеймсу показалось, что вся армия южан вдруг расцветилась пламенем, огромной стеной огня, сменившейся накатывающейся пеленой дыма, и ньюйоркцы рывком остановились, а потом последовал еще один залп южан по флангу, и северяне начали отступать, оставляя мертвых и раненых. Джеймс заметил, как задвигались шомполы, когда северяне попытались открыть ответный огонь, но нью-йоркский полк атаковал в одиночку, без поддержки с фланга, и у него не было шанса против залпового огня южан, обстреливающих с флангов и спереди, выкашивая ряды северян.

Джеймс попытался их приободрить, но его рот вдруг пересох, и он не смог выдать ни слова.

А потом мир вокруг Джеймса разлетелся на куски. Его лошадь буквально подпрыгнула прямо под ним, потом подняла голову, чтобы заржать, и рухнула. Снаряд разорвался под ее брюхом, выпотрошив животное, и Джеймс, оглушенный, ничего не соображающий и вопящий, неуклюже распластался на куче внутренностей, плоти и копыт.

Он отполз от нее на четвереньках, изрыгая содержимое своего переполненного желудка. Он так и остался на четвереньках, чувствуя новые позывы к рвоте, а потом смог нетвердо встать на ноги.

Он поскользнулся в луже лошадиной крови, снова поднялся и шатаясь захромал к деревянному дому, находившемуся в центре шеренги федералистов, где, похоже, можно было укрыться, хотя, подойдя поближе, он заметил, что древесина этого маленькое здания была подпалена и расщеплена пулями и снарядами. Джеймс прислонился к погребу во дворе и попытался восстановить представления о мире, но

мог думать только о том, как он окунулся в лошадиную кровь. В ушах еще звенело после взрыва.

Рядом с ним сидел солдат из Висконсина с белым, как маска, лицом, и Джеймс постепенно начал понимать, что голова солдата наполовину отделена от тела осколком снаряда, а мозги торчат наружу.

— Нет, — произнес Джеймс, — нет! Внутри дома завывала женщина, а где-то вдалеке раздавались такие звуки, будто воет целая армия женщин. Джеймс оттолкнулся от погребца и похромал в сторону полка пехоты.

Это были жители Массачусетса, его земляки, и он встал рядом с их знаменами, увидев мертвецов, сваленных под флагами, и пока он смотрел на них, в кучу бросили еще одного человека.

Флаги являлись мишенью для вражеских снайперов, приглашением к смерти под яркими звездами, но как только падал знаменосец, другой подхватывал древко и держал штандарты высоко.

— Старбак! — прокричал чей-то голос. Это был майор, которого Джеймс знал как сурового и осторожного бостонского адвоката, но по непонятной причине, хотя он и встречал этого человека каждую неделю в адвокатском клубе, Джеймс не мог припомнить его имени. — Где Макдауэлл? — рявкнул майор.

— Внизу, у главной дороги, — Джеймсу удалось ответить членораздельно.

— Он должен быть здесь!

Над головой просвистел снаряд. Майор, худой седовласый человек с аккуратной бородкой, вздрогнул, когда снаряд разорвался где-то за его спиной.

— К черту их!

«К черту кого?», — подумал Джеймс, а потом поразился, что он использовал это дурное слово, хотя и мысленно.

— Мы деремся с ними отдельными подразделениями! — бостонский адвокат пытался разъяснить затруднительное положение армии северян. — Так не должно быть!

— Что вы имеете в виду? — Джеймсу приходилось кричать, чтобы его можно было расслышать на фоне постоянного грохота пушек. Как же зовут этого человека? Он вспомнил, что адвокат был настоящим докой в перекрестных допросах и никогда не отпускал свидетеля, не вытряся из него нужные доказательства, и еще вспомнил один знаменитый случай, когда этот человек однажды вышел из себя, заявив на открытом процессе, что главный судья Шоу и интеллектуально, и юридически туповат, и за это судья сначала его оштрафовал, а потом пригласил на ужин. Так как же его зовут?

— Атаки должны вестись одновременно! Нам нужен старший офицер, который бы координировал всё это, — майор внезапно остановился.

Джеймс, который уже чувствовал дискомфорт, выслушивая критику законного командования, попытался объяснить, что генерал Макдауэлл, вне всяких сомнений, в курсе того, что происходит, но потом замолчал, потому что майор покачивался.

Джеймс протянул ему руку, майор схватился за нее с дьявольской силой, а потом открыл рот, но вместо слов оттуда вдруг хлынул фонтан крови.

— О нет, — только и смог произнести майор, а потом рухнул к ногам Джеймса. Джеймс и сам шатался. Это был настоящий кошмар, и его охватил жуткий, подлый и постыдный страх.

— Передайте моей дорогой Абигейл, — сказал умирающий майор, а потом бросил на Джеймс жалостливый взгляд. Джеймс так и не вспомнил его имени.

— Что передать Абигейл? — спросил он глупо, но майор был уже мертв, и Джеймс отбросил руку

мертвеца, ощущая чудовищную грусть, потому что ему предстояло умереть, так и не познав удовольствий этого мира.

Он умрет, и никто по-настоящему по нему не заскучает, никто не будет горевать, и Джеймс уставился в небо, заснувши от жалости к самому себе, а потом на ощупь вытащил из твердой кожаной кобуры револьвер, нацелил его куда-то в сторону армии конфедератов, взвел курок и выпустил пули в дымную завесу. Каждым выстрелом он мстил и протестовал против собственной осмотрительности.

Массачусетский полк спотыкаясь шел вперед. Шеренга распалась, а солдаты объединились в небольшие группы, пробирающиеся между мертвыми и умирающими.

Они переговаривались, подбадривая друг друга, обмениваясь похвалами и шутками.

— Эй, мятежники! Вот свинцовая таблетка от вашей болезни!

— Билли, ты как?

— Пушки что-то прям задыхаются от злости.

Пули Минье расширялись в стволах винтовок от взрыва пороховых газов в их полом основании, а резьба в дуле придавала им смертоносное вращение.

Такая расширившаяся пуля, царапая по дулу, должна была извлекать из него остатки пороха, но на практике этого не происходило, а из-за скапливающегося порохового нагара усталым солдатам становилось чудовищно сложно заряжать винтовки.

— Сюда, мятежники! Я кое-что для вас приготовил!

— Боже! Вот эта близко прошла.

— Бесплезно пригибаться, Робби, они пролетят мимо до того, как ты услышишь.

— Есть у кого-нибудь заряды? Дайте мне патрон!

Джеймсу стало легче от этих спокойных разговоров, и он подошел ближе к одной из групп. Командующий офицер Массачусетского полка начал день лейтенантом, и теперь кричал выжившим, чтобы шли в атаку, и они пытались, выплевывая оскорбления из своих осипших глоток, но потом две шестифунтовые пушки конфедератов накрыли открытый фланг полка зарядами картечи, и пули забарабанили по рядам выживших, уничтожая оставшихся и добавляя новой крови на уже скользкую от нее траву.

Солдаты из Массачусетса отступили. Джеймс перезарядил револьвер. Он находился настолько близко, что мог разглядеть заляпанные грязью лица врагов, видел, как на фоне черной от пороха кожи блестели белки их глаз, их растянутые мундиры и выпущенные рубашки. Он наблюдал, как один из мятежников упал, схватившись за колено, а потом пополз обратно в тыл.

Он видел, как офицер мятежников с длинными русыми усами кричал, пытаясь воодушевить солдат. Его китель был растянут, а панталоны подвязаны веревкой. Джеймс тщательно прицелился в офицера, но дым из револьвера не позволил рассмотреть произведенный выстрелом эффект.

Пушки мятежников откатывались назад, с грохотом подпрыгивая в колею, оставленной собственными колесами, шипели, когда банники чистили дула, а потом снова стреляли, изрыгая клубы дыма, густеющие, как туман в Нантакете.

Со стороны правого фланга Борегара подошли новые пушки. Генерал мятежников почувствовал, что бедствие удалось предотвратить, хотя его заслуги в этом не было, это мальчишки — фермеры, студенты и приказчики в лавках — выстояли перед натиском северян и теперь пошли в контратаку по всей линии

обороны, на скорую руку выстроенной Джексоном. Две непрофессиональные армии столкнулись, и удача оказалась на стороне Борегара.

Генерал Джозеф Джонстон привел своих людей из долины Шенандоа, но теперь, когда они были здесь, он не мог ничего поделать, разве что наблюдать, как они умирают. Джонстон имел более высокий ранг, чем Борегар, но Борегар планировал ход этой битвы и знал местность, в то время как Джонстон являлся чужаком и потому позволил Борегару довершить дело. Джонстон был готов взять на себя командование, если Борегара ранят, но до этого момента он решил молчать, просто пытаясь уловить течение событий, подошедших к ужасающей кульминации на вершине холма.

Джонстон достаточно четко понял, что Север обманул Борегара, обойдя его с фланга, но и видел, что войска южан дали серьезный отпор и теперь куют свою победу.

Джонстон также понял, что именно полковник Натан Эванс из Южной Каролины, на которого никто не обращал внимания, вероятно, спас Конфедерацию, разместив свои жалкие войска на пути наступления северян. Джонстон разыскал Эванса и поблагодарил его, а потом, пробиваясь обратно на восток, генерал поравнялся с тем местом, где лежал, прислонившись к седлу, раненый полковник Вашингтон Фалконер. Фалконер был замотан в бинты от пояса до груди, а его левая рука держалась на покрытой пятнами крови ленте.

Генерал натянул поводья и с сочувствием опустил глаза на раненого полковника.

— Фалконер, не так ли?

Вашингтон Фалконер поднял взгляд и увидел сияние желтого галуна, но покрытое дымовой завесой солнце находилось за спиной всадника, и его лицо невозможно было разглядеть.

— Сэр? — ответил он очень осторожно, пытаясь подобрать аргументы для оправдания поражения Легиона.

— Я Джозеф Джонстон. Мы встречались в Ричмонде четыре месяца назад, и, конечно, в прошлом году имели удовольствие отобедать вместе в доме Джетро Сандерса.

— Конечно, сэр, — Фалконер ожидал получить выволочку, но голос генерала Джонстона звучал более чем дружелюбно.

— Должно быть, вы чувствуете себя ужасно, Фалконер. Рана серьезная?

— Царапина, сэр, через полтора месяца пройдет, только и всего, — Фалконер знал, как придать голосу приличествующую ситуации скромность, но, по правде говоря, он отчаянно пытался свыкнуться с чудесной мыслью, что генерал Джонстон не собирается его отчитывать.

Вашингтон Фалконер не был дураком и знал, что вел себя неподобающе или, по крайней мере, ему можно было вменить в вину, что он действовал не мудро, оставив Легион и тем самым не оказавшись на месте, чтобы спасти его от предательства Старбака и импульсивности Бёрда, но если ориентироваться на дружелюбие Джонстона, то, может, никто и не заметил это его пренебрежение долгом?

— Если бы не ваше самопожертвование, — заявил Джонстон, поливая целительным бальзамом чувство собственного достоинства Фалконера и превратив его радость в полную и безоговорочную, — сражение было бы проиграно еще два часа назад. Слава Богу, что вы были с Эвансом, вот всё, что я хочу сказать.

Фалконер открыл было рот, чтобы ответить, но не нашел подходящих слов и закрыл его.

— Федералисты полностью сбили с толка Борегара, — небрежно заметил Джонстон.

— Он думал, что всё решится на правом фланге, а эти мерзавцы всё время планировали нанести нам

удар здесь. Но ваши ребята всё сделали правильно, и спасибо Господу за это, потому что вы спасли Конфедерацию, — Джонстон был очень дотошным профессиональным солдатом с большим опытом, и, похоже, был действительно тронут, отдавая эту дань уважения.

— Эванс рассказал мне о вашей храбрости, Фалконер, и для меня честь поприветствовать вас!

На самом деле Окорок Эванс отдал дань храбрости Легиона Фалконера, вообще не упомянув имя Вашингтона Фалконера, но это недопонимание не было удивительным, а Вашингтон Фалконер решил, что исправлять его в данный момент не стоит.

— Мы просто сделали всё, что могли, сэр, — только и сумел вымолвить Фалконер, а мысленно уже сочинил целую историю про этот день — как он с самого начала понял, что левый фланг южан остался опасно незащищенным. Разве не он отправился на рекогносцировку местности к броду Садли на заре? Разве не он разместил свой полк в том самом месте, где он мог противостоять вторжению врага? И разве он не был ранен в последующем сражении?

— Рад оказать эту мелкую услугу, сэр, — скромно добавил он.

Джонстону понравилась скромность Фалконера.

— Вы храбрый человек, Фалконер, и я приложу все усилия, чтобы в Ричмонде узнали, кто является настоящим героем Манассаса.

— Настоящие герои — мои солдаты, сэр, — всего десять минут назад полковник проклинал своих людей, особенно музыкантов, которые бросили два дорожных саксофона, трубу и три барабана в отчаянной попытке удрать от преследования северян. — Они славные виргинцы, сэр, — добавил он, зная, что генерал Джонстон и сам происходит этого штата.

— Отдаю честь всем вам! — сказал Джонстон, хотя и притронулся к шляпе исключительно для Фалконера, а потом пришпорил лошадь.

Вашингтон Фалконер лежал на спине, греясь в лучах славы. Герой Манассаса! Даже боль, казалось, ушла, или, может, дело было в морфине, который дал ему доктор Дэнсон, но даже если и так, он герой! Какое славное слово и как хорошо оно подходило Фалконеру!

И, может, полтора месяца в ричмондском доме — это не так уж плохо, если, конечно, сражение будет выиграно, а Конфедерация спасена, но с этой оговоркой у героя больше шансов получить повышение, если он регулярно обедает с властями страны. И каким укором это будет для всякой швали вроде Ли, который обращался с ним как с каким-то ниггером. Теперь им придется иметь дело с героем! Фалконер улыбнулся своему сыну.

— Адам, думаю, ты заслужил повышение.

— Но...

— Тише! И не вздумай протестовать! — полковник всегда хорошо себя чувствовал, проявляя щедрость, а в этот момент, пробудивший надежды на то, что его статус героя Манассаса упрочится, он чувствовал себя еще лучше. Ведь его наверняка произведут в генералы? И он наверняка найдет время, чтобы довести Легион до совершенства, чтобы полк стал жемчужиной в составе его новой бригады. Бригады Фалконера.

Как прекрасно звучало это название, и полковник уже воображал, как бригада Фалконера возглавляет марш на Вашингтон, как салютует, проходя по покоренной стране мимо Белого дома в сопровождении завоевателя верхом на коне. Он вытащил сигару из коробки и протянул ее Адаму, чтобы подчеркнуть всю важность своих слов.

— Ты должен взять на себя командование Легионом, пока я не поправлюсь. Я должен быть уверен, что Дятел не сойдет с ума в очередной раз. Что никогда больше не бросит Легион в какую-нибудь малозначительную стычку. И вообще, Легион должен находиться в руках семьи. А сегодня ты прекрасно себя показал, сынок, просто прекрасно.

— Я ничего не сделал, отец, — горячо запротестовал Адам, — и даже не уверен, что...

— Хватит, хватит! Замолчи! — Вашингтон Фалконер заметил приближающегося майора Бёрда и не хотел, чтобы Таддеус стал свидетелем того, как Адам увиливает от ответственности. — Таддеус! — полковник поприветствовал своего шурина с несвойственной теплотой. — Генерал просил меня тебя поблагодарить. Ты всё правильно сделал!

Майор Бёрд, прекрасно осведомленный, что полковник был в ярости еще минуту назад, ошеломлено застыл, нарочито оглядываясь, словно в поисках другого человека по имени Таддеус, который мог бы стать объектом похвалы полковника.

— Вы со мной говорите, полковник?

— Ты прекрасно справился! Поздравляю! Ты поступил именно так, как я от тебя и ожидал, в самом деле, именно так! Заставил Легион выполнять свой долг до моего появления. Все считали, что сражение будет на правом фланге, но мы ведь лучше разобрались, да? Мы справились, прекрасно справились. Если бы не сломанная рука, я бы пожал твою. Отлично, Таддеус, отлично!

Таддеусу Бёрду удалось удержаться от смеха, хотя его голова нервно задергалась взад и вперед, словно он был готов разразиться дьявольским хохотом.

— Стоит ли это понимать, — наконец сумел выдать он, подавив смехок, — что и вас тоже нужно поздравить?

Полковник скрыл свой гнев, вызванный подобной наглостью шурина.

— Полагаю, мы с тобой знаем друг друга достаточно хорошо, чтобы обмениваться комплиментами, Таддеус. Просто хочу тебя заверить, что я упомяну твое имя в Ричмонде.

— Я пришел сюда не для того, чтобы выразить вам свое восхищение, — заявил Таддеус с бестактной честностью, — а чтобы предложить направить группу за водой. У всех пересохло во рту.

— За водой? Ну конечно же, за водой. А потом мы с тобой можем сесть вместе и решить, что нам понадобится в будущем. Мистер Литтл сообщил, что оркестр потерял кой-какие инструменты, и мы не можем позволить себе терять так много офицерских лошадей, как сегодня.

Инструменты? Лошади? Таддеус Бёрд вытаращился на зятя, гадая, не иссушил ли ему мозги перелом руки.

Что действительно нужно Легиону, как решил Таддеус Бёрд пока полковник отсутствовал, так это учебник Макгаффи по основам военного дела, самая первичная подготовка по стрельбе и муштра, но он знал, что не стоит сейчас этого говорить.

Самодовольство Фалконера и так раздулось из-за какой-то дурацкой похвалы, он уже воображал себя покорителем Нью-Йорка. Бёрд попытался отрезвить полковника, напомнив ему о реальности.

— Вам нужен счет от мясника, Фалконер? — прервал он полковника. — Список убитых и раненых?

Вашингтону Фалконеру пришлось снова скрыть свое раздражение.

— Всё так плохо? — спросил он осторожно.

— Мне не с чем сравнивать, и к сожалению, вряд ли он полный. Мы недосчитались многих после

вашей храброй победы, но знаем наверняка, что пара десятков точно погибла. Капитан Дженкинс и бедняга Бэрроуз, конечно же. Полагаю, вы напишете вдовам? — Бёрд помедлил, но не получив ответа, просто пожал плечами и продолжал: — Конечно, могут быть и другие погибшие, которые еще остались там. Нам известно о двадцати двух раненых, некоторые ранены очень серьезно.

— О двадцати трех, — вмешался полковник, наградив Таддеуса Бёрда слабой улыбкой. — Я тоже считаю себя солдатом Легиона, Таддеус.

— И я, Фалконер, и уже включил вас в число героев. Как я и сказал, двадцать два ранения, некоторые серьезные. Мастерсон не выживет, а Нортон потерял обе ноги, так что...

— Мне не нужны детали, — раздраженно заявил Фалконер.

— И семьдесят два человека числятся пропавшими, — Бёрд стоически продолжал докладывать плохие новости. — Это не значит, что они навсегда для нас потеряны, Тёрнер Маклин приковылял пять минут назад, причем часа два бродил по полю боя, совершенно ничего не соображая. Другие, возможно, мертвы. Я слышал, что Ридли погиб.

— Убит, — подчеркнул полковник.

— Убит? — Бёрд уже слышал эту историю, но хотел спровоцировать полковника.

— Он был подло убит, и я тому свидетель, — заявил полковник, — а ты внесешь это в полковые книги.

— Если я вообще их найду, — весело отметил Бёрд. — Похоже, мы потеряли весь обоз.

— Подло убит! Слышишь меня! — Фалконер выплеснул это обвинение, так что в его груди вспыхнула боль. — Вот что ты напишешь. Что он был убит Старбаком.

— А Старбак пропал, — горько продолжал Бёрд. — С сожалением должен это констатировать.

— Тебе жаль? — в голосе полковника было что-то очень опасное.

— Как и вам должно быть жаль, — заявил Бёрд, проигнорировав тон полковника. — Старбак, вероятно, спас наши знамена и совершенно точно предотвратил пленение Адама. Разве Адам вам не рассказал?

— Отец, я пытался тебе сказать, — сказал Адам.

— Старбак исчез, — безо всякого выражения произнес полковник, — а если бы был здесь, то тебе пришлось бы арестовать его за убийство. Я видел, как он застрелил Ридли. Видел! Слышишь, Таддеус? — вообще-то полковника, выплеснувшего свое негодование, вспомнив смерть бедного Ридли, слышал весь Легион.

Боже ты мой, подумал Фалконер, но ведь ни один человек не поверил его словам о том, что он видел, как Старбак сделал выстрел, убивший Ридли! Полковник повернулся в седле и видел, как тот выстрелил!

А теперь Дятел хочет сделать из бостонца героя? Боже, подумал полковник, но ведь это он сам — герой Манассаса. Разве не так сказал генерал Джонстон?

— Говоришь, мы потеряли беднягу Розуэлла Дженкинса? — спросил он, намеренно сменив тему.

— От него практически ничего не осталось после попадания снаряда, — подтвердил Бёрд, а потом упрямо вернулся в прежней теме. — Вы и правда приказываете мне арестовать Старбака за убийство?

— Да, если найдешь его! — выкрикнул полковник и содрогнулся, когда по его руке прошла волна боли. — Бога ради, Таддеус, почему ты вокруг всего поднимаешь такую чертову суету?

— Потому что кто-то же должен, полковник, кто-то должен, — Бёрд улыбнулся и оглянулся через

плечо, туда, где на окруженном огнем плато сражение подошло к поворотному моменту.

Джеймс Старбак так и не понял, что сломило ряды северян. Всё, что отложилось в памяти — отчаянная паника, охватившая войска федералистов. И вскоре, забыв про всякий порядок, армия Макдауэлла побежала.

Своими усилиями, какими бы они ни были, они не добились ничего — полки южан так и остались на плато. Ни один штурм не смог удержать завоеванные позиции, дабы позволить свежим силам закрепить успех. Северян отбрасывали снова и снова, и каждая отраженная южанами атака оставляла на поле боя мертвых и умирающих, лежащих рядами, словно принесенные приливом водоросли, обозначая крайнюю точку каждой атаки.

В некоторых полках северян заканчивались боеприпасы. Южане, отброшенные к собственному обозу, набивали свои сумки новыми патронами, но припасы северян по-прежнему располагались к востоку от Булл-Ран, и каждой телеге и повозке приходилось пересекать забитый транспортом каменный мост. Чаще же всего оказывалось, что боеприпасы, правдами и неправдами добравшиеся до вершины холма, оказывались не того калибра — так, войска, вооруженные винтовками пятьдесят восьмого калибра, получали пули шестьдесят девятого. Поэтому, как только винтовки замолкали, стрелки отступали, оставляя бреши в строю северян, которые тут же заполняли мятежники в сером.

Винтовки и ружья обеих сторон ломались или выдавали осечку. Чаще всего выходили из строя брандтрубки [\[30\]](#), по которым били курки, поджигавшие порох. Однако южане могли пользоваться подобранным у мертвых северян оружием и продолжать убийства. И все же северяне продолжали драться.

Стволы ружей и винтовок были забиты остатками сгоревшего пороха, поэтому с каждым выстрелом становилось все тяжелее и тяжелее забивать новую пулю. День выдался жаркий, воздух наполнился едким пороховым дымом, рты и глотки усталых солдат давно пересохли, на плечах чернели синяки из-за отдачи тяжелых ружей, голоса охрипли от криков, дым вызывал резь в глазах, в ушах звенело от взрывов, руки саднило из-за усилий при перезарядке. И все же они дрались.

Они истекали кровью — и дрались. Ругались — и дрались. Молились — и дрались. Некоторые выглядели ошарашенными, они просто стояли, вытаращив глаза и открыв рот, не обращая внимания на окрики своих офицеров и нестройный хор свистящих пуль, выстрелов, снарядов и воплей.

Джеймс Старбак потерял чувство времени. Он перезаряжал револьвер, стрелял и снова перезаряжал. Едва ли он сознавал, что делает, он лишь знал, что каждый выстрел может спасти Союз. Он был в ужасе, но продолжал сражаться, и почему-то мысли о младшей сестре придавали ему мужества.

Он решил, что только Марта будет его оплакивать, и что ему не следует винить ее за проявление чувств, и именно это решение привело его на то место, где он стрелял, как простой рядовой, стрелял и заряжал, заряжал и стрелял, всё это время громко повторяя имя Марты, как талисман, который сохранит его храбрость.

Марта по характеру была очень похожа на Натаниэля, и когда Джеймс стоял посреди поля, усеянного ранеными и убитыми, он рыдал, почему Господь не наградил его отвагой Марты и Натаниэля.

Потом, когда он вставил в револьвер последний капсюль, в рядах южан возникло какое-то оживление, Джеймс поднял голову и увидел, что весь вражеский фронт ринулся вперед. Он выпрямил свою покрытую ссадинами ноющую руку, нацелив револьвер на армию, которая выглядела как огромная серая крыса с черными подпалинами от порохового огня и двигалась прямо на него.

А потом, когда он пробормотал имя сестры, прищурившись от грохота, который производил его

револьвер, то заметил, что находится в полном одиночестве.

Только что здесь шло сражение, а теперь началось беспорядочное бегство.

Потому что армия федералистов была сломлена и удирала.

Она бросилась вниз по холму, всякий порядок испарился. Солдаты кидали винтовки и ружья, штыки и заплечные мешки и просто бежали. Некоторые бежали на север, в сторону брода Садли, а другие — к каменному мосту. Некоторые попытались дать отпор наступлению, крича своим товарищам, чтобы держались, но были сметены потоком бегущего большинства.

Паникующие войска наводнили поля по обе стороны основной дороги, по которой неистовым галопом лошади везли пушки, а бегущая пехота вопила, уворачиваясь от железных колес. Кто-то использовал знамена как пики, чтобы пробить себе путь через толпу.

Преследователи остановились на краю плато. Плевки ружейного огня ускорили отступление северян, но ни у кого на стороне мятежников не было сил на погоню. Вместо этого они потихоньку начали осознавать, что победили, а несущаяся внизу паникующая орда потерпела поражение.

Канониры мятежников привезли уцелевшие пушки на вершину холма, и снаряды южан наполнили теплый вечерний воздух свистом, разрываясь в клубах дыма на переполненной дороге и в дальнем лесу. Один из снарядов разорвался прямо над деревянным мостом, по которому основная дорога пересекала глубокий приток Булл-Ран, как раз в тот момент, когда по нему проезжал фургон.

Раненые лошади запаниковали и попытались понести, но роковой снаряд вырвал переднее колесо, и массивную повозку развернуло, ее сломанная ось вонзилась в древесину, так что тяжелый фургон намертво застрял в деревянном парапете моста, тем самым заблокировав отступающей армии главную дорогу, а всё больше снарядом свистело вокруг, падая на бегущих северян.

Пушки федералистов, повозки, передки и фургоны, которые еще находились на западном берегу Булл-Ран, были брошены, чтобы возницы могли сбежать в безопасное место. Снаряд разорвался прямо в реке, разбрызгивая тонны воды.

За спинами паникующей массы людей разрывались всё новые снаряды, подгоняя обезумевшую толпу вниз по скользкому берегу в быстрое течение реки.

Многие утонули под напором своих же отчаявшихся товарищей. Другим удалось кое-как перебраться через глубокий поток и выползти на берег, и они ринулись в сторону Вашингтона.

Натаниэль Старбак наблюдал, как на краю плато началось беспорядочное бегство. Поначалу он не поверил собственным глазам, а потом недоверие сменилось изумлением.

Охраняющий пленников сержант бросил взгляд на холм, а потом побежал. Раненый северянин, приходящий в себя во дворе, похромал прочь, используя ружье в качестве костыля. Рыжебородый доктор подошел к двери в своем забрызганном кровью фартуке, скептически оглядел всю сцену, покачал головой и вернулся обратно к пациентам.

— Что нам теперь делать? — спросил один из пленных Старбака, поскольку офицер мог знать, как положено вести себя в случае победы, находясь при этом в центре побежденного сброда.

— Оставаться спокойными и вежливыми, — посоветовал Старбак. Мимо дома бежали северяне, и некоторые злобно разглядывали южан.

— Сидите и не шевелитесь. Мы просто ждем, — он наблюдал, как полевое орудие северян отступало с плато. Командовавший расчетом капитан сумел каким-то образом собрать четыре лошади. Истекая кровью из-за вонзающихся шпор, с испуганными седоками в седлах, вытаращив и закатывая глаза, лошади

неслись вниз по склону. Мрачные канониры, усевшиеся на передке орудия, цеплялись за металлические поручни.

Само орудие, закрепленное к передку, подпрыгивало, когда вся конструкция пересекала ручей у подножия холма. Кучер натянул поводья, и запаниковавшие лошади слишком резко повернули к дороге. Старбак в ужасе наблюдал, как сначала занесло орудие, затем передок, они перевернулись и, перелетев через дорогу, с отвратительным скрежетом влетели в деревья. Какое-то мгновение стояла тишина, которую тут же разорвали первые вопли.

— Боже, — один из раненых южан в ужасе отвернулся, не в силах смотреть на кошмарное зрелище. Одна из лошадей, переломав задние ноги, пыталась высвободиться из-под обломков; канонир, придавленный передком орудия, пронзенный осколками дерева, пытался выползти, цепляясь пальцами за землю.

Пробегавший рядом сержант-пехотинец, не обращая внимания на раненого, поймал уцелевшую лошадь, обрезал поводья, снял цепи и забрался в седло.

Через дорогу покатилося колесо от передка орудия. Лошади, как и умирающий канонир, продолжали издавать ужасные звуки.

— Боже мой, — один из пленников, собравшихся в тени деревьев во дворе, виргинец, снова и снова повторял слова молитвы.

Кошмарные вопли продолжались, пока офицер северян не подошел к раненым животным и не выстрелил им в головы. Пять выстрелов, и они затихли. Остался только задыхающийся и визжащий канонир, пронзенный насквозь обломками передка.

Офицер глубоко вздохнул:

— Солдат!

Видимо, раненый невольно отреагировал на властный голос. Он затих на какую-то секунду — всё, что требовалось офицеру. Тот прицелился, нажал на спусковой крючок, и канонир умолк навсегда.

Офицер-северянин, содрогнувшись, отбросил опустевший револьвер и, всхлипывая, ушел. Окружающий мир, казалось, погрузился в тишину. Пахло кровью, но тишину нарушил лишь виргинец, в последний раз повторив молитву, будто бы слова, произносимые снова и снова, могли спасти его душу.

— Ребята, вы в порядке? — спросил прискакавший к перекрестку офицер в сером.

— В порядке, — ответил Старбак.

— Мы дали им пинка, ребята! Задали как следует! — похвастался офицер.

— Хотите яблоко, мистер? — пленный из Южной Каролины, получив свободу, порылся в мешках, свалившихся с перевернувшегося передка пушки, и вытащил из кровавого беспорядка несколько яблок. Он бросил ликующему офицеру яркое красное яблоко. — Ну так наподдайте им еще!

Офицер поймал яблоко. За его спиной первые пехотинцы-южане продвигались в сторону Булл-Ран. Старбак понаблюдал за ними какое-то время, а потом отвернулся. Лотерея войны снова сделал его свободным, и ему нужно было выполнить еще одно обещание.

Усталые солдаты подбирали раненых, которых могли найти. Некоторые лежали в лесу и были обречены на медленную смерть, забытые в подлеске.

Мучимые жаждой люди искали воду, а некоторые просто пили грязную жидкость для банников, заглатывая вместе с теплой и соленой влагой остатки пороха. Поднялся небольшой ветерок, раздувающий

костры, которые солдаты развели из сломанных прикладов и остатков изгороди.

Мятежники были не в том состоянии, чтобы преследовать войска федералистов, и потому они остались на поле битвы, уставившись в зачарованном изумлении на боевые трофеи — пушки, фургоны, зарядные ящики, кучи захваченного добра и тьму пленных.

Среди этих пленных был толстый конгрессмен из Рочестера, штат Нью-Йорк, его нашли, когда он пытался спрятать свой огромный живот за тоненьким молодым деревцем, и привели в штаб армии, где он разбушевался, заявляя о том, какой важный пост занимает, и требуя освобождения.

Солдат из Джорджии, тощий как щепка, велел ему заткнуть чертов рот до того, как придется отрезать ему чертов язык, чтобы зажарить и подать с яблочным соусом. Конгрессмен наконец-то замолчал.

В сумерках мятежники пересекли Булл-Ран и захватили тридцатифунтовое орудие Паррота, которое дало сигнал к началу атаки на рассвете.

Северяне бросили двадцать шесть других орудий, а также почти весь обоз. Солдаты-южане обнаружили полные комплекты униформы, тщательно сложенные и подготовленные к триумфальному входу в Ричмонд, и солдат из Северной Каролины гордо прошелся по округе в прекрасном генеральском мундире янки — с эполетами, саблей, кушаком и шпорами.

Карманы мертвецов обшарили, стянув из них гребни, игральные карты, библии, ножи и монеты. Некоторым повезло найти трупы богатых — один с тяжелыми часами на цепочке с золотыми безделушками, а другой — с рубином в обручальном кольце.

Дагерротипы жен и возлюбленных, родителей и детей были выброшены, потому что победители искали не воспоминания о разбитых привязанностях, а лишь монеты, сигары, золото и серебро, хорошие ботинки, рубашки тонкой работы, ремни, пряжки и оружие.

Сам по себе возник рынок для продажи награбленного, хороший офицерский бинокль продавался по доллару, сабля — за три, а пятидесятидолларовый револьвер Кольта — за пять или шесть. Самым ценным товаром были фотографии нью-йоркских дам, позирующих без одежды.

Некоторые солдаты отказывались на них смотреть, ощущая адово пламя, но большинство передавало картинки друг другу, гадая, какая же их ждет добыча, если только их призовут вторгнуться в богатый, тучный и податливый Север, который взрастил всех этих женщин в таких прекрасных комнатах.

Доктора с Севера и Юга работали вместе в полевых госпиталях на опаленном и вздыбленном поле битвы. Раненые стонали, ампутированные ноги и руки выбрасывались в кучи во дворах, а мертвых складывали как дрова, чтобы захоронить на следующее утро.

Когда настал вечер, Джеймс Старбак еще находился на свободе. Он спрятался в перелеске и теперь полз по дну глубокой канавы в сторону Булл-Ран. Его мысли были в беспорядке. Как это случилось? Как они могли потерпеть поражение? Это было так ужасно, так горько, так постыдно. Неужели Господу наплевать на правое дело, раз он наслал эту ужасную кару на Соединенные Штаты? Это не имело никакого смысла.

— На твоём месте я бы не двигался, янки, — внезапно раздался веселый голос над его головой, — потому что перед тобой ядовитый плющ, а у тебя и так уже достаточно проблем.

Джеймс поднял голову и увидел двух ухмыляющихся парней, которые, как он подозревал, наблюдали за ним уже несколько минут.

— Я офицер, — только и смог выдать он.

— Приятно познакомиться, офицер. Я Нед Поттер, а это Джейк Спринг, и здесь еще наш пёс Эйб, — Поттер махнул в сторону маленькой лохматой дворняжки, которую держал на веревке. — И мы не

офицеры, но ты наш пленник.

Джеймс встал и попытался отряхнуть мундир от прилипшей листвы и вонючей воды.

— Меня зовут, — заявил он официальным тоном, а потом остановился. Что случится с сыном Элияла Старбака, попавшим в руки южан? Может, его линчуют? Они и правда делают все эти ужасные вещи с неграми и сторонниками их освобождения, о которых рассказывал отец?

— Нам плевать на твое имя, янки, нам нужно только то, что у тебя в карманах. Мы с Джейком и Эйбом сейчас бедны. Нам удалось захватить только двух мальчишек из Пенсильвании, а у них не было ничего, кроме холодных кукурузных лепешек и трех ржавых центов, — взметнулось ружье, а ухмылка стала шире. — Для начала отдай нам револьвер.

— Бьюкенен! — наконец выпалил имя Джеймс. — Майлз Бьюкенен!

Нед Поттер и Джейк Спринг непонимающе вытаращились на пленника.

— Адвокат! — объяснил Джеймс. — Я весь день пытался вспомнить его имя! Однажды он назвал главного судью Шоу туповатым. Интеллектуально туповатым, что..., - его голос затих, когда он осознал, что бедняга Майлз Бьюкенен теперь мертв, Абигейл Бьюкенен — вдова, а сам он в плену.

— Янки, просто отдай нам револьвер.

Джеймс протянул почерневший револьвер, а потом вывернул карманы. У него было чуть больше восемнадцати долларов монетами, Новый Завет, прекрасные часы на тяжелой серебряной цепочке, складной театральный бинокль, коробка с перьями для ручек, два блокнота и чудесный льняной носовой платок, на котором мать вышила его инициалы. Нед Поттер и Джейк Спрингс обрадовались своей удаче, а Джеймс ощущал себя униженным. Он попал прямо в лапы своих злейших врагов и мог лишь оплакивать те потери, которые понесла его страна.

В миле от Джеймса Натаниэль Старбак прочесывал луг, покрытый воронками от снарядов и посеченный следами копыт. Янки давно ушли, и на пустом лугу остались только мертвые. На этом самом поле Вашингтон Фалконер ударил его хлыстом, на этом самом месте умер Ридли.

Он нашел Ридли ближе к краю леса, чем запомнил, но полагал, что все его воспоминания о сражении спутались. Тело представляло собой жуткую кашу из костей, крови, разорванной плоти и почерневшей кожи.

Птицы уже слетелись на пир, но неохотно взмахнули крыльями, когда Старбак подошел к телу, уже начинавшему вонять. Голову Ридли можно было опознать, его маленькая острая борода осталась на удивление чистой от крови.

— Ах ты сукин сын, — устало произнес Старбак, не чувствуя гнева, но он помнил шрам на лице Салли и потерянного ею ребенка, и как ее насиловали и избивали ради того, чтобы этот человек мог от нее освободиться, поэтому ему показалось, что несколько оскорбительных слов будут кстати.

Сладкий запах смерти был таким густым, что вызвал позывы к рвоте, и Старбак скорчился около тела, пытаясь взять себя в руки. Потом он потянулся к тому, что осталось от его врага.

Вот ведь не повезло, подумал он, потянув за воротник кителя Ридли, чтобы вытащить остатки одежды из кровавой массы, и что-то в ее глубине издало булькающий звук, едва не вызвавший у Старбака рвоту.

Китель не вытаскивался из кровавой каши, и Старбак понял, что ему придется расстегнуть кожаный ремень, каким-то образом еще державшийся на своем месте в этой куче внутренностей. Он погрузил пальцы в холодный желеобразный кошмар и нащупал пряжку. Он расстегнул ее, приподняв, и часть тела откатилась, обнажив револьвер, из которого Ридли целился в Старбака.

Это было прелестное английское оружие с рукояткой из слоновой кости, которое Вашингтон Фалконер показывал Старбаку в своем кабинете в Семи Источниках. Теперь револьвер вымок в крови Ридли, но Старбак вытер его о траву, промокнул оставшуюся кровь рукавом и засунул прекрасное оружие в пустую кобуру. Потом он снял с ремня патронташ и коробку с капсюлями. В ней была дюжина долларов, которые он затолкал в один из промокших от крови карманов.

Но он явился сюда не для того, чтобы просто обокрасть тело врага, а чтобы забрать обратно кое-что действительно ценное. Он вытер пальцы о траву, еще раз глубоко вздохнул и вернулся к окровавленным остаткам серого кителя. Он нашел кожаный футляр, в котором, похоже, хранились рисунки, хотя бумага настолько пропиталась кровью, что невозможно было угадать, что на них изображено. В кармане было еще несколько серебряных долларов и мокрый кожаный мешочек. Старбак открыл его.

Кольцо было там. В закатном свете оно выглядело тусклым, но это было то самое кольцо, которое он искал, серебряное французское кольцо, принадлежавшее матери Салли. Старбак положил его в собственный карман и отошел от трупа.

— Ах ты сукин сын, — повторил он, а потом пошел дальше, мимо мертвой лошади Ридли. По всей долине вился дым от полевых костров на холме, и закат закрыла пелена.

Когда Старбак взбирался на холм, где расположилась лагерем усталая армия южан, наступила темнота. Несколько офицеров пытались приказать своим людям спуститься с вершины холма, туда, где земля не воняла кровью, но солдаты были слишком вымотаны, чтобы двигаться. Они сели вокруг костров, поедая награбленные галеты и холодную ветчину.

Один человек играл на скрипке, мелодия протяжно лилась в сумеречном свете. Дальние холмы погрузились в темноту, и первые бледные звезды резко засветились на чистом небе. Полк из Джорджии проводил богослужение, солдаты пели своими сильными голосами гимны в честь победы.

Старбаку понадобился час, чтобы найти Легион. К тому времени настала почти полная темнота, но он заметил выделяющееся лицо Дятла Бёрда в свете костра из досок от изгороди, которые теперь торчали из огня, словно пламенеющие спицы. Каждый человек вокруг костра отвечал за одну доску, подталкивая ее в огонь, когда прогорал один конец.

Все сидящие вокруг костра были офицерами и посмотрели на появившегося у костра Старбака с изумлением. Увидев бостонца, Мерфи кивнул в качестве радушного приветствия, а Бёрд улыбнулся.

— Так вы живы, Старбак?

— Похоже, что так, майор.

Бёрд прикурил сигару и бросил ее Старбаку, который поймал ее, затянулся и кивнул в знак благодарности.

— Это твоя кровь? — спросил Мерфи у Старбака, чья форма еще была в крови Ридли.

— Нет.

— Но выглядит впечатляюще, — произнес Бёрд, дружески подшучивая, а потом развернулся. — Полковник!

Полковник Фалконер, чьи китель и сорочка теперь были обернуты вокруг раненой руки, сидел перед своей палаткой. Он устроил целое светопредставление относительно пропавшего обоза Легиона и в конце концов отряд неохотно отправился на поиски, обнаружив, что Нельсон, слуга полковника, до сих пор охраняет ту часть обоза, которую смог отогнать подальше от атаки янки.

Большая часть обоза пропала, была разграблена последовательно накатывающимися волнами

северян и южан, но палатка полковника была спасена, а внутри нее находилась постель из одеял. Адам лежал на постели, а его отец сидел на бочке у входа.

— Полковник! — снова позвал Бёрд, его настойчивость наконец-то заставила Вашингтона Фалконера поднять глаза. — Хорошие новости, полковник, — Бёрд едва мог удержаться от ухмылки, проделывая эту проказу. — Старбак жив.

— Нат! — Адам потянулся за импровизированным костылем, который сделали из найденной поблизости ветки, но отец оттолкнул его.

Фалконер вскочил и направился к костру. Как раз в это время с дальней стороны плато к огню подъехал штабной капитан с сообщением для полковника Фалконера, но он почувствовал какое-то напряжение у костра и придержал лошадь, чтобы посмотреть, что произойдет.

Фалконер взгляделся сквозь пламя и зажмурился от жуткого вида Старбака. Мундир северянина потемнел и торчал колом от высохшей крови, в пламени костра он выглядел черным из-за крови, пропитавшей каждую складку и шов.

Старбак выглядел как персонаж ночного кошмара, но он любезно кивнул, выпустив в ночь дым от сигары.

— Добрый вечер, полковник.

Фалконер промолчал. Бёрд тоже закурил и перевел взгляд на Старбака.

— Старбак, полковник хотел бы узнать, как умер Ридли.

— В него попал снаряд, полковник. От него не осталось ничего, кроме кучи костей и крови, — ответил Старбак беспечно.

— Именно так мне и следует записать в книгах, полковник? — спросил Таддеус Бёрд с тщательно деланной невинностью. — Что Ридли погиб от артиллерийского огня?

Но Вашингтон Фалконер по-прежнему молчал. Он смотрел на Старбака с выражением, похожим на отвращение, но не мог собраться, чтобы что-нибудь произнести.

Бёрд пожал плечами.

— Чуть раньше, полковник, вы приказывали мне арестовать Старбака за убийство. Хотите, чтобы я сделал это прямо сейчас? — Бёрд дождался ответа и, не дождавшись, снова посмотрел на Старбака. — Вы убили капитана Итана Ридли, Старбак?

— Нет, — резко ответил Старбак. Он уставился на Фалконера в жажде, что тот ему возразит. Полковник знал, что Старбак врет, но ему не хватало пороха бросить подобные обвинения в лицо. Солдаты, расположившиеся у других костров, стали подходить поближе, чтобы посмотреть на стычку.

— Но полковник видел, как вы совершили убийство, — настаивал Бёрд. — Что вы на это скажете?

Старбак вынул сигару изо рта и плюнул в огонь.

— Полагаю, что это слюноотделение означает отрицание? — весело предположил Бёрд, а потом оглянулся на столпившихся вокруг костра людей. — Кто-нибудь еще видел, как погиб Ридли? — Бёрд дождался ответа, пока от горящих досок поднялся сноп искр. — Ну и?

— Я видел, как в сукиного сына попал снаряд, — прорычал из темноты Траслоу.

— И это Старбак выпустил тот роковой снаряд, сержант? — педантичным тоном поинтересовался Бёрд, и все вокруг рассмеялись над шуткой майора. Фалконер переступил с ноги на ногу, по-прежнему сохраняя молчание.

— Таким образом, я могу заключить, полковник, что вы ошиблись, — продолжал Бёрд, — и что лейтенант Старбак невиновен в убийстве. И также полагаю, что вы захотите поблагодарить его за спасение знамен Легиона, я прав?

Но Фалконер не мог больше вынести унижения от этих людей, которые сражались, пока он прочесывал местность в поисках славы. Он молча отвернулся и увидел, что штабной капитан наблюдает за ним с седла.

— Чего вы хотите? — рявкнул он с горечью.

— Вы приглашены на ужин, полковник, — штабной капитан по понятным причинам нервничал. — Из Ричмонда прибыл президент, сэр, так что генералы будут рады вашей компании.

Фалконер моргнул, пытаясь понять смысл приглашения, затем внезапно понял, что это его шанс на спасение.

— Конечно, — он развернулся и зашагал в сторону, позвав сына. Адам, с трудом поднявшись на ноги, хромал к Старбаку, желая его поприветствовать, но отец потребовал сыновней преданности:

— Адам! Пойдешь со мной.

Адам поколебался, но потом подчинился.

— Да, отец.

Им помогли забраться в седла, и они ускакали, сопровождаемые молчанием. Легионеры Фалконера подкидывали дрова в костры и наблюдали за сверкающими искрами. Ни один из них не проронил ни слова, пока Фалконеры не превратились в пару едва различимых за пламенем костров силуэтов. Почему-то никто не ждал возвращения Вашингтона Фалконера в обозримом будущем.

Бёрд посмотрел на Старбака:

— Полагаю, теперь командую я. Спасибо вам за спасение знамен и, что еще важнее, за мое спасение. Только что мне теперь с вами делать?

— Что хотите, майор.

— Тогда, видимо, мне следует наказать вас за какой-нибудь грех, который, без сомнения, вы сегодня совершили, — Бёрд криво улыбался, — так что поставлю-ка я вас на место капитана Розуэлла Дженкинса и отдам роту сержанта Траслоу. Если только этот сержант Траслоу согласится принять в качестве командира жалкого, излишне образованного безбородого сына священника из Бостона вроде вас.

— Полагаю, он согласится, — лаконично ответил Траслоу.

— Вот ты и накорми его, сержант, не мне же этим заниматься, — сказал Бёрд и махнул рукой.

Старбак и Траслоу пошли прочь. Когда их уже не могли услышать солдаты, собравшиеся вокруг офицерского костра, сержант сплюнул струю табака.

— Ну и каково это — убивать другого? Помните, вы спрашивали об этом. А я сказал, чтобы вы сами узнали. Так что расскажите, капитан.

Капитан? Старбак заметил это непривычное проявление уважения, но промолчал.

— Это приносит удовлетворение, сержант.

Траслоу кивнул:

— Я видел, как вы грохнули сукина сына, и мне было даже любопытно, за что.

— За это, — Старбак извлек из кармана серебряное кольцо и протянул низкорослому чернобородому

Траслоу. — Всего лишь за это, — повторил он и выпустил кольцо, позволив ему упасть в протянутую почерневшую от пороха ладонь. Траслоу тут же сжал руку в кулак. Его Эмили была в раю, и теперь кольцо вернулось к своему законному владельцу.

Траслоу застыл в темноте. Сначала Старбаку показалось, что сержант всхлипнул, но потом он понял, что Траслоу просто откашлялся.

Сержант снова зашагал, молча, сжимая серебряное кольцо так, словно это был талисман на всю оставшуюся жизнь.

Он молчал, пока они не приблизились на несколько ярдов к кострам одиннадцатой роты легкой пехоты, а потом опустил руку на твердое от запекшейся крови плечо Старбака. Когда он заговорил, голос его был непривычно мягок:

— И как она там, капитан?

— Счастлива. На удивление, она счастлива. С ней плохо обходились, но она справилась и теперь счастлива. Она хотела, чтобы я отдал вам кольцо. Забрав его у Ридли.

Траслоу несколько секунд размышлял над ответом, а затем нахмурился:

— Мне следовало давно прибить засранца, да?

— Салли хотела, чтобы это сделал я, — ответил Нат. — Ну я и сделал. С большим удовольствием, — он не удержался от улыбки.

Траслоу молчал очень долго, а потом засунул кольцо в карман.

— Завтра будет дождь, — сказал он. — Я чую его в воздухе. Большинство этих мерзавцев растеряли свои одеяла и подстилки, так что поутру вы должны отпустить нас немного покопаться в мусоре, — он подвел Старбака к огню ротного костра.

— Новый капитан, — коротко представил Старбака Траслоу. — Роберт? У нас еще осталась эта жирная ветчина? Джон? Отломи ломоть того хлеба, который ты припрятал. Пирс? Как насчет виски, что ты нашел? Мы отхлебнем малость. Садитесь, капитан, садитесь.

Старбак сел и начал есть. Это была самая прекрасная еда, которую он когда-либо пробовал, а лучшей компании он и пожелать не мог. В небе над ним сияли звезды, а дым почти развеялся.

В дальнем лесу затыкала лиса и заржала раненая лошадь. Какой-то солдат затынул печальную песню, а потом где-то в темноте грохнула пушка, как финальное эхо этого сражения, во время которого сын священника, забравшийся так далеко от дома, превратился в мятежника.

Историческая справка

Первая битва при Манассасе (или при Булл-Ран, как ее называют северяне) прошла именно так, как описано в «Мятежнике», хотя в романе опускается жестокое, но беспорядочное сражение, заполняющее промежуток между отступлением бригады Натана Эванса и первым вступлением в бой Виргинской бригады Томаса Джексона, а также ничего не говорится о присутствии на поле битвы кавалерии Джеба Стюарта, хотя и в этом сражении, как и в большинстве других эпизодов гражданской войны, кавалерия не сыграла большой роли.

Первую битву при Манассасе выиграла пехота, и спас конфедератов своевременный маневр «Окорока» Эванса, который и правда постоянно прикладывался к «бочоночку» виски, хотя знаменитым в тот день стал «Каменная стена» Джексон, чья статуя до сих пор возвышается на холме, где он и заслужил свое прозвище.

21 июля 1861 года погибло около девятисот человек, а еще по меньшей мере в десять раз больше было ранено.

Поле сражения прекрасно сохранилось силами службы Национального парка.

Центр для посетителей на холме Генри-Хаус прекрасно знакомит с этим местом, снабдив его отличными указателями и объяснениями, туда легко добраться из Вашингтона.

В Виргинии нет округа Фалконер, как и не существовало Легиона Фалконера на службе штата.

Примечания

1

Цитата из «Ричарда III» Шекспира:

«Горбун ты, недоношенный свиньей!
Ты, заклеянный в час, когда родился,
Как раб природы, как отродье ада!
Ты, чрева материнского позор!» —

обращается королева Маргарита к Ричарду III (пер. Анны Радловой).

2

Ива символизирует печаль, скорбь; в псалме 136 в знак траура израильтяне говорят: «На ивах посреди его повесили мы наши арфы»; плакучая ива, символизирующая горе и смерть, присутствует на картинах, изображающих распятие.

3

Смертельное отравление молоком было частым явлением в начале XIX века в США. Такие случаи были отмечены в штатах Огайо, Индиана, Кентукки, Теннесси и Иллинойс. Скот поедал ядовитое растение, один из видов посконника, *Ageratina altissima*, который местные называют «белый змеиный корень», а в результате токсин попадал в молоко и мясо. Причина этого заболевания была выявлена только в 1830

годах.

4

Цитата из 14 главы книги Иова:

«Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печальями:

как цветок, он выходит и опадает; убегает, как тень, и не останавливается.

И на него-то Ты отверзаешь очи Твои, и меня ведешь на суд с Тобою?

Кто родится чистым от нечистого? Ни один.»

5

Перепрыгивание через метлу — шуточная свадебная церемония, распространенная среди рабов в США в середине 19 столетия. Выражение «прыгнуть через метлу» также использовалось, чтобы обозначить, что брак не заключен должным образом. Так, например, сторонники церковных браков называли закон о браке, принятый в 1936 году и разрешающий заключать гражданские браки.

6

Суккуб или суккубус в средневековых легендах — демоница, посещающая ночью молодых мужчин и вызывающая у них сладострастные сны.

7

«Путешествие пилигрима в Небесную Страну» (англ. The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come, букв. «Движение пилигрима из этого мира в грядущий мир»), написанное английским писателем и проповедником Джоном Буньяном — одно из наиболее значительных произведений английской религиозной литературы. Первая часть была написана автором, когда он находился за свою религиозную деятельность в тюрьме, и опубликована в 1678 году. Вторая часть создана в 1684 году и опубликована в 1688 году. Уже при жизни автора первая часть выдержала 11 изданий общим тиражом более 100 000 экземпляров. Главный герой книги — Христианин. Ярмарка Суеты, Топь Уныния, Небесный Град — места, описанные в книге.

8

Орудие Паррота — нарезное дульнозарядное орудие, изобретенное в 1860 году выпускником Военной академии США Робертом Паркером Парротом. Данные орудия массово применялись в Гражданской войне.

9

Эпизод с гадаринскими свиньями упоминается в Библии в нескольких местах. Вот, например, в Евангелии от Луки:

«И приплыли в страну Гадаринскую, лежащую против Галилеи. Когда же вышел Он на берег, встретил

Его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени, и в одежду не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах. Он, увидев Иисуса, вскричал, пал пред Ним и громким голосом сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня. Ибо <Иисус> повелел нечистому духу выйти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни. Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, — потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну. Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и <бесы> просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло».

10

«Путешествие пилигрима в Небесную Страну» (англ. The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come, букв. «Движение пилигрима из этого мира в грядущий мир»), написанное английским писателем и проповедником Джоном Буньяном — одно из наиболее значительных произведений английской религиозной литературы. Главный герой книги — Христианин.

11

Bird по-английски означает «птица», Sparrow — «воробей».

12

Для чистки мундиров использовались полоски из металла или дерева, вырезанные таким образом, чтобы их можно было подсунуть под пуговицы и чистить их, не задевая ткань.

13

Цитата из «Генриха V» (4 акт, пролог) Шекспира, пер. Е. Бируковой.

14

Цитата из «Генриха V» (4 акт, пролог) Шекспира, пер. Е. Бируковой.

15

Кропперы (издольщики) — арендаторы-издольщики на Юге, получавшие за работу часть собранного урожая. После окончания Гражданской войны рассматривались как самостоятельная социальная группа. В 50–60 годах XX века практически исчезли.

16

«Don't Fire Till You See the Whites of Their Eyes» (Не стреляйте до тех пор, пока не увидите белки их глаз) — эта хорошо известная американцам цитата, превратившаяся в крылатое выражение, принадлежит полковнику Уильяму Прескотту (по другим данным, генералу Израэлю Патнэму) в битве при Банкер-Хилле в войне за независимость США. Из-за недостатка боеприпасов солдатам было велено стрелять, только

когда враг будет совсем близко.

17

Книга Числа, 32-23

18

Джон Браун (9 мая 1800 — 2 декабря 1859) — американский аболиционист, один из первых белых аболиционистов, защищавших террористические способы борьбы и практиковавших их с целью отмены рабства.

19

Банник — деревянная колодка со щёткой на древке для очистки канала артиллерийского орудия от порохового нагара после выстрела и гашения остатков тлеющего зарядного картуза во избежание преждевременного воспламенения нового заряда. С целью повышения эффективности гашения банник перед использованием смачивали в воде с уксусом.

20

Зуавами изначально назывались полки французской легкой пехоты, служившие во французской Северной Африке с 1831 по 1962 гг. Позже название использовалось для обозначения подразделений других армий, таких как добровольческие полки во время Гражданской войны в Америке или бразильские добровольцы во время Парагвайской войны. Особенностью полков зуавов была их униформа.

21

Битва при Банкер-Хилле — сражение между английскими и американскими войсками, прошедшее у холмов Банкер-Хилл и Бريدс-Хилл в предместьях Бостона 17 июня 1775 года во время Войны за независимость США.

22

Пол Ревир (1734–1818) — американский ремесленник, серебряных дел мастер во втором поколении. Один из самых прославленных героев Американской революции. Он командовал американской артиллерией в июне 1779 г. во время неудачной экспедиции на Пенобскот.

23

«Знамя, усыпанное звёздами» — государственный гимн США.

24

Боеприпас из нескольких (обычно трех) дробинok и одной пули для гладкоствольного мушкета, называемый buck and ball (от англ. buck — олень; ball — мушкет. пуля). Использовался во время

Гражданской войны и Войны за независимость в Америке для увеличения разброса и радиуса поражения мушкетного выстрела.

25

Гикори — крупное дерево семейства Ореховые. «Гикори», или «хикори» — индейское название ореха.

26

Восстание из-за виски — протестные выступления в США, начавшиеся в 1791 году при президенте Джордже Вашингтоне. Восстание подняли фермеры, не желавшие платить введённый налог на алкоголь. По сигналу более пятисот человек атаковали укреплённый дом налогового инспектора Джона Невилла, а когда тот застрелил одного из нападавших, здание было сожжено. В ответ Джордж Вашингтон направил в западную Пенсильванию переговорщиков и одновременно начал собирать ополчение против восставших. Узнав о скором прибытии 15 тысяч вооружённых ополченцев во главе с президентом, восставшие разошлись по домам. Около 20 человек были арестованы, однако позже их оправдали или помиловали.

27

Осада Йорктауна (1781 г.) — финальный эпизод виргинской кампании во время Войны за независимость США, произошедший в 1781 году и завершившийся победой коалиции, состоящей из американских войск во главе с Джорджем Вашингтоном и французских войск под командованием графа де Рошамбо, над британскими войсками, которыми командовал лорд Чарльз Корнуоллис. Она стала последним крупным эпизодом войны на суше в ходе американской революции. Поражение армии Корнуоллиса побудило британское правительство в конечном счёте начать переговоры о завершении конфликта.

28

Шляпы из бобрового фетра были очень популярны в 1550–1850 годах, поскольку этот материал был мягким и эластичным и пригоден для изготовления шляп любых форм. Спрос на бобровые шкуры вырос до такой степени, что животные в Европе практически исчезли, шкуры начали поставлять из Нового Света. Использовались даже старые шубы индейцев.

29

Иезавель — жена израильского царя Ахава, дочь сидонского царя Ефваала, или Этбаала, который достиг престола через убийство брата. Дочь унаследовала от него деспотическое высокомерие, кровожадную жестокость и фанатическую преданность культу Астарты, жрецом которой некогда был её отец. Став царицей израильского народа, она пыталась насадить свою религию. В религиозной пропаганде впоследствии её имя употреблялось как синоним нечестивости.

30

Брандтрубка — запресованный в медный или латунный колпачок-капсюль воспламенитель, который

помещали в полую трубку, ввинченную в казенную часть. После удара курком он взрывался, пламя по трубке перебегало в ствол и поджигало основной заряд.